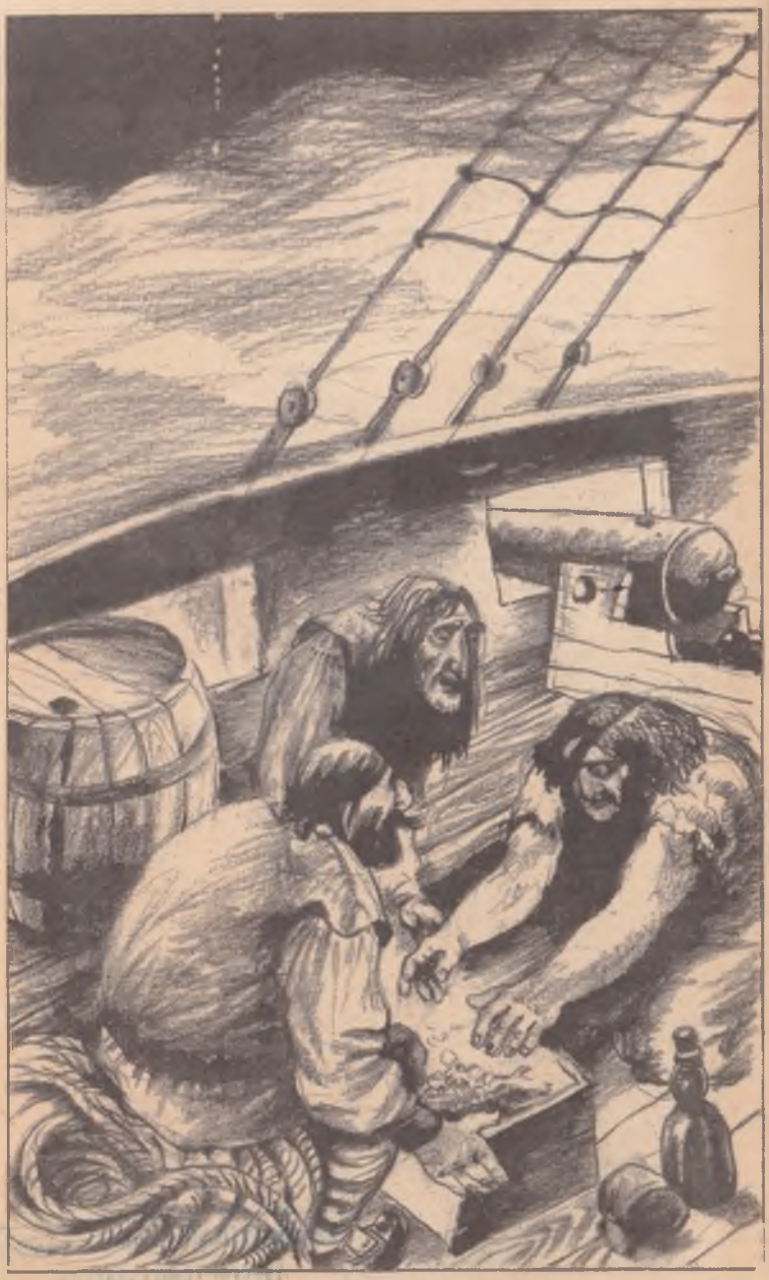
МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ПИРАТОВ

«КАМАЛАҢ»



ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ПИРАТОВ

СБОРНИК

Составитель Юрий РОЗВАДОВСКИЙ

Пр-23

Ташкент
«Камалак»
1992

№ 8457

Т 14 Тайны знаменитых пиратов: Сб./Сост. Ю. Розвадовский.— Т.: Камалак, 1992.— 304 с.—(Мир приключений).

Захватывающие таинственные приключения о пиратах всегда находились в центре читательского интереса, будили непреходящий интерес и воображение.

Книга, выходящая в серии «Мир приключений», составлена из фрагментов наиболее известных художественных произведений и документальных повествований, посвященных деятельности пиратов в XVI—XVIII веках.

Сб

Т $\frac{4803010201-31}{356\ (04)-92}$ 77-92

ISBN 5-633-00817-0

© ИПО «Камалак» (Состав., оформл.), 1992.

РЫЦАРИ ФЛИБУСТЬЕРСКОГО МОРЯ

(От составителя)

...И как их только не называли!

Флибустьеры, корсары, буканьеры, приватиры, витальеры, ликаделеры, рейдеры...

А попроще, понятнее — пираты.

Правда, не такое уж это простое понятие — пиратство, и, пожалуй, не во всякой «пиратской» книге главные персонажи «берегового братства» предстают такими, какими они были в действительности.

Почти лет 30 тому назад, во времена первой «хрущевской» оттепели, Юрий Визбор своим мягким баритоном пел под гитару быстро ставшую знаменитой «Бригантину» на стихи Павла Когана, песню — гимн романтики, юности, надежды:

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина подымает паруса...

Вероятно, после стивенсонского «Острова сокровищ», «Одиссеи капитана Блада» Сабатини или эпопеи Штильмарка «Наследник из Калькутты» многим казалось, что пираты были благородными и учтивыми, как капитан Блад, честными и непорочными, как Бернардито Луис; и даже одноногий Сильвер, несмотря на свое двуличие и коварство, вызывал отнюдь не презрение, а скорее трепет и уважение.

В романтичных книгах одноногие и одноглазые, одетые в тряпье пираты — почти герои. Их жизнь полна тревог, погони, абордажных схваток, звенящих дублонов в сундуках. Пираты презирают «грошевой уют» обыденщины, хлещут ром, как воду, поднимают свой независимый флаг — «Веселый Роджер», крепят парус и — «он, мятежный, ищет бури...» Право, не хотелось бы снимать с бравых покорителей морей и океанов романтический флер, но истина, увы, дороже.

Помимо романтических страниц, принадлежавших мастерам пера, существует обширная библиотека и документальных повествований, упрямо донесших до нас факты ужасающих пиратских разбоев, насилий, убийств. Нечеловеческой жестокостью «прославились» морские бандиты — Монбар, Эвери, Кидд, Граммон, Олоне, Морган и другие.

Первым документальным трудом о пиратстве, по которому учились все будущие писатели-романтики, явился труд голландского врача Александра Эксквемелина «Пираты Америки», изданный в 1678 г. Замечательный историко-географический документ был написан человеком, находившемся в плену в самой сердцевине пиратского гнезда — острове Тортуга в Карибском море. Волею судьбы именно на его глазах совершались многочисленные пиратские походы и злодеяния, подробно, объективно и беспристрастно им описанные.

«Уж если начинал пытать Олоне, — пишет Эксквемелин в своей книге, — и бедняга не сразу отвечал на вопросы, то этому пирату ничего не стоило разъять свою жертву на части, а напоследок слизать с сабли кровь...»

Эта захватывающая воображение тема могла бы составить целую библиотеку. Видимо, в ней нашли бы место и многочисленные монументальные исследования о пиратстве в разных частях света, и,

разумеется, блистательные приключенческие романы и повести Скотта, Купера, Дефо, Стивенсона и других мастеров. Наш сборник призван выполнить задачу поскромнее: как бы соединив романтические порывы классиков с критическими реалиями биографов и исследователей, предоставить читателю самому разобраться в сложной и противоречивой натуре Пирата — бунтаря, вожака, искателя приключений, благородного капитана, благодетеля, бандита и злодея, носителя волнующих Тайн...

В путь, читатель!..

ГОМЕР

ОДИССЕЯ[1]

(Отрывок из Песни третьей)

— Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?

---

[1] Перевод с древнегреческого В. Жуковского.

Александр ЭКСКВЕМЕЛИН

ПИРАТЫ АМЕРИКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПИРАТЫ И ИХ ДЕЯНИЯ

...На Тортуге одним из первых пиратов был Пьер Большой родом из Дьеппа. В 1662 году на маленькой барке с отрядом всего лишь двадцать восемь человек он захватил вице-адмирала испанского флота. Это событие произошло у западного побережья острова Эспаньолы, близ мыса Тибурон (в те времена испанцы ходили Багамским каналом и мимо острова Кайкос). Пьер Большой высадил испанцев на берег, а корабль отправил во Францию.

Я читал дневник одного очевидца, и мне хотелось бы описать подробнее, как было дело. Сей пират бороздил воды моря уже довольно долго, но добычи никакой у него не было. На корабле кончался провиант, обшивка была довольно ветхая, и в любое время судно могло дать течь. И вдруг пираты заметили корабль, отбившийся от большой флотилии. Пьер сразу же приказал поставить паруса и направился за ним следом, не выпуская его из виду. Он решил подойти к кораблю, отрезать все пути к берегу, врасплох совершить на него нападение и взять его на абордаж. Пираты обещали беспрекословно выполнять волю своего вожака, ибо уяснили, что он даст им больше, чем удалось бы добыть им без его помощи, и поклялись друг другу в верности. Командир отдал приказ подойти к кораблю, спрятав все оружие на дне барки. Когда они приблизились, уже смеркалось, и их никто не заметил. Вооруженные только пистолетами и палашами, они взяли корабль на абордаж. Не встретив сопротивления, пираты добрались до каюты, где капитан играл в карты со своими подчиненными, и мигом приставили ему к груди пистолет. Капитан был вынужден сдать корабль, а тем временем остальные пираты бросились туда, где хранилось оружие, и моментально его расхватали. Тех испанцев, которые вздумали обороняться, пристрелили. Еще днем капитана

предупреждали, что судно, показавшееся на горизонте, принадлежит пиратам, что встреча с ним сулит беду. Но капитан не внял этим предостережениям и отдалился от других судов. Ему не страшны были даже такие крупные корабли, как его собственный, а тут дело шло о какой-то ничтожной барке. За подобную беспечность ему и пришлось жестоко поплатиться. Барка подошла с подветренной стороны. Испанцы увидели на борту чужеземцев и в ужасе решили, что те свалились прямо с неба, и в один голос вскричали: «Jesus son demonios estos!»[1] Пираты захватили все имущество матросов, командир присвоил себе корабль, высадил испанцев на берег, а сам отправился во Францию. Там он, вероятно, и остался, во всяком случае с тех пор он уже не выходил в море.

Узнав о необыкновенном приключении этого пирата, плантаторы и охотники острова Тортуги забросили охоту и полевую страду и также предприняли попытку захватить корабль, чтобы разграбить затем испанские владения. Они снарядили каноэ и встретились у мыса Альваарс. Испанцы перевозили свои товары чаще всего на барках, нагружая их доверху кожами и табаком. Они выращивали табак на продажу в Гавану (испанские корабли не ходили дальше Гаваны, столицы острова Кубы). Пиратам в конце концов удалось захватить несколько барок с кожами и табаком. Они привели их на Тортугу и продали свою добычу торговому судну, которое как раз стояло в гавани. На вырученные деньги они купили порох, свинец и прочий припас, необходимый для их нового ремесла. Вскоре они снова снарядили барку и на сей раз отправились в заливы Кампече, к берегам Новой Испании. Там велась обширная торговля и можно было встретить много кораблей. Пиратам удалось собрать богатую жатву, и спустя два месяца они привели на Тортугу два судна, которые направлялись к Каракасу. Корабли были гружены серебром, и послали их для закупки разных товаров. Возвратившись, пираты не стали задерживаться на берегу и снова вышли в море на захваченных судах. Немного спустя они настолько разбогатели, что флотилия стала насчитывать двадцать судов. На это ушло всего два года. Испанцы, видя, сколь усилились пираты, снаряди-

---

[1] Иисус, да ведь это черти! (исп.).

ли два фрегата для защиты своих кораблей и перебили разбойников.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как пираты снаряжают свои корабли, а также об их взаимоотношениях друг с другом

Пираты могли добыть себе корабли в море — это было не очень трудно; и о том, как они это делали, я рассказал выше. Каждый из пиратов, собираясь идти в море, делал то, что считали нужным его товарищи по плаванию. Когда все было готово, пираты собирались в условном месте и поднимались на корабль. У каждого был необходимый запас свинца, пороха и ружей. Отчалив от берега, они обычно начинали совещаться, где лучше запастись провиантом. При этом речь шла прежде всего о мясе. Пираты во время плавания в сущности питаются одной только говядиной. Правда, порой им достаются разные припасы, которые они отнимают у испанцев. Иногда они бьют диких свиней и ловят черепах, мясо которых солят впрок. Бывают случаи, когда пираты намеренно нападают на испанские коррали, за изгородями которых пасутся тысячи диких свиней. В таких случаях пираты подкрадываются, обычно по ночам, к хижине, где живет сторож, порой вытаскивают его из постели и заставляют отдать столько свиней, сколько им надо, а сторож выполняет все, что от него требуют, зная, что пираты в любой миг могут без зазрения совести его вздернуть. Если пираты отправляются на охоту, они берут с собой егеря из соотечественников, который держит свору собак. За это ему перепадает часть добычи. Затем часть пиратов помогает ему засолить и прокоптить мясо, — остальные идут на корабль и готовятся к плаванию. Корабль кренгуют и смолят — словом, делают все, что необходимо в таких случаях. Если пираты решили заготовить большой запас мяса, его доставляют на корабль и сбрасывают в трюм как балласт. Из трюма мясо берут для насущных надобностей дважды в день. Когда мясо варят, жир, всплывающий на поверхность, собирают и сливают в маленькое корытце. В этот жир макают особые колбаски. Потом жир используют как приправу. Нередко пиратские кушанья бывают

намного вкуснее изысканных блюд, которые подаются на господские столы.

Капитан корабля обязан есть ту же пищу, что и вся его команда до юнги включительно. Если команда желает уважить своего капитана, то ему готовят какое-либо особое блюдо и подают его непосредственно капитану за общий стол.

Когда корабль полностью оказывается подготовленным к отплытию и все ремонтные работы заканчиваются, пираты собираются и обсуждают, куда держать путь и на кого нападать. При этом они заключают особое соглашение, которое называется шасс-парти. В нем указывается, какую долю получают капитан и команда корабля. В таких соглашениях обычно отмечается, что, собрав всю захваченную добычу, должно прежде всего выделить долю егерю (как правило, двести реалов), затем вознаграждение плотнику, принимавшему участие в постройке и снаряжении корабля; плотнику обычно выплачивают сто или сто пятьдесят реалов, и суммы эти вручаются после возвращения из похода. Затем следует доля лекаря (на больших кораблях ему выделяют на медикаменты двести или двести пятьдесят реалов). Из оставшейся суммы выделяют деньги на возмещение ущерба раненым. По особым условиям обычно полагается: потерявшему какую-либо конечность — за правую руку — шестьсот реалов или шесть рабов, за левую — пятьсот реалов или пять рабов; за правую ногу — пятьсот реалов или пять рабов, за левую — четыреста реалов или четыре раба. За глаз причитается сто реалов или один раб, за палец — сто реалов или раб. Парализованную руку приравнивают к руке потерянной. За огнестрельную рану на теле полагается пятьсот реалов или пять рабов. Все эти суммы сразу же изымаются из общей добычи. Все оставшееся делится между командой, но капитан получает от четырех до пяти долей. Остальные же делят все поровну. Юнги получают половинную долю. Если среди пиратов есть такие, которые вышли в плавание вообще впервые, то им выделяется совсем небольшая часть, а остаток идет в общую кассу.

Захватив корабль,команда решает, передавать ли его капитану. Если захваченный корабль лучше из собственного, пираты переходят на него, а свой сжигают. После того как корабль захвачен, никому не дается право грабить имущество, посягать на товары в его

трюмах. Вся добыча — будь то золото, драгоценности, камни или разные вещи — делится впоследствии поровну. Чтобы никто не захватил больше другого и не было никакого обмана, каждый, получая свою долю добычи, должен поклясться на Библии, что не взял ни на грош больше, чем ему полагалось при дележке. Это касается как золота, серебра, драгоценностей, так и шелка, льна, хлопка, одежды и свинца. Того, кто дал ложную клятву, изгоняют с корабля и впредь никогда не принимают. Пираты очень дружны и во всем друг другу помогают. Тому, у кого ничего нет, сразу же выделяется какое-либо имущество, причем с уплатой ждут до тех пор, пока у неимущего не заведутся деньги. Пираты придерживаются своих собственных законов и сами вершат суд над теми, кто совершил вероломное убийство. Виновного в таких случаях привязывают к дереву, и он должен сам выбрать человека, который его умертвит. Если же окажется, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не нападал на него сзади, товарищи убийцу прощают. Среди пиратов дуэли завязываются довольно легко. Захватив корабль, пленных высаживают при первой же возможности. Но двоих или троих оставляют, чтобы впоследствии продать или заставить делать все, что не хотят исполнять сами. После двух-трех лет добросовестной службы их иногда отпускают.

Нередко пираты ради отдыха высаживаются на том или ином острове. Чаще всего они выбирают острова, лежащие к югу от Кубы. Они вытаскивают корабли на отмель, и часть команды приступает к ремонту. Остальные могут делать все, что им вздумается. Чаще всего они садятся в каноэ и нападают на ловцов черепах байаме. Эти ловцы — люди очень бедные, они ловят черепах на продажу и на вырученные деньги кормят своих жен и детей. А пираты заставляют весь улов отдавать им в течение всего времени, пока их корабли находятся в местах, где водятся черепахи. Более того, если пираты отправляются в места, где водятся черепахи, они увозят рыбаков с собой и отрывают от несчастных жен и детей года на четыре или лет на пять, причем дома не знают, куда увезены пленники и какова их судьба...

Любимое занятие пиратов — стрельба в цель и чистка оружия. Оружие у них поистине великолен-

ное — ружья и пистолеты. Ружья пиратов достигают в длину примерно четырех с половиной футов и из них стреляют пулями, которых на фунт идет шестнадцать штук. Есть у пиратов и патронташи, и в них пуль и пороха на тридцать выстрелов. Пираты никогда не расстаются со своими патронташами, и поэтому их никому не удается застать врасплох. Как только они прибывают в какое-либо место с намерением прожить там долго, то тут же начинают совещаться, куда бы лучше отправиться на поиски приключений. Тот, кто знает местные берега, обычно вызывается вести всех остальных. Существует ряд мест, куда пираты стремятся попасть в определенное время года. Пройти в такие места не всегда возможно из-за сильных течений и ветров, и поэтому так уж повелось, что купцы появляются там в строго определенные месяцы. Корабли, следующие из Новой Испании и Кампече, чаще всего идут в Каракас, на острова Тринидад и Маргариту зимой, дабы не повстречать ветер с востока и северо-востока. Навигация в эту сторону прекращается летом: именно в эти месяцы здесь дуют встречные ветры. Летом все корабли отправляются восвояси. Пираты уже хорошо знают все пути, по которым обычно должны следовать корабли, и отлично выбирают места для засады. Если пиратам случается провести в открытом море довольно долгое время без добычи, то они готовы идти на любой риск и нередко добиваются успеха. Приведу в этой связи одну историю.

Один довольно известный пират, по кличке Пьер Француз, родом из Дюнкерка, довольно долго плавал в открытом море на барке с отрядом в двадцать шесть человек. Он держал путь к мысу де ля Вела, стремясь перехватить один корабль на пути из Маракайбо в Кампече. Но это судно он упустил и со всей командой решил отправиться прямо к берегам Ранчерии, чтобы поохотиться на ловцов жемчуга. Ранчерия расположена неподалеку от Рио-де-Аче на 12°30′ северной широты, и там есть неплохая жемчужная отмель. Каждый год туда отправляется флотилия из десяти или двенадцати барок. Их сопровождает специальное судно из Картахены с двадцатью четырьмя пушками на борту. На каждой барке бывает обычно по два негра, которые достают раковины на глубине от четырех до шести футов. Пираты напали на флотилию следующим образом. Все барки стояли на якоре у самой отмели. Сторожевой корабль находился примерно в полумиле от этой

флотилии. Погода была тихая, и разбойники смогли пройти вдоль берегов, не поднимая парусов, так что казалось, будто это идут какие-то испанцы из Маракайбо. Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке приметили они восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей. Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из всех пушек. Пираты переждали залпы, а затем выпалили из своих пушек, да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт, и солдаты запросили пощады в надежде, что вот-вот к ним на помощь придет сторожевой корабль. Но пираты решили перехитрить стражей. Они затопили свое судно, а на захваченной барке оставили испанский флаг, испанцев же загнали в трюмы; на этом корабле они вышли в открытое море. Сначала на сторожевом корабле обрадовались, полагая, что пиратов потопили, но когда там заметили, что барка отвернула в море, то бросились за ней в погоню. Преследовали они пиратов до ночи, но никак не могли догнать барку, хотя и поставили все паруса. Ветер окреп, и разбойники, рискнув парусами, оторвались от сторожевого корабля. Но тут случилось несчастье — парусов подняли столько, что треснула грот-мачта. Но наш пират не растерялся: он связал пленных испанцев попарно и был готов сражаться против неприятельского корабля с командой всего в двадцать два человека, хотя многие из пиратов были ранены и в бою не могли принять участие. Одновременно он приказал срубить грот-мачту и поднять на фок-мачте и бушприте все паруса, какими только можно было пользоваться при таком ветре. Все же сторожевой корабль догнал пиратов и атаковал их так лихо, что те вынуждены были сдаться. Однако пираты успели выторговать условие, что ни их предводитель, ни они сами не будут в плену таскать камни или известь. (А надо сказать, когда пираты попадут в плен, то их заставляют три или четыре года подряд таскать камни или известь, словно рабов. А когда они становились непригодны для этой работы, их отправляли в Испанию на галионах.) Кроме того, пиратам обещали при первой же возможности отослать их в Испанию всей командой. Больше всего наш пират жалел свое добро — у него на борту было на сто тысяч реалов жемчуга, который он награбил на барках. И если

бы не несчастье с грот-мачтой, выручка у пиратов была бы весьма изрядной.

Не могу не привести еще одну подобную же историю, начавшуюся столь же удачно и кончившуюся так же печально.

Некто Бартоломео Португалец, родом из Португалии, отплыл с острова Ямайки. На его барке было четыре орудия и тридцать человек команды. Дойдя до острова Куба, он близ залива Коррьентес повстречал корабль, шедший из Маракайбо и Картахены в Испанию через Гавану. На этом корабле было двадцать пушек и семьдесят солдат, а также пассажиры, матросы и разные путешественники. Пираты после недолгого совещания решили напасть на корабль. Они бросились в атаку очень смело, но испанцы выдержали их натиск. Пираты повторили атаку и захватили корабль, потеряв всего человек десять убитыми и четырех ранеными. Весь корабль попал в распоряжение пятнадцати пиратов, испанцев же живых и раненых осталось человек сорок. Ветер был непопутный для возвращения на Ямайку, и пираты, испытывая недостаток в воде, решили идти к мысу Сан-Антонио (на западном берегу Кубы). Не дойдя до мыса Сан-Антонио, они неожиданно натолкнулись на три корабля, которые шли из Новой Испании в Гавану. Корабли изготовились к бою, и затем испанцы захватили пиратское судно и взяли разбойников в плен. Но пиратов больше всего сокрушало, что они потеряли богатую добычу: ведь на корабле было сто двадцать тысяч фунтов какао и семь тысяч реалов в звонкой монете. Через два дня после всех событий разразился жестокий шторм и всю флотилию разметало в разные стороны. Флагман, на котором находились пленные пираты, прибыл в Кампече. На корабль тотчас же поднялись купцы, чтобы выразить благодарность капитану. Они узнали пирата, сеявшего ужас на всем побережье своими убийствами и пожарами. На другой день на борт корабля поднялся судья и попросил капитана отдать ему пирата. Капитан не отказался. Но ни у кого не хватило смелости отправить предводителя пиратов в город. Испанцы боялись, что он убежит, как уже не раз случалось, и оставили его на борту, чтобы на следующий же день соорудить на берегу виселицу и повесить его. Пират хорошо понимал по-испански и о своей участи узнал, подслушав, что говорят матросы. И он решил во что бы то ни стало спастись. Он взял два

сосуда из-под вина и крепко заткнул их пробкой. Ночью же, когда все заснули, кроме часового, стоявшего рядом и следившего за каждым его движением, он попытался проскользнуть мимо, но это ему не удалось. Тогда он бросился на часового и перерезал ему горло, причем часовой даже не успел издать ни звука. Пират бросился с кувшинами в воду и выбрался на сушу. Затем он спрятался в лесу и провел там три дня. Уж на другой день солдаты с утра высадились на берег, чтобы изловить пирата. Но хитрец следил за ними издали. Когда солдаты вернулись в город, он отправился вдоль берега в местечко Эль-Гольфо-де-Тристе (расположенное примерно в тридцати милях от города Кампече). Добирался он туда целых четырнадцать дней. Это был очень трудный путь, пират страдал от голода и жажды — ведь по проторенной дороге идти ему было нельзя, там его могли схватить испанцы. Четыре дня ему пришлось отсиживаться на деревьях, не спускаясь на землю. Деревья эти весьма необычны: они растут на берегу и корни у них тянутся, словно ветки, так что по ним можно перебежать с дерева на дерево, хотя сделать это довольно трудно. Все четыре дня у него не было ни крохи еды, правда в сосудах была вода. Он обманывал голод, вылавливая мелких рыбок, которые на вкус подобны улиткам. По пути ему пришлось пересечь большую реку, а плавал он очень плохо. Но коли человек попадет в большую беду, то на ум ему приходит такое, до чего никогда бы он не додумался в обычное время. Пират нашел на берегу старую доску, прибитую волнами. В ней осталось несколько гвоздей. Он выбил гвозди камнем и заточил их так, что они стали острыми и хорошо резали. С их помощью он нарезал лыко, связал несколько древесных стволов и сбил таким образом плот, на котором и переправился через реку... Так он добрался до Тристе, где встретил пиратский корабль с Ямайки. Поведав команде свои приключения, он попросил дать ему каноэ и двадцать человек, дабы вернуть свой корабль, который стоял в Кампече. Пираты исполнили его желание, и восемь дней спустя темной ночью он подошел к городу и бесшумно взобрался на борт. На палубе думали, что на этом каноэ кто-то решил доставить на корабль разные припасы, и, разумеется, жестоко просчитались. Пират захватил корабль, и его люди быстро снялись с якоря и подняли паруса. На борту оказалось еще много товаров, однако деньги уже

унесли. Пират быстро позабыл о всех своих злоключениях. У него снова был отличный корабль, и он теперь вообразил, что фортуна и впредь будет сопутствовать ему. Но как раз тогда, когда он решил, что все беды миновали, злая судьба подстерегла его снова. Взяв курс на Ямайку, он недалеко от острова Пинос, лежащего к югу от Кубы, в пору, когда подул южный ветер, налетел на рифы Хардинес. Проклиная все на свете, он был вынужден вместе со всей командой покинуть корабль и вернуться на Ямайку на каноэ. Там он оставался недолго и вскоре снова собрался за добычей, но счастье и на сей раз ему изменило.

О страшной жестокости этого пирата у испанцев знали все. Однако его походы не принесли ему почти никакой выгоды. Я видел, как он умирал в такой нужде, какую редко встретишь на свете.

Теперь в самую пору рассказать еще несколько историй о пирате, который еще до сих пор живет на Ямайке и совершил всяких дел не меньше, чем те разбойники, о которых мы уже упоминали. Хотя он и был родом из Гронингена, но долгое время прожил в Бразилии. Когда Бразилия снова стала португальской, некоторые семьи покинули насиженные места и переселились кто в Голландию, кто на французские или английские острова и даже в Виргинию. Он отправился на Ямайку и, не зная чем заняться и как добыть себе пропитание, подался к пиратам. Вскоре он стал известен под кличкой Рока Бразильца. Начинал Рок как рядовой пират. Ему удалось снискать уважение и собрать вокруг себя людей, которые взбунтовались против своего капитана, захватили его корабль и провозгласили капитаном Рока. Немного спустя они добыли себе корабль, который с большой суммой денег шел из Новой Испании. Захватив его, пираты отправились на Ямайку. Эта удача создала Року среди пиратов большую славу, а сам он сильно возгордился. Перед ним стала трепетать вся Ямайка. Он был груб, неотесан и вел себя словно бешеная фурия. Когда он напивался, то как безумный носился по городу и немало перекалечил людей, которым довелось попасть ему под руку. Никто не осмеливался ему ни в чем перечить, только за глаза говорили, что он дурной человек. А у испанцев Рок стал известен как самый злой насильник и тиран. Однажды он посадил несколько человек на деревянный кол, а остальных связ[illegible] кострами. Так он

8452

сжег их живьем, как свиней. А вина этих людей заключалась лишь в том, что они пытались помешать его черному делу и спасти свой свинарник, который он намеревался разграбить.

Как-то Рок отправился искать счастья на побережье Кампече. По пути разыгрался сильный шторм, корабль прибило к суше, и всей команде пришлось покинуть судно и высадиться на берег, причем люди захватили с собой только ружья и небольшой запас пороха и пуль. Место, на которое они высадились, находилось между Кампече и Тристе. Пираты отправились в сторону Тристе, где обычно чинились разбойничьи корабли. Дня через три или четыре, мучимые голодом, жаждой и тяготами трудного пути, пираты так истомились, что не смогли уже идти дальше. Тут, как назло, они повстречали сотню испанских всадников. Капитан Рок ободрил товарищей. Он сказал, что сдаваться ни в коем случае нельзя, лучше умереть, чем попасть в плен к испанцам. Пиратов было не более тридцати, все они были вооружены до зубов. Видя, что капитан их полон отваги, они решили, что лучше умереть всем вместе в бою, но в плен не сдаваться. Между тем испанцы быстро приближались. Пираты подпустили их поближе, чтобы стрелять наверняка, и залп оказался очень удачным. Бой продлился еще полчаса, и испанцы обратились в бегство. Пираты захватили несколько верховых лошадей, добили раненых испанцев и двинулись дальше; потеряли они двух человек да двоих испанцы ранили. Верхом они добрались до берега и приметили недалеко в море испанскую барку с лесом. Пираты выслали шесть человек, чтобы сперва захватить каноэ, которое буксировала барка. Рано утром эти люди захватили каноэ, а затем пиратам удалось овладеть баркой. Провианта у них было очень мало, поэтому они перебили всех лошадей и засолили конину, разыскав на барке запасы соли. Они рассчитывали питаться кониной до тех пор, пока не найдут что-нибудь получше.

Прошло немного времени, и пирату удалось захватить корабль, который шел из Новой Испании в Маракайбо за какао. Он был гружен мукой и вез много денег. С этим-то грузом Рок и вернулся назад на Ямайку, где бесчинствовал со своей командой, пока у них не кончились все деньги. Этот пират принадлежал к тому сорту людей, у которого деньги никогда не лежат без дела — такие люди пьют и развратничают до тех пор,

пока не спустят все до последнего гроша. Некоторые из них умудряются за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле. Я знал на Ямайке одного человека, который платил девке пятьсот реалов лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. И такие люди совершают много всяческих глупостей. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним — попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову.

Друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей. У пиратов был кредит и среди трактирщиков. Но на Ямайке кредиторам верить нельзя: ведь за долги они могут запросто тебя продать, и я сам тому не раз был свидетелем. В конце концов продали даже того пирата, который так щедро расплачивался с девкой. Сперва у него было три тысячи реалов, а не прошло и трех месяцев, как его самого продали за долги, и как раз тому, в чьем доме он промотал большую часть своих денег. Но теперь мы снова вернемся к нашему повествованию.

За довольно короткий срок Рок промотал все деньги и был вынужден вместе со своими товарищами снова отправиться в море. На сей раз он попал к берегам Кампече (это были у пиратов излюбленные места). Он добрался туда меньше чем за четырнадцать дней и пересел на каноэ, чтобы пройти к рейду Кампече в надежде встретить какой-либо корабль. Но тут ему не повезло — его самого вместе с каноэ и командой захватили испанцы. Он тотчас же был доставлен губернатору, который приказал посадить его в темную камеру на хлеб и на воду. Губернатор охотно повесил бы его без малейшего промедления, но не решался, опасаясь, как бы этот пират, отличавшийся необыкновенной хитростью, не выкинул какую-нибудь штуку. А Рок сделал так, что губернатору вручили письмо; писал он его сам, но все было сделано так, чтобы убедить губернатора, будто написано оно товарищами узника. Губернатору угрожали и предупреждали его, что если он причинит хоть малейшее зло прославленному Року, то пираты не дадут

пощады ни одному испанцу. Получив такое письмо, губернатор, вероятно, сообразил, что вокруг его шеи затягивается петля: ведь разбойник был действительно очень известен. Это был самый знаменитый пират Ямайки, к тому же не раз он совершал набеги на Кампече. Поэтому губернатор решил отправить его с первым же галионом в Испанию, взяв с него клятву, что тот больше никогда не станет разбойничать. На прощание губернатор пригрозил, что, если он попадется снова, его тут же повесят. Пират пробыл в Испании недолго. Все время он искал удобного случая вернуться на Ямайку. Еще на пути в Испанию он раздобыл у рыбаков пятьдесят реалов, купил себе одежду и другие необходимые вещи и вернулся на Ямайку. Прибыв туда, он прославился еще более жестокими грабежами и причинил испанцам множество бед — уж на это он был способен.

Со временем испанцы убедились, что на море от пиратов нет никакого спасения, и стали плавать значительно реже. Но и это им не помогало. Не встречая кораблей, пираты стали собираться компаниями и грабить прибрежные города и поселения. Первым таким пиратом, занявшимся сухопутным разбоем, был Люис Шотландец. Он напал на Кампече, разграбил его и сжег дотла. После него подобными набегами занялся Мансфельд, который двинулся в Новую Гранаду, рассчитывая дойти вплоть до Южного моря. Но продовольствия было мало, и он был вынужден вернуться. Тогда он захватил остров Санта-Каталина и взял несколько пленников, которые провели его в город Карттаго, находившийся под властью Новой Гранады.

В тех же местах грабил и другой пират с Ямайки, некто Джон Девис. Довольно долго он крейсировал в заливе Покатауро, надеясь встретить корабль, который ходил из Картахены в Никарагуа. Но это ему не удалось, и он решил со всей своей командой отправиться к реке Никарагуа, оставить судно около устья и подняться вверх по течению на каноэ. С наступлением ночи они намеревались войти в город и разграбить дома самых богатых торговцев. На его корабле было девяносто человек и три каноэ. Пираты оставили на судне человек десять, а все остальные сели в каноэ. Дождавшись ночи, они действительно вошли в реку, а днем спрятались среди деревьев (точно так же они скрыли и свой корабль, чтобы его не заметили индейцы, которые ловили рыбу в устье реки). На третьи сутки, где-то

около полуночи, они добрались до города. Стража приняла их за рыбаков, промышляющих в лагуне: ведь часть из них хорошо говорила по-испански. Кроме того, среди них был индеец как раз из тех мест. В свое время он бежал, поскольку испанцы хотели обратить его в рабство. Индеец выпрыгнул на берег и убил стражника. После этого пираты пробрались в дома трех или четырех именитейших горожан и забрали все деньги, которые могли обнаружить. Потом разграбили и церковь. Но тут один из церковных служек, вырвавшись из рук пиратов, поднял крик на весь город. Горожане и солдаты тотчас же пробудились, однако пиратам удалось скрыться, захватив с собой всю добычу, какую они смогли унести. Кроме того, они успели захватить с собой пленников, рассчитывая в случае погони использовать их как заложников. Вскоре они добрались до берега, поспешно сели на корабль и вышли в открытое море. Пленникам же велено было вместо выкупа добыть пиратам столько мяса, сколько им было нужно, чтобы добраться до Ямайки. Когда пираты еще были в устье реки, на берег высыпало человек пятьсот испанцев, вооруженных ружьями. Пираты дали по ним залп из пушек. Таким образом, испанцам оставалось лишь бессильно горевать, видя, как уплывает их добро, и проклинать тот миг, когда пираты высадились на берег. Для них было совсем непостижимо, как у пиратов хватило смелости подойти к городу с гарнизоном в восемьсот человек да еще лежащему от берега по меньшей мере в сорока милях. Да к тому же еще пиратам удалось разграбить город за такой короткий срок! Пираты захватили чеканного золота, серебряной посуды и ювелирных изделий на сорок тысяч с лишним реалов. Вскоре разбойник высадился со своей добычей на Ямайке, довольно быстро все прокутил и снова вынужден был отправиться на поиски приключений. Он собрал довольно много пиратов, а поскольку был хорошим командиром, его провозгласили капитаном флотилии из восьми кораблей. На этот раз пираты решили отправиться к северным берегам Кубы в надежде подстеречь флот, идущий из Новой Испании; в случае удачи они могли захватить один из кораблей этого флота, однако им не повезло. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, они решили пройти вдоль берегов Флориды, высадиться и захватить городок Сан-Аугустин-де-ла-Флорида. В этом городке была крепость с двумя ротами

солдат. Однако хоть там она и была, но пираты успешно разграбили город и захватили огромную добычу, не понеся почти никаких потерь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Появление Франсуа Олоне и начало его бесчинств

Франсуа Олоне родился во Франции, в местечке Сабль д'Олоне. На Карибские острова он попал еще в молодости (не то солдатом, не то рабом — вполне обычное начало, как мы уже о том упоминали в первой части этой книги). Отслужив свой срок, Олоне отправился сначала к охотникам острова Эспаньолы и прожил среди них довольно долго, а затем примкнул к пиратам и участвовал в набегах на испанцев, причем награбил большое состояние и прославился необыкновенной жестокостью.

Я хочу описать лишь самые главные его похождения.

Вначале дважды или трижды он ходил с пиратами, но своего корабля у него не было. Вел он себя так смело, что губернатор острова Тортуги мосье де ля Пляс дал ему корабль: пусть, дескать, попытает счастья. Как раз в это время шла война между Францией и Испанией. Олоне собрал богатую жатву и был так жесток, что испанцы, встречая его в море, дрались до изнеможения, зная, что пощады им не будет. Фортуна покровительствовала Олоне, но однажды от него все же отвернулась, и тогда его постигло большое несчастье. У берегов Кампече при штормовом северном ветре он потерял корабль и, спасая жизнь, вынужден был со всей своей командой высадиться на сушу. Испанцы заметили пиратов и большую часть их перебили. Олоне, зная, что ему нельзя ждать пощады от испанцев и не будучи в силах убежать от них, ибо он был ранен, вымазался кровью и забрался под лежащие вповалку трупы. Когда враги ушли, он отполз в кусты и перевязал раны, облачился в испанское платье и отправился в Кампече. Встретив там несколько рабов, он завязал с ними беседы и обещал, что добьется для них свободы, если они

подчинятся его велениям. Рабы поверили ему, украли у своего хозяина каноэ и отправились вместе с этим разбойником на Тортугу. Испанцы же, бросив уцелевших товарищей Олоне в тюрьму, стали допрашивать о нем, но те, ничего толком не зная, ответили, что Олоне погиб. Тогда испанцы отслужили благодарственные молебны и отпраздновали победу, благодаря создателя за то, что он избавил их от страшного разбойника.

Тем временем этот пират, пустившись в плавание на каноэ, благополучно достиг Тортуги. И в мыслях у него не было избрать другое поприще, не чреватое такими опасностями. Возвратившись на Тортугу, он решил во что бы то ни стало приобрести другой корабль. Вскоре Олоне опять отправился в море на небольшом корабле, приобретенном хитростью. У него была команда из двадцати одного человека, и всех он вооружил до зубов. Его путь лежал к северному берегу Кубы, в городок Ла-Вилья-де-лос-Кайос, который вел торговлю с Гаваной кожами, табаком и сахаром. Море в тех местах неглубокое, и испанцы плавают там не на кораблях, а на лодках. Олоне решил захватить несколько лодок, но пиратов приметили местные рыбаки, которым, к счастью, удалось бежать от Олоне. Они тотчас же отправились в Гавану по суше и доложили тамошнему губернатору, что на берегах Кубы появился французский разбойник Олоне с двумя каноэ, что они боятся этого изверга и не осмеливаются вести торговлю, пока он находится в их водах. Губернатор не поверил им, потому что получил письмо из Кампече, а в письме этом сообщалось, что Олоне убит. Однако по просьбе испанцев он приказал снарядить корабль, вооружить его десятью пушками и посадил на него девяносто солдат, отдав им приказ не возвращаться, пока разбойники не будут истреблены. С ними он послал и одного негра-палача и велел ему обезглавить всех разбойников, исключая их вожака. Его губернатор велел доставить в Гавану живым. Итак, этот корабль отправился в Ла-Вилья-де-лос-Кайос; испанцы думали захватить разбойников врасплох, но сами попали впросак, потому что пираты узнали от рыбаков, которых им удалось захватить, и о корабле, посланном в эти места, и о тех карах, которые им посулили испанцы. А рыбаки хотели нагнать страху на пиратов, чтобы те покинули их берега. Но Олоне решил подстеречь корабль и захватить его. На таком корабле он мог бы совершать дела покрупнее и фортуна не покинула бы его.

Все произошло в устье реки, которую испанцы называют Эстера. Корабль появился в два часа ночи. Пираты спрятались за деревьями. Правда, на корабле кое-что заподозрили, но пираты заставили пленных матросов подать голос. С корабля их спросили, не видели ли они разбойников, и те ответили, что не видели. Тогда испанцы поверили, будто пираты скрылись, узнав об их приближении. Однако на следующее утро они убедились, что произошло совсем не то, на что они надеялись. Испанцы тотчас же приготовились к бою и открыли огонь с обоих бортов по пиратским каноэ. Выдержав два или три залпа, разбойники улучили удобный момент и бросились на корабль с саблями в руках. Их атака была так стремительна, что они мгновенно загнали всех испанцев в трюм. Олоне приказал им выходить из люка поодиночке и рубил головы всем подряд. Когда он расправился с доброй половиной испанцев, из люка выглянул негр-палач и закричал:

«Господин капитан, не убивайте меня, я скажу всю правду!» Олоне выслушал его и, закончив свою работу, то есть снеся головы всем остальным испанцам, вручил негру письмо губернатору Гаваны. При этом он поклялся, что и впредь не оставит в живых ни одного испанца, и дал торжественный обет, что скорее наложит на себя руки, чем отдастся испанцам. То же было сказано и в письме, где он добавлял, что надеется когда-либо захватить самого губернатора и поступить с ним по своему усмотрению. Губернатор Гаваны, получив известие о такой необыкновенной победе, рассвирепел и поклялся предать смерти всех разбойников, каких только удастся захватить в этих водах. Однако жители Кубы умолили его не делать этого: ведь разбойники без труда могли истребить целую сотню испанцев, прежде чем губернатору удалось бы поймать хотя бы одного пирата. А без моря жители Кубы обойтись никак не могли, и поэтому-то они настоятельно просили губернатора не делать того, что он задумал.

Наш пират получил корабль, но добычу на нем взял довольно скудную. Олоне набрал новую команду и совершил другой поход, куда более удачный, потому что в бухте Маракайбо он захватил корабль с богатой казной и товарами. Капитан этого корабля шел в Маракайбо за какао. После этого ублаготворенный Олоне вернулся на Тортугу. Но там он пробыл недолго и, снарядив целую флотилию, отправился на испанское по-

бережье, прихватив с собой несколько пленников, чтоб те указали ему дорогу. Он мечтал набрать пятьс пиратов, захватить Маракайбо и разграбить все селени и города, которые попадутся на пути. Пленники т места знали отлично, особенно один француз, у ко торого жена была из Маракайбо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Олоне снаряжает флотилию для высадки на испанском побережье Америки

Олоне оповестил о своих приготовлениях всех, кт был в море,и спустя два месяца собрал четыреста пира тов, что было вполне достаточно для намеченной цели На Тортуге жил еще один пират, по имени Мигел Бискайский, который столько награбил в своих похо дах, что счел за благо угомониться и больше в море н ходил. На острове Тортуге он считался самым главны лицом. Он рассчитал, что, если предприятие Олон окажется успешным, добыча будет изрядной, и пре ложил Олоне свои услуги, заверив его, что легко упра вится со всеми делами на суше, если пираты высадятс на испанских берегах. Порукой тому, говорил он, ег прежняя служба, а служил он в сухопутных войска и участвовал в разных битвах в Европе. Олоне разме стил своих людей на восьми судах. Его корабль бы самым большим и вооружен десятью пушками.

Во флотилии насчитывалось тысяча шестьсот шесть десят человек. Пираты вышли с острова Тортуги в по следних числах апреля, и их первая стоянка была в Бая ле, на северном берегу Эспаньолы. Там к ним присоеди нился еще один отряд. В Баяле они взяли запасы провизии, необходимой для долгого путешествия.

В конце июля того же года пираты дошли до вос точного выступа острова — мыса Пунта-дель-Эспада и встретили корабль с какао, направляющийся из Пу эрто-Рико в Новую Испанию. Адмирал Олоне погналс за ним на своем корабле, а остальным дал приказ следо вать прежним курсом и ждать его у острова Савоны лежащего к югу от Эспаньолы, неподалеку от мыс Пунтадель-Эспада. Олоне гнался за испанцем два час и вынудил его принять бой; после двух- или трехчасо вой схватки судно было захвачено. На его борту на ходились шестнадцать пушек и пятьдесят солдат

В трюмах корабля оказалось сто двадцать тысяч фунтов какао, сорок тысяч реалов и драгоценностей на десять тысяч песо. Олоне отослал корабль на Тортугу, чтобы там разгрузить его и привести на остров Савону.

Когда флотилия Олоне достигла острова Савоны, ей повстречался корабль, который шел из Куманы с оружием и жалованьем для гарнизона Санто-Доминго. Этот корабль захватили без единого выстрела. На нем было восемь пушек, семь тысяч фунтов пороха, мушкеты, фитили и звонкой монеты на двенадцать тысяч реалов. Начало было удачным — пиратский флот получил отличное пополнение, и сердца пиратов наполнились отвагой.

Когда корабль, груженный какао, прибыл на Тортугу, губернатор тотчас же приказал разгрузить его и спешно отослал со свежим провиантом назад к Олоне. Спустя четырнадцать дней он догнал флотилию. Олоне пересел на этот корабль, а свое собственное судно передал помощнику Антуану дю Пюису. Кроме того, он набрал новых людей взамен погибших и раненных в сражениях. Его флотилия была в отличном состоянии, и каждый готов был драться за добычу.

Когда сборы кончились, все вышли в море и взяли курс на бухту Маракайбо. Эта бухта лежит на материке у Новой Венесуэлы на 12° и нескольких минутах северной широты. В длину она достигает примерно двадцати, а в ширину шестнадцати миль. Перед бухтой расположены острова Арубас и Монхес. В восточную часть бухты вдается мыс Сан-Роман, а в западную — мыс Якоба-Коа. Вся бухта в целом носит название Венесуэльского залива, но пираты ее называют бухтой Маракайбо. У входа в бухту расположены еще два острова, вытянутые с востока на запад. Восточный называется Исла-де-ля-Вихилия — остров Стражи, потому что на самом высоком его холме в центре острова есть дом, в котором день и ночь дежурит дозорный. Другой остров называется Исла-де-Паломас, что означает остров Голубей. За обоими островами лежит внутреннее море, длиной в шестьдесят и шириной в тридцать миль. Вода в нем пресная. В него ведет из открытого моря пролив, который сжат названными островами, и вступить в него очень трудно, ибо шириной он не более, чем дистанция, на которую стреляет восьмифунтовая пушка...

Флотилия Олоне вошла в залив Венесуэлы и отдала там якори; испанцы ее не заметили. На другой день

рано-рано утром флотилия вышла в лагуну Маракайб
Отдав якори на песчаной отмели, Олоне высадил
и приказал атаковать форт Эль-Фуэрте-де-ла-Барра, п
тому что, не захватив его, идти дальше было нельз
Форт был опоясан турами, за ними находилась батар
с шестнадцатью орудиями. Сверху туры были засыпан
землей и служили хорошим укрытием. Пираты высад
лись на расстоянии испанской мили от крепости
готовясь к штурму, построились в боевой порядок. В э
время комендант форта отправил несколько солдат в з
саду. Они должны были напасть с тыла и по возможн
сти смешать ряды пиратов. Тогда остальные сделали б
вылазку. Но пираты выделили с полсотни человек, и он
напали на засаду, разгромили ее и не дали возможност
испанцам укрыться в крепости. Прочие же пираты к
нулись на штурм, и часа три спустя форт пал, хотя у н
падавших были только одни ружья. Испанцы, сидевш
в засаде, бежали в Маракайбо и привели в ужас гор
жан, сказав, что к городу движется по меньшей мере д
тысячи пиратов. Город лет десять или двенадцать наза
уже подвергался разграблению, и это событие был
памятно его обитателям. Горожане тут же приняли
собирать имущество и готовиться к бегству. Владельц
кораблей погрузили свое добро на суда и отправили
в Гибралтар. Там они сообщили о появлении пират
и падении форта де-ла-Барра. Кто не имел кораблей
отправился на ослах и лошадях в глубь страны.

Войдя в форт, пираты тотчас же подняли флаг
давая знать всем остальным кораблям, что путь свобо
ден. Затем они сравняли укрепления с землей, сожгл
все постройки, заклепали орудия, перенесли ранены
на борт и похоронили мертвых. Ранним утром следу
щего дня пираты поставили паруса и двинулись к Ма
ракайбо, до которого было примерно миль шесть. Ветр
не было, и кораблям пришлось плыть по течения
В этот день пиратам удалось продвинуться ненамного
Днем позже они были уже возле Маракайбо и при
готовились к высадке под прикрытием пушек. Они был
уверены, что в прибрежном лесу испанцы сделали за
саду. Пираты сели в каноэ и поплыли к берегу. Когд
они подошли поближе, с пиратских кораблей по берег
открыли огонь. Часть людей высадилась на берег, остав
шиеся в каноэ вели стрельбу по зарослям, но никто н
отвечал. В городе пираты никого не встретили: испанц
ушли вместе с женщинами и детьми. Но во многих

домах осталось разное добро: вино, водка, множество кур, свиней, хлеб, мука и так далее. Пираты пришли в полный восторг, потому что уже много недель им не доводилось есть вдосталь, и они поневоле вели самый скромный образ жизни. Команды заняли самые богатые дома на рыночной площади. Затем пираты выставили охрану и превратили городской собор в арсенал. На следующее утро был собран отряд в сто пятьдесят человек, чтобы захватить пленных и узнать, где же прятали горожане свое добро. Вечером отряд вернулся в город с двадцатью тысячами реалов, несколькими навьюченными ослами и примерно двадцатью пленниками: женщинами, мужчинами и детьми. На следующий день пираты стали пытать пленных, стараясь узнать у них об остальном имуществе. Но никто не признавался. Олоне, для которого смерть десяти или двенадцати человек ровным счетом ничего не значила, выхватил саблю из ножен и на глазах у всех остальных изрубил одного испанца в куски. При этом он кричал, что, если они будут упорствовать, он перерубит их всех без всякой пощады. Ему удалось напугать одного из испанцев, и он согласился повести пиратов туда, где прятались все горожане. Но те, опасаясь, что попавшие в плен могут их выдать, успели закопать часть сокровищ и все время переходили с места на место, поэтому найти их было очень трудно, разве только случайно. Беглецы так боялись друг друга, что отец не доверял сыну.

Наконец, спустя четырнадцать дней пираты решили отправиться в Гибралтар. Испанцы, зная их силы, снарядили в Гибралтар барку и дали знать, что пираты, по всей видимости, пойдут в Мериду, а заодно попытаются штурмовать и Гибралтар. Жители Гибралтара отправились на шлюпках к губернатору и сообщили ему обо всем, что произошло. Губернатор Мериды долгое время служил во Фландрии в чине полковника. Мужества у него хватало, и он надеялся довольно легко разбить пиратов. Он спустился к Гибралтару с хорошо вооруженным отрядом в четыреста человек и приказал взять оружие местным жителям, а вооружил он не менее четырехсот горожан. Таким образом испанцы могли выставить восемьсот человек. После этого он распорядился поставить на берегу батарею в двадцать два орудия и прикрыть ее турами, а также соорудить редут с восьмью пушками. Прямо от берега шла широкая

просека, и он приказал завалить ее и проделать другой проход, ведущий в болото. Это болото было совершенно непроходимо; кто туда попадал, проваливался в трясину по самое колено.

Разбойники ничего не знали об этих приготовлениях. Они доставили пленных на корабль и присоединили к тем рабам, которых захватили в Маракайбо. Так они вошли в Гибралтар. Однако, приблизившись, они увидели развевающиеся повсюду флаги и множество народа. Олоне, как вожак всех пиратов, посоветовался с другими командирами, потом со всеми, кто его окружал, и дал понять, что отступать не намерен, хотя испанцы и узнали об их приближении и собрали большие силы. Его мнение было таково: «Они сильны, так тем больше мы захватим добычи, если победим их». Все единодушно поддержали его и сказали, что лучше биться, надеясь на добрую добычу, чем скитаться неведомо сколько без нее. Олоне закончил так. «Я хочу предупредить вас, что того, кто струсит, я тотчас же зарублю собственной рукой».

Приняв решение драться, пираты подвели корабли к берегу и стали на якорь примерно в четырех милях от города. На следующее утро задолго до восхода солнца Олоне высадил людей на берег. Пиратов было триста восемьдесят человек. У каждого было доброе ружье, а на боку патронташ с порохом на тридцать зарядов, и, кроме того, у всех было по два пистолета и по острому палашу. Все взяли друг друга за руки и поклялись стоять друг за друга до самой смерти. Затем Олоне рванулся и закричал: «Вперед, мои братья, за мной и не трусьте!» И пираты бросились в атаку. Но путь, который им указал начальник, привел к завалу, а другая дорога — к болоту, на которое так надеялись испанцы. Пираты же не растерялись и принялись рубить саблями сучья и устилать ими дорогу, чтобы не завязнуть в трясине. Тем временем испанцы открыли огонь из пушек, и поднялся такой дым и такой грохот, что пираты на какое-то время совсем ослепли и оглохли. Наконец они выбрались на твердую землю как раз там, где стояло шесть пушек, и пушки эти ударили по ним дробью и картечью.

Затем, на миг прекратив огонь, испанцы сделали вылазку, но пираты их встретили так, что мало кто из испанцев вернулся назад. А пушки снова стали без передышки бить по пиратам, среди которых было уже

много мертвых и раненых. Поэтому пираты решили прорываться через лес, но и это им не удалось. Испанцы повалили большие деревья и загородили путь. Но, несмотря на все трудности, мужество не покидало пиратов, и они отвечали сильным ружейным огнем.

Испанцы не могли сделать больше ни одной вылазки, но и пираты не могли перейти через туры. Олоне учел это и, решив перехитрить испанцев, приказал отходить. Заметив, что пираты отходят, испанцы вышли за туры и погнались за врагами, и было их человек двести. Но пираты неожиданно повернули, дали залп, а затем схватились за палаши и набросились на испанцев, сразу же перебив большинство из них. В бешенстве перепрыгнув через туры, пираты тут же овладели укреплениями и обратили тех, кто за ними скрывался, в бегство. Они оттеснили испанцев к зарослям и перебили всех до одного. Часть испанцев бежала на редуты, и они заранее готовы были сдаться в плен. Пираты сорвали неприятельские флаги, захватили все, что было в поселке, и снесли в собор. Перед ним выставили орудия и насыпали бруствер, чтобы предохранить себя от внезапного нападения. Пираты скорее всего полагали, что испанцы призовут всех окрестных жителей. Однако следующий день принес им другие заботы — надо было избавиться от зловония, которое издавали трупы: ведь они перебили не менее пятисот испанцев и много раненых испанцев укрылось в зарослях и там, вероятно, отдало богу душу. Кроме этого пираты захватили в плен сто пятьдесят мужчин и не меньше пятисот женщин, рабов и детей. Когда все стихло, пираты подсчитали свои потери и оказалось, что убито всего сорок человек, а ранено тридцать, но почти все смертельно; сырой воздух вызывал лихорадку, раны гноились. Пираты швырнули трупы испанцев на две старые барки, которые они нашли на берегу, и отъехав на четверть мили, выбросили все тела за борт. Забрав все деньги и имущество, которое удалось собрать в городе, пираты расположились на отдых и четыре-пять дней никуда не показывались.

Между тем испанцы припрятали почти все добро, которое могли унести. Спустя четыре или пять дней пираты начали делать набеги на окрестности, и вскоре в город потекло различное добро, и туда стали пригонять пленных рабов, захваченных на плантациях. Пираты провели в городе еще четырнадцать дней. За это

время много пленников умерло от голода, потому что мяса у пиратов почти не было. Правда, было довольно много муки, но пираты для себя ленились печь хлеб, а уж для испанцев и подавно. Кур, овец, свиней и коров они уже перебили и съели сами; испанцам оставались ослы и мулы. Кто не хотел есть ослятину, помирал голодной смертью, ибо ничего другого не было. Чуть лучше было женщинам, которые попали к пиратам в любовницы; одних они взяли силой, другие пошли по своей охоте. Все они были спасены от голода. Пленных, которых хватали ради выкупа, каждый день бросали на дыбу, и если же те не хотели ни в чем признаваться, их забивали до смерти.

Наконец, простояв целый месяц, пираты послали четырех пленников сообщить жителям города, что требуют с них десять тысяч реалов выкупа, иначе сожгут все поселение. Испанцам было дано два дня. Но через два дня выкупа никто не принес, и пираты предали огню все селение. Когда испанцы увидели, что пираты действительно намерены все превратить в пепел, они решили выдать требуемые деньги. Пираты загасили пожары, но, конечно, много домов пострадало, а собор сгорел дотла. Получив выкуп, пираты погрузили на корабль добычу и большое количество рабов, за которых никто не дал выкупа (пленники должны были платить выкуп и за себя, и за рабов, если желали, чтобы их им вернули).

Затем все отправились в Маракайбо. Вернувшись, пираты напугали испанцев еще сильнее, чем прежде, и направили несколько пленных из Маракайбо к губернатору, требуя у него и его подданных тридцать тысяч реалов. Деньги должны были доставить на борт, иначе пираты грозились сжечь весь город. Тем временем несколько отрядов снова отправились за добычей. Они унесли из церквей статуи, колокола и картины и притащили их на корабль. Кроме этого они захватили и различные корабельные принадлежности и все это свалили в пакгаузе. Посланные за выкупом испанцы вернулись — им было велено согласиться на условия пиратов. В конце концов сошлись на том, что испанцы дадут двадцать тысяч реалов и пятьсот коров и что, получив выкуп, разбойники прекратят грабежи. Получив выкуп, пираты ушли, к великой радости жителей, посылавших им вслед проклятия. Но спустя три дня, к большому удивлению испанцев, пираты вернулись

снова и снова стали творить всяческие бесчинства. Оказалось, что причиной возврата было торговое судно, захваченное пиратами, которое они не могли провести через отмель в устье лагуны. Поэтому они были вынуждены вернуться и взять лоцмана. Испанцы подыскали им лоцмана очень быстро, дабы поскорее отправить их в море — как-никак в водах Маракайбо пираты провели два месяца.

Пройдя залив, пираты взяли курс на остров Эспаньолу и спустя восемь дней подошли к острову Ваку (на этом острове обосновалось несколько французских охотников, которые снабжали пиратов мясом). Здесь пираты выгрузили добычу на берег и устроили на свой манер дележ. Разделив все добро, они подсчитали, что серебра и драгоценностей оказалось на шестьдесят тысяч реалов. Кроме денег каждый еще получил больше чем на сотню реалов шелка и шерстяных тканей, не считая других мелочей. Дележ проводили точно так же, как я о том говорил в первой части. Причем серебро они взвешивали и приравнивали один его фунт к десяти реалам, а с драгоценностями дело у них обстояло хуже, потому что ничего в них они не понимали. Каждый дал клятву, что ничего не возьмет лишнего, и затем пираты получили то, что им причиталось. Часть добычи, которая приходилась на долю павших в бою, была передана их товарищам или родственникам. Когда все было поделено, пираты покинули остров и взяли курс на Тортугу, куда они прибыли, к их великой радости, уже через месяц. Дня за три, быть может на день меньше или на день больше, они спустили все свое добро и проиграли все свои деньги. Правда, тем, кто терял буквально все, остальные ссужали небольшую сумму. Вскоре из Франции пришло судно с вином и водкой, и началась грандиозная попойка. Но долго она не продолжалась — как-никак бутылка водки стоила четыре реала! Ну а затем некоторые пираты занялись на Тортуге торговлей, а другие отправились на рыбную ловлю. Губернатор приобрел корабль с какао за двадцатую часть его стоимости. Часть пиратских денег получили трактирщики, часть — шлюхи, так что скоро пиратам пришлось пораскинуть мозгами и задуматься над тем, куда и как снова отправиться за добычей. Об этом подумывал и сам Олоне, их вожак.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новые приготовления и поход Олоне на город Сантьяго-де-Леон в Никарагуа, во время которого он трагически погибает

Вернувшись на Тортугу, Олоне прославился еще больше благодаря походу, совершенному столь удачно и счастливо, — ведь поход этот принес большую добычу. Однако с Олоне вскоре произошло, как в известной поговорке: «Что прилив приносит, отлив уносит». Спустя немного времени Олоне понял, что необходимо предпринять новый поход. Оповестить об этом своих людей было нетрудно, их и в прошлый раз влекла жажда денег. Они собрались довольно быстро и были готовы снова отправиться за добычей. К тому же влияние Олоне теперь было так велико, что они пошли бы за ним повсюду, даже если это грозило им величайшими опасностями. Олоне и его подчиненные решили отправиться в воды Никарагуа и разорить все тамошние города и поселения. Олоне собрал без малого семьсот человек и снарядил грузовой корабль, захваченный в Маракайбо. На его борту поместилось триста человек, остальные сели на суда поменьше — их было пять. Все вместе они составили флотилию из шести кораблей. Пункт сбора был назначен в Байахе, на острове Эспаньоле. Там пираты заготовили мясо и погрузили его на борт.

Когда все дела были окончены и корабли готовы были к плаванию, пираты поставили паруса и взяли курс на Матамано, селение на южном побережье острова Кубы. Там они предполагали захватить каноэ, ибо в тех местах было много охотников за черепахами, которые занимались ловлей, засолкой и отправкой черепах в Гавану. Каноэ были нужны пиратам для высадки в мелких протоках, потому что осадка у их кораблей была довольно глубокая и суда не могли идти по мелководью. Наконец после того как пираты ограбили этих несчастных людей и захватили что им нужно, забрав с собой и несколько рыбаков, корабли вышли в море и взяли курс на мыс Грасиас-а-Дьос, расположенный на материке на 15° северной широты, примерно в ста милях южнее острова Пинос. Но тут они попали в штиль. Их сразу же подхватило течение и отнесло в сторону залива Гондурас. Пираты делали все, что

могли, стараясь вырваться из потока, но ветер и течение словно ополчились на них, и остальные суда не смогли поспеть за кораблем Олоне. Но хуже всего, что припасы быстро иссякли, и пираты принялись за поиски мест, где можно было бы добыть провиант. Наконец, изнывая от голода, пираты заметили землю, спустили на воду каноэ и отправились в свое первое плавание, чтобы отыскать съестные припасы.

На нескольких каноэ они вошли в реку Ягуа. На ее берегах жили индейцы, и пираты, разграбив их хижины, доставили на корабли испанскую пшеницу, которую называют маисом, свиней, кур и индеек — все, что попало под руку. Однако припасов этих оказалось недостаточно, чтобы добраться до места. Поэтому они снова учинили совет и решили разграбить все города и селения, которые встретятся им в этом заливе. Они пошли вдоль берега, но не могли найти ничего путного. При этом местных жителей они обирали так крепко, что те едва не умирали от голода; чтобы свести концы с концами, им приходилось есть что придется; даже обезьян и тех они употребляли в пищу и убивали их, как только замечали среди ветвей.

Затем пираты достигли Пуэрто-Кавальо, а там стояли испанские склады, в которых торговцы, поджидая свои корабли, хранили товары. В этой гавани пираты застали испанское торговое судно, на борту которого было двадцать чугунных и шестнадцать бронзовых пушек. Сняв пушки с корабля, пираты высадились, предали все, что было на берегу, огню. Они сожгли и склады вместе с кожами, которые там сушились. Захватив группу пленных, они принялись издеваться над ними как только могли. Несчастные испытали все мучения, какие только можно придумать. Уж если начинал пытать Олоне и бедняга не сразу отвечал на вопросы, то этому пирату ничего не стоило разъять свою жертву на части, а напоследок слизать с сабли кровь. Он готов был убить любого испанца. Если кто-либо из них, убоявшись пыток или не выдержав их, соглашался провести пиратов к своим соотечественникам, но по растерянности находил путь не сразу, его подвергали адским мучениям и забивали до смерти.

После того как пираты уже замучили различными пытками и издевками большинство пленников, двое из них согласились отвести отряд в испанский город Сан-Педро, расположенный в десяти или двенадцати милях

от Пуэрто-Кавальо. Олоне решил пойти туда сам; он взял с собой триста человек и до своего возвращения оставил старшим Моисея ван Вайна. С ним пошли два проводника. Не успели пираты пройти и трех миль, как натолкнулись на засаду. Несмотря ни на что, пираты довольно быстро овладели укреплением и обратили неприятеля в бегство. Олоне спросил раненых испанцев, которых здесь удалось захватить, каковы силы их отряда. Они ответили, что предателями быть не желают, и Олоне перебил всех до единого. То же самое произошло и с другими пленниками. Он спросил одного из них, куда ведет дорога, и приказал при встрече с испанцами на вопрос «кто идет» отвечать «свои». Потом Олоне стал выпытывать у одного испанца, есть ли в Сан-Педро путь, которым туда можно дойти без риска нарваться на засаду. Когда тот сказал, что он никаких дорог не знает, Олоне подвел его к остальным пленникам и задал им тот же вопрос. Однако и те ответили, что никакого пути не знают. Олоне страшно разъярился, разрубил одному из пленников саблей грудь, вырвал сердце и, показав это сердце пленникам, сказал: «Если вы мне не покажете другой дороги, я сделаю с вами то же самое». Бедные парни оказались в большом затруднении, ибо другая дорога была почти непроходима. Как смогли, они вывели пиратов на этот путь. Когда стало ясно, что по нему пройти не удастся, Олоне решил вернуться на старую широкую дорогу и с гневом сказал: «Головой создателя клянусь, испанцы мне за это заплатят!»

На следующий день пираты снова натолкнулись на засаду и атаковали ее так стремительно, что испанцы не продержались и часа. Олоне приказал никому не давать пощады: чем больше вы их убьете на пути, сказал он, тем меньше нам будут сопротивляться в городе.

Испанцы надеялись, что засады измотают пиратов, и ставили их одну за другой. Наконец Олоне подошел к третьей засаде. На этот раз сопротивление было намного сильнее, но пираты забросали испанцев гранатами и обратили их в бегство, преследуя до тех пор, пока не перебили всех до единого, так что никому из них не удалось добраться до города. А в городе успели подготовиться к прибытию пиратов и везде соорудили баррикады. Их ставили повсюду, не оставляя ни одного свободного прохода; а дороги, ведущие к городу, преградили, срубив большие деревья, которые по-испански

называются ракелте. На их стволах множество шипов и перебраться через них очень трудно. Завалы из этих деревьев лучше, чем рогатки, которые ставят в Европе.

Когда за баррикадами заметили пиратов, батареи открыли огонь. Но пираты тотчас же залегли, дали дружный залп из ружей и бросились на штурм с пистолетами и гранатами, перебив множество испанцев. Однако войти в город им не удалось, и они вынуждены были отступить. Чуть позже они вернулись с гораздо меньшим отрядом и на этот раз стреляли, только тщательно прицелившись. И каждый выстрел поражал противника, убитых и раненых было очень много. Наконец к вечеру испанцы прекратили сопротивление. Они подняли белый флаг и заявили, что готовы сдать город с тем условием, что им даруют жизнь и два часа, надеясь перенести в другое место свое добро. Олоне согласился. Пираты вошли в город и два часа, согласно уговору, никого не трогали. Но испанцы ничего не выгадали: пираты следовали за ними буквально по пятам и забирали добро прежде, чем его успевали спрятать. Впрочем, большую часть имущества испанцы уже успели вынести. В городе осталось лишь несколько кожаных мешков с индиго. Отдохнув несколько дней и совершив свои обычные бесчинства, пираты подожгли город и ушли из него, забрав всю добычу. Когда они вернулись к морю, то узнали, что их товарищи, плавая вдоль побережья, захватили двух индейцев-рыбаков. Те рассказали, что в реку Гватемалу должен прибыть корабль из Испании. Поэтому пираты решили обойти острова, лежащие в заливе, и подготовиться к встрече корабля. Они спустили два каноэ и отправились в устье Гватемалы поджидать испанский корабль.

Добравшись до места, пираты рассеялись на небольшие группы и стали ловить рыбу. Некоторые принялись сетями ловить черепах. Сеть они связали из луба дерева макоа, из которого обычно делают канаты для кораблей. Пираты не терялись ни в какой обстановке и всегда могли обойтись только тем, что было у них под рукой...

Разбойники прибыли на остров Самбале, расположенный примерно в пяти милях от берега Юкатана. На этом острове есть серая амбра, ее приносят восточные волны; течением сюда прибивает самые различные вещи, здесь можно встретить даже обломки каноэ, потерпевших крушение где-нибудь у Карибских островов, за пятьсот миль отсюда. Между островами и материком

море такое мелкое, что большие корабли пройти там не могут. На острове растет кампешевое дерево — впрочем, есть оно и на материке, — но по цвету древесины оно отличается от обычного: эта порода считалась бы очень ценной и могла бы нам пригодиться, если бы знали о ее свойствах. Индейцы готовят из нее очень хорошие краски, которые почти не выцветают.

Прожив в этих местах почти три месяца, пираты получили наконец известие о том самом испанском корабле, который они поджидали. Они тотчас же поставили паруса и отправились туда, где корабль стал на якорь для разгрузки товаров. Пираты приготовились к штурму и одновременно спустили на воду маленькие суда, чтобы перехватить шлюпки, которые должны были переправить через поток наиболее ценные товары — кошениль, серебро, индиго. Большой корабль был оснащен всем необходимым для обороны. Внимательно приглядевшись, пираты, залегшие на берегу, насчитали на нем сорок две пушки и приметили, что вся команда из ста тридцати человек хорошо вооружена. Олоне решил атаковать испанца, несмотря на то, что на его корабле было всего двадцать восемь пушек. Но испанец его встретил так, что Олоне был вынужден отступить, а вместе с ним и тот корабль, который его сопровождал. Но в то время пока они сражались, под прикрытием густого дыма к испанскому кораблю подошли четыре пиратских каноэ. Эти пираты влезли на борт и захватили судно. Добыча оказалась небольшой — гораздо меньшей, чем пираты предполагали: корабль успели разгрузить, так как на борту узнали о появлении пиратов. Захватили пятьдесят связок железа, пятьдесят тюков бумаги, большую партию бочек с вином и разную рухлядь.

Олоне собрал всю свою флотилию, чтобы решить, стоит ли им идти в Гватемалу. Некоторые поддерживали его, большинство же оказалось против. Недовольных было больше потому, что значительную часть команды составляли люди, не приученные к пиратским походам. Они полагали, что стоит им выйти в море, и реалы посыплются, как листья с деревьев. Учуяв, что это далеко не так, новички пожелали вернуться восвояси. Но те, кто лучше их познал жизнь, ответили им, что они готовы помереть с голоду, лишь бы только не возвращаться домой без денег.

Большинство все же не захотело идти в Гватемалу,

мужество покинуло их, и они решили отделиться от Олоне. В конце концов некоторые из них собрались вокруг Моисея Воклейна, который захватил корабль у Пуэрто-Кавальо, и отправились на Тортугу, чтобы шарить в ее водах. Видя, как обстоят дела, то же решил предпринять и Пьер Пикар. Он пошел вдоль побережья материка, добрался до Коста-Рики, вошел в воды Верагуа; там он высадился на берег и отправился в городок Верагуа. Он разграбил его, несмотря на жестокое сопротивление испанцев. Пираты захватили часть горожан в плен и доставили их на корабль, но добыча досталась им небогатая: население в тех местах бедное и занято на рудниках. Там есть несколько золотых приисков, на которых трудятся рабы; они вытаскивают землю и промывают ее в реке. На целую гору земли приходится несколько золотых песчинок величиной с горошину, иногда, правда, встречаются золотинки покрупнее, но чаще они совсем мелкие. Пираты захватили не то семь, не то восемь фунтов золота. После этого они решили, что лучше всего отправиться в город Нату, на побережье Южного моря; там есть чем поживиться: ведь в городе живут хозяева тех рабов, которые трудятся в Верагуа. Однако они все же побоялись пойти туда — уж больно много испанцев жило в Нате.

Олоне возвратился в залив Гондурас на корабле, захваченном у испанцев, и было у него на борту триста человек. Он хотел догнать остальных, но его корабль был слишком тяжел и не мог лавировать по течению подобно другим, более легким судам; к тому же у него кончился провиант, и в поисках пищи пираты должны были держаться недалеко от берега; они убивали обезьян и всех зверей, какие только попадались. Наконец после долгих блужданий по морю Олоне вошел в залив Грасиас-а-Дьос, близ острова Лас Перлас или, вернее, двух островов, которые пираты именуют островами Карнейланд. Недалеко от них корабль Олоне налетел на риф и застрял намного прочнее, чем это сперва показалось. Вся команда тотчас же сошла на берег и сняла с борта все пушки и железо, но половинчатые меры не помогли — корабль остался на месте. Делать было нечего, пираты разломали корабль и из досок и бревен стали сооружать длинную барку. Пока пираты занимаются этим делом, я кое-что расскажу об этих островах и их обитателях.

Оба острова населены людьми, которых вполне уместно назвать дикарями. С ними еще ни разу не заговаривал ни один христианин, и никто не видел их жилищ. Некоторые из европейцев жили на этих островах по шесть или семь месяцев и ни разу не встречали никаких построек. Эти индейцы отличаются крепким телосложением, очень хорошо бегают и ныряют. Однажды они подняли якорь пиратского судна, который весил добрых шестьсот фунтов и зацепился за подводный камень. Оружие у них сплошь деревянное, железа нет; наконечники стрел они делают из зубов акулы. Их луки не отличаются от луков других индейцев, но дротики значительно длиннее. На этих островах встречается много разнообразных растений и фруктов: бататы, бананы, ананасы и многие, многие другие, которые растут и в остальных местах. Однако близ полей нет никаких жилищ. Говорят, эти индейцы — людоеды.

Когда Олоне добрался до тех мест, один из его людей пошел в лесок в сопровождении испанца. Оружия у них не было, у пирата был лишь один пистолет. Только они углубились в лес мили на полторы, как на них напала толпа индейцев; француз-пират выстрелил и пустился наутек, но испанец быстро отстал, потому что бегал плохо. Пират довольно быстро добрался до берега и стал поджидать товарища, но тот все не появлялся. Спустя немного времени в лес отправилось десять или двенадцать отлично вооруженных пиратов. Тот француз тоже пошел с ними и любопытства ради привел на то место, где видел индейцев. Наконец они набрели на поляну, где индейцы развели огонь, и обнаружили пропавшего испанца — он был уже наполовину зажарен и одна рука почти съедена. Как только пираты увидели все это, они тотчас же устроили охоту на индейцев и захватили четырех женщин и пятерых мужчин. Пираты привели их на берег и позвали своих индейцев, чтобы допросить пленников (индейцы из пиратского лагеря тоже были из этих мест), но толку от этого не вышло. Пираты показали им кораллы, нож и топор. Индейцы их взяли. Словом, пираты обошлись с ними весьма по-дружески, дали табаку и предложили выпить, но те не пожелали ни есть, ни пить и очень опасались, как бы кто не вслушался в их речь. Пираты убедились, что индейцы очень напуганы, и дали возможность им убежать, задарив всевозможными безделушками. Пира-

ты и впредь стремились привлечь и заманить к себе индейцев, но те больше не появлялись. С тех пор их никто не видел на острове, а поскольку нигде не было никакого судна, можно предположить, что они той же ночью переплыли на маленький остров вплавь.

Тем временем Олоне и его спутники изо всех сил трудились, стремясь разобрать большой корабль. Они видели, что пройдет еще много времени, прежде чем они смогут покинуть это место, и потому разбили плантации, на которых решили кое-что посеять впрок. Прежде всего посадили фасоль, которую испанцы называют фрихоле, а итальянцы — фаччиоли; через шесть недель у них уже было много испанской пшеницы, бананов и баковы, и они уже не опасались, что умрут с голоду. Месяцев через пять или шесть им удалось все же соорудить барку из днища корабля, и пираты решили, что часть людей отправится в воды Никарагуа, захватит каноэ и потом заберет всех остальных. При этом не возникло никаких споров, кто же должен отправиться на барке и на тех каноэ, которые у них еще оставались. Половина отряда села в лодки, другие остались на острове. Олоне приказал поставить паруса и через несколько дней достиг устья реки Никарагуа. Но беда снова обрушилась на него. Злосчастия преследовали Олоне по пятам: его отряд был выслежен индейцами и испанцами; большая часть людей Олоне была перебита, а сам он был вынужден бежать. Однако Олоне никак не мог примириться с тем, что должен вернуться к своим людям без корабля. Он посоветовался с оставшимися, и пираты решили идти на единственной их барке к Картахене и там захватить какой-нибудь корабль. Но впоследствии выяснилось, что богу больше не угодно помогать этим людям, и он решил покарать Олоне самой ужасной смертью за все жестокости, которые он учинил над множеством несчастных. Итак, когда пираты прибыли в залив Дарьен, Олоне со своими людьми попал прямо в руки дикарей, которых испанцы называют индиос бравос.

Они разорвали Олоне в клочья и зажарили его останки. Об этом рассказал один из его сообщников, которому удалось избежать подобной участи, потому что он спасся бегством.

Таков был конец человека, который пролил несчетное количество крови и совершил множество мерзких преступлений.

Оставшиеся на острове, не имея долгое время никаких известий от Олоне, попросились на борт пиратского судна, шедшего с Ямайки в залив Грасиас-а-Дьос; эти пираты хотели затем подняться на каноэ вверх по реке и добраться до города Картаго. Обе пиратские шайки были обрадованы этой встречей; одни потому, что сидели на острове в глубокой нужде и провели в бездействии примерно месяцев десять, другие — неожиданно приобрели новых соратников. Когда пираты наконец подошли к заливу Грасиас-а-Дьос, они пересели в каноэ, рассчитывая продолжать путь вверх по реке. Люди Олоне им сопутствовали, и всего эта шайка насчитывала пятьсот человек; корабли они завели в устье реки и на каждом из них оставили человек по пять или по шесть. Отправляясь в путь по реке, пираты не взяли даже съестных припасов, ибо надеялись, что легко достанут по пути. Но они поступили весьма нерасчетливо, потому что индейцы, заметив их каноэ, тотчас же обращались в бегство и то малое, что у них было, уносили с собой и прятали в лесу.

Покинув побережье, пираты довольно скоро стали испытывать голод. Их утешала лишь надежда на богатую добычу, и они пробавлялись плодами, которые собирали на берегах реки. На четырнадцатый день плавания пираты окончательно истомились, испытывая нужду во всем необходимом. Тогда они решили покинуть реку и пройти лесом, надеясь набрести на какие-нибудь селения или города и там раздобыть пищу. После долгих скитаний они поняли, что дело это безрассудное, снова вернулись к реке и решили плыть назад, к морю; однако многие умерли от голода, а остальные пожирали все, что только им попадалось под руку. Они съели даже башмаки и ремни от своих ножей. Да, пираты испытали такую нужду, что по примеру индейцев набрасывались буквально на все. В конце концов они добрались до индейских поселений на берегу моря и утолили голод.

Так закончились дела и неистовства Франсуа Олоне и его сообщников. Теперь же мы опишем важнейшие походы Джона Моргана, англичанина, который прославился не меньшей жестокостью к испанцам; удача, однако, ему сопутствовала значительно дольше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Англичанин Джон Морган, его появление, первые походы и его слава

Джон Морган родился в Англии, в провинции Уэльс, называемой также Валийской Англией; его отец был земледельцем, и, вероятно, довольно зажиточным. Джон Морган не проявил склонности к полеводству, он отправился к морю, попал в гавань, где стояли корабли, шедшие на Барбадос, и нанялся на одно судно. Когда оно пришло к месту назначения, Моргана, по английскому обычаю, продали в рабство. Отслужив свой срок, он перебрался на остров Ямайку, где стояли уже снаряженные пиратские корабли, готовые к выходу в море. Он пристал к пиратам и за короткое время познал их образ жизни, сколотив вместе с товарищами за три или четыре похода небольшой капитал. Часть денег они выиграли в кости, часть получили из пиратской выручки. На эти деньги друзья сообща купили корабль. Морган стал его капитаном и отправился к берегам материка, желая кое-чем поживиться у берегов Кампече. Там он захватил много судов. В те времена на Ямайке жил старик пират, по имени Мансфельд; как-то раз он снарядил флотилию для похода на материк и в это время приметил Моргана. Он сразу же сообразил, что Моргана ему послала сама судьба, и предложил ему отправиться в поход в качестве вице-адмирала. Вскоре флотилия вышла в море. Она насчитывала шестнадцать кораблей с командой без малого в пятьсот человек, среди которых были валлонцы и французы. Первая стоянка Мансфельда была на острове Санта-Каталина. Этот остров лежит неподалеку от Коста-Рики, на 12° 30′ северной широты, примерно в тридцати пяти милях севернее устья реки Чагре. Пираты разбили испанский гарнизон и захватили все укрепления. Часть укреплений Мансфельд приказал разрушить, а остальные усилить и оставил на острове отряд в сто человек, отдав им всех рабов, которые были захвачены у испанцев. Затем Мансфельд перешел на другой островок, который лежал от большого острова так близко, что на него можно было перейти по мосту. Он приказал перетащить туда все пушки, снятые с фортов Санта-Каталины, а дома сжечь. После этого он вышел в море, прихватив с собой всех испанцев, населявших эти места, и отвез их на материк в Пуэрто-Бельо.

Высадив пленников на берег, пираты отправились дальше вдоль берегов Коста-Рики. Вскоре они вошли в реку Колье, с тем чтобы разграбить все селения, которые встретятся по пути, и добраться до города Наты. Однако губернатор Панамы, узнав о появлении пиратов, выслал им навстречу довольно крупные силы, и Мансфельд был вынужден отступить. Убедившись, что, плавая вдоль всех здешних берегов, добиться можно немногого, Мансфельд решил вернуться на остров Санта-Каталина. Он надеялся предпринять новый поход, взяв с собой всех, кто остался на острове. На Санта-Каталине Мансфельд оставил француза Симона. Симон полагал, что никакие опасности не угрожают — укрепления казались ему неприступными. Он разбил на маленьком острове плантации и стал получать все необходимые средства для пропитания, с которыми можно было спокойно ждать транспорта с Ямайки. Мансфельд нашел по возвращении на Санта-Каталину остров в хорошем состоянии. Санта-Каталина могла теперь служить для пиратов отличным местом отдыха: в гавани было много всякого добра, остров лежал недалеко от испанского берега и с него удобно было отправляться в походы. И поэтому Мансфельд решил отправиться на Ямайку и привезти подкрепление, которое наверняка сумело бы защитить остров от появлявшихся время от времени испанских отрядов. На Ямайке Мансфельд сообщил губернатору о своем намерении обосноваться на Санта-Каталине, но губернатор в помощи отказал. Во-первых, он боялся впасть в немилость у короля и его приближенных, а во-вторых, опасался, что силы Ямайки могут ослабнуть и она захиреет. Мансфельд понял, что без всякой помощи, одними своими силами остров не удержишь, и решил обратиться к губернатору Тортуги. Однако ему так и не удалось исполнить свое намерение, ибо его настигла смерть...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда Морган — а он находился на Кубе — узнал, что его предшественник и командир погиб, он решил превратить Каталину в пиратское гнездо. Морган долго размышлял, как это лучше сделать, и не раз совещался с этой целью со своими товарищами. Морган отправил

письма многим купцам Новой Англии и просил их прислать ему необходимые припасы: он желал так укрепить остров, чтобы испанцы уже никогда не смогли им снова овладеть. Английского же короля он не опасался. Но из-за несчастья, случившегося с островом, все его замыслы рухнули. Правда, Морган не пал духом, а, напротив, стал осуществлять новый план. Он приказал снарядить судно и решил собрать как можно больше кораблей и взять с собой всех, кто пожелает идти вместе с ним. Он решил атаковать наиболее укрепленные испанские селения. Сбор был назначен на островках, лежащих к югу от Кубы...

Морган провел на прибрежных островах Кубы не меньше двух месяцев. За это время он собрал флотилию из двенадцати кораблей с командой в семьсот человек. Там были англичане и французы. Морган созвал пиратов на совет и стал выяснять, куда же нужно идти. Некоторые высказались за то, чтобы захватить Гавану: разграбить ее и взять в полон ее жителей будет совсем нетрудно, стоит только захватить крепость. К ним присоединились и другие, однако окончательного решения вынести не удалось, потому что среди пиратов оказался человек, который прежде содержался в Гаване под стражей. Он считал, что для такого дела силы у пиратов явно недостаточны. Понадобилась бы, сказал он, флотилия с полуторатысячным войском. Только в этом случае у пиратов явилась бы надежда захватить город, да и то следующим образом: нужно было бы подойти со стороны острова Пинос, затем доставить людей на маленьких судах в Матамано, селение, расположенное примерно в четырнадцати милях от Гаваны. Когда пираты поняли, что Гавана им не по зубам, они принялись искать другие места. Один из них предложил идти на город Эль-Пуэрто-дель-Принсипе, тоже расположенный на острове Кубе; он был не хуже, и у его жителей было много денег, ибо туда часто приезжали торговцы из Гаваны и привозили деньги; здесь они скупали кожу, которую затем перепродавали. Но и это место отпало, потому что оно далеко от моря, а, говоря откровенно, пираты-англичане на суше сражаются не очень лихо. Это хорошо понимали и Морган, и его товарищи. Все же они решили отправиться в Пуэрто-дель-Принсипе, в местечко, которое теперь называется Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария. Когда пираты уже были в море, один

испанец, долгое время находившийся в плену у англичан, уловил из их бесед, что речь идет именно о Пуэрто-дель-Принсипе. Ночью он прыгнул в воду и поплыл на берег. Правда, за ним тотчас же спустили каноэ, но он оказался на берегу значительно раньше и моментально затерялся среди деревьев. На следующий день он переплыл с одного острова на другой и таким образом добрался до Кубы. Он знал все тропки и довольно скоро достиг Пуэрто-дель-Принсипе, где предупредил испанцев, что появились пираты. Жители города тут же стали прятать свое добро, а губернатор вышел с отрядом рабов к той дороге, где могли появиться пираты. Он приказал срубить побольше деревьев, завалить ими дорогу и устроить различные засады. На них он поставил несколько пушек. В городе и в окрестных селениях он набрал человек восемьсот, оставил на каждой засаде необходимый отряд, а остальных привел на довольно открытое место, лежащее близ города: оттуда можно было приметить врага еще издали. Пираты наткнулись на испанцев, когда они еще только укреплялись. Все взвесив, они свернули в лес и обошли несколько испанских укреплений. Наконец пираты вышли на открытое место, которое испанцы называли саванной. Пиратов заметили, и губернатор тотчас же выслал им навстречу конников и приказал им обратить пиратов в бегство и переловить всех до одного. Он полагал, что пираты, видя, какая на них надвигается сила, дрогнут и лишатся мужества. Однако все произошло не так, как ему думалось: пираты, наступавшие с барабанным боем и развевающимися знаменами, перестроились и образовали полумесяц. В этом строю они стремительно атаковали испанцев. Те выставили довольно сильную заградительную линию, но бой продолжался недолго: заметив, что их атака не действует на пиратов и что те беспрерывно ведут стрельбу, испанцы начали отходить, причем первым дал деру их губернатор, который бросился к лесу, стараясь побыстрее скрыться. Но немногие добежали до леса — большинство пало на поле битвы. Правда, небольшой кучке испанцев все же удалось спрятаться в зарослях. Пираты немедля двинулись на город; они были воодушевлены бесспорной победой: действительно, в этом бою — а длился он часа четыре — убитых и раненых у них почти не было. Пираты покинули саванну и вступили в город. Тут им снова оказали сопротивление, на этот раз в бой вступил гарнизон

города, причем плечом к плечу с солдатами сражались женщины. К этим защитникам города присоединились и остатки испанцев, разбитых в саванне. Горожане все еще надеялись уберечь город от разграбления. Некоторые закрылись в домах и стреляли из окон: однако пираты пригрозили спалить весь город и истребить всех женщин и детей. Испанцы очень испугались — они-то хорошо знали, что пираты мигом выполнят свои посулы, — и сдали город.

Итак, пираты захватили город и согнали всех испанцев, взятых на поле боя, вместе с женщинами, детьми и рабами в церковь, а потом принялись грабить, и хватали они все, что попадало им под руку. Перешарив все улицы, пираты стали опустошать окрестности, и каждый день приносил им новую добычу и новых пленных. Времени у них было в обрез, ибо они собирались оставаться в городе, пока не иссякнет пища и питье. Бедным, несчастным пленникам, сидевшим в церкви, приходилось очень туго, они проводили время куда менее приятно, чем пираты, живя впроголодь и испытывая всяческие муки, которые им причиняли пираты, старавшиеся выведать, где спрятано их добро и деньги. Но у большинства бедняг, как ни пытай, не было ни того, ни другого: ведь они трудились день-деньской, чтобы прокормить своих жен и детей. Изверги не желали обычно ничего знать; они говорили: либо принеси деньги, либо повесим. И бедные женщины, прижимая к груди своих младенцев, жили в ожидании ужасного конца, ибо не за горами была гибель от голода и страданий. А пираты были лишены чувства жалости. Всякий раз, когда являлись у них нужда в мясе, они приканчивали корову или иную скотину, себе выкраивали лучшие куски, а остатки бросали пленникам — словом, делали все, что им вздумается.

Когда припасы кончились и грабить уже было больше некого, пираты решили уйти. Они приказали пленникам внести выкуп и пригрозили, что в случае отказа всех увезут на Ямайку; кроме того, они посулили, что подожгут город и оставят после себе лишь руины и пепел. Все это они передали пленникам через четырех пленных испанцев. Вымогая выкуп и грозя сжечь город (а это они легко могли сделать), пираты приумножали муки несчастных горожан.

Четверо испанцев вернулись и в один голос заявили предводителю пиратов: горожане готовы сделать все,

лишь бы не допустить пожара, но у людей больше ничего не осталось. Генерал пиратов сказал, что подождет четырнадцать дней и за это время деньги должны быть доставлены во что бы то ни стало. Пока испанцы торговались с Морганом, стремясь спасти город от сожжения, семь или восемь пиратов отправились на охоту и поймали негра, который возвращался в город с письмом к одному из пленников. Когда письмо вскрыли, оказалось, что оно послано губернатором города Сантьяго, который писал, что вскоре придет многочисленное подкрепление и что горожанам не следует спешить с выкупом, они должны добиться новой отсрочки дней на четырнадцать. Морган понял, что испанцы, прикидываясь бедняками, его обманывают. Он велел перенести всю добычу на берег к тому месту, где стояли корабли, и объявил испанцам, что, если завтра же они не внесут выкупа за город, он тотчас же предаст его огню. О письме, которое попало в его руки, он, конечно, не упоминал. Но испанцы ответили ему, что Морган требует невозможного: люди рассеялись кто куда и их не соберешь. Наконец путем всяческих козней Моргану удалось получить пятьсот голов скота и засолить впрок мяса и сала. Он взял с собой шесть знатнейших жителей в качестве заложников, прихватив также рабов, и отправился на побережье. Днем на то место, где стоял Морган со своей флотилией, пришли испанцы, привели последних коров и потребовали заложников. Но Морган не верил ни одному их слову и отказался выдать заложников, пока мясо не будет перенесено на корабль. Чтобы освободить своих сограждан и главу города, испанцам пришлось вместе с пиратами разделывать туши и засаливать мясо. Пираты разрешали им работать довольно охотно, заставляли переносить мясо на корабль, а сами буквально ни к чему не притрагивались.

Тем временем между французами и англичанами возникли нелады; они едва не пропороли друг другу животы во время драки, которая завязалась, когда один англичанин убил француза, поспорив с ним из-за какой-то мозговой кости. А дело было так: когда разделывают мясо, высасывают мозг, об этом я уже рассказывал в первой части книги; эти люди поступали так же. Француз разделывал тушу. Пришел англичанин и высосал мозговую кость. Началась ссора, которая кончилась стрельбой из пистолетов. При этом, когда они

стали стреляться, англичанин хитростью одолел француза: он выстрелил противнику в спину. Французы собрали приятелей и решили схватить англичанина. Морган встал между спорщиками и сказал французам, что уж если они так заботятся о правосудии, то пусть подождут, пока все не вернутся на Ямайку — там они и повесят англичанина. На его жизнь не посягали бы, если бы он стрелял не по-предательски. Среди пиратов дуэли бывают каждый день, но все шло без осложнений, если человека не убивали выстрелом в спину. Итак, Морган приказал связать преступника по рукам и ногам, чтобы доставить на Ямайку. Тем временем все мясо было засолено и доставлено на корабли. Морган освободил заложников и вышел со своей флотилией в море; в качестве сборного пункта для дележа добычи он наметил один из островков близ берега Кубы. Там пираты разделили добычу как полагалось, и на каждого человека пришлось по пяти тысяч реалов золотом, серебром и различными товарами. Но надеялись они на более жирную добычу: этой им не хватило даже для расплаты с долгами на Ямайке. Прежде чем они подошли к Ямайке, Морган предложил разграбить еще одно селение. Но французы никак не могли договориться с англичанами, их суда разошлись, и Морган остался с горстью своих людей. Однако он дал понять французам, что будет относиться к ним по-прежнему, если они останутся, и посулил им, что честно выполнит свое обещание. Но французы не остались. Впрочем, они заверили его, что относятся к нему как к другу, а Морган обещал им устроить суд над убийцей. Вернувшись на Ямайку, он тотчас же приказал повесить англичанина, из-за которого разгорелись страсти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Морган принимает решение захватить Пуэрто-Бельо, собирает флот и овладевает городом с горстью пиратов

Когда французы покинули Моргана, то для англичан, казалось бы, настали плохие времена и мужество, необходимое для новых походов, у них иссякло. Однако Морган приободрил их. Он сказал, что стоит им лишь последовать за ним, и он найдет средства и пути, чтобы добиться успеха. Предложение Моргана побудило их

снова отправиться вместе с ним. К флотилии Моргана примкнул еще один пиратский корабль, который побывал в Кампече. Вместе с его командой у Моргана было четыреста шестьдесят человек, и он считался адмиралом. Когда наконец все было готово, он вышел в море без заранее разработанного плана, так как был абсолютно уверен, что добудет своим людям хорошую добычу. Он взял курс к материку и несколько дней спустя подошел к побережью Коста-Рики. Когда местность была точно опознана, Морган решил совершить нападение на испанцев и сообщил об этом своим людям. По его мнению, в первую очередь следовало захватить и разграбить Пуэрто-Бельо. При этом он заметил, что сделать это совсем нетрудно: ведь на берегу никто не догадывается об их прибытии. Ему возразили, что вылазка вряд ли удастся, потому что сил для нее явно в обрез. Но Морган ответил: «Чем нас меньше, тем больше достанется на каждого». И, выслушав это, все немедленно разошлись по своим местам...

Морган хорошо знал эти места. Вечером он подошел к Пуэрто-де-Наос, примерно в десяти милях западнее Пуэрто-Бельо, и той же ночью, держась берега, вышел к Пуэрто-дель-Понтин, лежащему в четырех милях от города. Там он отдал якори и посадил отряд в каноэ и гребные лодки; на борту Морган оставил только необходимую охрану, нужную лишь для того, чтобы затем ввести корабли в гавань. К полуночи пираты добрались до местечка Эстера Лонга Лемос и там высадились. Оттуда они двинулись к первым форпостам города. Их вел англичанин, который уже бывал в этих местах в плену и знал все дороги. Англичанин пошел вперед, прихватив с собой еще трех или четырех пиратов. Они двигались совершенно бесшумно, тихо сняли часового и доставили его к Моргану. Морган стал допытываться, в какую пору в городе встают и какие силы у защитников. Часовой на эти вопросы ответил. Пираты заставили его пойти во главе отряда и пригрозили, что прирежут его, если выяснится, что он хоть в чем-нибудь соврал. Спустя четверть часа отряд наткнулся на редут. Пираты заняли его, не потеряв ни одного человека. Перед штурмом Морган заявил испанцам, что, если они не сдадут редута, пощады им не будет. Но испанцы решили сражаться и открыть стрельбу, хотя бы затем, чтобы их услышали в городе и подняли там тревогу.

Ждут взяли довольно быстро — пираты подорвали его вместе со всеми защитниками. Затем пираты отправились прямо к городу. Большинство жителей еще спало: никто и вообразить себе не мог, что пираты отважатся напасть на столь укрепленный город, как Пуэрто-Бельо. Как только пираты вошли в город, все, кто был на ногах, принялись собирать свое имущество и прятать его в ямах. Испанцы еще надеялись задержать пиратов; часть из них отправилась к крепости, а другие к монастырям, беря с собой всех попадавшихся по пути. Губернатор тоже прибыл в крепость и приказал открыть по противнику сильный огонь, однако пираты не медлили. Они осмотрелись и бросились на укрепления, где стояли пушки; пока испанцы заряжали их, семь или восемь солдат уже пали замертво. Бой длился с раннего утра до полудня, но пираты никак не могли захватить крепость. Их корабли стояли перед входом в гавань, и тех, кто вздумал бы бежать морем, встретила бы мощная стена огня. Огонь обрушился на крепость с обеих сторон. И стоило пиратам подойти к стенам поближе, как испанцы тут же обратили их в бегство. Они сбросили пятьдесят горшков с порохом, кидали большие камни и причиняли врагу большой ущерб. Морган и его товарищи пали было духом. Но вдруг над малой крепостью они увидели английский флаг и с возгласом «Победа!» валом кинулись на штурм. Выиграв бой, Морган снова возгорелся отвагой и отправился в город, чтобы изыскать способ для захвата малого форта. Он приказал доставить знатнейших жителей города и прихватить из церковной сокровищницы серебро, золото и разные драгоценности, а затем отдал распоряжение сколотить лестницы, по которым один за другим могли бы подняться сразу четыре человека. Морган приказал группе монахов и женщин отнести лестницы к крепости и прислонить их к стенам. Он уже грозил губернатору, что заставит монахов штурмовать крепость, но губернатор не пожелал ее сдать; пока я жив, сказал он, крепость сдана не будет. Поэтому Морган и в самом деле заставил монахов, священников в женщин приставить лестницы к стене; он полагал, что губернатор не станет стрелять в своих людей. Однако губернатор щадил их не больше, чем пиратов. Монахи именем господа и всех святых взмолились, чтобы губернатор сдал крепость и сохранил им жизнь, но никто не внимал их мольбам. Беднягам пришлось поставить лестницы, а затем пира-

ты влезли на них с ручными гранатами и горшками с порохом, но встретили не менее яростное сопротивление. Однако они не пали духом. Часть пиратов подожгла крепостные ворота, а остальные столь же проворно забрались наверх. Испанцы увидели, какие силы надвигаются на них, и решили бежать. В крепости остался только губернатор, который, отчаявшись, стал истреблять своих же людей, словно врагов. Пираты предложили ему сдаться, однако он ответил: «Никогда! Лучше умереть как храброму солдату, нежели быть повешенным как трусу». Пираты решили взять его в плен, но им это не удалось, и губернатора пришлось убить. Его жена и дочь, которые были в крепости, просили пиратов пощадить их мужа и отца, но просьбы эти оказались тщетными. Когда крепость пала — это случилось уже под вечер, — все пленники были доставлены в особые здания: мужчины в одни, женщины в другие. Пираты выделили караул для их охраны, а затем перенесли своих раненых в дом, стоявший поблизости. Когда все было кончено, пираты принялись пить и развлекаться с женщинами. В эту ночь полсотни отважных людей могли бы переломать шеи всем разбойникам.

На следующий день пираты стали обшаривать и грабить городские дома; при этом они допытывались у пленных, кто в городе богаче всех. Пленники им это сказали, и пираты схватили богачей, чтобы дознаться, куда они дели свое добро. Всех, кто упорствовал и не желал по доброй воле признаваться, тащили на дыбу и терзали, пока он не отдавал богу душу или не показывал все, что от него требовалось. Были и такие, кто не имел вообще никакого добра; они также умирали под пытками, как мученики. Пираты не отпускали никого, и пленники показывали, где спрятано их добро.

Между тем президент Панамы, получив известие о нападении пиратов, стал собирать отряд для освобождения Пуэрто-Бельо. Об этом сказали пиратам пленники. Но пираты не слишком тревожились; правда, они держались неподалеку от кораблей, и, если бы сила оказалась не на их стороне, готовы были тотчас же поджечь город и уйти в море. Спустя четырнадцать дней многих стала косить эпидемия, от трупов шло зловоние; кое-кто пострадал от распутства — вина и женщин. Большинство раненых пиратов погибло. Погибло много и испанцев, однако не от обжорства, а от голода и горя: ведь если в былые времена начинали они

день чашкой шоколада, то теперь считали за счастье поживиться кусочком хлеба или обрезком ослятины.

Между тем у Моргана все было готово для выхода в море. На корабли погрузили добычу и все припасы; кроме того, через пленников Морган сообщил, что требует выкупа за город: иначе он предаст все дома огню и сравняет крепость с землей. Желая дать возможность испанцам собрать деньги, он отпустил двух человек и потребовал от них, чтобы они ему доставили сто тысяч реалов. Эти испанцы добрались до президента Панамы и сообщили ему все, что произошло в Пуэрто-Бельо.

Президент собрал людей и подошел к окрестностям Пуэрто-Бельо. Пираты, стоящие в дозоре, почуяли, откуда дует ветер, и, выбрав момент, когда испанцы были в теснине, бросили на них хорошо вооруженный отряд в сто человек. Пираты перебили множество испанцев и вернулись в крепость. Президент Панамы предупредил Моргана, что если он сейчас же не покинет крепость, то испанцы нападут на них и никого не пощадят. Однако Морган не ведал страха и всегда действовал наудачу. Он ответил, что до тех пор не покинет крепость, пока не получит выкупа. Если же он вынужден будет уйти, то сравняет крепость с землей и перебьет всех пленников. Губернатор Панамы никак не мог придумать, как же сломить разбойников, и в конце концов бросил жителей Пуэрто-Бельо на произвол судьбы и приказал своим людям покинуть город. Наконец горожане собрали деньги и выплатили пиратам сто тысяч реалов выкупа.

Президент Панамы чрезвычайно удивился, как это четыреста человек без пушек смогли взять, казалось бы, неприступную крепость. Он послал к Моргану человека с просьбой рассказать, каким же образом удалось взять столь сильное укрепление. Морган встретил посланца очень приветливо, дал ему французское ружье длиной в четыре с половиной фута, стреляющее пулями весом шестнадцать штук на фунт, а также патронташ с тридцатью зарядами, также французский, и прочие принадлежности. Вручив подарки, Морган передал через этого гонца президенту, что дарит ему ружье и что через год или два сам придет в Панаму. Президент в ответ послал Моргану подарок: золотое кольцо со смарагдом; он поблагодарил Моргана и передал, что с Панамой ему не удастся проделать то же самое, что с Пуэрто-Бельо, даже если Моргану удастся подойти к городу.

Наконец Морган отбыл, нагрузив корабли провиантом и взяв из Пуэрто-Бельо все необходимое для плавания. Кроме того, он не мог отказать себе в желании кое-что прихватить с собой на память и поднял на борт несколько басов, а все остальные приказал заклепать. Спустя некоторое время Морган подошел к южным островкам близ Кубы и там, по обычаю, уже описанному прежде, разделил всю добычу, а она составила двести пятьдесят тысяч реалов золотом, драгоценностями и серебряными изделиями, а сверх того, взято было много холста, шелков и других товаров. Разделив добычу, Морган вернулся на Ямайку, и там его все превозносили и славили: ведь он добыл кучу денег.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Повествование о захвате города Маракайбо, лежащего на побережье Новой Венесуэлы, а также о других грабежах в лагуне Маракайбо и победе над тремя испанскими кораблями, которые пытались запереть пиратов в лагуне

Прожив некоторое время на Ямайке, Морган убедился, что его люди спустили всю выручку, и снова собрался в поход к испанским берегам. На этот раз местом встречи он назначил остров Ваку, расположенный к югу от Эспаньолы. Там можно было отремонтировать корабли и запастись съестными припасами: на острове повсюду водились дикие свиньи. Вскоре там собралось довольно много английских и французских пиратов, и они решили пойти с Морганом, потому что последний поход, окончившийся столь удачно, его повсеместно прославил. В это время из Новой Англии прибыл на Ямайку королевский тридцатишестипушечный корабль. Губернатор отослал его Моргану, чтобы тот попытал на нем счастья, напал на какой-нибудь укрепленный город и захватил изрядную добычу. Прибытие этого корабля очень обрадовало Моргана: ведь в его флотилии не было ни одного судна, которое можно было бы использовать для осады крепостей. Кроме того, он повстречал французский корабль с двадцатью четырьмя пушками и двенадцатью басами, но его экипаж не пожелал идти в поход под командой англичанина. Однако капитан французского корабля, встретившись

с Морганом в открытом море, когда у того иссякли запасы провизии, дал ему провиант и даже не взял за это денег, отсрочив платеж до возвращения Моргана на Ямайку и Тортугу. Как только Морган убедился, что француз не хочет идти с ним, он приказал взять капитана в плен и доставить на свой большой корабль (который он только что получил) и потребовал от него передачи судна на том основании, что оно было захвачено англичанами. Потом Морган собрал у себя военный совет с капитанами других пиратских кораблей, и на этом совете пираты обсудили, в какое именно место испанского побережья им надлежит отправиться. Договорившись, пираты подняли паруса и взяли курс на восточную оконечность острова Эспаньолы, чтобы затем отправиться к острову Савоне; они решили, что суда сперва разойдутся, а потом снова соберутся в условленном месте, и там уже они договорятся окончательно, куда же им идти дальше. На всех кораблях выпили за здоровье короля и будущие успехи; при этом многие подняли стрельбу — господа были внутри корабля, а все остальные на палубе. Но весело было начало, а печальным оказался конец этого пиршества. Шальным выстрелом из мушкета какой-то пират угодил в пороховой погреб и корабль — а на нем было триста англичан и пленники французы — взлетел на воздух. Без малого тридцать человек простились с жизнью, но те, кто был в каютах, спаслись и отделались довольно легко. Моргану слегка свело ногу. Все находились на корме корабля, а на английских судах пороховые погреба располагаются в носовой части. И спаслось бы еще больше, если бы команда не перепилась до такой степени. Англичане не знали, чем объяснить это несчастье, и свалили все на французов, обвинив их в том, что они подорвали английский военный корабль; пираты говорили, будто французы получили от испанцев поручение напасть на английский корабль и завладеть им, если это удастся. В доказательство они показывали охранное письмо, отнятое у французов, а письмо это они получили у губернатора Баракоа; губернатор разрешал им следовать на Кубу и нападать на английские корабли, то есть на пиратов Ямайки. Хотя Испания и не была в состоянии войны с английской короной, но пираты день ото дня причиняли испанским владениям все больший вред. Охранное письмо француз получил не для того, чтобы сражаться с пиратами: ведь он сам

находился под защитой английских разбойников; скорее оно нужно было для того, чтобы вести с испанцами торговлю. Капитана французского судна оставили в живых, но дело было уже загублено. Англичане вернулись на Ямайку; французский капитан последовал за ними, надеясь устроить там свои дела; однако по прибытии на Ямайку он угодил в тюрьму и одно время опасался, что его повесят.

Несмотря на все неприятности, Морган не растерялся и решил продолжить начатое дело с теми пиратами, которые у него были. Спустя восемь дней после взрыва английского корабля англичане выловили разлагающиеся тела убитых, однако не для того, чтобы их похоронить, как повелевал печальный долг, а чтобы снять с них одежду и золотые кольца. Пираты выловили трупы, сняли с них платья и отрубили пальцы, на которых были кольца, а затем бросили тела за борт на съедение акулам. Долгое время к берегу волны прибивали человеческие кости.

Морган остался верен принятому решению: на острове Савоне он должен был собрать совет, чтобы выяснить, куда же держать путь. Так как он сам назначил этот остров для встречи, то пошел к нему под всеми парусами с оставшимися пятнадцатью кораблями. Он командовал самым крупным кораблем, на котором было четырнадцать пушек. Команды всех пятнадцати кораблей в общей сложности насчитывали девятьсот шестьдесят человек. Через несколько дней пираты подошли к мысу Кабо-де-Лобос, лежащему на южном побережье Эспаньолы, примерно на середине пути от мыса Тибурон к мысу Пунта-дель-Эспада. Тут поднялся сильный восточный ветер, и бушевал он целых три недели; что ни день, пираты предпринимали попытки поставить паруса, чтобы обойти мыс, но это им не удавалось. Наконец они все-таки добрались до места. В семи или восьми милях от рейда они заметили еще один корабль. Это был англичанин, шедший прямо из Англии. Несколько кораблей отделилось от флотилии и направилось навстречу, надеясь что-либо купить на этом судне. Морган же следовал своим курсом и назначил местом встречи пролив Окоа, где обещал подождать отставшие корабли.

Спустя два дня Морган достиг пролива Окоа, запасся водой и стал на якорь, поджидая остальные корабли. Между тем его люди — человек примерно по

пять или шесть с каждого судна — высадились на берег, чтобы раздобыть свежие припасы и тем самым сберечь заготовленные. Они истребляли и лошадей, и ослов, и коров, и овец. Испанцам же это пришлось не по вкусу; заметив, что каждый раз пираты сходят на берег небольшими группами, они решили сыграть с ними шутку. Испанцы послали за солдатами в Санто-Доминго, а в гарнизоне этого города, расположенного неподалеку, было человек триста — четыреста. Когда пираты снова сошли на берег, испанцы угнали весь скот с пастбищ на морском берегу. Пираты вошли в лес и удалились примерно мили на три, и было их всего человек пятьдесят. Испанцы выгнали на них отменное стадо быков и трех-четырех пастухов, которые это стадо пасли. Пираты убили одного быка, а остальных не тронули, но только они взялись за тушу, чтобы утащить, как испанцы напали на них с криками «Mata, mata!» (что по-испански означает «убей, убей!»). Пираты бросили добычу, построились и как бешеные накинулись на врагов; половина пиратов вскоре сложила головы, оставшиеся дрались отчаянно. Бой длился довольно долго, но в конце концов пираты отступили и скрылись в лесу. Испанцы пустились было их преследовать, но когда убедились, что пираты стреляют без промаха, то прекратили преследование. Тем временем пираты остались в лесу, чтобы собрать раненых и перенести их затем на берег. Они увидели, как испанцы унесли в саванну своих убитых и раненых, прихватив при этом труп одного пирата. Вокруг него собралась целая толпа испанцев, все шпиговали тело шпагами и кричали: «El cornudo Ladron!»[1] Как только пираты убедились, что часть испанцев удалилась, они набросились на оставшихся и перебили их. Труп товарища, на котором они насчитали более ста ран, пираты взяли с собой и похоронили в лесу. Затем они убили на мясо несколько лошадей и вынесли раненых. На следующий день на берег сошел сам Морган с отрядом в двести человек, но испанцы были уже далеко и увели с собой всех коров. Тогда Морган спалил на берегу несколько домов и вернулся на корабль.

Морган понял, что кораблей он здесь не дождется, и приказал всем своим судам выйти в море; спустя некоторое время его флотилия достигла острова Саво-

[1] Грязный вор (точнее, вор — рогоносец)! (исп.).

ны, у берегов которого назначен был сбор всем кораблям флотилии. Но и там Морган не нашел никаких следов отбившихся кораблей. Он выделил сто пятьдесят человек и направил их на остров Эспаньолу, где эти люди должны были разграбить кое-какие поселения наподалеку от Санто-Доминго и запастись провиантом для дальнейшего плавания. Но люди, посланные Морганом, вернулись ни с чем: испанцы каким-то образом узнали, что на берегу появились пираты, и схватили ружья, но разбойники, которые были готовы сражаться только ради денег, ушли.

Морган окончательно убедился, что товарищей ему не дождаться, сделал смотр всем своим силам и обнаружил, что на каждом из восьми кораблей насчитывается примерно по пятьдесят человек; его корабль, как я уже говорил, был самый большой. Согласно первоначальному плану, пираты собрались разграбить буквально все города и поселения на берегах Каракаса. Однако теперь, когда дела пошли по-другому, надо был изменить прежние планы.

Среди пиратов был один французский капитан, который уже участвовал в походе Олоне на город Маракайбо, и он готов был провести туда флотилию Моргана. Морган обсудил с ним все подробности нападения и известил об этом команду. Пираты единодушно одобрили замысел своего вожака.

Приняв это решение, Морган вышел в открытое море и взял курс на остров Кюрасао; когда пираты подошли к его берегам, Морган приказал плыть к острову Арубе; этот остров лежит примерно в двенадцати милях к западу от Кюрасао и принадлежит Вест-индской (голландской) компании. Компания держала на нем пятнадцать солдат под командой сержанта. Населяют Арубу индейцы; они говорят по-испански и под их влиянием исповедуют христианство. Каждый год из селения Коре, лежащего на материке, к ним приезжает испанский священник читает им проповеди и причащает по обычаю римской церкви. Эти индейцы торгуют с пиратами, которые появляются в их краях, и меняют овец и коз на ткани, нитки и все, что им необходимо. Земля острова крайне неплодородна, она суха и поросла низким кустарником; там разводят овец, коз, сеют испанскую пшеницу — тем и питаются местные жители...

Морган отдал якорь близ этого острова и выторговал у индейцев столько овец и коз, сколько было нужно для

ной его флотилии; после двухдневной стоянки он отбыл темной ночью, чтобы никто не видел, куда он отправится. Однако его все же заметили. На другой день в полдень корабли Моргана вошли в залив Маракайбо, и, чтобы их не было видно из сторожевой башни, откуда море просматривалось очень далеко, пираты бросили якорь на глубине девяти футов, а к вечеру двинулись снова в путь.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, корабли подошли к крепости де ла Барра, которая отделяла вход в лагуну. Испанцы успели построить новые укрепления и незадолго до прибытия Моргана установили на них тяжелые пушки.

Пираты спустили все маленькие суда, на которых можно было перевезти людей на берег. Испанцы в крепости также начали срочные приготовления и открыли огонь из больших пушек. Они спалили все дома, окружавшие крепость, чтобы расчистить место для стрельбы, и продолжали стрелять всей батареей. Морган и его люди вступили в форт только к вечеру. Там не было ни души: едва пираты подошли вплотную к крепости, ее защитники взорвали часть порохового запаса и ушли под прикрытием дыма. Пираты очень удивились, никого не обнаружив в столь укрепленном месте. Они подбежали к погребу, еще полному порохом, и увидели, что огонь от зажженных фителей подбирается по пороховым дорожкам и горит на расстоянии дюйма от большой кучи пороха. Так что промедли они хоть одно мгновение — и крепость взлетела бы на воздух вместе с теми, кто ее захватил. Морган приказал немедленно вытащить порох из крепости и подорвать крепостные стены, а все пушки бросить в кучу. В крепости было шестнадцать пушек, стрелявших восьми-, двенадцати- и двадцатичетырехфунтовыми ядрами, шестьдесят мушкетов и боевых припасов в должной пропорции. Пушки были сброшены со стен, а лафеты сожжены. На следующее утро Морган отправил на корабль несколько пушек и порох. Все остальные пушки, взятые в крепости, заклепали и зарыли в песок. Команда немедленно поднялась на борт, чтобы как можно скорее добраться до Маракайбо. Однако на тамошних отмелях в часы отлива остается так мало воды, что отойти от берега очень трудно, и несколько кораблей осталось на месте. Чтобы не терять времени и быстрее достичь города, их команды пересели на другие суда с меньшей осадкой. Спустя

сутки, ровно в полдень, флотилия подошла к городу Маракайбо и встала недалеко от берега, чтобы обеспечить высадку огнем малых пушек. Сделать это оказалось так же легко, как и при высадке у форта: все испанцы скрылись в лесу и бросили город на произвол судьбы; остались только совсем дряхлые старики, которые не могли уйти из города, да и терять им было нечего. Войдя в город, пираты обыскали все закоулки в поисках засады, которую могли устроить либо в домах, либо в лесах вокруг города. Не заметив ничего подозрительного, они разделились на отряды (каждый такой отряд состоял из команды определенных кораблей) и заняли дома на площади. Кафедральный собор был превращен в арсенал, и вокруг него постоянно стояла стража. Я не буду описывать город Маракайбо, ибо сделал я это уже, когда рассказывал о первом его захвате пиратами Олоне.

В тот день, когда пираты вошли в город, сотня этих разбойников решила отправиться за добычей и пленниками. На следующий вечер они вернулись, ведя за собой пятьдесят мулов, навьюченных добром, и около тридцати пленных: были среди них и мужчины, и женщины, и дети, и рабы. Как обычно, их стали терзать, пытаясь узнать, куда скрылось население города. Одних просто истязали и били; другим устраивали пытки святого Андрея, загоняя горящие фитили между пальцами рук и ног; третьим завязывали веревку вокруг шеи, так что глаза у них вылезали на лоб и становились словно куриные яйца. Кто вообще не желал говорить, того забивали до смерти. Ни один из несчастных не избежал своей участи. Пытки продолжались три недели. Одновременно пираты совершали ежедневные набеги в окрестности города и всегда приносили большую добычу, и не было случая, чтобы они вернулись с пустыми руками. После того как пираты выявили сотню богатейших семейств Маракайбо и разграбили все их имущество, Морган решил отправиться в Гибралтар. Впопыхах снарядили корабли и доставили на них добычу и пленников; затем подняли якори и взяли курс на Гибралтар, изготовившись к будущему сражению, причем каждый из пиратов заранее знал свое место в бою. Несколько пленников высадили на берег и послали в Гибралтар, заставив их от имени Моргана потребовать сдачи города. В случае отказа они должны были передать горожанам, что пираты не дадут никакой

площади и обойдутся с пленниками еще хуже, чем французы два года назад.

После многодневного пути Морган и его спутники подошли к Гибралтару. Испанцы дружно открыли огонь из тяжелых пушек. Но пиратов этот отпор не смутил, они воспылали еще большим рвением; пираты уверились, что там, где крепко защищаются, наверняка много добычи, ну, а сахар всегда подсластит и кислую кашу.

На следующий день, рано-рано утром, пираты сошли на берег и избрали не самый прямой и короткий путь, а по предложению одного француза, который уже бывал здесь и хорошо знал эти места, пошли по другой, лесной дороге; это давало им возможность напасть на Гибралтар с возвышенности и с тыла. Но часть пиратов все же двинулась главным путем, чтобы у испанцев создалось впечатление, будто именно отсюда готовится на них удар. Однако такие предосторожности были ни к чему: испанцы хорошо помнили, что произошло два года назад при налете французов, и предпочли добровольно покинуть эти места, чтобы снова не подставлять свои шеи под топор. На дороге, по которой испанцы отходили, они соорудили несколько засад, чтобы задержать пиратов, если те за ними погонятся. Крепостные орудия испанцы заклепали, а порох увезли.

В городе пираты не встретили никого, остался там лишь один придурковатый испанец. Когда его спросили, куда же ушли все жители, он ответил, что не знает, потому что их об этом не спрашивал, когда они удирали. Затем пираты спросили его, знает ли он, где тут поблизости плантации. Он сказал, что за всю свою жизнь был только на двадцати плантациях. На вопрос, не знает ли он, где хранилось в церкви золото и серебро, он ответил «да» и привел их в алтарь. «Здесь,— сказал он,— я видел все церковное золото и серебро, но где оно теперь, этого я не знаю». Больше от него ничего нельзя было добиться, и тогда его связали и стали избивать...

Спустя двенадцать дней пираты вернулись в Гибралтар и привели с собой новых пленников, однако замысел их до конца осуществить не удалось. Еще через два дня появились корабли, которые ходили в лагуну. Они привели с собой испанское судно и четыре барки с товарами и пленными. Но им удалось захватить не всю добычу: испанские каноэ успели сообщить о приближении пиратов, испанцы выгрузили большинство

товаров и были готовы сжечь корабли. Только они принялись за дело, как судно захватили пираты. Таким образом, пиратам удалось захватить корабль, где оставалось лишь полотно и шелк. Совершив еще несколько набегов и проведя в Гибралтаре в общей сложности пять недель, пираты решили покинуть город. Они послали несколько пленников к скрывавшимся горожанам и сообщили через них, что ждут выкупа: если денег не будет, город сожгут. Вскоре эти посланцы вернулись и сказали, что никого не нашли, хотя губернатор согласен заплатить выкуп. Если бы Морган мог подождать, они согласились бы и на пять тысяч реалов. Испанцы дали пиратам заложников, и Морган увез их в Маракайбо, не отпуская до тех пор, пока не принесут все деньги. Морган не был в Маракайбо уже довольно долго и совершенно не знал, как там обстоят дела. Поэтому испанцам он не дал времени собраться с силами, боясь, чтобы они не закрыли ему выход в море. Он торопился с отъездом и согласился на предложения испанцев, взяв четырех заложников, а остальных отпустил, конечно, после того, как они заплатили выкуп. Но рабов Морган оставил. Испанцы хотели заплатить выкуп и за того негра, который привел пиратов, но Морган не выдал его. Если бы он попал в руки испанцев, его бы сожгли заживо. Затем корабли подняли якори и вышли в море. Через четыре дня пираты прибыли в город Маракайбо, где выполнили все, что задумали. Но там их ждали совершенно неожиданные известия. К Моргану привели одного бедняка, который лежал в лазарете в Маракайбо. Он сообщил, что в лагуну вошли три боевых испанских корабля и подстерегают пиратов, а в крепости испанцы снова установили пушки. Пираты тотчас же снарядили легкое судно, чтобы выяснить, что это за корабли. На следующее утро судно вернулось, и слова старика полностью подтвердились. С кораблей, о которых этот старик говорил, заметили пиратов и обстреляли их. Вполне возможно, что на каждом из них могла быть сильная команда. Самый крупный корабль был вооружен сорока пушками, поменьше — тридцатью, а самый маленький — двадцатью четырьмя. Пираты видели и гарнизон, стоявший в крепости. Силы испанцев намного превышали силы Моргана: ведь на самом тяжелом его корабле было всего четырнадцать пушек. Никто не знал, что предпринять, даже Морган; думали, какой выход из положения будет

лучше — выбраться из жерла лагуны было нельзя, потому что там стояли испанские корабли; и никакого шанса не было пройти сушей. Моргану хотелось скорее вернуться в город, чем оставаться здесь, потому что испанцы на тяжелых кораблях могли причинить ему много бед. Господь, однако, к большому огорчению испанцев, дал пиратам возможность выскользнуть из рук достойного противника.

Стремясь показать, что пираты совсем не пали духом, Морган потребовал от испанцев выкупа за Маракайбо, угрожая в случае отказа сжечь город. Через два дня он получил письмо от испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы, стоявшего с кораблями у выхода из лагуны. Вот это письмо:

«Письмо испанского генерала
дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы
Моргану, адмиралу пиратов.

От своих друзей и соседей я получил сообщения, что вы осмелились предпринять враждебные действия против страны и города, находящихся под властью Его Католического Величества, короля Испании, моего господина. Поэтому моим долгом было прийти сюда и занять крепость, которую вы захватили у горсти трусов, установить в ней пушки и тем самым укрепить выход из гавани — словом, сделать все, как велит долг. Тем не менее, если вы смиренно вернете все, что вами награблено, и освободите рабов и пленников, я из-за мягкосердия и жалости к вам отпущу вас, чтобы вы смогли добраться до вашей родины. Но если, несмотря на мои добросердечные предложения, вы станете упрямиться, я приведу из Каракаса более легкие суда и прикажу моим войскам в Маракайбо уничтожить вас без всякой пощады. Вот мое последнее слово: отдавшись в мои руки, вы будете вознаграждены, в ином случае я прикажу моим храбрецам отомстить вам за все те обиды, которые вы нанесли испанскому народу в Америке.

Дано на корабле Его Католического Величества «Магдалена», коим я командую, стоящем у входа в лагуну Маракайбо, 24 апреля 1669 года.

Подписал:
дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса».

Морган прочел это письмо и приказал собрать всех пиратов. Он огласил его сперва по-английски, потом по-французски, а затем спросил: хотят ли они отдать добычу в обмен на право свободного выхода или готовы сражаться? Все ответили, что лучше сражаться до последней капли крови, чем отдать добычу: ради нее они однажды уже рисковали жизнью и готовы снова поступить точно так же. Из толпы вышел один пират и объявил Моргану, что готов с двенадцатью товарищами подорвать самый большой испанский корабль. Он предложил превратить судно, которое пираты захватили в лагуне, в брандер, но снарядить как обычный боевой корабль, подняв флаги и установив на его борту чурки с шапками, чтобы казалось, будто на нем настоящая команда, а вместо пушек выдвинуть из портов деревянные чурки, которые называют негритянскими барабанами, то есть отрезки полых древесных стволов длиной около полутора футов. Поскольку пираты находились в столь бедственном положении, совет был одобрен, но Морган все еще надеялся найти другие способы одолеть испанского адмирала. Итак, он еще раз обратился к испанцам со следующим предложением: пираты готовы уйти из Маракайбо, не спалив города и не причинив ему вреда, даже без выкупа они готовы отдать половину рабов и выпустить остальных пленников безвозмездно, а также отказаться от выкупа за Гибралтар и освободить заложников.

Испанский генерал ответил, что и слушать не желает о таких предложениях и дает пиратам еще два дня. Если они не выполнят за этот срок его требований, он уничтожит их огнем и мечом. Получив такой ответ от генерала, Морган решил пойти на все, лишь бы выйти из лагуны, не отдавая добычи. Он запер всех пленников и приказал наблюдать за ними построже. Рабов, которые носили воду и выполняли всякую другую работу, заковали в кандалы, и теперь все, чем раньше занимались рабы, пираты делали сами. Тем временем часть пиратов собрала в городе всю смолу, воск и серу и соорудила огромный зажигательный снаряд. Трюмы судна набили пальмовыми листьями, перемешав их с воском, смолой и серой; на эту смесь положили большие полотнища холста, которыми накрывали пушки; под каждой чуркой поставили шесть горшков с порохом; чтобы взрыв оказался еще сильнее, подпилили наполовину

бимсы. Кроме того, проделали новые пушечные порты и вместо пушек вставили в них «негритянские барабаны». На палубе поставили несколько деревянных чурок и надели на них шапки, чтобы издали они выглядели как люди; наконец подняли адмиральский флаг. Когда корабль-брандер был готов, решили идти под всеми парусами к устью лагуны, посадив в одну из барок всех пленных, а во вторую — добычу и женщин. Каждую из барок охраняло по двенадцать вооруженных пиратов; там, где были индейцы, погрузили несколько тюков с товарами, а где были женщины — положили весь запас золота и драгоценностей. Всем баркам было дано указание держаться позади в определенном месте: но по условному сигналу они должны были поравняться с флотилией и как можно быстрее выйти в море. Брандеру дано было указание идти перед флагманом и взять на абордаж самый большой корабль, но если в силу каких-либо обстоятельств это ему бы не удалось, то на абордаж должен был кинуться сам адмирал. Позади флагмана шло еще одно судно, которое должно было оказать помощь брандеру: если бы враг что-либо заметил, с него должны были подкинуть смолы и прочую легковоспламеняющуюся рухлядь. Когда Морган отдал все приказания, пираты дали клятву драться плечом к плечу до последней капли крови, а если дела обернутся плохо, то не давать врагу пощады и биться до последнего человека; тому, кто проявит особую храбрость, совершит какое-нибудь геройство или захватит неприятельский корабль, обещана была из общей добычи особая премия. Когда все было решено, Морган поставил паруса и 30 апреля 1669 года вышел навстречу испанцам, стоявшим на якоре в самой середине пролива. Подойдя на расстояние чуть больше пушечного выстрела, Морган отдал якори, поскольку вступать в бой было уже поздно. Вечером вахту брандера по боевому обычаю сменили. В течение ночи и с той и с другой стороны были выставлены бдительные дозоры; на следующий день пираты уже были готовы к бою. Когда забрезжило утро — был отлив, — пираты двинулись. Испанцы решили, что пираты готовы на все, лишь бы выйти из пролива; и их корабли, подняв якори, пошли навстречу пиратским. Корабль-брандер двинулся на самый большой испанский корабль и таранил его. Когда испанский генерал сообразил, что это за судно, он отдал приказ своим людям перебраться на его палубу и срубить

мачты, чтобы судно унесло течением. Но испанцы не успели ничего сделать: брандер внезапно взлетел на воздух, просмоленное полотно облепило такелаж «испанца» и, охваченный мощным пламенем, корабль генерала заволокло густым дымом. Когда со среднего корабля увидели, что флагман горит, капитан его тотчас же умчался под прикрытие форта и наскочил на мель; третье судно хотело повторить этот маневр, но пираты погнались по пятам и захватили его. Ворвавшись на корабль, они мгновенно перетащили к себе все, что было возможно, и запалили судно. Горящий корабль погнало к берегу, на нем почти никто не уцелел. Пираты стали вылавливать людей, плывущих между судами, но те предпочитали идти ко дну, а не в руки пиратов по причине, о которой я скажу позже. Все пираты были очень уверены в себе и, увидев, что одержали такую победу всего за два-три часа, пожелали и дальше преследовать испанцев. Они сошли на берег, где из крепости их яростно стали обстреливать из тяжелых пушек. У пиратов же были только ружья и ручные гранаты; пушки на их кораблях были слишком малого калибра, и ядра их не могли сокрушить мощные стены крепости. Весь остаток дня они обстреливали крепость из ружей, и стоило появиться кому-нибудь над ее стенами, по этому человеку стреляли, как по мишени. Но когда пираты попытались влезть на крепостные валы, чтобы забросать испанцев ручными гранатами, их довольно скоро отбили. Испанцы открыли сильный огонь и принялись бросать горшки с порохом, который взрывался от горящих фитилей; пираты вынуждены были отойти и насчитали тридцать человек убитыми и много раненых. К вечеру несолоно хлебавши они поднялись на борт своих кораблей.

Испанцы, опасаясь, что на следующий день пираты могут перенести на сушу пушки, работали всю ночь, срывая пригорки у крепостных стен и надеясь огнем из крепости помешать атаке пиратов. Вечером несколько испанцев вызвалось подплыть к обломкам взорванного корабля, однако им помешали. Одновременно пираты захватили несколько пленников, и Морган, перед тем как отплыть, спросил у захваченного штурмана самого маленького корабля, каковы были силы испанцев, не ожидали ли они более значительного подкрепления и откуда они прибыли. Штурман ответил ему по-испански следующим образом. Господин, сказал он, я чужезе-

мец, не велите меня казнить, и я вам расскажу всю правду о том, что произошло. Наши шесть кораблей были посланы из Испании в Западные Индии, чтобы поймать пиратов и искоренить их. После захвата Пуэрто-Бельо наш двор очень обеспокоился, и была подана жалоба английскому двору; английский король ответил, что никогда не давал указаний творить подобные бесчинства в отношении подданных Его Католического Величества. Тогда в Испании и снарядили шесть кораблей и послали их сюда под командой дона Агустино де Бустоса, следовавшего на корабле «Нуэстра Сеньора-де-ла-Соледад», который был вооружен пушками и восемнадцатью басами. Вице-адмиралом был дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса, он шел на корабле «Ла Консепсьон» с сорока четырьмя пушками и восемнадцатью басами. Затем были еще четыре корабля: первый из них — «Магдалена» — был вооружен тридцатью шестью пушками и двенадцатью басами, а команда его состояла из двухсот пятидесяти человек; второй — «Святой Луис» — нес двадцать шесть пушек, двенадцать басов и на нем было двести человек; третий — шестнадцать пушек, восемь басов, и команда его насчитывала сто пятьдесят человек, и, наконец, последний — «Нуэстра сеньора дель Кармен» — имел шестнадцать пушек, восемь басов и сто пятьдесят человек. Прежде всего мы прибыли в Картахену, откуда два первых корабля пришлось отправить в Испанию, потому что они оказались слишком тяжелыми для крейсирования в этих водах. Там же мы потеряли во время северного шторма корабль «Нуэстра сеньора дель Кармен» и с тремя остальными кораблями добрались до острова Эспаньолы, где зашли в гавань Санто-Доминго. Как только мы пришли туда, жители города рассказали нам, что неподалеку видели судно с Ямайки и что в местечке Альта-Грасиа высадилась группа людей. Один пленник, участвовавший в высадке, рассказал им, что готовится нападение на Каракас. Дон Алонсо тут же приказал поднять якори, и мы отправились к материковым берегам. Но в виду острова Кюрасао нам повстречалась барка, и мы узнали, что флотилия с Ямайки насчитывает семь больших кораблей и один бот и находится в Маракайбо. Получив это известие, мы подняли паруса и, чтобы благополучно войти в лагуну, миновав всякие преграды, выстрелом дали знать, что нуждаемся в лоцмане. Когда люди на побережье за-

метили, что мы идем на испанских кораблях, они поднялись на борт и сказали, что англичане уже заняли Маракайбо и сейчас стоят в Гибралтаре. Тогда дон Алонсо призвал нас к битве и пообещал отдать всю пиратскую добычу, какую только захватим у англичан; пушки с поврежденного корабля он приказал установить в крепости и добавил к ним еще два шестнадцатифунтовых баса со своего корабля. Нас ввели в лагуну, и дон Алонсо приказал, чтобы жители присоединились к его отряду; так крепость усилили еще на сто человек. Вскоре мы получили известие, что вы снова появились в Маракайбо, и тогда-то дон Алонсо написал вам письмо. Но когда он понял, что вы не склонны отдавать добычу без боя, он снова подбодрил нас, пообещав деньги, а затем, по римскому обычаю, собрал всю команду и потребовал не щадить англичан, потому что они тоже не дадут никому пощады. По этой причине мы много выпили и уж после этого и решились никому не давать пощады. Спустя два дня после вашего прихода к дону Алонсо пробрался один негр и сообщил, что вы соорудили судно-поджигатель, однако он не поверил ему и сказал, что пираты не додумаются до этого да у них для этого и нет инструментов.

Морган обошелся с этим штурманом очень ласково и пообещал ему часть своей добычи наряду со всеми. Штурман принял предложение и остался у пиратов: ему больше ничего не оставалось делать. Он сказал, что на большом корабле было три тысячи реалов, как раз поэтому испанцы и пробирались к нему.

Морган тут же приказал оставить на месте один корабль и начать искать серебро с большого корабля, при этом он велел следить за испанцами; сам же отправился на другом корабле в Маракайбо, где заставил отремонтировать захваченный корабль и заменить им тот, который был у него. Потом он послал к генералу человека и потребовал выкупа за Маракайбо, грозясь сжечь все дома. Испанцам стало ясно, что попали они в беду и что у них не хватит сил, чтобы избавиться от пиратов; поэтому они решили заплатить выкуп, хотя дон Алонсо не желал даже и слушать об этом. Итак, этот человек вернулся и спросил, сколько же потребует Морган в качестве выкупа. Морган потребовал тридцать тысяч реалов и пятьсот голов скота и обещал не причинять городу никакого вреда и выпустить всех пленни-

ков. В конце концов пираты согласились на двадцать тысяч реалов и пятьсот голов скота.

На следующий день испанцы привели весь скот, который от них требовался, и внесли часть денег. Пираты перебили все стадо и засолили мясо. Вскоре испанцы принесли остальные деньги и потребовали освободить пленников. Однако Морган не хотел ничего знать и сказал, что передаст пленников тогда, когда отойдет на расстояние пушечного выстрела от крепости: таким путем он желал обеспечить себе свободный выход. Пираты подняли якори и направились к выходу из лагуны, где оставили один из своих кораблей. Он еще стоял там, и его команда выловила среди обломков судна серебряных слитков на пятнадцать тысяч реалов и множество шпаг и кинжалов, отделанных серебром. От пожара серебро сплавилось, и попадались обломки весом до тридцати фунтов. После этого Морган сообщил пленникам, что они должны выпросить у генерала для него свободный проход; если генерал не сделает этого, то он повесит всех пленников. Пленники посоветовались друг с другом и послали к дону Алонсо человека просить его, чтобы он дал возможность пиратам выйти мирно, иначе это может им стоить жизни; они пытались склонить его к этому на разные лады и говорили, что от этого зависит судьба их жен и детей, и убеждали генерала, что только его решение спасет их всех. Однако генерал не внял их мольбам и дал отрицательный ответ; он обвинил их в малодушии. Если бы, сказал он, они обороняли крепость от пиратов так же, как он, то не так-то легко далась бы она в руки разбойников. Он не хочет и думать о сдаче крепости или о том, чтобы пиратам дать возможность ускользнуть; напротив, он всех их намерен пустить ко дну; крепость настолько сильна, что с ее помощью он может выиграть битву, к вящей славе короля и к его, генерала, чести. Безутешные испанцы возвратились к Моргану и передали ему слова дона Алонсо. Морган ответил, что он уже нашел способ выйти из лагуны.

Тем временем Морган решил, что настало время для дележа добычи, поскольку обычные места сбора были далеко, а ближайшие находились на Эспаньоле; по пути же туда бури могли разогнать корабли, так что на тех судах, где не было добычи, пираты рисковали не получить ничего. Поэтому собрали все деньги, а также драгоценности и чеканное серебро, и общая сумма до-

стигла двухсот пятидесяти тысяч реалов, не считая разных товаров и рабов. Добычу распределили по кораблям, а затем на каждом из них совершили ее дележ. Когда все честь по чести было сделано, пираты дали клятву, что никто из них не утаит ни шиллинга, будь то золото, серебро, драгоценности, жемчуг или камни — алмазы, смарагды или безоаровые камни. Морган первый поклялся в том на Библии, и так же поступили все остальные пираты.

Когда дележ добычи закончился, встал вопрос, как же выйти из лагуны. Пираты решили пуститься на такую хитрость: днем, в канун ночи, которая намечена была для бегства, часть пиратов села на каноэ якобы для того, чтоб высадиться на берег. Берег этот был в густых зарослях, и пираты незаметно вернулись назад, легли в каноэ и потихоньку снова подошли к своим кораблям. Такой маневр они предприняли неоднократно, причем ложная эта высадка шла со всех кораблей. Испанцы твердо уверились, что пираты попытаются этой ночью броситься на штурм и захватить крепость; они стали готовить все необходимое для защиты с суши и повернули туда все пушки.

Настала ночь, и, когда Морган убедился, что все пираты наготове, он приказал поднять якори, поставить паруса. Корабли понеслись в струе течения, и их прибило почти к самой крепости. В этот момент пираты поставили паруса так, чтобы использовать ветер с суши, и пронеслись мимо крепости. Испанцы тотчас повернули часть пушек в сторону моря, однако пираты успели уже осуществить свой маневр, и их корабли почти не пострадали от крепостных орудий. Впрочем, испанцы так и не решались повернуть все пушки в сторону моря, опасаясь, что основные силы пиратов нападут на них с суши. На следующий день Морган отправил к крепости каноэ, чтобы обменять пленных пиратов, которых вот-вот должны были предать смерти, на испанских пленников. Для этого Морган выдал пленникам барку и дал возможность уйти всем, кроме заложников из Гибралтара, за которых еще не было уплачено. Их отпустить Морган не хотел, потому что надеялся получить положенный выкуп. На прощанье он выстрелил по форту из семи пушек, однако ответного залпа не последовало.

В тот же день Морган пересек часть лагуны, однако затем разразился шторм от норд-оста. Флотилия Морга-

на отдала якори на глубине пяти футов, море было столь неспокойным, что корабли были вынуждены выйти в открытые воды. Вскоре одно судно дало течь, и пираты попали в беду; если бы их захватили испанцы, то уж, конечно, никого не пощадили бы, попади же они в руки индейцев, их бы тоже не помиловали. Но наконец после долгих дней испытаний подул попутный ветер.

Пока Морган захватывал богатую добычу и одерживал блестящие победы над испанцами, его товарищи, расставшиеся с ним у мыса Лобос, в предвкушении набега на английский корабль были жестоко разбиты у Куманы, на побережье Каракаса.

Сперва они прибыли на место встречи к острову Савоне, но письма Моргана, оставленного в кувшине, не нашли и не знали, куда он отправился. Поэтому решили сами атаковать какой-нибудь город. Их было человек четыреста, и располагали они пятью кораблями и одной баркой. Командовал этими пиратами известный капитан Ансель, который отличился еще при захвате Пуэрто-Бельо. Провозгласив его командиром, или адмиралом, пираты посоветовались между собой и решили отправиться в город Куману. Кумана расположена на материковом побережье Каракаса, примерно в шестидесяти милях западнее Тринидада, южнее острова Тортилья. Дойдя до тех мест, пираты высадились обычным способом и напали на индейцев, живших на берегу; однако, когда они дошли до города, их окружили испанцы и индейцы, так что у них сразу же пропала охота к грабежам и явилось желание как можно скорее добраться до своих кораблей. Во всяком случае пробивались они к кораблям довольно смело и в конце концов пробились, правда ряды их основательно поредели. Человек сто погибло на месте высадки, пятьдесят буквально принесли на борт. Когда же эти пираты вернулись на Ямайку, всякий, кто ходил с Морганом в Маракайбо, донимал их вопросом: много ли выручили они в Кумане и по какой причине остались в дураках?

Жорж БЛОН

ФЛИБУСТЬЕРСКОЕ МОРЕ

БЕРЕГОВЫЕ БРАТЬЯ

...Тортуга был крохотным клочком суши, безвестным островком среди тысяч других. Колумб, проплыв мимо, не обратил на него внимания. Великий мореплаватель сошел на другом острове, расположенном по соседству с Тортугой, но несравнимо большем по размеру. Индейцы, кстати, так и называли его — Большая Земля. Колумб, воткнув в него флаг своего короля и установив там крест, нарек его Эспаньолой. Позже флибустьеры окрестили его Санто-Доминго. Ныне это остров Гаити.

С борта каравелл Эспаньола показалась первооткрывателям сплошным гористым массивом. Однако потом испанцы обнаружили там и долины, и низменности, и плодородные плато. Около трехсот тысяч индейцев населяли Большую Землю. Их племена периодически враждовали друг с другом, а религия, которую они исповедовали, требовала человеческих жертвоприношений. Туземцы встретили высадившихся европейцев доброжелательно, приняв их за полубогов. Дело в том, что испанцы ездили на лошадях — животных, неведомых индейцам. Так что они приняли всадника и лошадь за одно существо, подобие кентавра. А их предания гласили, что рано или поздно на остров вернутся подобные божества, некогда покинувшие их край. Они охотно приняли крещение, поскольку не усматривали в той процедуре ничего дурного, и радостно обменяли на европейские безделушки и тряпье свои золотые украшения. Индейцы не ведали, что тусклый блеск золота предрешит их судьбы.

Лас Касас, испанский монах, крестивший индейцев, оставил подробнейший рассказ о том, как его соотечественники обращались с туземцами, в частности с обитателями Эспаньолы. Рабский труд в рудниках и на плантациях, к которому их понуждали с неистовым рвением, вскоре привел к тому, что добрую часть индейцев пришлось ежедневно отряжать на захоронение умерших собратьев; недостаток рабочей силы восполня-

ли за счет ввоза с других островов и с континента, но расход намного превышал приток. Согласно Лас Касасу, население Эспаньолы сократилось с *трехсот тысяч* к моменту прихода испанцев до *трехсот* человек сорока годами позже. «Святой отец, разумеется, преувеличил смертность»,— писали впоследствии умудренные историки. Увы, факт остается фактом: за полвека колонизации индейцев на острове практически не осталось.

Теперь представьте, что произойдет, если вы вдруг уберете почти все население с плодородного острова, лежащего в тропическом климате. Естественно, Природа вступит в свои права, флора и фауна начнут буйно развиваться. К прежним представителям животного мира Эспаньолы теперь добавились завезенные испанцами лошади, коровы и собаки; все растения и звери плодились и размножались в этом гигантском естественном заповеднике.

После того как золотые рудники оскудели, а индейцы вымерли, почти все испанцы покинули Эспаньолу, двинувшись на поиски очередных эльдорадо. Осталась лишь горстка колонистов, разбивших плантации в центре и в южной части острова. Уцелевшие индейцы прятались в расселинах прибрежных скал, боясь показаться на глаза, боясь даже разводить огонь.

Год шел за годом, изредка на горизонте мимо острова проплывали паруса далеких судов. Старики индейцы, помнившие о страшном времени массовых избиений, рассказывали своим немногочисленным внукам о том, что им довелось пережить.

Потом настало время, когда парусов на горизонте становилось все больше и больше, и наконец пришел день — это случилось в начале двадцатых годов XVII века,— когда несколько судов пристали к берегу. Индейцы — мужчины, женщины, дети — в ужасе бросились в чащу леса.

Вторая людская волна из Европы была куда многолюднее первой, накатившейся на американский берег вскоре после Колумба. Но, как и в первой волне, большинство прибывших составляли авантюристы и откровенные преступники, дезертиры, спасавшиеся от рекрутских наборов, неудачники, твердо положившие себе выбиться в люди, слабодушные мечтатели, готовые пойти за кем угодно,— словом, человеческое отребье. Однако кроме подонков тут было и немало людей способных, честных и благородных, в основном из числа

гонимых у себя на родине за религиозные убеждения, — католики из Англии, гугеноты из Франции, разорившиеся валлийцы, согнанные с земель ирландцы, безработные и младшие сыновья владельцев земельных наделов. Среди этих иммигрантов встречались люди, сведущие в морском деле, матросы и даже капитаны, ходившие в далекие навигации. Но все-таки большинство прибывших впервые узрели море в порту перед отплытием.

По прибытии в Новый Свет людской поток разделялся: экипажи подтягивали паруса на гитовы и бросали якорь возле зеленеющих островов, переселенцы сходили на берег и, если находили там источники пресной воды, а также если остров был безлюден или населен малым числом индейцев, устраивались и оседали на нем.

На месте на скорую руку строили временное жилье, а самые нетерпеливые, не желавшие откладывать идею обогащения в долгий ящик, тут же принимались латать и чинить суда, сильно потрепанные за время перехода через Атлантику, либо же строить *барки*[1] того типа, на борту которой мы видели Эксквемелина и его коллег по вольному промыслу. Едва залатав дыры, они грузились на эти утлые посудины и выходили бороздить Карибское море в надежде встретить испанский галион с золотым грузом. Другие переселенцы, более мирного нрава, разбивали плантации и принимались за ремесленное дело, которым владели в Европе, — плотничали, сапожничали, врачевали, ставили каменные кладки — словом, занимались всеми полезными и необходимыми в любой человеческой общине ремеслами.

Пионеры, высадившиеся на Эспаньоле, поначалу не поверили собственным глазам. Количество живого мяса там показалось им совершенно невообразимым — такое могло привидиться лишь во сне. Еще вчера они болтались в океане, затянув пояса до последней дырочки, а тут — такое изобилие! Некоторым вообще за всю предыдущую жизнь ни разу не доводилось съесть добрый кусок мяса, поэтому они навалили себе в миски такие порции, от которых впору было отдать богу душу. Но, по счастью, зажаренные на углях куски свежатины хорошо перевариваются желудком.

Насытившись, они принялись думать о своей будущей стезе. И тут оказалось, что у доброй части посе-

---

[1] *Барка* — общее наименование небольших плоскодонных одно- и трехмачтовых судов.

ленцев, осевших на Эспаньоле, вопреки первоначальному намерению склонность к разбойному пиратству не так уж сильна.

Охота за галионами не была новинкой. Она началась сразу же, как только по Европе разнесся слух: «Испанцы везут из Нового Света сказочные сокровища!» Испанские документы свидетельствуют, что уже в 1497 году корсар-француз заставил Колумба, возвращавшегося из третьего заморского плавания, укрыться на Мадейре. Имя этого пионера осталось неизвестным. Зато достоверно известно, что в 1522 году корсары адмирала Жана Анго из Дьеппа захватили на траверзе мыса Сан-Висенти три каравеллы, шедшие из Америки в Севилью. В следующем году капитан Жан Флери, имевший под началом девять кораблей из эскадры того же Анго, взял в плен еще три испанские каравеллы. Экипаж одной из них сдался без боя, поскольку оказался совершенно небоеспособным в результате престранного инцидента: во время плавания на палубе неизвестно как открылась клетка с ягуарами, которых везли из Мексики в Мадрид, и, прежде чем с ними справились, звери успели перекусать чуть ли не всех матросов. Кроме ягуаров на каравеллах обнаружили сокровища из казны мексиканского правителя Монтесумы, отправленные завоевателем Мексики Кортесом испанскому королю. Стряпчие Анго занесли в реестр следующие вещи: изумруд в форме пирамиды, основание которой было величиной с ладонь; столько-то браслетов, столько-то ожерелий, столько-то серег (все из золота), столько-то золотых блюд, столько-то серебряных и золотых идолов, усыпанных драгоценными каменьями, и так далее и так далее. После этого эпизода король Испании издал эдикт, согласно которому его суда обязаны были двигаться через Атлантику только караваном *(флотом)*.

Испанские и португальские корабли первыми проложили пути в Америку и Индию, поэтому папа Александр VI специальной буллой (1493) поделил между испанской и португальской коронами все новооткрытые и еще неоткрытые земли в обоих полушариях. Это решение святейшего отца было сразу же отвергнуто королем Франции Франциском I, желавшим получить свою долю заморского пирога. Судовладельцы Дьеппа и Ла-Рошели начали снаряжать корабли для нападений на испанские *флоты;* у них были свои лазутчики в Испании, сообщавшие через верных людей нужные сведе-

ния. Испанские королевские эскадры крейсировали у побережья Иберийского полуострова возле мысов Финистерре и Сан-Висенти, чтобы прикрыть прибывающие золотые караваны, но корсары выходили на перехват все дальше — они атаковали их возле Азорских островов и, сбившись в стаи, бороздили открытый океан, словом, использовали ту же тактику, что и немецкие подводные лодки, действовавшие против союзных конвоев во время второй мировой войны. Корсары расширяли зону военных действий все дальше и дальше на запад, добираясь до островов Карибского моря, где они начали высаживаться и грабить испанские поселения. Так, в 1543 году «экспедиционный корпус» из трехсот французов и англичан осуществил первое нападение на Картахену, а в 1555 году команда под началом ларошельского гугенота Жака де Сора, к которому присоединился нормандец Франсуа Леклерк, по прозвищу Деревянная Нога, совершила отчаянно смелый рейд на Гавану; пираты ограбили и сожгли церкви, вытащив оттуда несметную добычу.

Традиции викингов, промышлявших пиратством у британских берегов, расцвели пышным цветом в царствование королевы-еретички Елизаветы I. Как только ее верноподданные прослышали о том, что охота за галионами приносит невиданный доход (Анго, ставший богатейшим человеком во Франции, строил замки и задавал пиры, слухи о которых расходились по всей Европе), моряки портов английского побережья Ла-Манша, чьим основным занятием были грабительские набеги на нормандские порты (на что моряки Нормандии отвечали тем же), бросились в Америку по стопам дьеппцев и ларошельцев. Самым знаменитым английским пиратом первой эпохи был Фрэнсис Дрейк, который в 1572 году при содействии французского географа-корсара Гийома Летестю (погибшего в экспедиции) высадился на Панамском перешейке и захватил там караван, перевозивший на мулах золотые и серебряные слитки, добытые в перуанских рудниках. Фрэнсис Дрейк стал национальным героем Англии, и сегодня любой британский школьник расскажет нам о знаменитом эпизоде встречи Елизаветы I и Дрейка по возвращении его из второго кругосветного плавания. Пират опустился на колени перед повелительницей и протянул ей свою шпагу; она взмахнула ей, словно собираясь казнить преступника, и изрекла:

— Дрейк, король Испании требует твоей головы. Я должна отрубить ее!

А затем воскликнула:

— Поднимись с колен, сэр Фрэнсис!

Так лихому грабителю было пожаловано звание баронета и адмирала. Другой английский пират, Джордж Клиффорд, стал графом Камберлендским и кавалером ордена Подвязки...

Голландия. «Нищий сброд, шумный, но безвредный» — так отозвалась супруга правителя Нидерландов герцогиня Маргарита Пармская о гёзах, восставших против испанской оккупации. Партизанская война в этой безлесной стране развернулась на реках, каналах и на море, поэтому бойцы-повстанцы с гордостью именовали себя морскими гёзами. Сбрасывая гнет испанской короны, они вместе с тем отчетливо слышали звон полновесных дукатов в трюмах галионов своих поработителей и очень скоро вышли в море на вольный промысел.

Похождения первых потрошителей испанских *флотов* и заморских владений изобилуют интереснейшими подробностями. Мы не рассказываем о них, во-первых, поскольку их походы, в особенности набеги Дрейка, широко известны. Во-вторых, данное повествование ограничено географическими рамками, поэтому главное внимание мы сосредоточили на деяниях искателей приключений в Карибском море и на островах Вест-Индии, в частности на Тортуге и Ямайке, где осели эти странные люди. Они вошли в Историю под именем флибустьеров, а посему в годы расцвета их промысла воды, омывающие Центральную Америку, по праву называли Флибустьерским морем.

Французское слово *флибустьер* происходит от староанглийского *флибьютор*, или *фрибьютор*, или *фрибутер*, в свою очередь перешедшего из голландского *фрисбутер* или *фрийбейтер* — «вольный добытчик», иначе говоря — пират. Я не отдам голову на отсечение за точность этимологии, но источники сходятся на таком толковании. Какая же разница между пиратом, корсаром и флибустьером? Вновь обратимся к этимологии. Пират, от латинского *пирата*, в свою очередь идет от древнегреческого *пейратес* (корень *пейран* означает «пробовать», «пытаться» в значении пытать свою судьбу на море). Греки были отменными мореходами, знавшими все тонкости этого ремесла и связанной с ним

деятельности. Пират — это морской разбойник, человек вне закона, грабивший кого ему заблагорассудится. Клюбер, автор «Истории права европейских народов», дает такое определение: «Пираты — это люди, занимающиеся воровством на море без всякого разрешения на то со стороны властей», а Фошиль в «Трактате о международном государственном праве» пишет: «Пиратство — это разбой на море».

Что касается корсара, то этот человек не стоял вне закона. Он получал от своего государя *жалованную грамоту*, или *поручительство*, разрешавшее ему «добывать» торговые суда противника. Одни корсары были капитанами королевского флота — Жан Барт, Дюгэ-Труэн, Форбен; другие, как Сюркуф, были капитанами торговых компаний.

Я полагаю, читатель уже понял, что понятие *флибустьер* — географическое. Оно относится к пиратам, промышлявшим в Карибском море и Мексиканском заливе, причем они числились то пиратами, то корсарами в зависимости от того, имелось ли у них поручительство от властей или нет. Кстати, по поводу этих жалованных грамот можно было бы рассказать немало. Нередко они выдавались от имени короля Франции или королевы Англии, хотя в большинстве случаев монархи не ведали об этом либо, как мы видели, прикрывали лицемерными запретами собственные данные приказы. Большинство флибустьеров обзаводилось поручительством для престижа, а также для того, чтобы в случае неудачи их не спутали с пиратами и не повесили без долгих рассуждений на рее. Самое забавное заключалось в том, что многие из держателей этих королевских грамот не разумели никакой грамоты; так, историк Губерт Дешан рассказывает об одном разбойнике, именовавшем себя корсаром, а в качестве поручительства гордо предъявлявшем бумагу, подписанную безвестным датским чиновником и гласившую, что «подателю сего разрешено охотиться на диких коз».

В 1623 году некто Белен д'Эснамбюк, нормандский дворянин, промышлявший в Карибском море незатейливым пиратством на бригантине с сорока разбойниками, натолкнулся на неожиданно сильное сопротивление со стороны капитана крупного галиона; «Испанец»,

словно укушенный шавкой бык, погнался за обидчиком и заставил его выброситься на берег зеленого островка.

Прибежавшие индейцы оказались мирными; от них д'Эснамбюк узнал, что накануне туда же прибыли другие белые, их корабли стоят в соседней бухте. Этими белыми оказались четыреста британцев, еще не успевших прийти в себя после треволнений перехода через Атлантику и смотревших с нескрываемым беспокойством на физиономии флибустьеров. Вид последних явно не предвещал совместной молитвы во славу господа.

Вперед выступил человек, бывший, по-видимому, главой англичан.

— Меня зовут Томас Уорнер. Мы хотим основать здесь колонию. Но вы, пожалуйста, не обращайте на нас внимания. Остров достаточно велик, места хватит для всех.

Бригантина нуждалась в починке, а у д'Эснамбюка не было порта приписки. Значит, на острове так или иначе пришлось бы прожить несколько дней. Остров — тридцать километров в длину, десять в ширину — был поделен по-дружески: флибустьеры сделали его своей базой, меж тем как колонисты занялись обработкой земли.

Подобное мирное сосуществование длилось несколько лет; за это время д'Эснамбюк съездил во Францию, сумел добиться приема у кардинала Ришелье и, более того, смог убедить всесильного министра принять пакет акций Компании Сент-Кристофера — таким христианским именем был наречен остров. Согласно проспекту, выпущенному нормандским дворянином, цель компании состояла в «распространении среди жителей островов Сент-Кристофер, Барбуда и других римско-католической апостольской веры, а также в негоции продуктами и товарами, которые окажется возможным собрать и добыть на названных островах». Автор проспекта рассчитывал главным образом на последнюю часть фразы в видах привлечения будущих акционеров.

Д'Эснамбюк вернулся на Сент-Кристофер с тремя судами, на которых во Франции отплыли 600 переселенцев; добрая треть их, увы, отдала богу душу в дороге, ибо путь оказался более долог, чем предполагал глава экспедиции, закупивший провизию, что называется, впритык.

Оставшиеся в живых — те, что выглядели наиболее способными и энергичными, — тотчас были отданы на

выучку опытным морским волкам, преподававшим им основы пиратского мастерства. Между колонистами по-прежнему царили мир и согласие; французы и англичане под командованием д'Эснамбюка даже совместно отразили нападение индейцев, которых довели до отчаяния методы «сбора и добычи» колониальных товаров на их острове.

К несчастью для флибустьеров, франко-британский кондоминиум на Сент-Кристофере начал действовать испанцам на нервы, и весной 1630 года перед островом появилась мощная эскадра из 49 кораблей, в том числе 35 галионов. Командующий адмирал Фадрике де Толедо велел передать, что у французов и англичан есть неделя, чтобы убраться с острова, в противном случае они будут уничтожены огнем корабельной артиллерии. Сопротивляться такой армаде — об этом не могло быть и речи.

Ультиматум подорвал моральный дух колонистов. Перспектива переезжать и осваивать новые земли, заново строить жилища и распахивать плантации показалась многим англичанам и французам столь тяжкой, что они предпочли вернуться в Европу. Однако восемьдесят человек из числа самых отчаянных, которых никак не манил добрый старый континент, где у них были счеты с правосудием, сплотились вокруг д'Эснамбюка. Тот повернул паруса на остров Тортугу, на котором в прошлом им не раз случалось бывать.

Вздымаясь над пронзительно голубым морем, Тортуга казалась спящей под солнцем черепахой. Колумб окрестил этот остров Черепахой из-за его формы, напоминавшей издали гигантскую черепаху, повернутую головой на запад, маленьким «хвостиком» на восток. Если бы великому открывателю довелось подойти ближе, он был бы наверняка очарован нежной прелестью этой земли и вполне мог бы назвать остров Изумрудом или Парадисом (Раем).

Да, глядя на его южный берег, вы бы согласились, что природа немало постаралась над этим созданием: террасы поднимались к вершине уступами и на них сменяли друг друга купы пальм, манценилл, фиговых и банановых «деревьев»; здесь росли, несмотря на относительную узость острова (восемь лье[1] в длину и лишь

---

[1] *1 сухопутное лье* — 4 км.

два в ширину), крупные деревья, целые леса, напоминающие красотой Корсику.

Правда, там не было ни одной настоящей речки, а лишь многочисленные ключи, но деревья возникали повсюду, словно по мановению волшебной палочки. Так, северная часть Тортуги представляла собой сплошное нагромождение скальных круч, а между тем именно там высились самые большие деревья, чьи густые кроны прикрывали от жгучего солнца панцирь Черепахи. В листве свистели и щебетали пестрые птахи.

Никто не упоминает, был ли этот остров обитаем во времена, когда его заметил Колумб; вполне возможно, какие-то индейцы жили там, без особых трудов добывая себе пропитание благодаря поразительно плодородной почве и обильным дарам океана. Туземцам не надо было даже выходить в море: достаточно было собирать лангустов, коими кишели в отлив отмели, либо просто ждать, растянувшись на песке, когда на берег выползут крупные крабы,— жаренные на углях, они не имеют равных себе по вкусу в целом свете.

Итак, изгнанные с Сент-Кристофера флибустьеры сколотили на Тортуге хижины, куда возвращались на отдых после морских походов. Строить настоящие дома разбойникам было лень, да это и не входило в их привычки, хотя при случае они не отказывались от удобств и комфорта. Один такой случай представился им через год.

Возле южного берега бросил якорь крупный парусник. Капитан его, француз по имени Барадель, представившись, заявил, что имеет на борту партию негров, от которых желал бы избавиться.

— Как они к вам попали? — осведомился д'Эснамбюк.

Барадель замялся с ответом, предводитель флибустьеров нахмурился, и капитан признался, что снял этих людей с британского работоргового судна.

— После чего отправил «англичанина» на дно,— уточнил он.

В принципе французы и англичане в это время не враждовали друг с другом. Д'Эснамбюк ответил, что он, конечно, не станет пускать дальше слух об этом досадном происшествии при условии, разумеется, что негров ему уступят по сходной цене. Он сразу же обратил внимание коллеги на то, что многие из них, проделав долгий путь из родимой Африки в не лучших

условиях, потеряли товарный вид. Действительно, часть рабов, извлеченных из трюмов, умерла. Остальные, правда, быстро поправились от обильной свежей пищи и были приставлены флибустьерами к делу.

Северный берег Тортуги, состоявший из нагромождения скал, был обращен к открытому морю, а на юге, где берег устилал мягкий песок, через кишевший акулами пролив шириной пять-шесть морских миль[1] лежала Эспаньола, Большая Земля. Соседство порой обусловливает судьбы страны или провинции. Вот и Эспаньола оказалась связанной на целых два века со своим крохотным спутником Тортугой, причем спутник подчас блистал более ярким светом, чем планета, пока окончательно не впал в безвестность и ничтожество.

Поначалу Эспаньола служила флибустьерам с Тортуги продовольственной базой: оттуда доставляли отличную говядину. Свежее мясо пираты закупали самым честным образом у *буканьеров,* осевших в северной части Большой Земли. То были как раз те самые иммигранты, о которых мы упомянули в начале главы. Это они, дорвавшись после многодневного пути из Европы до мяса, начали с ненасытного обжорства. Скот на Эспаньоле водился в избытке, и флибустьеры часто приставали к берегу, чтобы обменять мясо на оружие и патроны. Оседлые жители быстро смекнули, что могут выручить от торговли куда больше, если сумеют предложить товар длительного хранения. Индейцы, сохранившиеся на Эспаньоле, обучили их древнему способу консервирования. Они разрезали мясо на длинные ремни, солили его и укладывали на решетке на угли, называемые ими *барбако.* Мясо медленно коптилось там, обретая одновременно нежный вкус. Такое мясо индейцы называли *букан,* отсюда и слово буканьер — термин, который затем совершенно ошибочно стал употребляться как синоним флибустьера.

Хирург Эксквемелин в своей книге довольно подробно описывает распорядок дня типичного буканьера. Встав на рассвете, они группами по пять-шесть охотников со сворой (речь идет о прирученных диких собаках) выходят на промысел. Диких быков на острове так много, что очень скоро собаки выгоняют одного зверя на опушку. Главарь группы стреляет в него из мушкета. Если бык не убит на месте, охотники преследуют его, до-

---

[1] *1 морская миля* — 1852 м.

гоняют и перерезают на ногах сухожилия. Затем добычу свежуют, и только тут для людей наступает время завтрака. Едва разделав быка, сотрапезники с наслаждением высасывают из костей мозг; еда эта сытная и вкусная. Покончив с завтраком, люди продолжают охотиться до полудня, после чего возвращаются в лагерь на обед; едят они жареное мясо и фрукты, вино куда более редкий гость на острове, нежели водка. После полудня готовят букан, чистят и вытягивают шкуры.

Одежда буканьеров приспособлена к нуждам их ремесла: испанское сомбреро с обрезанными краями (в широкополой шляпе не очень побегаешь по густому лесу), короткие штаны, грубая рубаха навыпуск, пояс и башмаки из сыромятной кожи. Вся одежда обычно настолько пропитана кровью и грязью, что стоит колом. На поясе нож и пороховница.

Согласно свидетельствам старинных авторов, *буканьеры* делились на собственно *буканьеров*, охотившихся на быков, и *охотников*, добывавших диких свиней, из которых тоже готовился букан либо солонина. Но подобная специализация, судя по всему, соблюдалась не очень строго.

Буканьеры жили группами по четыре, пять, шесть человек в грубых хижинах из бычьих шкур, натянутых на колья и прикрытых сверху ветвями. В каждой группе все добро (весьма скудное, за исключением оружия и нескольких котелков) считалось общим владением, и, если один из членов группы погибал или умирал, остальные забирали имущество себе без лишних проволочек. Крохотные буканьерские общины назывались «матлотажами», ибо члены их хотя и не жили на судне, но именовали себя матросами («матлотами») и реже — компаньонами. В истории сохранилось другое наименование, пущенное в обиход буканьерами. С какого-то времени они стали называть себя *береговыми братьями*, желая подчеркнуть узы братства не только внутри каждой группы, но и между всеми обитателями острова. Двери не запирались: замков на Тортуге и Эспаньоле не знали.

Закономерно возникает вопрос об их правах. Эксквемелин на этот счет изъясняется достаточно обтекаемо: «Буканьеры живут весьма вольно, свято храня верность друг другу». Судя по намекам современников, буканьеры брали себе индейских женщин в качестве

наложниц, но в принципе семейная жизнь на Эспаньоле была не в фаворе.

К 1635 году уроженец Дьеппа Пьер Легран находился в Карибском море уже довольно долго, сколько точно — установить невозможно. Достоверно известно лишь, что в один прекрасный день января или февраля того года он крейсировал по спокойному морю на траверзе мыса Тибурон, западной оконечности Эспаньолы, на своем четырехпушечном люгере[1] в компании двадцати восьми вооруженных до зубов молодчиков.

Судно, равно как и люди, находилось в плачевном состоянии: Легран упрямо вот уже которую неделю бороздил море, не разрешая пристать к берегу. Впустую! Порции были урезаны до крайности, воду выдавали чуть ли не по глотку — я имею в виду питьевую, поскольку в трюме воды было предостаточно, но то была забортная морская вода, которую приходилось безостановочно откачивать. И вот в таких обстоятельствах однажды к полудню были замечены три галиона, шедшие строем курсом норд, то есть на Кубу. Нападать на эту троицу было бы чистым безумием, и Пьер Легран с товарищами лишь с горечью глядели на уплывавшую богатую добычу — близок локоток, да не укусишь!

Три гордых галиона таяли на горизонте, когда рулевой, оглянувшись, вдруг заметил в противоположной стороне еще один парус. Галион шел один.

— Ну уж этот,— воскликнул Легран,— будет наш!

«Испанец» медленно двигался по левому борту против течения, подойти к нему не составляло никакого труда — надо было лишь пустить судно по воле ветра и волн.

Экипаж с превеликим восторгом встретил весть о предстоящем сражении. Однако по мере того как галион, приближаясь, становился все более отчетливым, восторги умерялись, ибо кусок был, похоже, не по зубам. Четыре мачты, пузатый корпус, а главное, заметные невооруженным глазом многочисленные порты, сквозь которые торчали дула орудий, действовали отрезвляюще. Самые горячие головы, правда, кричали, что, чем крупнее корабль, тем жирнее добыча, но более опытные морские волки помалкивали.

Пьер Легран знал хорошо свою братию. Он спустил-

---

[1] *Люгер* — небольшое двух- или трехмачтовое судно с рейковыми парусами.

ся ненадолго в каюту судового хирурга, преданного ему до мозга костей, и отдал ему приказ, о котором экипаж узнал лишь гораздо позже:

— Будем брать галион на абордаж. Все поднимутся на борт «испанца». Вы — самым последним. Но, прежде чем покинуть люгер, сделаете пробоину в днище. Пару раз стукнете топором, этого будет достаточно.

Обо всем случившемся в дальнейшем можно рассказывать, не прибегая к писательской выдумке, ибо все до мельчайших подробностей описано в старинных книгах. Вахтенные матросы на палубе «испанца» нисколько не обеспокоились появлением крохотного, неказистого люгера; о его приближении было доложено капитану, но тот даже не удосужился выйти из каюты, где играл в карты.

Все свободные от вахты матросы спали в кубрике или чинили дырявые робы. Лишь вахтенные, свесившись через борт, смотрели на суденышко, козявкой прилепившееся к борту галиона. Что им надо, этим оборванцам? Наверное, хотят выклянчить остатки провизии, ничего иного просто невозможно было себе вообразить.

— Эй! Чего вы хотите?

Ответы были неразборчивы. Может показаться странным, что вахтенный офицер галиона не заподозрил ничего дурного. Из рассказа мы узнаём, что он вторично послал предупредить капитана и сейчас ожидал приказаний.

Все последовавшее затем произошло очень быстро в типичной для флибустьеров манере. На планширь галиона наброшены «кошки», нападающие мгновенно оказываются на палубе, вахтенные перебиты, не успев поднять тревоги; флибустьеры кидаются на корму, и вот уже капитан с изумлением видит наставленный на него пистолет. Три минуты спустя Пьер Легран громогласно возглашает с юта сбежавшемуся экипажу галиона:

— Пороховой погреб наш. При малейшем сопротивлении взлетите на воздух!

Испанцы были поражены еще больше, чем их капитан, ибо не видели рядом с галионом *никакого* судна: люгер, продырявленный хирургом, затонул в считанные минуты. Мгновение спустя весь экипаж захваченного корабля был загнан в трюм.

Из шикарной каюты в кормовой пристройке показывается, озираясь в недоумении, почтенный седовласый

сеньор — вице-адмирал. Оказалось, что этот галион не обычный корабль, а *капитана* (флагман) *флота,* доверху набитый богатствами и провизией, вооруженный пятьюдесятью четырьмя орудиями. Пираты были вне себя от радости, но Пьер Легран держал их в железной узде: нельзя было допустить, чтобы они накинулись, как звери, на еду и вино.

— Готовиться к маневру!

С помощью нескольких испанцев флибустьеры обрасопили реи, и галион взял курс на Эспаньолу. Легран выбрал для стоянки тихую, уединенную бухточку, где выгрузил пленников: «Катитесь ко все чертям!» Те немедля двинулись в глубь леса. Несколько добровольцев остались на борту у пиратов марсовыми.

Никаких подробностей не известно о состоявшемся в бухте совете. Известно лишь, что на нем было принято самое поразительное в истории флибустьерства решение.

Галион подобных размеров и с таким мощным вооружением мог бы стать в руках разбойников грозной плавучей крепостью, способной взять любую добычу и навести страх на все Карибское море. Он один был равен целому флоту. Но нет. Захватившие его пираты порешили отправиться на нем... в Европу.

Пьер Легран тут же взял курс на Францию и без приключений прибыл в Дьепп. Деньги, вырученные от продажи груза и самого галиона, были поделены между участниками так, что никто не остался в обиде. Легран осел в Дьеппе, где зажил как богатый буржуа — заветная мечта всех прошлых и нынешних уголовников. Что стало с его людьми, источники не указывают, но позволительно думать, что многие из голосовавших с капитаном за возвращение в родные пенаты остались на родине.

История эта наделала много шуму. В Дьеппе тысячи зевак собрались поглазеть на захваченный галион, и зрелище его побудило немалое число рыцарей фортуны отправиться во Флибустьерское море. Испанские власти в обеих Америках попытались было скрыть позорную сдачу *капитаны,* но высаженному экипажу незадачливого судна нельзя было заткнуть рот, к тому же вести об этом подвиге французов текли из Европы. Флибустьеры, даже самые никудышные, чувствовали себя в ореоле славы — будто болельщики после победы любимой футбольной команды. Подвиг собратьев при-

бавил им отваги, и они, словно оводы, кинулись жалить галионы.

«Выгнать пиратов с Эспаньолы» было первой реакцией испанцев, для которых это гнездилище ворогов в самом сердце их владений стало подлинным бельмом на глазу. Плохо информированные, они не видели разницы между буканьерами и флибустьерами и накинулись поначалу на мирных охотников. Высадив несколько десантов, они перебили несколько сот буканьеров ночью, когда те спали.

Карательная операция вызвала буйную ярость среди специалистов по заготовке мяса, которые были еще и отменными стрелками. На острове развернулась подлинная война на уничтожение, но буканьеры, действовавшие мелкими мобильными группами и применявшие партизанскую тактику, быстро взяли верх. Испанские плантации были сожжены, фермы разрушены, жители небольших поселков в глубине острова истреблены все до последнего. Гарнизоны и наспех вооруженные испанские ополченцы оказались бессильны против умелых охотников, мгновенно исчезавших в лесу, откуда их ружья били без промаха.

Тогда власти приняли другое решение: «Систематически уничтожать весь скот на острове, чтобы задушить пиратов голодом». Эта тактика поначалу оказалась более эффективной, поскольку буканьерам было куда труднее защищать одичавших животных, нежели испанцам свои плантации. Несмотря на чувствительные контратаки, испанцы упорно продолжали уничтожать все живое, не щадя даже диких собак; за два года живность на острове была выбита настолько, что большое число буканьеров было вынуждено сменить профессию. Цифр, хоть как-то характеризующих эту бойню, мне обнаружить не удалось, однако примерно половине буканьеров пришлось покинуть остров. Испанцам в конечном счете это не принесло никакой выгоды, поскольку буканьеры влились в ряды своих постоянных заказчиков — флибустьеров.

Между тем в ходе компании испанские власти начали понимать, что в разбойном промысле маленький островок Тортуга играл куда более важную роль, чем огромная Эспаньола.

Сегодня вы можете посетить Тортугу, сев на прогулочное судно в Порт-о-Пренсе на Гаити; эта экс-

курсия входит в классический туристский маршрут. Боюсь только, что вас ожидает разочарование, как и при посещении прочих старинных пиратских гнезд в Карибском море. Ничего не сохранилось от тех героических времен, кроме разбросанных пушечных стволов, на которые гиды усердно обращают ваше внимание за неимением ничего лучшего.

Вполне вероятно, что, когда в 1638 году испанцы, подогнав к Тортуге с десяток галионов, высадили на остров мощный десант, орудий там было совсем немного, возможно даже ни одного. Зная о распорядке жизни на Черепахе от бежавших пленников, испанцы выждали, покуда все флибустьеры не отбыли на охоту и мясозаготовки на северный берег Эспаньолы. Оставшиеся на Тортуге поселенцы были практически безоружны. Пытавшихся сопротивляться испанцы перестреляли, сдавшихся на милость победителя перевешали, лишь горстке уцелевших удалось скрыться в лесу. Затем испанцы с наслаждением принялись разрушать дома, портить продуктовые запасы и предавать остров огню, не подумав даже о том, что дома и провизия понадобятся небольшому гарнизону, который они решили оставить в пиратском логове.

Действительно, солдаты, бродя среди руин и пепелищ, начали роптать уже в первый день, а вскоре ропот сменился яростью:

— За каким чертом нас здесь оставили!

Ясно, что душа их никак не лежала к службе, заключавшейся в том, чтобы патрулировать остров из конца в конец, выискивая уцелевших жителей, и присматривать за морем. Особенно внимательно они должны были следить за проливом, отделявшим Черепаху от Эспаньолы. Ничего удивительного, что в начале 1639 года сотня высадившихся англичан, захватив испанцев врасплох, выгнала их с Тортуги. Французские флибустьеры, прослышав об этом происшествии, быстренько возвратились на «родную» землю, где их радостно встретили вылезшие из укрытий поселенцы.

— Что вам угодно? — холодно спросил французов предводитель англичан.— Меня зовут капитан Виллис. А этот остров — моя собственность.

Вооруженные до зубов британцы готовы были подкрепить заявление своего капитана решительными дей-

ствиями. Белен д'Эснамбюк давно осел в Европе, и французы согласились встать под начало Виллиса.

Понемногу Тортуга вновь начала заселяться, в основном французами. Но Виллис — это не д'Эснамбюк. За несколько месяцев он поставил дело так, что стал единовластным хозяином острова. Французы не смели поднять голоса, ибо чуть что — Виллис раздевал их до нитки и высаживал на северном берегу Эспаньолы.

С этого времени начались перевоплощения Тортуги из захудалого островка в Карибском море в стратегический форпост, вызывавший интерес у деятелей все более крупного масштаба...

Весна 1640 года. Французский дворянин-гугенот по имени Левассер, человек с бурным прошлым, бывший капитан королевского флота, затем соратник д'Эснамбюка по карибским походам, а сейчас временно безработный, бродит по причалу — не на Тортуге, а в бухте Сент-Кристофера. Напомним, что речь идет о том самом франко-английском кондоминиуме, откуда испанцы в 1630 году прогнали д'Эснамбюка со товарищи. Несколько месяцев спустя испанцы с типичной для них непоследовательностью в стратегии «умиротворения» Вест-Индии оставили Сент-Кристофер, тотчас же вновь занятый французами.

Переходя от группы к группе, Левассер услыхал оброненную кем-то фразу, которую немедля намотал на ус:

— Ребята на Тортуге воют волком. Все готовы хоть сейчас скинуть Виллиса.

Левассер расспросил о кое-каких подробностях и в тот же день предстал перед губернатором Сент-Кристофера Филиппом де Лонгвилье де Пуэнси, которому объявил о том, что готов отнять Тортугу у англичан.

— Следует провести все очень быстро,— ответил губернатор.— У нас сейчас мир с Англией, и я не хочу, чтобы дело дошло до Парижа.

— Я все подготовлю и ударю, как молния.

— Да будет так. Я дам вам корабль.

— Мне нужна еще одна вещь. Поручительство.

Иначе говоря, жалованная грамота. Пуэнси дал ее. Несмотря на замечание о мире с Англией, он от имени короля поручает провести боевую операцию против англичан, лишь бы она прошла шито-крыто. Подобная тактика не однажды уже служила и еще многократно сослужит свою службу. Кстати, для Левассера,

если он выполнит поставленное условие, предусмотрена награда — место губернатора Тортуги.

Левассер хорошо знал все подходы к острову, и в голове у него вызрел хитрый план. Мы видим его, вернее, мы не видим его, потому что он затаился, как змея, на крохотном островке Марго, таком крохотном, что и на каждой карте его отыщешь. Зато Марго расположен всего в пяти морских лье от Тортуги и совсем рядом с Эспаньолой: оттуда буквально рукой подать до потаенных бухточек, узко врезающихся в обрывистый берег Большой Земли. Короче, это идеальное место для флибустьеров, избегающих людных мест. Там Левассер просидел три месяца. Можно вообразить, чего ему это стоило и сколь часто видел он во сне губернаторское кресло. Левассер тянул время, чтобы подготовить отборный отряд — людей, на которых он мог положиться с закрытыми глазами. Число надежных соратников, вошедших в ударную группу, известно: сорок девять. Все гугеноты. «Экспедиционный корпус» не превышал ста человек.

Казалось, после столь тщательной подготовки Левассер должен был бы действовать внезапно — «ударить, как молния». Ан нет. Он шлет гонца к Виллису с требованием «дать ответ, по какому праву французы на острове были преданы позору и разору». Сейчас нам станет ясно, какими гарантиями Левассер хотел обставить захват власти на Тортуге. Как многие французы, этот человек был знаком с основами права. А посему ему был нужен легальный предлог для нападения на англичан.

Ответ Виллиса по поводу притеснений французов был, как и ожидалось, донельзя заносчивым: «Я вас не боюсь, хотя бы под началом у вас было и три тысячи войска». Августа месяца тридцать первого дня Левассер высаживается на занятый врагом берег во главе сорока девяти «морских пехотинцев».

По поводу того, как прошла атака, сказать совершенно нечего по той простой причине, что, как и обещал Левассер, она была молниеносной. Безусловно, что враждебность населения к Виллису немало способствовала успеху операции.

Не теряя времени, губернатор Пуэнси отписал кардиналу Ришелье: «Тортуга, цитадель Санто-Доминго, в наших руках».

Статья 1 договора, заключенного между Левассером

в Пуэнси, гласила, что католическая и протестантская религии будут одинаково признаны на Тортуге и будут пользоваться там равными правами. Другая статья представляла Левассеру единоличную концессию на торговлю одеждой и прочими необходимыми жителям предметами, для чего на острове учреждалась факто-рия. Прибыль от этой торговли была обозначена черным по белому: 100% плюс 25% на содержание фактории и «разные деяния, к общественному благу направлен-ные».

— Одновременно с факторией будет построен форт,— решил Левассер.

Гавань Бас-Тер на юге острова, обращенная к проливу, отделяющему Тортугу от Эспаньолы, была единственным местом, куда могли приставать крупные суда. Над гаванью царил могучий утес, называемый в те времена просто Горой. Лучшего места для форта нельзя было придумать.

От этого сооружения сейчас не сохранилось и следа. Судя по описаниям некоторых современников, оно выглядело довольно забавно. Однако, принимая во внимание обычные размеры построек XVII века, мы должны согласиться, что эта маленькая фортеция была поставлена с куда большим умом, нежели бетонные укрепления «линии Мажино» в XX веке.

Гору венчал десятиметровый отвесный уступ, на вершине которого соорудили каменную площадку — квадрат со стороной двадцать метров. На ней установили орудия: две железные и две бронзовые пушки. Кроме того, сколотили казарму, а в пещере устроили два склада — для продовольствия и боеприпасов. Хотя по вине строителей, неправильно понявших чертеж, казарма вышла похожей скорее на голубятню, она могла зато вместить четыреста человек — огромный гарнизон по масштабам того времени. По соседству с площадкой из Горы бил ключ, что было весьма существенно.

Вырубленные в скале ступеньки вели к подножию уступа, но на площадку можно было забраться лишь по железной лестнице, втягиваемой в случае опасности наверх. Левассер продублировал ее широким обитым железом коробом, внутри которого была пропущена веревочная лестница. Стволы пушек были повернуты дулом к порту. Считалось, что нападение с тыла невозможно: крутые обрывы надежно защищали подходы со стороны суши.

Скальный форт полностью отвечал своему наименованию. Идея его постройки была заимствована у феодальных замков, где в случае опасности могла укрыться добрая часть населения средневекового города. В 1645 году испанцы, не ведавшие об этом оборонительном сооружении, попытались отбить Тортугу, подойдя к острову на пяти галионах с 600 солдатами на борту. Им пришлось ретироваться с большими потерями.

Поскольку безопасность равнозначна процветанию, то с 1641 по 1645 год Тортуга богатела на торговле. На островке в нескольких местах выросли городки (не большие поселения): Кайон, Ла-Монтань, Ле-Миль-плантаж, Ле-Ринго, Ла-Пуэнт-о-Масон. В последнюю треть века численность населения Черепахи достигла 10 000 душ, из которых три тысячи были флибустьерами, три — профессиональными или полупрофессиональными буканьерами (охота все еще продолжалась на Эспаньоле), а три-четыре тысячи — обывателями и вербованными. Обывателями называли колонистов, занимавшихся сельским хозяйством, а вербованными — иммигрантов, подписавших обязательство отработать три года на службе у плантатора в уплату за свой переезд из Европы. Как мы помним, Эксквемелин был одним из них, прежде чем начал свою карьеру судового хирурга.

Флибустьеры Тортуги все чаще стали получать право на почетное звание корсаров. Они выходили в море, имея поручительство, подписанное от имени его величества короля Людовика XIV губернатором Сент-Кристофера или Левассером. Добыча свозилась в Бас-Тер, где осели наехавшие из Европы негоцианты и ростовщики, скупавшие захваченные трофеи, а также торговцы «всяким полезным для людей товаром» (часто одни и те же лица занимались всей куплей-продажей); среди деревянных домишек появились церкви и часовни католиков и протестантов; словом, остров зажил полнокровной жизнью, экономическую основу которой составлял морской разбой.

В базарные дни берег возле Бас-Тера являл живописнейшее зрелище. То была шумная ярмарка, где продавали грудами рыбу, черепах, ламантинов, лангустов, вяленое мясо, бычьи шкуры, овощи и птицу, а рядом — серебряную и золотую посуду, инкрустированную мебель, парчу и богатую церковную утварь. Здесь толпились колонисты в шляпах с широкими полями, оборванные пираты, почти голые черные рабы и ин-

дейцы, а также люди, одетые на европейский манер, иногда даже по последней парижской моде — так подчас выряжались флибустьеры. По возвращении из удачного похода они швыряли деньгами направо и налево, спускали все за несколько дней, после чего вновь облачались в дырявое тряпье. Кроме роскошных нарядов и украшений деньги тратились на главное удовольствие — карточную игру, где за одну ночь им случалось проиграть последнюю рубашку, а также на обжорные пиры с обильным возлиянием; пиры заканчивались тем, что гости — те, кто не рухнул наземь и не захрапел, — орали во все горло песни и танцевали на берегу друг с другом.

Первое судно с женщинами из Европы прибыло лишь в 1665 году. До той поры в гнезде пиратов практически не было женщин. И этот факт порой облекал живописную жизнь колонии в трагические тона.

ДОЛГОЖДАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

... В последние месяцы 1665 года в тавернах Тортуги участились ссоры и драки; обычно это случалось во время загулов после возвращений рыцарей удачи из походов. В целом в воздухе колонии чувствовалось грозовое напряжение, какое появляется в земной атмосфере после образования пятен на солнце.

Все начиналось с кем-то брошенного намека, встреченного буйным смехом, за которым следовали шутки неописуемой скабрезности. Задетый флибустьер отвечал в том же духе и на том же наречии. Напряжение нарастало и в какой-то момент с грохотом прорывалось наружу, как вода из лопнувшей трубы, затопляя все вокруг. Вспыхнувшая ссора переходила в драку, причем первопричина ее тут же забывалась, а свирепость нарастала, по мере того как в потасовку включались все новые участники.

Грозовая атмосфера была вызвана тем, что долгожданный корабль никак не отходил от Ла-Рошели. А на этом корабле должны были приплыть женщины.

— Он придет, — клятвенно обещал месье д'Ожерон.

Бертран д'Ожерон, отпрыск анжуйского рода де ла Буэр (еще один младший сын благородного семейства), только что приступил к губернаторским обязанностям

на Черепахе. На сей раз он представлял здесь не короля Франции, а правление Вест-Индской компании.

Бертран д'Ожерон прошел причастие флибустьерским промыслом, прежде чем начать официальную карьеру. Потерпев крушение у восточного побережья Санто-Доминго и попав вместе с еще несколькими спасшимися в плен к испанцам, он был поставлен ими на фортификационные работы. Когда они были закончены, начальник строительства во избежание возможной утечки военных секретов распорядился перебить всех работавших. Нескольким в суматохе резни удалось скрыться. Среди них был и Бертран д'Ожерон, сумевший в конце концов добраться до Тортуги.

— Это — свой, — говорили о нем флибустьеры. — Из «береговых братьев».

Без всякого сомнения, Бертран д'Ожерон способствовал оживлению флибустьерских набегов еще до 1667 года, когда между Францией и Испанией вновь вспыхнула война. Одновременно он поставил себе цель привязать население колонии к земле.

— Я доставлю вам из Франции надежные цепи!

Этими цепями по его замыслу должны были стать женщины, для перевозки которых он зафрахтовал целое судно. Посланный им в Европу доверенный помощник возвратился с твердыми заверениями:

— Они прибудут через месяц-другой.

За это время служащие компании собирались найти и отобрать самых достойных кандидаток.

Дамы согласились на переезд на двух условиях: бесплатное путешествие и гарантированный кров по прибытии. Они знали, что им суждено стать супругами флибустьеров и колонистов. Мужчины, с нетерпением ожидавшие их прибытия на Черепаху, не рассчитывали увидеть застенчивых, невинных особ: сами они тоже не были мальчиками из церковного хора. Полицейский отчет, касавшийся ста пятидесяти женщин из первой партии иммигранток, не оставлял никаких сомнений насчет их общественного положения: дамы были представительницами самой древнейшей профессии, а некоторые отбывали срок за кражу.

Описание данного переезда через океан нигде не встречается, мы ничего не знаем об условиях жизни на борту. О них можно лишь догадываться, основываясь на других источниках, скажем на рассказах о том, как происходила несколько позже доставка в Австралию

жен отбывшим наказание каторжникам. Капитан, безусловно, пытался поддерживать на борту железную дисциплину, но путь был долгий, теснота — невыносимой. Приставания экипажа к женщинам не прекращались ни на минуту; поблажки, оказываемые одной, мгновенно вызывали взрыв ярости у остальных, а против натиска береговых фурий матросы были бессильны. Можно не сомневаться, что капитан мечтал об экипаже, состоявшем целиком из женщин. И с каким облегчением он вздохнул, когда на горизонте показались Наветренные острова, за которыми начиналось Карибское море.

Пассажирки, как утверждали отдельные очевидцы, были преисполнены огромного любопытства и надежд. Изменить свою жизнь, вновь стать почтенной дамой — какая даже погрязшая во всех смертных грехах душа не мечтает об этом?! И вот им подвернулся случай, хотя и сопряженный с риском. То, что они ухватились за него, доказывает, что эти особы не были уж столь плохи, — да и кто на свете бывает слишком плох?..

Мы уже имели случай упомянуть, что с моря Тортуга являла собой дивное зрелище. Она похожа на Ямайку, только меньше размерами. Изумрудный берег вставал из окаймленного пеной бирюзового моря. При виде такой красы многие из прибывших завизжали от восторга. Немного позже вид селения Бас-Тер, затерянного на краю света и весьма непрезентабельного на взгляд людей, покинувших Францию, несколько охладил восторги; не у одной сжалось сердце от мысли, что здесь придется провести всю жизнь. Но эти дамы немало повидали на своем веку, и им было ведомо, что жизненные обстоятельства нельзя мерить поверхностными впечатлениями.

Судно, подтянув паруса, медленно вошло в маленький порт. Не успело оно еще бросить якорь, как его окружил рой суденышек — шлюпки, лодочки и даже пироги. Скорлупки были битком набиты мужчинами. В подавляющем большинстве они были одеты в тряпье или полуголы, лишь головы повязаны платком или увенчаны шляпой с причудливо обрезанными полями.

Все смотрели на женщин, тесной толпой сбившихся на палубе. Они смотрели на них, не произнося ни слова. Большинство ждало этого момента с волчьей алчностью в груди. Нетерпение было причиной жестокой грызни. Многие клялись, что, когда корабль с женщинами вой-

дет в порт, они не смогут сдержать себя и кинутся на абордаж — настолько жгла их мысль, что за добычей достанется им на сей раз. Но вот корабль пришел, а они молчали. Да, они безмолвно стояли в лодках, застыв, словно статуи.

А женщины, едва взглянув на этих мужчин, сразу поняли, что им ничего не грозит. Более того, в целом флибустьеры выглядели даже пристойнее, чем те молодчики, с которыми им приходилось сталкиваться в прошлой бурной жизни. Им не было страшно от сотен уставленных на них глаз — напротив, подобная встреча делала им честь. Они были женщинами, прибывшими в мир, живший дотоле без женщин; каждой из них суждено было стать Евой для какого-нибудь Адама. И они начали высматривать в лодках своих будущих суженых, переговариваться, хихикать, восклицать.

Тогда и мужчины, осмелев, принялись окликать их. Нет-нет, это вовсе не были скабрезности из портового лексикона. Они осведомлялись, как прошло путешествие и довольны ли дамы, что прибыли наконец на Тортугу. Как они находят Бас-Тер? Те отвечали со смешком. С борта посыпались шуточки, тон оживлялся с каждой секундой. Но в этот момент к кораблю подошло с полдюжины баркасов, в которых сидели шестьдесят солдат гарнизона, отряженных обеспечить порядок во время высадки. Губернатор д'Ожерон тщательно подготовил процедуру прибытия.

Дам препроводили в дома на окраине селения, реквизированные специально для этой цели. Господин д'Ожерон самолично прибыл поздравить их с благополучным концом путешествия. Он сказал, что они могут отдохнуть два дня, после чего им предложат кров и супругов. Пока же лучше не покидать отведенных покоев. Если им что-либо потребуется, все будет незамедлительно доставлено. Господин д'Ожерон был само добросердечие, он обращался к женщинам с такой приветливостью, что разом покорил их. А в сравнении с мрачным корабельным трюмом местные домишки выглядели просто дворцами.

В назначенный день их собрали на широкой площади в центре селения. Обычно там колонисты покупали на аукционе негров-рабов и вербованных для работы на плантациях. Увидев стоявших вокруг площади мужчин, встречавших их в порту, женщины сразу поняли, что их ожидает. Кое-кто зароптал. Но, как гласит пословица,

«коли вино на столе, его надо пить». Кстати, все прошло очень быстро и без каких-либо обид для заинтересованных сторон.

Женщины были товаром — многим, кстати, и не доводилось никогда выступать в иной роли, — за который сейчас платили золотом. Командир гарнизона по очереди выводил дам в центр площади, беря каждую за руку, словно приглашая ее к менуэту. Едва оказавшись на виду, дама тотчас становилась предметом аукциона, причем столь мгновенного и лестного, что первые «партии» не могли поверить своим ушам. Цену не надо даже было назначать: желающие сами выкрикивали цифру — поначалу огромную, ибо тут играло роль желание не только получить жену, но и показать себя (типичное поведение флибустьера). Именно они, а не колонисты набивали цену. Предыдущие недели выдались удачными для рыцарей вольного промысла, многие не успели еще спустить в кабаке добычу от охоты на галионы, а кое-кто приберег деньги в ожидании объявленного прибытия женщин.

Некоторых дам никак нельзя было считать юными и красивыми, однако — и сей факт был зафиксирован всеми современниками — каждая, даже самая непривлекательная, нашла себе партнера, уплатившего за нее немалую сумму. Рассчитавшись на месте, покупатель уводил свое приобретение домой. Толпа молча расступалась, глядя на удалявшуюся пару. Все молчали, ибо знали, что новоиспеченные мужья не потерпели бы и малейшей насмешки.

Кстати, каждый союз закреплялся законной записью в регистрационной книге колонии. Что касается церковного обряда, то некоторые пары затем венчались, а некоторые нет. Флибустьеров нельзя было назвать полными безбожниками: католики и гугеноты сообща молились перед выходом в море на промысел, при этом католики исповедовались и причащались, но церковный брак не представлял для этих людей той значимости, какую он приобрел в дальнейшем в Европе.

Покупка жен — факт вовсе не исключительный в истории человеческих обществ. Исключение составляло скорее качество новых супругов, их прошлое. Так вот, все без исключения историки эпохи свидетельствуют, что в подавляющем большинстве эти браки оказались удачными, по крайней мере долговечными. Жены проявили себя верными подругами (это, кстати, было

спокойнее и безопаснее для них), рожали детей и воспитывали их в послушании.

Губернатор Тортуги заплатил из собранных на аукционе денег за переезд иммигранток, после чего у него еще осталась круглая сумма. Операция оказалась столь рентабельной, что короткое время спустя Вест-Индская компания осуществила ее уже самостоятельно.

На Черепаший остров прибыло несколько подобных партий, а затем женщины стали приезжать за собственный счет. Они уже не продавались на супружеском аукционе. Это были предприимчивые особы, прослышавшие о том, что женщинам на Тортуге живется вольготно, их там не обижают, а недостаток представительниц прекрасного пола они смогут обратить к своей выгоде.

Подобный контингент появлялся из Европы и с других, уже колонизованных островов; среди них были и индеанки, и метиски. Но история сохранила нам рассказ лишь о прибытии первых жен флибустьерского гнезда; купленные на аукционе за наличные, они сумели стать образцовыми супругами, и с той поры в их адрес никто не мог сказать дурного слова.

Если учесть их происхождение и среду, в которую они попали, то эти женщины вели себя под стать мужьям. Некая бретонка Анна по прозвищу Божья Воля, нареченная так потому, что она постоянно повторяла эти редкие среди пиратов слова, была замужем за флибустьером Пьером Длинным. Пока ее муж бороздил море в погоне за испанцами, она кормила семейство охотой на кабанов и диких быков. Овдовев — случай весьма частый среди флибустьерских жен, она тут же получила множество предложений руки и сердца, поскольку дефицит жен на Тортуге не снижался. Но она отвергла всех претендентов, решив воспитывать детей одна.

Ее ближайшим соседом был «береговой брат», пользовавшийся репутацией отчаянного головореза, некто по имени Де Граф. Однажды этот человек в пустяшном споре позволил себе высказаться весьма неучтиво по адресу Анны. Когда ей донесли об этом, она явилась к соседу в дом с пистолетом в руке:

— Де Граф, выходи. Будем драться на дуэли.

Она была прекрасна в гневе. Де Граф, отодвинув наставленный на него ствол, обнял ее. Сыграли свадьбу, они зажили вместе и народили детей, достойных родителей.

Их старшей дочери стал навязываться в мужья парень, который ей не нравился. Она ему отказала. Тот продолжал настаивать, она опять отказала. Но парень не унимался. Тогда, как и ее мать двадцать лет назад, она явилась к нему с пистолетом:

— Вы меня оскорбили. Будем драться.

Парень отказался от дуэли и от надежд на женитьбу.

Как бы там ни было, появление на Тортуге женщин знаменует решительный поворот в истории острова, а именно начало того процесса, который принято именовать цивилизацией. Местные нравы утихомирились, стало гораздо меньше ссор и драк, меньше стало и убийств. Женщины внесли некоторый комфорт в островной быт, увеличился торговый обмен с Европой, откуда стала поступать мебель и кухонная утварь, а назад — табак и другая сельскохозяйственная продукция. И конечно же добыча вольного промысла, ибо флибустьерство продолжало процветать. Бертран д'Ожерон в целях стабилизации населения потребовал, чтобы каждый коммерсант, ведущий торговлю на его острове, заимел бы там жилье; он обязал колонистов завести скот и домашнюю птицу. Коровы, свиньи, овцы, индейские куры и куры обыкновенные — вся живность подробнейшим образом перечислялась в его распоряжениях.

Справедливости ради следует сказать, что флибустьеры, хотя и оцивилизованные немного своими супругами, у кого они были, составляли особую касту и нарекания жен — тех, которые осмеливались высказываться по данному поводу,— не могли их удержать от кутежа по возвращении из похода, где они рисковали головой. Возможно, правда, они проматывали и проигрывали теперь в карты меньшие суммы, чем раньше,— все до нитки уже не спускал никто,— но им требовалась подобная разрядка (или, если хотите, встряска) после напряжения, сопутствующего их профессии. Поэтому обыватели Черепашьего острова смиренно слушали дикие выкрики, всю ночь доносившиеся из таверн и злачных заведений в порту, принимая их как неизбежность.

Вольфганг ГЁТЕ

ФАУСТ[1]

(Отрывок)

— *Никто не спросит:* «Чье богатство?
Где взято и какой ценой?»
Война, торговля и пиратство —
Три вида сущности одной.

---

[1] Перевод с немецкого Б. Пастернака.

Яцек МАХОВСКИЙ

ИСТОРИЯ МОРСКОГО ПИРАТСТВА

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Шел 81 год до н. э. В это время Римом правил диктатор Сулла. Он пришел к власти после ожесточенной политической борьбы и в неустанном страхе за свое положение безжалостно преследовал реальных и мнимых противников. Первое место среди них занимал главный соперник диктатора — Марий. Поэтому стоило только Сулле достичь власти, как Марий и все его сторонники были обречены на изгнание из Рима, особенно те, кто отличался талантом, богатством и влиянием.

Среди этих отверженных оказался молодой человек благородной наружности, происходивший из весьма влиятельной семьи римских аристократов. Сулла считал его особенно опасным, так как этот юноша был образованным, чрезвычайно способным, трудолюбивым, интеллигентным и отличался необыкновенным умением приобретать себе друзей. Он задался к тому же целью сделать политическую карьеру. Стоит ли удивляться, что Сулла решил сослать одним из первых именно этого молодого патриция?

Юлий Цезарь — таково было его имя — не впал в отчаяние, узнав о решении диктатора, и быстро приспособился к своему новому положению. Полагая, что не следует терять понапрасну времени в изгнании, он решил заняться изучением ораторского искусства и с этой целью вступил в одно из лучших в то время училищ риторики, которое вел на острове Родос лектор Аполлоний, прозванный Молоном. Итак, Цезарь вместе со свитой, подобающей римскому патрицию, сел на корабль, который взял курс на Родос.

Юноша выделялся среди путешественников. Он обращал на себя внимание не только аристократическим обликом, но и гордым поведением, не принимал участия в общих беседах, был молчалив, погружен в свои мысли и много читал.

Путешествие вдоль побережья Пелопоннеса прошло без особых приключений. Но когда корабль миновал

островок Фармакузу, находящийся близ скалистых берегов Карип, с его палубы заметили несколько галер, следовавших за парусником. С первого же взгляда капитан римского корабля убедился, что его преследуют пираты. Он приказал поднять запасной парус, но это не помогло. Дул слабый бриз, и легкие пиратские галеры шли гораздо быстрее тяжелого и неповоротливого корабля римлян. Расстояние между преследователями и преследуемыми с каждым мгновением сокращалось.

Цезарь, убедившись в том, что пираты еще не скоро достигнут его корабля, спокойно сел на свое обычное место и углубился в чтение.

Поняв безнадежность положения, капитан римского корабля приказал свернуть малый парус и стал у борта в ожидании дальнейшего развития событий.

Пираты вскоре оказались на палубе. Несмотря на миролюбивый прием, вели они себя весьма заносчиво.

Главарь — об этом можно было судить по его властному голосу — подошел к Цезарю, который ни на одно мгновение не прервал своего чтения, и стал обходить его — словно по внешнему виду патриция можно было определить величину ожидаемого выкупа.

— Кто ты такой? — спросил он наконец.

Юноша не проронил ни слова. Смерив пирата презрительным взглядом, он продолжал чтение. Один из пассажиров, видя, что атмосфера накаляется, подошел к главарю.

— Имя этого патриция — Юлий Цезарь, — сказал он. — И принадлежит он к одному из самых знатных семейств. Сулла изгнал его из Рима, и теперь он направляется на Родос.

— Я заберу все, чем он владеет, — резко прервал пассажира пират. — Я не убил его сразу лишь потому, что больше заинтересован в выкупе, чем в его жизни.

Вновь обратившись к Цезарю, пират злобно спросил:

— Сколько ты заплатишь за свою свободу и свободу твоих спутников?

Но и на этот вопрос он не получил ответа. Пират разозлился еще больше.

— У тебя что, отрезали язык? А если нет, то даю слово, — пригрозил он, — что сделаю это собственноручно. Сразу откажешься от своих барских замашек.

Однако пират был слишком жаден, чтобы лишиться выкупа из-за какого-то там самолюбия. Он прекратил свои нападки на римлянина и, желая договориться

о цене за освобождение пленников, стал советоваться с товарищами.

— Я потребовал бы десять талантов[1],— сказал один из них.

— Слишком мало. Я удвоил бы ставку!— прервал его главарь.

В этот момент, ко всеобщему удивлению, Цезарь нарушил молчание и присоединился к торгующимся.

— Двадцать талантов?! Плохо же знаешь ты свое ремесло!— иронически заметил он пирату.— Будь у тебя хоть немного больше опыта, ты сразу сообразил бы, что, по самым скромным подсчетам, я стою не менее пятидесяти талантов.

Собравшиеся пираты онемели от изумления. Они не были новичками в своем деле и многое повидали, но впервые встретили пленника, удвоившего за себя выкуп, хотя сумма, которую от него требовали, была по тем временам огромной.

— Должен признаться, что мне нравится твоя манера улаживать дела! Но предупреждаю, что если я не получу этих пятидесяти талантов, то отрублю тебе голову!— закончил торги пират.

Пассажиров корабля высадили на берег. Там им предстояло под стражей ожидать выкупа. Пираты тем временем направили своих посланцев к семьям пленников.

Убежище пиратов представляло собой скопление жалких лачуг и шалашей, скрытых среди скал так, чтобы его не было видно со стороны залива.

Привыкший к удобствам и роскоши, Цезарь не пришел в ужас от изменившихся условий жизни и, в соответствии со своим характером, постарался примениться к обстоятельствам.

Стремясь сохранить силы и душевное спокойствие во время пребывания в неволе, молодой патриций подверг себя строгому режиму.

Каждое утро он купался в водах залива, затем занимался физическими упражнениями. В свободное время Цезарь много читал, составлял речи и писал стихи. Как гласит легенда, последние не вызывали особого восторга у пиратов.

Незаурядные черты характера и редкое для пленни-

---

[1] *Талант* — самая крупная денежная единица в древней Греции и в Римской империи.

ка поведение снискали Цезарю уважение и удивляли его врагов, которых он пытался как можно лучше узнать, наблюдая их обычаи и изучая характеры. Он с большим интересом выслушивал рассказы о приключениях пиратов; в свою очередь, читал стихи и произносил яркие речи. У одних они вызывали взрывы иронического смеха, а на других наводили скуку и зевоту. Цезарь воспринимал эту реакцию слушателей с подлинно стоическим спокойствием, бросая порой едкие реплики в их адрес за то, что они не в состоянии были оценить всю прелесть его ораторского искусства.

Однажды он произнес слова, которые вошли в историю:

— Настанет день, когда вы все попадете в мои руки. И будьте уверены, что я распну вас на кресте как за ваши злодеяния, так и за тупоумие. Запомните, что я сказал вам! И знайте, я всегда держу свое слово!

Эта угроза могла, естественно, разозлить пиратов. Но они были так уверены в себе, что сочли ее лишь предлогом для новых насмешек.

Через тридцать восемь дней в пиратское убежище вернулись посланцы с вестью о том, что выкуп в сумме пятидесяти талантов внесен на хранение наместнику Милета [1].

Пираты немедленно доставили пленников в Милет, где в обмен на них получили обещанную сумму.

Обретя свободу, Цезарь решил немедленно осуществить свое предсказание. Он обратился к наместнику с просьбой предоставить ему четыре военные галеры и пятьсот солдат.

Получив корабли, Цезарь взял курс на Фармакузу. Как и следовало ожидать, он застиг пиратов в их гнезде во время оргии, устроенной по случаю дележа добычи. Пьяные пираты были не в состоянии сопротивляться. Триста пятьдесят бандитов сдались на милость победителя, и только нескольким, более трезвым, удалось бежать.

Цезарь освободил пленников, содержавшихся на острове, получил обратно всю сумму выкупа, после чего взял курс на Пергам [2] — местонахождение претора Малой Азии.

---

[1] *Милет* — древнегреческий город на западном побережье Малой Азии.

[2] *Пергам* — город, столица Пергамского царства на северо-западе Малой Азии, существовавшего в 283-133 гг. до н. э.

Прибыв в Пергам, он узнал, что как раз в это время претор объезжал подчиненную ему территорию. Цезарь огорчился, так как претор был единственным римским чиновником в провинции, имевшим право выносить смертные приговоры. Цезарь приказал заключить скованных цепями пиратов в местную крепость, а сам направился в путь вслед за претором, чтобы не медлить с осуществлением «обета», данного им пиратам.

В конце концов он нашел претора, но его ждало разочарование, так как чиновник вовсе не был склонен сурово карать морских разбойников. Тогда Цезарь прибег к уловке и стал просить претора, чтобы он уполномочил своего заместителя осудить пиратов. Однако претор не уступал:

— К чему такая спешка? Как только вернусь в Пергам, сам прослежу, чтобы свершилось правосудие. И не вижу никакой надобности применять в данном случае столь суровые меры возмездия. Купцы моей провинции выплачивают пиратам дань, и последние никогда не нападают на их корабли.

— Но ведь это же сговор с разбойниками!— возмутился Цезарь.

Претор спокойно ответил:

— Да, это так. Однако война с ними стоила бы намного дороже.

— А как же быть с достоинством государства?— настаивал Цезарь.

— Для сохранения мира и всеобщего благосостояния государство может без ущерба для своего достоинства улаживать некоторые споры дипломатическим путем,— заявил претор.

Объяснения претора не удовлетворили Цезаря, который начал подозревать, что пираты подкупили его, что было довольно характерно для римских сановников.

Убедившись в безуспешности своих попыток, Цезарь распрощался с претором и поспешно вернулся в город. Он решил поставить чиновника перед совершившимся фактом.

Цезарь заявил, что получил на смертную казнь специальные полномочия от самого диктатора Суллы. Это был чрезвычайно рискованный шаг, который мог стоить ему головы.

По приказу патриция были казнены все триста пятьдесят пиратов, а тридцать главарей распяты на кресте.

Цезарь лично явился на место казни, чтобы произвести еще одну, на этот раз последнюю речь перед своими слушателями-пиратами.

— Я решил быть к вам снисходительными,— начал он,— за хорошее отношение ко мне в неволе. Мне было бы неприятно думать, что, умирая, вы сочтете меня жестоким. Я приказал, чтобы вам подрезали горло, прежде чем распять.

После казни Цезарь продолжил как ни в чем не бывало свое путешествие на остров Родос и успел вовремя в великолепное училище риторики Аполлония.

Благодаря действиям Помпея и Цезаря народы бассейна Средиземного моря на некоторое время избавились от пиратов. Однако сразу же после трагической смерти Цезаря во время мартовских ид[1] 44 года до н. э. пираты вновь подняли головы. Они становились тем смелее и сильнее, чем слабее оказывался император, сидевший на римском престоле. Такое положение сохранялось вплоть до падения Римской империи в V веке н. э.

«БЕРЕГОВЫЕ БРАТЬЯ» С ТОРТУГИ

Описанные здесь события относятся к 1635 году.

Островок Тортуга — формально французская колония,— хотя и утратил свое главенство как пиратская метрополия, все еще оставался крупным пиратским гнездом. На Тортуге вырос густонаселенный поселок с благоустроенными, опрятными и удобными домиками. И хотя его жители сумели со временем обогатиться, они продолжали жить за счет пиратства.

Одним из частых гостей на Тортуге был Пьер Легран, нормандец из Дьеппа. Легран долгое время проходил выучку у пиратов, прослыл отважным мореплавателем и быстро занял привилегированное положение на острове.

Благодаря своим коммерческим способностям он сумел обзавестись собственным кораблем. Это был не-

---

[1] *Иды* (лат.) — в древнеримском календаре название 15-го дня в марте, мае, июле и октябре и 13-го дня в остальных месяцах.

большой парусник с экипажем из двадцати восьми человек. Легран не намеревался совершать никаких особых подвигов. А просто, как это привыкли делать пираты с Тортуги, собирался притаиться в каком-нибудь хорошо замаскированном небольшом заливе и ждать там появления испанского торгового судна среднего тоннажа.

Чтобы обеспечить себя продовольствием, он напал сперва на какую-то прибрежную ферму на Санто-Доминго, а затем поплыл в западном направлении через Наветренный пролив. Несколько дней он крейсировал у побережья Кубы, но не нашел никакой, заслуживавшей внимания добычи. Тогда он поплыл еще дальше на запад, прошел мимо островка Косумель, все еще не находя того, что искал, и, в конце концов, добрался до мыса Каточе на полуострове Юкатан.

Тем временем запасы иссякли. Легран стал опасаться, что его первая самостоятельная экспедиция потерпит фиаско, а это испортило бы ему репутацию среди собственной команды и всего пиратского сообщества. Однако люди, знавшие Леграна по его прежним экспедициям, верили капитану.

Однажды, когда они приближались с запада к побережью Кубы, на горизонте показалась группа кораблей. Последний в этом караване значительно отстал от остальных. Сердце Леграна забилось от радости. Он послал за наиболее опытным моряком из своей команды и, когда тот явился, спросил:

— Том, посмотри-ка, ведь это вооруженные галионы, везущие золото из Вера-Крус. Посмотри-ка, последний из них едва поспевает за остальными. Разве это не хорошая добыча для людей, готовых на все, таких, как мы?

Старый моряк с удивлением посмотрел на своего капитана, не понимая, говорит тот серьезно или шутит.

— Ни один антильский пират еще не нападал на подобный корабль.

— Ну так первым буду я! Уже шесть недель мы не видели ни хлеба, ни вина. Наше положение безнадежно, а души мы и так продали дьяволу. Так пусть он и выручает нас теперь. Созывай людей, Том!

Через несколько минут Легран обратился к команде со следующей речью:

— Судьба отвернулась от нас, друзья. Однако решительные люди часто совершают чудеса. На галио-

не может быть более сотни матросов. Стало быть, на каждого из нас придется по четыре испанца, причем не калек и не трусов. В этом положении остается действовать лишь хитростью или застигнуть противника врасплох. Испанцам и не придет в голову, что мы покушаемся на них, так как не было еще случая, чтобы пираты в одиночку напали на военный корабль, плывущий в караване. Подумайте. Скоро зайдет солнце. К его восходу мы можем стать богачами. Решайте, друзья!

Рослый нормандец стал прогуливаться по палубе, давая возможность людям, плотным кольцом окружившим Тома, подумать. Вскоре моряк сообщил капитану, что команда единогласно одобрила план и ждет приказаний.

Легран был настолько уверен в успехе, что велел продырявить днища спасательных шлюпок. Он не хотел отступать, более того, он предложил потопить собственный корабль, чтобы никто не сомневался в его действиях. Пираты единогласно решили бороться не на жизнь, а на смерть.

Два часа спустя, просверлив отверстия в днище собственного корабля, люди Леграна, незаметно подойдя к испанскому галиону, по-обезьяньи вскарабкались на его борт. Ликвидировав вахтенных и рулевого и захватив верхнюю палубу, они приступили к выполнению второй части плана овладения кораблем.

Легран осторожно подошел к иллюминатору офицерской каюты и заглянул внутрь. Капитан и трое офцеров сидели за круглым столом и играли при свете свечи в карты. «С этими мы справимся»,— подумал Легран и кивнул товарищам, шепотом отдавая приказы:

— Том, отбери пятнадцать смельчаков и давай быстро вниз, под палубу! Захватите врасплох спящий экипаж. Тех, кто будет сопротивляться, убивайте — тогда остальные сдадутся! Со мною пойдут Оней, Рен, Андре и юнга. Остальным — обыскать все помещения!

Легран и его четыре товарища с пистолетами в руках ворвались в капитанскую каюту.

Офицеры замерли он испуга и остались сидеть в креслах, не проронив ни слова.

— Сдавайтесь!— крикнул Легран.— Или я буду стрелять!

Из-под палубы раздались одиночные выстрелы. В помещениях для экипажа завязалась борьба. Вы-

стрелы отрезвили испанцев. Капитан и трое офицеров бросились на пиратов. Но это стоило им жизни.

Тем временем внизу продолжалась схватка. Испанские моряки успели прийти в себя и яростно сопротивлялись бандитам. Однако, увидев прибывшего на выручку Леграна, испанцы сдались.

Сокровища, найденные на корабле, превзошли самые смелые ожидания. Хотя на Тортуге и привыкли к захвату немалых богатств, никто из пиратов за всю жизнь не видел так много золота сразу: шесть полных ящиков, да еще и драгоценные камни. Сокровища эти могли обеспечить зажиточную жизнь всем бандитам до самой смерти.

После того как трупы выбросили за борт, раненым оказали помощь, а пленных заперли в трюме, Легран выкатил своей команде бочки с вином, найденным на корабле. Сам он не выносил пьянства, однако хорошо понимал, что после битвы ни одному пирату нельзя отказать в этом. Оставив пирующих в помещениях для команды, он отправился спать в капитанскую каюту.

Утром, когда все протрезвились, Легран собрал команду на палубе и обратился к ней со следующей речью:

— Дорогие друзья, теперь мы богаты. Представился отличный случай, чтобы порвать с жизнью, полной неустанных опасностей, на которую толкнула нас нужда. Советую вам покинуть эти места и отправиться в родные края. Но каждый из вас, конечно, имеет право свободного выбора. Сегодня погибли шесть наших товарищей, завтра такая же судьба может постичь каждого из нас. Только глупца так ослепляет богатство, что он не видит тех выгод, которые может получить. Тот, кто захочет остаться здесь, может высадиться на Ямайке, а кто не хочет, может отправиться со мной в Европу.

Только пятеро пиратов остались со своей долей добычи в Порт-Ройяле. Остальные последовали в Европу. Легран поселился в родном Дьеппе, где, как богатый и уважаемый всеми гражданин, прожил до конца дней, ни разу не ступив больше ногой на палубу корабля.

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ПИРАТ

Если бы слава пиратов определялась лишь количеством захваченных судов, то пальму первенства несом-

ненно следовало бы отдать Бэртоломею Робертсу, на совести которого, по свидетельству его биографов, лежало свыше четырехсот судов.

О его детстве и юности ничего не известно. Считают, что Робертс был родом из Уэльса.

В 1719 году он направился к берегам Западной Африки в качестве капитана шхуны «Принсес», погрузив на корабль «живой товар» — скованных цепями негров в трюме под палубой. Но уже через несколько часов после выхода в море шхуну захватили пираты во главе с Хоуэллом Дэвисом.

Робертс, конечно, понял, что разорен, так как весь капитал был вложен в корабль и его груз. Даже если бы пираты вернули ему свободу и позволили возвратиться в Англию, его ожидала бы там жизнь в крайней нужде. Робертсу ничего не оставалось, как принять предложение капитана Дэвиса и примкнуть к пиратам.

Главарь пиратов, который также оказался валлийцем, сочувственно отнесся к своему земляку.

Во время одной из экспедиций в глубь Африканского материка, закончившейся неудачей, Робертс проявил незаурядное мужество. В жестокой схватке с местным населением погиб Дэвис. Робертс, став во главе отступавших пиратов, заменил его и довел отряд до побережья без значительных потерь, завоевав тем самым уважение своих товарищей. Однако Робертс предвидел острое и беспощадное соперничество в борьбе за власть у пиратов, которая могла привести даже к открытой схватке. Вопреки его опасениям вопрос о выборе нового главаря решился относительно спокойно. И хотя Робертс был новичком в пиратском деле, выбор пал именно на него.

Первое, что сделал Робертс, — отомстил за смерть Дэвиса. Он окружил и уничтожил деревню, жители которой нанесли в свое время поражение пиратам, а затем направился к берегам Бразилии. Там он встретился с собиравшейся плыть в Лиссабон португальской флотилией в составе сорока двух судов, до краев нагруженных товарами, отправляемыми в Европу. И вот здесь Робертс совершил беспрецедентный «подвиг»: разграбил одно из них, стоявшее еще на рейде. Однако его поступок отнюдь не был актом безумия. Он тщательно взвесил свои шансы и, воспользовавшись благоприятным моментом, неожиданно напал на корабль ночью. Ведь капитан последнего меньше всего думал об опас-

ности в самом порту. Риск оплатился с лихвой. Пираты возвращались из этой «экспедиции» преисполненные гордости за своего нового главаря.

Робертс решил развернуть свою деятельность в Индийском океане, предварительно попытав счастья еще на Антильских островах. Купцы Ямайки и Барбадоса сразу же испытали на себе плоды его пребывания в этих краях. Робертс остался на Антильских островах дольше, чем первоначально предполагал, так как все здесь для него складывалось исключительно удачно. Он обменял старое судно Дэвиса на более внушительный корабль, назвав его «Ройял Форчун» («Королевское счастье»).

Однажды близ острова Барбадос Робертс наткнулся на хорошо вооруженный торговый корабль. Хотя «Ройял Форчун» и не получил серьезных повреждений, пирату с трудом удалось скрыться. В другой раз в поселке на Мартинике его планы потерпели полный провал из-за яростного сопротивления местных жителей.

Эти поражения, оказавшиеся, правда, единственными в длинной цепи блестящих побед, сильно задели Робертса. С тех пор каждый житель Мартиники или Барбадоса, имевший несчастье попасть к нему в плен, мог заранее распрощаться с жизнью. Новый флаг Робертса с изображением силуэта вооруженного шпагой пирата, опирающегося ногой на два черепа, был символом мести.

Честолюбивый, решительный, готовый бороться с любыми трудностями, Робертс обладал сильным характером. Правда, он отличался некоторыми особенностями. Так, например, из всех напитков он признавал только чай. Чтобы его команда не перепивалась, он все спиртные напитки держал под замком, и никто из матросов не имел права спрятать даже бутылку. В восемь часов вечера, как в интернате, гас свет. Если же кому-нибудь пришло бы в голову выпить рому после этого часа, он должен был выйти на палубу и напиться на глазах у капитана.

Робертс запретил также азартные игры в карты и в кости. Не разрешал приводить на корабль женщин. За появление на борту переодетых мужчинами дам виновному грозила виселица. Драки между членами команды исключались. Матрос, пожелавший свести с кем-либо личные счеты, должен был сойти на берег. Тогда оба противника, вооруженные ножами или пистолетами, становились сначала спиной друг к другу, а за-

тем начинали поединок по знаку товарищей-секундантов. Победитель, вернувшись на корабль, должен был доложить командиру о результатах схватки.

Считаясь по закону преступником, капитан Робертс тем не менее стремился прослыть ревностным христианином и принуждал матросов соблюдать все праздники. Он организовал даже оркестр из состава команды, предоставляя музыкантам полный отдых по воскресным дням.

В своих благих порывах он зашел так далеко, что попытался даже заручиться поддержкой какого-нибудь священника. Робертсу хотелось, чтобы он читал по воскресным и праздничным дням проповеди пиратам. Хотя ему и не удалось осуществить это намерение, главарь пиратов сделал, однако, все что мог, чтобы спасти грешные души своих подопечных. Однажды, узнав о том, что среди пленников есть священник, Робертс вызвал к себе перепуганного насмерть служителя церкви и предложил ему:

— Если ты присоединишься к нам, то получишь отличную возможность спасти несчастные души от вечных мук. Будь уверен, я щедро вознагражу тебя, да и всемогущий также не забудет этого!

Бедный священник не знал, как ему поступить. С одной стороны, он панически боялся заткнутых за пояс пирата пистолетов, а с другой — должен был дать быстрый ответ, так как на следующее утро всех пленных собирались высадить в ближайшем порту.

— Нет, уж лучше увольте меня, — взмолился священник.

И Робертс освободил его.

Представляет большой интерес текст правил, которые пират ввел на своем корабле:

1. Приказы, отдаваемые капитаном, если только они не противоречат основным принципам братства, должны выполняться старательно и по доброй воле.

2. Капитану принадлежит одна целая и половина доли всей добычи. Офицеру, плотнику и оружейному мастеру причитается одна целая и четверть доли.

3. Каждый член команды, который попытается дезертировать или окажется нелояльным по отношению к «братству», подлежит высадке на безлюдном берегу при первом представившемся случае и будет снабжен лишь одной бутылкой воды, горстью пороха и таким оружием, с помощью которого он сможет добыть себе пищу.

4. Каждый член команды, признанный виновным в краже на борту или ставящий в игре больше одного пиастра, понесет надлежащее наказание в соответствии с настоящими правилами. В более серьезных случаях он, естественно, будет расстрелян.

5. Никто из членов команды не вправе входить в соглашения или заключать контракты с другими пиратами без ведома «братства». Всякого, нарушившего это правило, сочтут изменником.

6. Драки на корабле категорически запрещаются. Кто ослушается капитана, будет наказан сорока без одного ударами плетью по голой спине.

7. Такое же наказание применят к каждому, кто приведет в негодность свое оружие, закурит трубку без крышки или станет носить зажженный светильник без прикрытия.

8. Члены команды должны содержать оружие в чистоте и порядке. Всякий, кто пренебрежет этой обязанностью, лишится своей доли добычи.

9. Хорошо воспитанный мужчина всегда уважает дам. Офицер или матрос, обидевший пленную женщину словом или действием, будет сразу же приговорен к смертной казни.

Несмотря на введенную им суровую дисциплину, Робертс пользовался любовью и уважением своих людей. Впрочем, это не удивительно, так как всеми успехами они были обязаны его организаторским способностям. В результате операций в районе Антильских островов, продолжавшихся больше года, пираты обеспечили себе безбедную жизнь, а некоторые из них, обогатившись, вышли даже из пиратского «братства».

Своими бесчинствами в районе Антильских островов Робертс причинил столь большой ущерб торговому мореплаванию, что правительства Англии, Франции и Испании заключили направленное против него соглашение. В этой ситуации он счел необходимым убраться в другие места.

Робертс появился у острова Ньюфаундленд и как гром средь ясного неба обрушился на рыбаков, ловивших макрель, и на прибрежные поселки на острове. Пираты захватили рыбачьи лодки и боты, но главной целью их вылазок стали деньги рыболовецких артелей. Укромные бухты Новой Шотландии и залив Святого Лаврентия предоставляли им убежище от непогоды и преследования. Робертс понимал, однако, что слишком долгое пребывание в этих водах грозит опасностью ввиду операций, предпринятых властями Новой Англии. В 1721 году он вернулся в Африку, где орудовал некоторое время в Гвинейском заливе. Несколько раз Робертс огибал мыс Доброй Надежды, посещая пиратские очаги на Мадагаскаре.

Однажды он узнал, что в его сторону плывет королевский фрегат со звучным названием «Своллоу» («Ласточка»). Его капитан, некий Чалонер Огл, завоевал репутацию заклятого врага пиратов. Однако Робертс, который располагал в то время двумя кораблями,

решил, что сумеет справиться с англичанами, и поплыл им навстречу.

Затея эта кончилась печально для пиратов. Заметив преследовавшие его корабли, Огл замедлил ход и притаился недалеко от острова. Робертс выслал один из своих судов на разведку. Обнаружив одинокий пиратский корабль в открытом море, Огл без труда потопил его, а затем направился в погоню за другим.

Утром 10 февраля 1722 года он нашел пиратов на берегу после ночной попойки. Увидя, что происходит, Робертс спешно созвал свою команду, чтобы выйти в море. Однако Огл преградил ему путь. Отчаявшись, Робертс приказал плыть прямо на английский фрегат, обстреливая его из орудий. В маленьком африканском заливе разыгралась битва, в которой Робертс погиб, сраженный осколком пушечного ядра. «Ройял Форчун» сдался.

Одержав победу, командир английского фрегата решил воздать почести мужеству павшего в бою пирата. В присутствии команд обоих кораблей Робертсу устроили морские похороны. На импровизированном катафалке, воздвигнутом на борту корабля, выставили останки пирата в его излюбленном, сверкавшем драгоценностями парадном мундире, а затем с почестями захоронили его в море.

Ни один из товарищей Робертса не избег заслуженной кары за свои злодеяния: все они были повешены на мысе Кост-Касл на Золотом Береге.

ПИРАТСКИЕ МЕССИИ

Миссон был родом из солнечного Прованса на юге Франции. Как самому способному в многодетной семье, родители дали ему отличное образование. После окончания классической гимназии Миссона направили в военную академию в Анже.

Окончив академию, он решил стать моряком. Искусству мореплавания Миссон обучался с таким же рвением, как и другим наукам. Вскоре, к немалому удовлетворению своих наставников, он достиг больших успехов.

Порой, однако, судьба человека осложняется самым необычайным образом. Во время длительной стоянки корабля, на котором служил Миссон, в Неаполитанском заливе он попросил у капитана Фурбена разреше-

ния съездить в Рим, где хотел осмотреть памятники «вечного города».

В Риме Миссон встретил человека, оказавшего огромное влияние на его мировоззрение. Это был доминиканец по фамилии Караччиоли. Показывая молодому человеку церкви и дворцы Рима, он изложил ему свои взгляды, в корне противоречившие ортодоксальному римско-католическому учению. Удивление, с которым Миссон выслушал необычные рассуждения доминиканца, постепенно перешло в глубокую заинтересованность реформаторскими помыслами монаха.

Сей необыкновенный философ утверждал, что основное препятствие к развитию истинно братских отношений между людьми состоит в существовании денег. Достаточно ликвидировать эту дьявольскую выдумку, чтобы исчезло деление человечества на имущие и неимущие классы, а с ним и жадность — источник всех зол.

Неопытный и наивный Миссон отнесся со всей серьезностью к утопическим взглядам монаха, предложил ему сбросить рясу и стать матросом, завербовавшись на корабль «Виктуар».

— Мы никогда не должны расставаться, дорогой учитель, — взволнованно заявил Миссон, будучи глубоко убежден, что именно они двое являются избранниками провидения, предназначившего им роль апостолов новой веры и благодетелей человечества.

Монах, обрадованный тем, что ему удалось обратить в свою веру первого ученика, также не захотел с ним расставаться. Немалую роль сыграло здесь то обстоятельство, что деньги молодого неофита служили значительным подспорьем его скромному доминиканскому достатку. Так началась серия знаменательных похождений двух незаурядных чудаков, которые не расставались до самой смерти.

Караччиоли быстро доказал, что он подходит для работы на борту корабля больше, чем для службы божьей. Через два дня после ухода из Неаполя «Виктуар» наткнулся на хорошо вооруженный пиратский корабль. Пираты не побоялись военного корабля и попытались захватить его. В ожесточенной рукопашной схватке погибло много моряков «Виктуара». Миссон и бывший монах проявили в бою такую храбрость, что капитан Фурбен устроил им в награду перевод на французский корсарский корабль «Триомф», предназначенный для нападений на английские торговые суда. Во

время трудной корсарской службы Миссон и Караччиоли представили новые доказательства своего мужества. Озаренные славой доблестных воинов, они снова вернулись на «Виктуар», который направлялся на Антильские острова.

Военные подвиги Миссона и его учителя не остудили их пыла в деле исправления мира. Они стали распространять идеи свободы, равенства и братства среди команды корабля, которые пали на благодатную почву. Вскоре все моряки, за исключением офицеров, были втянуты в заговор.

Наконец доморощенный философ решил приступить к осуществлению своих утопических планов. Он вызвал бунт на корабле с целью превратить его в маленькую плавучую республику — зародыш будущего государства, управляемого по принципам равенства. Миссионерам этой новой веры предстояло, по мнению бывшего монаха, проплыть через семь морей, распространяя свою доктрину в самых отдаленных уголках земного шара.

Радостное настроение после овладения кораблем было несколько омрачено спором, какой избрать флаг. Одни предлагали кроваво-красный, другие — черный. Спор в конце концов принял столь ожесточенный характер, что пришлось вмешаться самому Караччиоли:

— Меня огорчает отсутствие согласия между вами. Мы не пираты, а свободные люди, борющиеся за право человека жить по законам бога и природы. У нас нет ничего общего с пиратами, кроме того, что мы ищем счастья на море. Предлагаю поэтому поднять белый флаг с надписью: «За бога и свободу».

Предложение «философа» было принято единогласно. Остальную часть дня Миссон и его учитель посвятили подготовке проекта конституции новоявленной республики. Тем временем ее колыбель — украденный у короля корабль — спокойно качалась на морских волнах. Семьдесят три члена экипажа мало задумывались над отдаленными планами создания рая на земле. Их интересовали в основном земные цели. Все настойчивее требовали они у своих вожаков выдачи спиртных напитков. Караччиоли уговаривал Миссона удовлетворить требование матросов, так как боялся, что команда откажется осуществить его планы.

— Не имею ничего против, — отвечал Миссон. — Как только какой-нибудь корабль окажется в пределах

досягаемости наших орудий, мы удовлетворим их потребности в спиртном.

Уже на следующий день «Виктуар» повстречал какой-то британский торговый корабль. Сделав полдюжины предупредительных выстрелов, французы перепрыгнули на борт британца, не встретив ни малейшего сопротивления. Нападающие вели себя кротко и были чрезвычайно предупредительны. Миссон подошел к шкиперу и попросил у него извинения за необходимость освободить корабль от трех бочонков рома. Хотя в трюме было обнаружено шесть бочонков, Миссон в соответствии со словом, данным шкиперу, разрешил своим людям взять только половину запаса.

Одновременно молодой провансалец сообщил, что он и его команда не пираты, а апостолы новой веры, и не преминул изложить онемевшим от изумления англичанам ее основные принципы. В заключение Миссон заявил, что каждый английский матрос вправе присоединиться к французской команде, если чувствует к этому расположение. Пользуясь случаем, он прочитал длинную лекцию, в которой охарактеризовал англичанам мировоззрение членов плавучей пиратской республики. Капитан Батлер не верил своим глазам, но весь груз, судовая касса и личные вещи команды остались неприкосновенными, что было неслыханно для пиратов. В этой необычайной ситуации он решил ответить любезностью на любезность. Собрал на палубе всю свою команду, выстроил в два ряда и приказал приветствовать пиратов возгласами «ура». Миссону капитан заявил, что считает его и Караччиоли вполне добропорядочными джентльменами.

Когда впоследствии Миссон и его люди задерживали другие корабли, они вели себя точно так же. Забирали исключительно предметы первой необходимости, в которых в данный момент нуждались, а именно: продовольствие, спиртные напитки, порох и боеприпасы, не трогая других вещей и вовсе не интересуясь деньгами, драгоценностями или товарами. Они никогда не лишали команды судов, на которые нападали, всего продовольствия, «одалживая» не более половины. Пираты всегда были исключительно любезны. Если возникала необходимость причалить к берегу для ремонта корабля или других надобностей, они просили только о том, что им было необходимо, не прибегая к насилию или даже к угрозам. Повсюду Миссон и Караччиоли читали длин-

ные проповеди, призывая неимущих к бунту против угнетения и тирании денег. Пылкие речи в сочетании с необыкновенной сдержанностью, столь несвойственной пиратам, вызывали среди их жертв жаркие дискуссии.

Миссону удалось обуздать свою команду, прекратить пьянство и ругань, привить им взаимное уважение друг к другу, рыцарское отношение к женщинам, пожилым и слабым. Матросы не стали, правда, ангелами, но вели себя столь благонравно, что Караччиоли питал серьезные надежды на спасение их душ.

В конце концов район Антильских островов наскучил пиратам, и они направились к берегам Западной Африки. Там был захвачен голландский корабль «Ньивстат», плывший в Амстердам. Когда Миссон обнаружил, что на корабле везут живой товар — черных рабов, он собрал своих людей и, полный возмущения, обратился к ним с речью:

— Вот пример позорных законов и обычаев, против которых мы выступаем. Можно ли найти что-либо более противоречащее божьей справедливости, чем торговля живыми людьми?! Разве этих несчастных можно продавать, словно скот, только потому, что у них другой, чем у нас, цвет кожи? У разбойников, наживающихся на торговле рабами, нет ни души, ни сердца. Они заслуживают вечных мук в геенне огненной! Мы провозглашаем равенство всех людей без исключения. Поэтому, в соответствии с нашими идеями я объявляю этих африканцев свободными и призываю всех вас, братья мои, обучить их нашему языку, религии, обычаям и искусству мореплавания, дабы они могли зарабатывать на жизнь честным трудом и защищать свои человеческие права.

Когда он кончил, раздались дружные возгласы:

— Да здравствует капитан Миссон!

Матросы голландского корабля, не понявшие ни единого слова из его речи, глядели с изумлением на эту демонстрацию. Уловив, однако, настроение команды Миссона, хитрые голландцы попросили разрешить присоединиться к ней. Их приняли с условием полного подчинения правилам плавучей республики.

Черных рабов расковали и облачили в одежды, которые торговцы везли для продажи. Благодарные африканцы опустились на колени перед своими освободителями.

Но уже через несколько дней Миссон пожалел, что

согласился принять посторонних в свое братство. Если африканцы были кротки и послушны, стараясь угодить своим освободителям, то с голландцами сразу же возникли затруднения. Пьянкой, ругательствами и другими безобразиями, чинимыми на корабле, они начали деморализовать команду «Виктуара».

В этой ситуации Миссон обратился за просвещенным советом к своему учителю, предложив высадить голландцев на ближайшем берегу. Однако воодушевленный своей миссией Караччиоли посчитал, что братство обязано потрудиться и исправить голландцев. На том и порешили.

Приступив к перевоспитанию новичков, Миссон собрал всех, французов и голландцев, вместе и прочитал им длинную проповедь. Он предупреждал, что существование и безопасность плавучей республики окажутся под угрозой, если команда не изменит своего поведения. В заключение Миссон объявил, что впредь каждый матрос, злоупотребляющий именем божьим, будет наказан пятьюдесятью ударами плети.

Миссон был горько разочарован, убедившись, что лишь угрозы дали результаты, которых он не сумел добиться добротой и снисходительностью. Только теперь голландцы стали слушаться и уважать его, величая своим «добрым капитаном».

Между тем во взглядах его учителя Караччиоли произошли перемены. Сначала он объявил, что временно, на первом этапе процесса спасения человечества, не удастся полностью избавиться от денег и следует к ним отнестись как к неизбежному злу. Он заявил даже, что деньги могут оказаться полезным средством осуществления благородных намерений. В результате он признал желательным копить деньги и уговаривал Миссона отказаться от прежней сдержанности, не пренебрегая более сокровищами, перевозимыми на кораблях.

Капитан принял намерения своего учителя за чистую монету. Ведь тот заявил, что после накопления необходимых материальных ресурсов можно будет перенести демократическую республику на берег.

Так Миссон стал обыкновенным морским разбойником, хотя справедливости ради нужно отметить, что он был самым человечным и милосердным среди них. Захватывая чужой корабль, люди Миссона избегали ненужного насилия и никогда не обращались жестоко с его командой. Они оказывали необходимую помощь

раненым и больным, а когда выяснялось, что захваченный корабль принадлежал малоимущим людям, жившим собственным трудом, например рыбакам, Миссон уходил, не забирая ничего и даже принося извинения за причиненное беспокойство. Зато богатых не щадили, забирая все, что удавалось взять.

Много лет главной базой Миссона, разбойничавшего на Индийском океане, был остров Анжуан (Коморские острова). Именно здесь он решил основать республику. Стремясь расположить к себе местных жителей, Миссон пытался войти к ним в доверие. Караччиоли посоветовал ему жениться на дочери местного вождя. Идея, впрочем, не новая и сулившая успех.

Но так как дочь царька не пришлась Миссону по вкусу, он женился на сестре жены последнего — молодой, красивой девушке. Свадьбу сыграли с большой помпой, и многие члены команды, следуя примеру своего главаря, женились на местных девушках.

Однако планы основания республики на острове наткнулись на непреодолимые препятствия. Аборигены были привязаны к своей древней религии и обычаям. Царек и местные вожди, не желавшие отказаться от феодальных привилегий, вообще не постигали реформ, проводимых пришельцами. В конце концов потерявший терпение царек, пренебрегая родственными связями с Миссоном, стал грозить ему войной, если последний не откажется от своих реформаторских замыслов.

Обескураженные пираты погрузили своих жен, детей и имущество на корабли и уплыли на Мадагаскар, где поселились у одного из заливов восточного побережья, избегая, таким образом, контакта с другими пиратами, занимавшими западное побережье.

Люди Миссона надеялись осуществить здесь свою мечту. Малагасийцы отнеслись к пришельцам благожелательно.

Сразу же после высадки Миссон и Караччиоли на торжественной церемонии провозгласили свою идеальную республику, которую назвали «Либерталия».

Вопреки опасениям друзей, что авантюристически настроенные пираты не сумеют привыкнуть к мирному и оседлому образу жизни, последние быстро и охотно взялись за работу, проявив дисциплинированность, какой могло бы позавидовать немало государственных организаций той эпохи. Благодаря своему трудолюбию граждане Либерталии построили в короткое время не

только целый поселок из удобных жилых домиков и хозяйственных помещений, но и мощные укрепления, призванные защитить их от нападения и преследования. Ведь, несмотря на свои возвышенные идеи, жители Либерталии не отказались от выгодного пиратского промысла. Чтобы обеспечить себе тыл, они заключили союз с местным племенем. В обмен на рабочие руки и вооруженную помощь пираты обещали им защиту от других племен и от европейцев.

Управлял республикой совет во главе с Миссоном, которому был присвоен титул «защитника» (Preserver).

Этот пост, как и все остальные, был выборным, сроком на три года. Республика не признавала частной собственности. Существовала, правда, общая казна, однако она использовалась только для удовлетворения потребностей всех граждан республики. Приобретаемые товары делились на определенных началах, причем европейцы и местные жители пользовались одинаковыми правами. Никакого особого вознаграждения за труд не полагалось, так как он считался обязанностью каждого гражданина. Карачиоли — автор конституции республики — был избран «статс-секретарем», а функции главнокомандующего флотом выполнял капитан Тью, известный английский пират, который присоединился со своей командой к сообществу свободных граждан.

С течением времени к республике кроме англичан примкнули также моряки многих других национальностей, превратив ее в своего рода пиратскую Вавилонскую башню; изъяснялись здесь на четырех европейских языках: французском, английском, голландском и португальском, не считая целого ряда местных наречий.

Тем временем Миссон приступил к осуществлению своих планов расширения границ республики и для начала стал обследовать побережье Мадагаскара. Он проплыл вокруг острова на кораблях «Анфанс» и «Либерте», построенных на собственных верфях, и составил подробные карты окрестных вод. В процессе этих картографических работ он освобождал рабов и привозил их в Либерталию.

Либерталия преуспевала. Общество разделилось на две группы: одна непосредственно занималась пиратством, другая, формально и материально связанная

с первой, отдавала свои силы земледелию, скотоводству и ремеслам.

Катастрофа пришла неожиданно. Племена внутренних районов острова, жившие в крайней нужде, напали на зажиточный приморский поселок, перебив почти поголовно местное население. Часть поселенцев спаслась, уйдя на кораблях в море. Но, едва успев избежать гибели на земле, они стали жертвой стихийного бедствия на море, где попали в самый центр циклона. Вместе с Миссоном, Караччиоли и всей командой ко дну пошли мечты о спасении мира и рае на земле.

Хайнц НОЙКИРХЕН

ПИРАТЫ

Пираты Хоукинс и Дрейк на службе у Елизаветы I

Нет никакого сомнения в том, что Хоукинс и Дрейк, как и некоторые другие английские мореходы, получившие дворянство, честно заслужили название «пираты». Ведь они без малейшего намека на какое-то право захватывали чужие корабли, опустошали города, пытали, убивали и насиловали как в военное время, так и в периоды самого прочного мира. Если за свои преступления, совершавшиеся с большим размахом, они не предстали перед судом, то лишь потому, что одновременно с пиратством занимались поисками новых морских путей, открывали острова, составляли географические карты, а также — сознательно или бессознательно — помогали создавать британскую колониальную империю. Об одном они не забывали ни при каких обстоятельствах: действовали ли они с королевского позволения или без такового, часть добычи, доходившая иногда до половины, всегда шла в пользу короны.

Пиратскому ремеслу Дрейк учился у своего дяди Хоукинса, который был на восемь лет старше. Хоукинс — один из первых работорговцев, занимавшихся доставкой негров с побережья Западной Африки в Вест-Индию. В октябре 1562 года Хоукинс на трех кораблях — «Соломон» (120 т), «Ласточка» (100 т) и «Иона» (40 т), — команда которых составляла в общей сложности не более 100 человек, предпринял свою первую экспедицию к африканскому побережью. Там он разграбил несколько португальских кораблей и, захватив 300 негров-невольников, направился на Гаити, где обменял рабов на кожи, сахар и жемчуг. Возвратившись на родину, Хоукинс подготовил второе путешествие. Королева представила в его распоряжение бывший ганзейский корабль «Иисус Любекский». В 1565 году с несколькими сотнями рабов на борту он

достиг Венесуэлы. Однако испанский губернатор не дал ему разрешения на продажу рабов. В конце концов, хотя и со многими трудностями, действуя хитростью и силой, Хоукинс сумел обменять свой «черный товар» на золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни. После этого плавания, которое увенчалось успехом, была подготовлена третья экспедиция, более крупная по масштабам. Проведение ее было запланировано на 1567 год.

Хоукинс записывает в своем журнале: «2 октября 1567 года наши корабли «Иисус» и «Миньон» («Любимец»), а также четыре судна меньших размеров вышли из Плимута. До 7-го числа нам сопутствовала хорошая погода, затем севернее мыса Финистер поднялась сильная буря, которая рассеяла наш флот и уничтожила все наши большие спасательные шлюпки».

Описав бурю и ее последствия, Хоукинс продолжает: «У острова Гомера мы взяли воды, 4 ноября направились к побережью Гвинеи и 18 ноября подошли к Зеленому мысу. Мы тут же отправили на берег 150 человек, надеясь поймать несколько негров. Однако с большим трудом и потерями нам удалось изловить лишь очень небольшое количество. Своими отравленными стрелами туземцы наносили нам небольшие, на зато опасные раны. Сам я был также ранен. Последующее время мы провели на гвинейском побережье и до 12 января самым тщательным образом обследовали реки от Рио-Гранде до Сьерра-Леоне. За этот период мы смогли взять на борт не более 150 негров».

Затем Хоукинсу помог случай. Во время племенной междоусобицы одна из сторон попросила его о помощи, пообещав в виде вознаграждения передать ему всех пленных. После сражения враждующих племен в руки англичан попало около 300 африканцев, так что Хоукинс, имея на борту примерно 500 негритянских рабов, смог отправиться в Вест-Индию. Перед отплытием он передал своему племяннику Дрейку командование 50-тонным кораблем «Юдифь», который был одним из четырех малых кораблей соединения. В Америке опять возникли сложности с продажей негров. Тогда Хоукинс в порту Рио-де-ла-Ача высадил десант, опустошил часть города и пригрозил жителям, что если они не купят у него негров, то он заберет их самих в качестве пленных и обратит в рабство. После этого все пошло, как ему было нужно.

На обратном пути флотилия Хоукинса попала

в сильную бурю, в результате которой корабль «Иисус» получил течь и был оставлен. Когда Хоукинс сделал вынужденный заход в порт Велакрус, защищенный крепостью Сан-Хуан-де-Улоа, он натолкнулся там на испанский флот (в составе 13 кораблей). Немедленно был открыт огонь по ненавистным для испанцев «лютеранским корсарам». В этом сражении Хоукинс потерял три корабля. Уйти удалось только «Миньону» и «Юдифи» с Хоукинсом и Дрейком на борту. Оба твердо решили отомстить за свое поражение.

К следующему плаванию, которое явилось его первым самостоятельным предприятием, Дрейк готовился очень тщательно. Он захотел получить американское золото не обходным путем, за продажу чернокожих рабов, а непосредственно от самих испанцев.

В 1572 году Дрейк на двух кораблях «Паша» и «Сван» направился к Панамскому перешейку. После того как он со своими людьми опустошил и сжег город Портобело, Дрейк, взяв лишь 30 человек из своей команды и 20 гугенотов, примкнувших к нему для участия в этой операции, отправился в глубь материка. Отряд Дрейка напал на испанский караван с грузом золотых монет и другими сокровищами, шедший из Перу в Портобело. После этого Дрейк отправился на север, к восточному побережью Мексики, и с очень небольшим успехом атаковал Веракрус. Затем он вновь ушел на юг, к Картахене, и возле этого города в результате смелого налета захватил несколько испанских судов.

Захватив богатую добычу, но потеряв при этом половину своих людей, Дрейк возвратился в Англию, где обратил на себя внимание королевского двора. Дрейк оснастил три фрегата и участвовал как капер в борьбе против восставшей Ирландии. Королева удостоила его приема, и он изложил ей свои планы поиска Южного континента, «Терра Аустралис», о существовании которого догадывалась тогдашняя наука, и о плане нападения на испанцев в Америке с западного побережья материка. Королева не только одобрила намерения Дрейка, но и сама вместе с несколькими высокопоставленными персонами приняла участие в финансировании этого предприятия.

Подготовка новой экспедиции проходила в строжайшей тайне. 13 декабря 1577 года Дрейк с флотилией из пяти кораблей, которые назывались «Пеликан», «Елизавета», «Мэриголд», «Сван» и «Кристофер» и имели

команду численностью 164 человека, вышел из Плимута в море. Его флагманский корабль «Пеликан» имел всего 26 м в длину, 7 м в ширину и водоизмещение в 200 т.

Перед входом в Магелланов пролив Дрейк оставил оба корабля снабжения — «Сван» и «Кристофер», — подверг капитальному осмотру «Пеликана» и переименовал его в «Золотую лань». С тремя кораблями Дрейк прошел через пролив и 6 сентября 1578 года достиг Тихого океана. Перед этим, подобно Магеллану, он был вынужден подавить бунт на борту корабля. Зачинщиком был один из его спутников. Дрейк сам назначил судей и присудил мятежника к смертной казни.

Во время сильного шторма у западного побережья Южной Америки корабль «Мериголд» пошел ко дну, а «Елизавета» была отнесена настолько далеко, что ее капитан на свой страх и риск возвратился в Англию. Да и «Золотую лань», единственный из оставшихся у Дрейка кораблей, буря в течение месяца отгоняла к югу. При этом Дрейк сделал открытие: он обнаружил, что южнее Магелланова пролива находился лишь кусочек суши, который, очевидно, принадлежал к Американскому континенту. Никакого Южного континента ему здесь обнаружить не удалось. Теперь Дрейк приступил к выполнению второй части своей задачи. На «Золотой лани» он поплыл в северном направлении до Вальпараисо, зашел в порт и подверг опустошению город и ограбил церкви. Когда были пополнены запасы провианта и воды, а корабль тщательно осмотрен, Дрейк направился далее на север, грабя по пути прибрежные поселения. 13 февраля 1579 года «Золотая лань» вошла в гавань Лимы. Находившиеся там 12 испанских кораблей не были готовы к бою. Весь такелаж находился на берегу. Испанцы чувствовали себя на западном побережье в полной безопасности. В результате этого их корабли, а также собранные в Лиме сокровища стали добычей Дрейка. В Лиме англичане услышали об испанском корабле «Нуэстра сеньора де ла Консепсьон», груженном сокровищами, который находился по пути в Панаму. Этот корабль, за свое тяжелое вооружение прозванный «Изрыгателем искр», ежегодно плавал вдоль побережья в северном направлении и в различных портах брал на борт продукцию серебряных рудников, а также награбленные испанцами золото и другие ценности. Этот груз доставлялся к Панамскому

перешейку. Дрейк приказал немедленно поднять паруса и поспешил навстречу «Изрыгателю». 1 марта он обнаружил испанский галион чуть севернее экватора. После короткой перестрелки Дрейку удалось взять корабль на абордаж. Добыча составила 26 т серебра, 80 фунтов золота и 13 сундуков с деньгами, украшениями и другими ценностями на общую сумму около 200 тысяч английских фунтов. Говорят, когда все это перегружалось на «Золотую лань», один британский матрос произнес: «Теперь «Изрыгатель искр» превратился в «Изрыгателя серебра».

Продолжая плыть на север, Дрейк захватил большой купеческий корабль, а также парусник, на борту которого было два лоцмана, имевшие морские карты и инструкции по плаванию на парусах через Тихий океан. 15 апреля 1579 года Дрейк зашел в Гуаталко, в Мексике, бывший последним испанским портом, который он посетил на западном побережье Америки. Сообщают, что к этому времени «Золотая лань» была так нагружена ценностями, что при новых грабежах команда забирала только золото и жемчуг, а серебро с презрением отбрасывала.

Совершенно очевидно, что Дрейк намеревался, идя дальше на север, поискать на северо-востоке проход из Тихого в Атлантический океан, чтобы таким путем вернуться на родину. Однако, достигнув 48° северной широты, из-за плохой погоды он снова повернул на юг и бросил якорь в небольшом заливе, названном его именем: «Бухта Дрейка». После тщательного обследования «Золотой лани» Дрейк снова отправился в плавание и пошел по пути, которым шли корабли Магеллана. Через три месяца он достиг Молуккских островов, где взял на борт ценный груз пряностей. Обогнув мыс Доброй Надежды, 26 сентября 1580 года, через три года после ухода в плавание, Дрейк снова вошел в Плимут.

Возмущение действиями Дрейка было в Испании столь же велико, сколь и восхищение в Англии подвигами героя Дрейка. Королева, повелев доставить «Золотую лань» под охраной в Детфорд, хотела выиграть время, так как испанский посланник неоднократно требовал наказания Дрейка.

Однако решение королевы было твердым. По истечении нескольких месяцев она прибыла в Детфорд, где стояла «Золотая лань», и поднялась на борт корабля.

На юте она произвела Фрэнсиса Дрейка в рыцари и назначила его вице-адмиралом своего флота.

За это королева получила половину добычи, оцененной в 2 миллиона 250 тысяч фунтов золотом. И тем не менее барыш остальных акционеров составил 4700 процентов их вкладов.

Первая задача, которая была поставлена перед Дрейком, заключалась в борьбе с пиратами в английских водах. Затем на закрытие испанских портов для английских кораблей Дрейк по приказу Елизаветы в 1585 году с 25 кораблями и командой из 2300 человек вновь отправился в Вест-Индию и опустошал испанские поселения. Среди добычи, захваченной в этом плавании, имелись диадема и крест, которые королева демонстрировала всем под Новый год.

В 1587 году Дрейк проник в порт Казис, сжег и потопил 33 испанских корабля, угрожал Лиссабону, захватил корабль, шедший из португальской Ост-Индии с грузом на сумму 100 тысяч фунтов, и у берегов Испании охотился за кораблями испанского короля. Действуя таким образом, Дрейк, как он сам хвастался, «подпаливал бороду католическому королю...»

Большое плавание Дрейка было повторено менее известным английским пиратским капитаном Томасом Кавендишем. Очевидно, он подробно изучил опыт плавания Дрейка, в то время как испанцы не сделали для себя никаких выводов. Кавендиш избрал тот же маршрут, что и Дрейк, использовал те же стоянки и места ремонта кораблей и после пиратской экспедиции, продолжавшейся два года, возвратился в Плимут на последнем из трех своих кораблей с не меньшей добычей, чем та, которую привез Дрейк десять лет назад.

Об этом испанский посланник сообщал Филиппу II следующее: «В эти дни капитан Кавендиш возвратился из Перу. Он устроил для королевы банкет на своем корабле и долго распространялся по поводу своих подвигов. Он привез, несомненно, большую добычу, так как его кают-компания была отделана золотым и серебряным шитьем. У каждого матроса на шее висела золотая цепь. Паруса были из камчатой ткани, а штандарты украшены богатой вышивкой. Так плавала, вероятно, Клеопатра! Королева якобы заявила: «Испанский король — это собака, которая лает, но не кусает. Пока он нагружает для меня свои корабли золотом и серебром, он меня не интересует».

Чаша была полна. Официальное объявление войны Испанией более чем назрело. В июне 1588 года «Непобедимая Армада» вышла в море, была потрепана сильной бурей и... разбита! Не последнюю роль в этом деле сыграло морское искусство пирата Дрейка. Фрэнсис Дрейк, будучи вице-адмиралом, быстро переоснастил торговые корабли, объединил их в боевой отряд и с его помощью нанес испанцам значительные потери.

В 1595 году Дрейк и Хоукинс совершили свое последнее плавание в Вест-Индию. Хоукинсу, который был произведен в вице-адмиралы и казначеи английского флота, было тогда 63 года, Дрейку — 55 лет. В состав их сильного флота входили 6 королевских кораблей и еще 21 судно. Они располагали также специальной командой численностью 2500 человек. Дрейк и Хоукинс намеревались напасть на порт Сан-Хуан на острове Пуэрто-Рико и захватить у испанцев собранные в городах сокровища, состоявшие в основном из серебра.

Однако горький опыт заставил испанцев стать осторожными. Испанский адмирал Тельо захватил один из английских кораблей и из показаний пленных узнал о планах английской эскадры. Он блокировал порт своими кораблями и подготовил город к обороне. Прежде чем англичане достигли Пуэрто-Рико, Хоукинс скончался в открытом море 12 ноября. Во время атаки порта Дрейку, правда, удалось поджечь пять испанских кораблей, однако прорвать блокаду он не смог. После этого англичане направились в Рио-де-ла-Ача, портовый город на северном берегу Южноамериканского континента, прославившийся добычей жемчуга. За сохранение города Дрейку был предложен жемчуг на сумму 24 тысячи дукатов. Однако он отклонил это предложение и приказал опустошить город. Затем он ограбил Тапию, захватил город Санта-Марту, где заключил под стражу испанского коменданта города, и наконец овладел сильно укрепленным портом Номбре-де-Диос. Отсюда он направил один отряд из 750 человек к Панаме, чтобы захватить перевозимое из Перу серебро. Однако испанцы, извлекшие уроки из нападений англичан, дали им жестокий отпор.

По словам хрониста того времени, «заботы, заполнившие сердце Дрейка, а к тому же серьезное расстройство желудка привели его 28 января 1596 года к неизбежному концу. Он успел перед этим назначить своим наследником Томаса Дрейка, сына своего брата».

Оба моряка — Хоукинс и Дрейк — стали легендарными героями у себя на родине. Страница, рассказывающая о пиратах и работорговцах, поднявшихся до уровня лордов и адмиралов, составила часть британской истории.

Достойным последователем Дрейка и Хоукинса, во всяком случае в том, что касалось ненависти к Испании и морского разбоя по поручению короны, стал голландский адмирал Пит Хейн, который долгие годы провел в испанских тюрьмах. В 1628 году ему удалось напасть на Гавану и взять под свой контроль район моря между Флоридой и Кубой. В то время как командующий южным испанским флотом оставался со своими кораблями в Картахене, командующий северным флотом почувствовал себя достаточно сильным, чтобы покинуть порт Веракрус и выйти в море. На широте Кубы он попал в расставленную Хейном ловушку. Испанские корабли были расстреляны голландской эскадрой в одной из бухт. Команда и пассажиры стремительно покинули корабли, и сам командующий вынужден был искать спасения на берегу. Голландцам оставалось лишь перенести на свои суда слитки золота и серебра.

По возвращении в Голландию Хейн был восторженно встречен как герой. Испанского же флотоводца ожидал на родине смертный приговор.

ПИРАТЫ ТЬЮ, ЭВЕРИ И КИДД В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

К концу XVII века в Индийском океане появились первые корсары, пришедшие сюда из Карибского моря. На протяжении столетий здесь действовали арабские, индийские, а также китайские пираты. Первыми европейскими пиратами в этом районе стали англичане. Они как бы смеялись над спором между португальцами и голландцами о том, кому принадлежит Индия.

Не только Дрейк, прошедший мимо Индии во время своего кругосветного плавания с запада на восток, был восторженно принят английской королевой. Елизавета поздравляла каждого английского пирата, которому удавалось проникнуть в этот район, захватить португальские и голландские суда. В 1600 году королева поддержала создание английской Ост-Индской торговой компании. Акционеры, среди которых была и знать,

любовно называли эту компанию «Old Lady» («Старая Леди»). После буржуазной революции монополия «Олд Леди» была подорвана созданием еще одной компании по торговле с Ост-Индией. Позднее дворянство и буржуазия договорились и объединили оба общества. Наряду с португальскими и голландскими судами богатства Индии стали ввозить в Европу также и английские корабли, причем их количество непрерывно росло. Как раз на эти корабли и устремили свои взгляды пираты, пришедшие из Карибского моря. Их желанной добычей являлись также и корабли правившей в Индии династии Великих Моголов, которые обычно заходили в порты Джидда в Красном море и Моха (Мокка) в Йемене, куда съезжались паломники, следующие в Мекку. Пираты из Вест-Индии встретили в Индийском океане конкурентов — ставших на путь морского разбоя дезертиров с португальских, голландских, английских и французских военных и торговых судов. Базами для проведения пиратских операций в этом районе являлись Мадагаскар и ряд других островов.

Одним из самых знаменитых пиратских капитанов Индийского океана был Томас Тью. Он родился в Род-Айленде, пуританском штате Новой Англии, и считался у своих американских современников вполне добропорядочным господином, который дешево отдавал бедным христианам Северной Америки то, что отбирал у слишком уж богатого Великого Могола языческой Индии. Действительно, во многих случаях Тью действовал, имея официальные каперские грамоты.

Так, в 1692 году Тью должен был по поручению губернатора Бермудских островов на двух кораблях совершать нападения и опустошать французские торговые поселения возле устья реки Гамбия. Деньги на проведение этой экспедиции были собраны несколькими купцами с Бермудских островов. Однако Тью и не думал о том, чтобы выполнить это опасное поручение в пользу губернатора и купцов. После того как из-за поломки мачты он потерял свой второй корабль, Тью уговорил команду начать самостоятельные поиски в Индийском океане богатой добычи и — что самое главное — не подвергаясь при том никакой опасности. На корабле «Амити» («Дружба») он обогнул мыс Доброй Надежды, взял на Мадагаскаре провиант и воду и в Баб-эль-Мандебском проливе, у входа в Красное море, стал подкарауливать свою жертву. Здесь у него

произошло сражение с кораблем, принадлежащим Великому Моголу. Для защиты от пиратов судно имело на борту, помимо команды, 300 солдат. Имея всего лишь горстку людей, Тью без каких-либо потерь захватил корабль. В руки пирата попало много золота и серебра. Доля каждого члена команды составила 3 тысячи фунтов. А сам Тью якобы получил 10 тысяч фунтов. Однако он оказался достаточно умен, чтобы догадаться возвратить владельцам своего «Амити» на Бермудских островах их первоначальный капитал в десятикратном размере. Пираты, побоявшиеся возвращения домой, попросили Тью высадить их на Мадагаскаре. Там они образовали небольшие общины, обзавелись семьями, завели рабов и зажили в своих больших владениях. Когда к ним обращались другие пираты, они снабжали их водой и провиантом. Позднее они занялись работорговлей. Капитан Чарльз Джонсон, живший некоторое время на Мадагаскаре, описывает этих маленьких королей в своей «Истории пиратства XVIII века». Он говорит: «Ни один из них не умел ни писать, ни читать, и государственный секретарь понимал в этом не более чем все остальные».

С остатками команды Тью возвратился домой, его не подвергли никакому наказанию. Он приобрел красивый дом недалеко от Нью-Йорка и считался другом губернатора Бенджамина Флетчера. Флетчер снабдил Тью каперскими свидетельствами для второго плавания к африканскому побережью. Флот Тью состоял из трех судов, флагманским кораблем вновь был «Амити». Вначале Тью обогнул мыс Доброй Надежды и направился к своим старым друзьям на Мадагаскар. Здесь он встретился с Джоном Эйвери.

Эйвери родился в деревне недалеко от Плимута. Он рано стал выходить в море и много лет плавал штурманом на каперских судах. Одним из таких кораблей был тридцатипушечный парусник «Дьюк» («Герцог») с командой 120 человек, на котором он служил в качестве боцмана. В это время Испания и Англия вели совместную войну против Франции. Для борьбы с французами в Вест-Индии на службе у испанцев состояло много английских каперов у Бристоля. Одним из них являлся капитан «Дьюка» Джипсон. В течение нескольких месяцев «Дьюк» вместе с другим парусником стоял в бездействии в Коруне и ждал приказа. Восемь месяцев команда не получала жалованья. Капитан был пьяница

и большую часть времени проводил на берегу. Эйвери разжигал растущее недовольство команды. Однажды на корабле возник бунт. Капитан со своей свитой был высажен на берег, команда избрала Эйвери своим командиром. По примеру флибустьеров мятежники выработали устав, после чего Эйвери, прозванный командой Длинным Беном, поднял якорь и направился к Мадагаскару. «Дьюк», переименованный в «Феней», захватил по пути два трофея, и с этим небольшим флотом Эйвери встретил на Мадагаскаре Тью. Они быстро нашли общий язык. Пираты направились к входу в Красное море, чтобы подкараулить там корабли индийских и исламских паломников, направлявшихся в Мекку. Под прикрытием ночи части индийских кораблей удалось прорвать пиратскую блокаду, и на следующее утро в море были видны только два судна — «Фатех Магомет» и «Ганг-и-Савай». Тью на своем «Амити» устремился в погоню и через некоторое время догнал «Фатех Магомет». В тот момент, когда пираты готовились к абордажу, индийский корабль выстрелил по «Амити» из всех бортовых орудий. Тью был смертельно ранен, и его корабль вышел из боя. Однако канониры не успели еще перезарядить орудия, как у «Фатех Магомета» оказался Эйвери и вынудил его сдаться. Затем пират направился к «Ганг-и-Саваю». Корабль, который был хорошо вооружен и имел на борту 600 солдат, принадлежал семье Великого Могола. После многочасовой орудийной дуэли Эйвери удалось занять позицию для абордажного боя. Когда пираты после ожесточенной борьбы овладели кораблем, они обнаружили сказочные богатства, доля каждого из 180 членов пиратской команды составила тысячу фунтов.

Это нападение вызвало сильное волнение и в Индии, и в Англии. Великий Могол пригрозил англичанам отомстить, закрыв английские фактории в Индии, и Ост-Индская компания испугалась за свои прибыли. Несколько людей Эйвери были схвачены в Англии, когда они продавали свои ценности, и отданы под суд. Самому Эйвери удалось скрыться. Джонсон в уже упоминавшейся книге пишет, что Эйвери при попытке продать захваченные бриллианты натолкнулся на торговцев, которые его надули. Неуловимый Эйвери стал одним из самых известных людей Англии. О нем была написана комедия «Счастливый пират». Многие верили

легенде о том, что он женился на дочери Великого Могола и стал несметно богатым магараджей.

Официальная же Англия была очень встревожена успехами Эйвери в Индийском океане. Угрозы Великого Могола заставили акционеров Ост-Индской компании побеспокоиться о своих прибылях. Они потребовали от правительства направить в Индийский океан военные корабли для борьбы с Эйвери и другими пиратами.

Конечно, правительство знало, что пиратские разбойничьи набеги в Индийском океане совершались теперь не из района Карибского моря, а с североамериканского побережья, и что здесь с благословения многих губернаторов производилась продажа награбленного. Друг Томаса Тью полковник Бенджамен Флетчер, губернатор Нью-Йорка и Массачусетса, требовал от каждого пиратского капитана 700 фунтов в уплату за разрешение продавать товары в одном из портов. Губернатор сэр Вильям Фипс приглашал каперов из Пенсильвании в Бостон, чтобы они могли здесь свободно продавать награбленное добро. Губернатор Багамских островов Николас Тротт получил от Эйвери 7 тысяч фунтов за выдачу пиратам разрешения высадиться на берег после окончания разбойничьей экспедиции. Губернатор Филадельфии выдал свою дочь замуж за пиратского капитана, а во всей провинции Нью-Джерси не было ни одного суда, который согласился бы добровольно вынести обвинительный приговор пирату.

В этой ситуации английское правительство оснастило 34-пушечный каперский корабль «Эдвенче Галли» под командованием капитана Уильяма Кидда. Ему была поставлена задача захватывать как пиратские, так и французские суда. В соответствии с этим Кидд получил в Лондоне два различных каперских свидетельства. Необходимые для оснащения корабля 6 тысяч фунтов были собраны группой аристократов. Соответственно половина добычи шла в пользу кредиторов. Далее, 15 процентов должен был получить Кидд для себя и своих тайных соучастников в Нью-Йорке, 10 — по традиции предназначались королю, а остальные 25 процентов — команде.

Едва начав свой путь, Кидд был остановлен на Темзе британским военным кораблем. Офицеры этого судна отобрали из команды Кидда, насчитывавшей 150 человек, 70 лучших моряков и вынудили их служить на

своем корабле. И вот, имея на борту всего лишь половину первоначальной команды, Кидд пришел в первый порт своего назначения — Нью-Йорк, где был вынужден доукомплектовать команду за счет портового сброда и всяких случайных людей. Губернатор Флетчер писал об этом в Лондон: «Здесь все считают, что ему не удастся достигнуть цели, ради которой он был направлен. Кидд не справится со всей этой ордой, не имея средств».

6 сентября «Эдвенче Галли» вышел из Нью-Йорка в море. В течение года Кидд безуспешно пытался обнаружить какой-нибудь пиратский или французский корабль. Цели Кидда оставались неясными: он был полукапер, полупират. Затем на его корабле кончились запасы продовольствия, и команда была готова взбунтоваться. Но вот наконец Кидд стал действовать. Вместо того чтобы охотиться за пиратами, он сам стал пиратом. Впрочем, его действия были не очень-то успешными. Он остановил небольшой мавританский корабль и забрал находившийся на нем груз перца. Совершив нападения на несколько кораблей, в том числе и французских, Кидд в начале 1698 года захватил 500-тонный парусник, вооруженный десятью пушками. Но тут Кидда постигла неудача: этот корабль находился под английским командованием и его захват вызвал в Лондоне большое возбуждение. Снова был нанесен ущерб интересам Ост-Индской компании, и на этот раз — королевским капером! Кидд был официально объявлен пиратом и категорически лишен права воспользоваться амнистией, которую король дал всем пиратам, действовавшим восточнее мыса Доброй Надежды.

Как и следовало ожидать, у него обострились отношения с командой. Однажды капитан позволил вовлечь себя в спор с канониром Вильямом Муром и в драке проломил ему череп куском железа.

Захватывая какой-либо корабль, Кидд обычно тут же распределял добычу среди команды, и в результате от него то и дело дезертировали люди. Что бы он ни предпринимал, он не доводил дело до конца, вел себя трусливо, неопределенно, непоследовательно. Лишь по иронии судьбы именно этот Кидд считался у современников, а затем и в более поздних преданиях не иначе как идолом пиратства. Поэты посвящали ему баллады, шарманщики воспевали его как героя. Согласно легенде, он обладал несметными сокровищами,

которые якобы где-то зарыл... Все это не соответствует истине.

Кидд знал, что его повсюду разыскивают как преступника. Он направился в Лонг-Айленд и послал новому губернатору Нью-Йорка сообщение о том, что имеет на борту 30 тысяч фунтов для лондонских кредиторов и что известия об объявлении его пиратом являются ложными. Губернатор дал неопределенный ответ с двойственной формулировкой. В его письме говорилось, что если все выглядит так, как утверждает Кидд, то он может прибыть в Нью-Йорк со спокойной совестью.

Оставив предварительно сундук с золотом у смотрителя маяка, Кидд явился к губернатору. Тот потребовал, чтобы Кидд немедленно представил письменный отчет об экспедиции. А через два дня Кидд был арестован и брошен в тюрьму, а затем закован в цепи и отправлен в Лондон. В мае 1701 года после расследования, которое продолжалось целый год, состоялся судебный процесс. Кидд был признан виновным в пиратстве и убийстве канонира Мура. 23 мая 1701 года его повесили.

ИСТОРИЯ ТИЧА ЧЕРНОЙ БОРОДЫ

Подобно Кидду, морской разбойник Эдвард Тич, которого обычно называли Черная Борода, принадлежал к числу самых известных и самых скандальных фигур в пиратском мире.

Капитан Джонсон, который в своей книге подробно рассказывает о жизни и смерти Тича, описывает внешность этого пирата следующим образом: «Его лицо, начиная от глаз, было закрыто густыми черными волосами, которые покрывали также и грудь. Одежда вся в пятнах от крови и пролитых напитков, в нескольких местах платье порвано и скреплено булавками. Грязное тело пропахло потом и смесью рома с порохом, которую Тич обычно пил. У него была привычка заплетать на бороде маленькие косички с лентами и заправлять их за уши. Перед боем он надевал через оба плеча по широкой ленте. На них висело по три пистолета. Под шляпой он закреплял два горящих фитиля, свисавших по обе стороны его лица. Глаза его от природы были злыми

и жестокими. Всем своим обликом он походил на фурию ада». Такая внешность не только соответствовала прозвищу Тича — Черная Борода, но и славе его как самого отчаянного и ужасного из пиратов.

Родился он в 1680 году в Бристоле. Во время войны за испанское наследство Тич плавал на английских каперских судах. Хотя Тич был известен своим мужеством и храбростью в абордажных схватках с командами французских кораблей, повышения по службе он не получал. Предположительно Тич стал пиратом в 1716 году. Пиратский вожак Хорниголд передал ему в 1716 году командование шлюпом, который сам Тич захватил в одной из схваток. С самого начала Тич обращался с командой крайне жестоко. Себя самого и команду он постоянно держал под воздействием алкоголя. Так, он писал в дневнике: «Сегодня кончился ром. Наша компания была почти трезвой. Мерзавцы пытались устроить заговор. Они стали много говорить о том, чтобы отделиться... Вечером захватили корабль с большим количеством спиртного на борту. Снова все хорошо».

Почти два года Тич на своем шлюпе сопровождал Хорниголда, пока они однажды не захватили на широте острова Мартиника крупный французский торговый корабль. С согласия Хорниголда Тич стал командиром корабля, который был укомплектован 40 пушками и был назван «Отмщение королевы Анны». Так в 1718 году Тич отделился от Хорниголда и стал действовать самостоятельно, а Хорниголд возвратился на остров Нью-Провиденс и после прибытия туда губернатора Роджерса принял амнистию.

Первой жертвой Тича стал крупный английский торговый корабль. Пираты полностью его разграбили, команду высадили на берег, а парусник сожгли. Несколько дней спустя ими был атакован тридцатипушечный английский военный корабль «Скарборо», которому после многочасовой артиллерийской дуэли удалось уйти на остров Барбадос. После этого Тич стал продвигаться к южноамериканскому побережью. По пути ему встретился десятипушечный шлюп, которым командовал бывший майор Стеде Боннет, ставший недавно пиратом. Некоторое время шлюп сопровождал Тича, а затем Тич взял майора к себе на борт, мотивируя это тем, что для Боннета, который «незнаком с трудностями и задачами подобного ремесла, было бы лучше отказаться от командования шлюпом и наслаж-

даться спокойной жизнью на борту большого корабля в соответствии со своими желаниями и наклонностями».

С согласия команды шлюпа, который носил название «Месть», Тич назначил на этот корабль капитаном своего человека — некоего Ричарда. Вскоре после этого в Гондурасском заливе пиратами был захвачен барк «Авантюр». Сдавшуюся без боя команду Тич взял на борт своего корабля, а на захваченное судно направил своих людей, назначив капитаном штурмана Хэндса. Таким образом, у Тича была уже небольшая эскадра из трех кораблей. Он крейсировал в водах Вест-Индии и захватывал большое количество судов с богатой добычей. Награбленные товары пираты сбывали в Северной Каролине, население которой было заинтересовано в деловых товарах, а губернатор относился к пиратам более или менее благосклонно. Тич некоторое время орудовал в непосредственной близости от побережья, а затем отважился на более наглый пиратский акт: вошел в порт Чарлстон и захватил стоявшие там восемь кораблей. Самым ценным трофеем был корабль с грузом хлопка, предназначенным для Лондона, и с большим числом богатых пассажиров на борту, среди которых находился один из членов городского самоуправления Чарлстона Самуэль Роджер. Пираты захватили этот корабль еще до захода в порт. Тич назначил пассажирам выкуп. Поскольку у него на борту кончились медикаменты, он отправил капитана Ричарда с тремя пиратами и одним из пленных на берег, чтобы они потребовали от городских властей, помимо выкупа за людей и корабли, еще и медикаментов. Требование это было предъявлено в ультимативной форме. Тич пригрозил, если оно не будет выполнено, обезглавить пленных и послать губернатору их головы. Городской совет собрался на заседание. Было решено удовлетворить требование пирата. Тич отпустил пленных и вернул корабли. Предварительно он приказал перегрузить на свой корабль дорогостоящие товары и ценности. Одного только золота и серебра было захвачено на сумму 1500 фунтов стерлингов. После этой успешной операции Тич решил, взяв с собой горстку наиболее верных ему людей, бросить команду, предварительно обманув ее при разделе добычи. Возле острова Топсейл он посадил свой корабль на грунт, якобы для ремонта, и приказал вытащить на берег два других. Затем в сопровождении 40 человек он под каким-то предлогом удрал на баркасе.

С небольшой группой своих людей Тич прибыл к губернатору Северной Каролины и принял королевскую амнистию. В действительности же Черная Борода и не думал порывать со своим пиратским ремеслом. Он договорился с губернатором Северной Каролины Чарльзом Иденом о том, что ранее захваченный пиратом испанский корабль будет предоставлен ему на правах законного приза. На этом корабле Тич вновь вышел в море в июне 1718 года и стал крейсировать возле Бермудских островов. Черная Борода чувствовал себя в Северной Каролине в полной безопасности. Губернатор Северной Каролины покрывал все деяния своего друга, и потому пострадавшие судовладельцы, купцы и плантаторы обратились с требованием поймать или изгнать пирата и его сообщников к губернатору Виргинии. Созванный этим губернатором совет принял прокламацию, которая должна была воодушевить всех на поимку и уничтожение пиратов. В прокламации, подписанной губернатором А. Спотсвудом, содержалась также фраза о том, что «искоренение пиратов, являющихся врагами всего человечества,— справедливое и славное дело». Губернатор потребовал помощи у английской военно-морской базы на реке Джеймс. Старшему лейтенанту стоявшего там военного корабля «Жемчужина» Роберту Майнарду были выделены два шлюпа и дан приказ изловить Черную Бороду.

Капитан Джонсон описывает последний акт из жизни Черной Бороды: «17 ноября 1718 года Майнард вышел из Риквайетана на реке Джеймс и вечером 21-го обнаружил пиратов, стоявших на якоре в бухте Окракоке. Майнард задерживал все встречавшиеся ему или обгонявшие его корабли, чтобы Черная Борода не смог преждевременно узнать о его приближении. Однако Тич был уже предупрежден своим другом Иденом. Секретарь губернатора Книгге письменно известил Тича о планируемой операции. Однако, как видно, Тич не считал положение особенно серьезным. У него на борту оставалось всего 25 человек. Он приказал им подготовить корабль к бою, как только покажутся оба шлюпа. Сам же он отправился на берег для участия в попойке. Мелководья и сложный фарватер помешали Майнарду подойти к пиратскому кораблю под прикрытием ночи, и он стал на якорь. Ранним утром 22 ноября оба шлюпа, следуя за шлюпкой, с которой все время измеряли глубину, приблизились к кораблю пиратов на расстоя-

ние пушечного выстрела. Тич, который уже находился на борту со всей командой, приказал поднять якорь, чтобы иметь лучшую возможность для маневра, и открыл огонь. Первый бортовой залп пирата попал в малый шлюп, его капитан и несколько членов команды были смертельно ранены. Затем Тич направился к большому шлюпу, на котором находился старший лейтенант Майнард. При этом пиратский корабль сел на мель. Выбросив балласт и вылив из бочек воду, Тич скоро вновь обрел плавучесть. Меткий ружейный и пистолетный огонь пиратов лишил Майнарда 20 человек — убитых и раненых. Оба корабля, стоявшие близко друг к другу, относило к берегу. Первым коснулось дна пиратское судно. Затем корабли соприкоснулись бортами. Пираты стали бросать на палубу шлюпа недавно изобретенные ручные гранаты, начиненные порохом, кусочками свинца и железа, а также наполненные горючим веществом бутылки с прикрепленным к ним горящим шнуром. В дыму последней взорвавшейся бутылки Тич и четырнадцать его людей ворвались на борт корабля противника. Разгорелась ожесточенная схватка. Майнард и Тич выстрелили один в другого из пистолетов. Тич был ранен. Затем они стали драться на саблях. Когда у Майнарда сломалась сабля и Тич приготовился нанести ему смертельный удар, один из моряков Майнарда тяжело ранил пирата в шею. Однако Черная Борода продолжал драться. Он свалился лишь после меткого пистолетного выстрела Майнарда, сразившего его насмерть. На теле пирата насчитали 25 ран, пять из которых были огнестрельными. Майнард приказал отрубить Тичу голову и повесить на рее».

Остальные пираты сдались, когда погиб их капитан. Из 15 пленных 13 были повешены. Самуэль Одель был помилован, так как его насильно зачислили в пиратскую команду лишь накануне сражения. Вторым членом преступной шайки, избежавшим веревки, был некий Израэль Хэндс. Он повредил колено и ночью перед боем был отправлен на берег. Его также приговорили к смерти, однако казнь пришлось отменить: в то время, когда Хэндса содержали под стражей, король продлил срок действия амнистии. Хэндс был выпущен из тюрьмы и отправлен в Англию. Он вел в Лондоне нищенское существование. Однако Хэндс попал в историю — в качестве персонажа знаменитого романа писателя Роберта Луиса Стивенсона «Остров сокровищ».

Михаил ЛЕРМОНТОВ

КОРСАР

(Отрывки из поэмы)

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там меня.
Простясь с печальными брегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой бег меж островами,
Цветущими над влажным дном
Святого старца океана;
Я видел их – но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть — всё за одно!!

* * *

Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал.
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда, воспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия...

Майн РИД

ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

КОМАНДА ЛЮДОЕДОВ

— Ну! — вскричал чернобородый человек, в чьем истощенном облике нелегко было признать некогда тучного бандита с невольничьего корабля, француза Легро.— Пора опять попытать счастья. Черт побери!.. Надо поесть, не то мы умрем!

А что эти люди собираются есть?

На плоту решительно не было ничего съестного, ни кусочка мяса. И так все время, начиная с того дня, как плот отошел от горящего судна. Небольшой ящик с морскими сухарями — вот и все, что матросы впопыхах успели захватить с палубы «Пандоры».

Каждому на долю досталось по два сухаря; нечего и говорить, что они исчезли в течение одного дня. Правда, моряки взяли с судна вдоволь воды да еще запаслись ею во время ливня... Пока шел дождь, матросы на большом плоту наполнили водой свои рубашки и разостланный парус.

Но теперь и эти запасы драгоценной влаги подходили к концу. В бочке оставалось всего по одной-две порции.

Но как ни мучила людей жажда, голод терзал их еще сильнее.

Что имел в виду Легро, когда сказал: «Надо поесть»? Разве здесь, на плоту, была какая-нибудь пища, которая помогла бы им избежать этого страшного выбора — «поесть или умереть»? И почему они до сих пор еще живы? Ведь уже много дней прошло с момента, как они проглотили последнюю крошку морского сухаря, так скупо поделенного между всеми!

На все эти вопросы можно дать только один ответ. Страшно сказать ему вслух, жутко даже подумать о нем!

О, этот начисто обглоданный скелет там, на плоту, явно принадлежащий человеку, эти кости, разбросанные повсюду, некоторые видишь даже в руках у матросов, расправляющихся с ними самым омерзительным

образом!.. Разве можно еще усомниться в том, чем питаются эти изголодавшиеся изверги!..

Да, именно это и еще мясо небольшой акулы, которую им удалось подманить и убить гандшпугом,— вот и все, что служило им пищей с того момента, как они покинули «Пандору».

А между тем море кругом кишело акулами. Самое малое — десятка два их рыскало в волнах, в поле зрения людей на плоту. Но — смешно сказать! — так пугливы были эти чудовища, что не представлялось случая поймать их: ни одна не решалась подплыть поближе. Любые ухищрения не имели успеха. Напрасно те из моряков, кто потрезвее, по целым дням занимались ловлей. Вот и сейчас некоторые возились с рыболовными снастями: охотились на этих свирепых тварей, забрасывая далеко в воду крючки с приманкой из... человеческого мяса!

Все это они проделывали чисто автоматически, давно убедившись в неосуществимости подобных замыслов и все же упорствуя в своем отчаянии. Акулы держались настороже. Может быть, их страшила участь товарки, которая осмелилась подплыть близко к тому диковинному суденышку; а может, тайный инстинкт подсказывал им, что рано или поздно они сами всласть полакомятся теми, кто сейчас так жаждет поживиться ими.

Так или иначе, акулы не шли на приманку. И тогда голодающие матросы стали пожирать друг друга волчьими взглядами. Мысли этих людей вновь обратились к чудовищному решению, которое должно было спасти их от голодной смерти.

И здесь, на плоту, так же как на палубе невольничьего судна, Легро все еще сохранял какую-то роковую власть над матросами. Бена Браса больше не было — и некому было противиться его деспотическим наклонностям. Теперь Легро стал своего рода диктатором над товарищами по несчастью, над этими живыми трупами.

Все это время он в своих поступках руководствовался не только честностью, сколько необходимостью удерживать подчиненных в повиновении, не давая вспыхнуть открытому мятежу. Поэтому при его правлении, хотя голодали все, больше всего страдали слабейшие.

Вместе с ним делили власть несколько самых сильных моряков: они составили личную охрану негодяя, готовые в трудный момент встать за него горой. За это

они получали бо́льшие порции воды и лучшие куски омерзительной туши.

Такая несправедливость не раз приводила к жестоким дракам, которые едва не кончались кровопролитием.

И если бы не эти редкие взрывы протеста, Легро со своей кликой установили бы деспотический режим, который дал бы им власть над жизнью слабейших.

Дело к тому и клонилось. На плоту создавалась абсолютная монархия — монархия людоедов, где королём должен был стать сам Легро. Однако до этого еще не дошло — по крайней мере, сейчас, когда возник вопрос о жизни и смерти. Как только появилась необходимость избрать новую жертву для чудовищного, но неизбежного заклания, эти несчастные выказали себя в какой-то степени республиканцами: они потребовали кинуть жребий, что было самым беспристрастным решением.

В момент, когда дело идет о жизни и смерти, люди обычно превозмогают свою неохоту к жеребьевке и признают ее орудием справедливости.

Конечно, Легро со своими жестокими телохранителями воспротивились бы этому, если бы чувствовали себя достаточно сильными,— точно так же, как противятся баллотировке другие могущественные и столь же свирепые политики,— но бандит сомневался в прочности своей власти. Еще в самом начале плавания Легро и его клика со зверской жестокостью предложили на съедение голодающим юнгу Вильяма, что было встречено окружающими довольно благосклонно. Если бы не нашелся на плоту один честный малый — английский матрос,— юноша, наверно, первым сделался бы жертвой этих чудовищ в человеческом образе. Но поскольку выбор должен был пасть на кого-либо из их среды — о, тогда совсем другое дело! У каждого нашлись свои приятели, которые ни за что не допустили бы такого жестокого произвола. А Легро больше всего боялся общей свалки, в которой мог поплатиться жизнью не только любой другой матрос, но и он сам. Еще не настал момент для чрезвычайных мер. И всякий раз, когда перед моряками вставал вопрос: «Кто следующий?» — приходилось прибегать к жребию.

Вопрос этот поднимался сейчас снова, уже во второй раз. Поставил его сам Легро, выступив в качестве оратора.

Никто не ответил согласием, но никто и не возражал, даже знака не подал. Наоборот, казалось, пред-

ложение было встречено молчаливым, но безрадостным согласием, хотя все понимали его чудовищность и прекрасно отдавали себе отчет в жестоких последствиях.

Им было известно, откуда ждать ответа. Уже дважды обращались они к этому страшному оракулу, чье слово должно было прозвучать смертным приговором одному из них. Дважды признали они волю рока и безропотно подчинились ей. Предварительных приготовлений не требовалось — обо всем уже давно договорились. Оставалось только бросить жребий.

Когда Легро задал свой вопрос, на плоту началось движение. Можно было подумать, что слова его выведут матросов из апатии, но этого не случилось. Лишь некоторые обнаружили признаки испуга: у них побледнели лица и губы сделались белыми. Большая часть команды так отупела от страданий, что до них уже не доходил весь ужас происходящего и жизнь стала им не мила.

Впрочем, те, кто еще держался на ногах, поднялись с мест и окружили человека, бросившего им вызов.

В силу общего молчаливого согласия Легро выступал распорядителем. Он должен был метать банк в этой страшной игре жизни и смерти, где и сам принимал участие. Два-три его соучастника встали рядом, готовясь помогать ему, словно выполняя роль крупье[1]. Какой бы важной и торжественной ни представлялась жеребьевка, все должно было разрешиться чрезвычайно просто. Легро взял в руки продолговатый брезентовый мешок, по форме напоминающий диванный валик; в таком мешке матросы обычно держат свой выходной костюм для воскресных прогулок на берегу. На дне его лежали двадцать шесть пуговиц — по числу участников жеребьевки,— тщательно пересчитанные. Это были обыкновенные форменные пуговицы, какие видишь на куртке матроса торгового флота: черные роговые, с четырьмя дырочками. Матросы еще раньше спороли их с одежды для той же цели, что и сейчас,— теперь они должны были послужить им еще раз. Пуговицы были так тщательно подобраны, что даже на глаз их невозможно было отличить друг от друга. Только одна резко выделялась среди всех остальных. В то время как другие были агатово-черными, эта ярко алела, густо багровая, словно замаранная кровью. Так оно и было на

---

[1] *Крупье* — банкомет в игорном доме.

самом деле. Ее нарочно выпачкали в крови — красный цвет должен был служить эмблемой смерти.

Разницу между этой пуговицей и другими никак нельзя было уловить на ощупь. Даже чуткие пальцы слепорожденного не смогли бы отличить ее среди остальных,— где уж там мозолистым, перепачканным дегтем матросским лапам!

Красная пуговица брошена в мешок вместе со всеми другими. Тот, кому она попадется, умрет!

Приготовлений не понадобилось; даже очередность не вызывала споров. Все это уже много раз обсуждалось открыто и обдумавалось втайне. Все пришли к заключению, что в конце концов шансы одинаковы и не все ли равно, чья судьба решится раньше. Красная пуговица с тем же успехом могла достаться и первому и последнему в очереди.

Поэтому никто не колебался приступить к страшной жеребьевке.

Как только Легро протянул матросам мешок, приоткрытый ровно настолько, чтобы могла пройти человеческая рука, один из них выступил вперед и небрежно и вместе с тем как-то по-ухарски запустил пальцы в отверстие...

ЛОТЕРЕЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Один за другим подходили матросы и доставали из мешка пуговицы. Каждый, вынув свою, показывал ее на раскрытой ладони так, чтобы все могли видеть, какого она цвета, и потом откладывал ее в сторону, к другим; впрочем, едва ли она понадобится еще раз на случай такой же лотереи.

Несмотря на всю важность церемонии, на плоту не царила торжественная тишина. Несчастные даже перебрасывались шутками, пока тянули жребий. Посторонний наблюдатель, не зная страшных условий игры, подумал бы, что матросы, потехи ради, затеяли лотерею с каким-нибудь пустячным выигрышем.

Но были и такие, на лицах у которых читались совсем иные чувства. Некоторые подходили тянуть жребий с убитым видом, они, трусливо опуская руку в мешок, тряслись так сильно, что становилось ясно: люди эти всецело во власти страха, несказанно более мучительного, чем простой азарт игры в обычной лотерее.

Наиболее трусливые и робкие, подходя к мешку, дрожали всем телом, а вынув счастливый жребий, предавались самому бурному, безудержному веселью. Были и такие, которые не могли даже скрыть дьявольской радости, что спасли свою шкуру, и пускались в пляс, словно неожиданно сделались наследниками громадного состояния.

Эта странная лотерея отличалась от многих других: здесь выигравшим считался тот, кому достался пустой билет, а вынувший красную пуговицу проигрывал жизнь.

Легро держал мешок с напускной беспечностью. Но каждый, заглянув ему внимательно в лицо, понял бы, что это — чистое притворство. В дальнейшем обстоятельства показали, что хвастунишка-француз был, в сущности, трус. Правда, разъярившись или пылая местью, он мог броситься в драку даже с опасностью для жизни; но в таком поединке, как сейчас, где требовалось хладнокровие, где единственным его противником выступала сама Фортуна и он не мог отыграться на какой-либо бесчестной уловке, притворная храбрость окончательно его покинула.

Пока лотерея только начиналась и в мешке было много пуговиц, ему как-то удавалось сохранять маску равнодушия. Шансов на жизнь было еще много — почти двадцать против одного! Но жеребьевка тянулась — матросы один за другим показывали на ладони черную пуговицу,— и лицо француза все заметнее искажалось. Кажущееся хладнокровие начало изменять ему: в глазах засверкало лихорадочное возбуждение, близкое к ужасу.

Как только чья-нибудь рука показывалась из темного мешка, неся ее владельцу жизнь или смерть, Легро поспешно и тревожно впивался взглядом в этот крошечный роковой кружок, который матрос держал между указательным и большим пальцем. И всякий раз, как пуговица оказывалась черной, лицо его мрачнело.

Но когда вынули и двадцатую, а красная все еще не показывалась,— сам распорядитель страшно взволновался. Теперь он уже не в силах был скрывать свою тревогу. Шансы на жизнь падали с такой быстротой, что ужас овладел им. Сейчас уже было пять против одного — оставалось еще шесть счастливых жребиев.

В этот страшный момент, пытаясь обдумать происходящее, Легро прервал жеребьевку. Может, лучше

передать мешок кому-нибудь другому? Пожалуй, счастье тогда переменится и улыбнется ему... Все это время он всячески ухищрялся, чтобы красный жребий был вытащен из мешка: нет-нет да и перетряхнет пуговицы — авось красная окажется наверху или как-нибудь попадется под руку ближайшему на очереди.

Не тут-то было! С непостижимым упорством она оставалась на самом дне.

А что, если он передаст мешок другому и сам попытает счастья с двадцать первым жребием? «Не стоит!» — мысленно ответил он себе. Лучше уж держаться до конца. Неужели последней останется красная пуговица? Нет, едва ли — это в высшей степени невероятно. С самого начала было двадцать пять шансов против одного. Правда, прошло уже двадцать черных — совершенно непостижимо! — а красная все не появлялась. Однако ее можно ожидать каждую минуту, точно так же, как и любую из шести черных.

Итак, менять порядок не имело смысла. Француз внутренне подобрался и, снова приняв вид храбреца, сделал знак окружающим, что готов продолжать.

Еще один матрос вынул номер двадцать первый. По-прежнему черная пуговица!

Вытащили из мешка номер двадцать второй — черная!

Двадцать три и двадцать четыре — то же самое!

Теперь оставались только две пуговицы. Решения судьбы ждали двое. Один из них — сам Легро, другой — ирландский матрос, быть может наименее преступный из всей этой бандитской шайки. Тот или иной должен был сделаться жертвой своих спутников — людоедов!..

Вряд ли есть необходимость доказывать, что за последний момент интерес к этой роковой лотерее усилился. Страшные условия ее были таковы, что и сначала все следили за ходом игры с самым напряженным и жадным вниманием. Изменилось только отношение участников: оно сделалось менее болезненным, когда опасный исход не угрожал больше каждому из них.

Лотерея приближалась к концу, и большинство были уже вне опасности, но тем мучительнее терзал страх тех, чья жизнь еще колебалась на чаше весов. По мере того как их становилось все меньше и они видели, что шансы на спасение падают, ужас охватывал их сильней. Когда же наконец в мешке остались только две пугови-

цы, а на очереди — двое жеребьевщиков, интерес к лотерее резко повысился.

Помимо жеребьевки, еще и другие обстоятельства привлекали внимание окружающих. Казалось, сама судьба захотела принять участие в этой жуткой драме. А может, здесь вмешалась странная, чрезвычайно странная игра случая...

Эти двое матросов, которые сейчас последними остались ждать приговора судьбы, уже давно были соперниками, или, вернее, настоящими врагами. Они смертельно ненавидели друг друга, точно были связаны вендеттой — кровной местью, обычной на Корсике.

Вражда эта возникла не здесь — она зародилась еще на «Пандоре», с первых же дней плавания.

Началось это с ссоры между Легро и Беном Брасом, в которой француз потерпел постыдное поражение. Ирландский матрос, честный по натуре и симпатизировавший Бену Брасу отчасти как своему соотечественнику, встал на сторону британского моряка, чем вызвал неукротимую злобу француза. В свою очередь ирландец платил ему той же монетой. Легро бешено ненавидел Ларри О'Гормана — так звали ирландца — и при всяком удобном случае задевал его. Даже Бен Брас не был ему так противен. Памятуя полученный урок, француз стал относиться к английскому матросу если и не подружески, то с некоторым почтительным страхом. Вместо того чтобы упорствовать в ревнивом соперничестве, Легро примирился со своим второстепенным положением на невольничьем корабле и перенес всю злобу на сына Изумрудного острова[1].

Между ними нередко происходили мелкие стычки, из которых победителем обычно выходил лукавый француз. Но ни разу еще не возникала такая распря, чтобы обоим пришлось помериться силами в отчаянной борьбе — не на жизнь, а на смерть. Обычно враги старались избегать друг друга. Француз втайне побаивался противника, быть может подозревая в нем какую-то скрытую силу, которая пока еще не обнаруживалась, но могла развернуться вовсю в смертном бою. Ирландец же не чувствовал никакой склонности к ссорам, что встречается крайне редко среди его соотечественников. Это был человек мирного нрава и весьма немногослов-

---

[1] *Изумрудный остров* — поэтическое название Ирландии.

ный — поистине редкостный случай, если принять во внимание, что звали его Ларри О'Горман.

В характере ирландца имелось немало добрых черт, но, быть может, самой лучшей была именно эта. По сравнению с французом его можно было счесть сущим ангелом, а среди всех остальных негодяев на плоту он казался наименее дурным. К лучшим его нельзя было причислить, так как это слово не подходило ни к кому из всей разношерстной команды.

По своему внешнему облику противники отличались как нельзя более. Француз был черноволосый, с большой бородой, а ирландец — огненно-рыжий. Однако роста они были почти одинакового: высокие, статные, оба они выделялись своим плотным, крепким сложением, даже некоторой дородностью.

Но разве такой вид имели они сейчас — в момент, когда участвовали в торжественной церемонии, которая должна была обречь на гибель одного из них! Вдобавок их трагическое положение вызывало кровожадный интерес у тех, кто должен был остаться в живых.

Оба они так исхудали, что одежда свободно болталась на отощавших телах. С глубоко запавшими глазами и торчащими скулами, с плоской, ввалившейся грудью, на которой можно было все ребра пересчитать, они казались скорее обтянутыми сморщенной кожей скелетами, чем людьми, в которых еще теплится дыхание жизни. Пожалуй, ни один из них не годится для той цели, на которую их обрекла жестокая неизбежность.

Легро как будто был менее истощен. Вероятно, это объяснялось его властью над командой,— пользуясь своим положением, он захватывал себе львиную долю пищи, столь скудно распределяемой между остальными. Впрочем, быть может, так только казалось благодаря густой растительности, покрывавшей его лицо, которая, скрывая крайнюю худобу черт, придавала ему более упитанный вид.

Но не будем говорить о них вновь. Нам только хотелось показать в настоящем свете, до каких крайностей, до каких чудовищных помыслов и еще более чудовищных дел может довести человека голод. Как бы мы ни содрогались от омерзения, именно так думали в этот тяжкий час жертвы кораблекрушения с «Пандоры».

ВЫЗОВ ОТВЕРГНУТ

Когда подошел момент тянуть последний жребий — другого уже не понадобится,— наступила пауза: обычное затишье перед бурей, готовой вот-вот разразиться.

Воцарилось молчание, такое глубокое, что, если бы не волны, плескавшиеся о пустые бочки, можно было бы услышать, как упадет на доски булавка. В шуме моря слышался похоронный плач, какой-то мрачный аккомпанемент к кощунственной сцене, разыгрывавшейся на плоту. Чудилось, что в этих пустых бочках заключены души грешников: они испытывают адские муки и вторят шуму волн криками агонии.

Два матроса, один из которых был неизбежно обречен, стояли лицом к лицу; остальные толпились около, образуя круг. Взоры всех были прикованы к ним, но противники смотрели только друг на друга. Ожесточение, злоба, ненависть сверкали во взглядах, которыми они обменивались; но еще ярче светилась у них в глазах надежда увидеть врага мертвым.

Обоих воодушевляла мысль, что сама судьба избрала их среди всех товарищей для столь необычного поединка. И они твердо верили в это.

Убеждение это было так сильно, что ни один из них и не помышлял противиться приговору рока, смирившись с мыслью, что «так уж, видно, на роду написано».

Однако они не были фаталистами, а больше верили в силу и ловкость, чем в слепой случай.

Именно на это и рассчитывал ирландец, выступив с новым предложением.

— Я так полагаю,— сказал он,— давай попытаем, кто из нас лучший. Тянуть жребий — штука нехитрая, тут шансы равны; может, выживет как раз что ни на есть худший. Клянусь святым Патриком, это не по чести, так никуда не годится! Пусть живет тот, кто достойнее. Правильно я говорю, ребята?

У ирландца нашлись сторонники, поддержавшие его. Предложение это, столь для всех неожиданное, показалось вполне разумным: оно открывало новые перспективы.

Перестав трепетать за свою жизнь, матросы могли теперь уже более спокойно ждать исхода борьбы. Чувство справедливости еще не совсем угасло в их сердцах. Вызов ирландца показался им делом чести. Многие

склонны были поддержать его и высказались в этом духе.

У Легро было больше приверженцев, но они молчали, выжидая, что ответит противнику их вожак.

Все ждали, что Легро охотно примет вызов — ведь ему так не повезло в этой лотерее. К тому же он и раньше нередко торжествовал над своим соперником.

Но Легро решительно отказался. Наоборот, он возложил все упования на судьбу. Правда, внимательный наблюдатель по всему виду и поступкам француза заподозрил бы, что Легро рассчитывает на какую-то хитрость.

Но никто особенно не следил за ним. Ни один человек не обратил внимания, что Легро мимоходом пожал руку одному из своих сторонников. А если бы даже кто и заметил, что из того? Попрощался с товарищем, ища у него сочувствия в момент опасности,— как же иначе истолковать этот жест?

Однако если бы окружающие присмотрелись к этому прощальному приветствию повнимательнее, им стало бы понятно то равнодушие к смерти, которое с этого момента так явно выражалось в поведении Легро. Ясно было, что сейчас между обоими матросами произошло нечто значительное.

После этого беглого рукопожатия Легро больше не колебался. Он сразу же заявил, что ко всему готов и твердо намерен остаться при своем решении тянуть жребий.

— Черт побери! — вскричал он в ответ на вызов ирландца.— Может, думаешь, ирландец, что я струсил? Проклятие! Никому и в голову не взбредет такая небылица. Но я верю в свое счастье, хоть Фортуна подчас меня надувала, да и сейчас строит каверзы не хуже прежнего! Впрочем, как будто и ты у нее не в фаворе, так что шансы равны. Ну что ж, давай попытаем еще раз!.. Черт возьми! Видно, в последний раз придется ей поиздеваться над кем-нибудь из нас — это уж наверняка!..

Разумеется, О'Горман не имел права менять установленный порядок лотереи; поэтому те, кто высказался против ее продолжения, оказались в меньшинстве. Матросы шумно требовали, чтобы сама судьба решила — который из двух?

Легро все еще держал мешок с двумя пуговицами — черной и красной. Заспорили — кому тянуть жребий. Вопрос был не в том, кто первый — второго все равно

не будет, достаточно вынуть пуговицу одному. Если окажется красная — умрет он; если черная — его противник.

Кто-то предложил, чтобы мешок взял человек посторонний и хорошенько перетряхнул его.

Но Легро воспротивился. Если уж ему доверили присматривать за порядком, он сам доведет дело до конца. Все видели, заявил он, много ли было пользы от того положения, которое ему навязали. Нет, совсем наоборот! Ничего, кроме неудачи, это ему не принесло. А уж если повезло, всякий знает: такому злосчастью, может, и конца не будет. Впрочем, ему безразлично — так или иначе, все равно: тот, кто держит мешок, ничего хорошего не получит. Но раз он взялся и провел всю эту лотерею на свою беду, теперь уж он ее ни за что не бросит, пусть даже в награду за это поплатится жизнью.

Речь Легро имела успех.

Большинство высказались в его пользу, настаивая, чтобы он продолжал держать мешок.

Решено было: выбор сделает ирландец, вынув предпоследнюю пуговицу.

О'Горман не протестовал против такого распорядка, да к тому и не было серьезных оснований. Казалось, идет обычная игра — орел или решка. «Если орел — я выиграл, если решка — то проиграл». Но здесь эта формула приобретала новый, жуткий смысл, более подходящий к данному случаю: «Если орел — я буду жить, если решка — умру». Мысль эта мелькнула в мозгу у Ларри О'Гормана, когда он, смело подойдя к мешку, опустил кулак в его темное нутро и вынул... черную пуговицу!

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

В мешке осталась красная. Удивительно, что она оказалась последней, но такие странности случаются иногда. Жребий выпал на долю Легро. Лотерея кончилась: француз проиграл свою жизнь.

Какой смысл имело теперь продолжать игру? Но, к удивлению зрителей, он на это решился.

— Черт! — воскликнул он. — Опять не повезло!.. Ну ладно! — хладнокровно прибавил он, несколько удивив всех.— Дай-ка и я вытяну жребий. Хоть погляжу на эту клятую штучку, что будет стоить мне жизни!

С этими словами он опустил правую руку в мешок, в то же время продолжая придерживать его левой. Несколько секунд он что-то нащупывал там, внутри, как будто не сразу нашел пуговицу. Роясь таким образом, он отпустил отверстие, которое зажимал левой рукой, и, ловко переместив пальцы, придержал мешок у самого дна. Делалось это, видимо, для того, чтобы засунуть пуговицу в угол и ухватить ее пальцами.

Несколько мгновений мешок висел у него на левой руке, пока сам он силился поймать маленький роковой кружок. Наконец ему это удалось. Он вынул правую руку, в которой что-то было крепко зажато,— очевидно, страшная эмблема смерти. Его спутники, охваченные любопытством, затаив дыхание, столпились вокруг, ловя все движения Легро.

Еще мгновение держал он кулак сжатым, высоко подняв его, чтобы все могли видеть. Затем стал медленно разжимать пальцы и показал раскрытую ладонь. Там оказалась пуговица, вынутая из мешка, но, к всеобщему изумлению, не красная, а черная.

Только двое не разделяли общего удивления: то был сам Легро, хотя, казалось, ему-то и следовало дивиться более всех остальных, и матрос, который несколько минут назад встал рядом с ним и тайком передал ему что-то из рук в руки.

Неожиданный конец лотереи вызвал страшное волнение.

Несколько человек схватили мешок, вырвав его из рук у Легро. Мешок сразу же вывернули наизнанку — и на доски плота упала красная пуговица.

Матросы пришли в ярость и громко кричали, что их обманули. Некоторые строили догадки, каким образом негодяю удалось так сплутовать. Сообщник Легро, горячо поддерживаемый им самим, утверждал, что никакого обмана и в помине не было: произошла ошибка в счете пуговиц с самого начала, когда их клали в мешок.

— Вполне возможно, вполне возможно!— убеждал матрос, помогший Легро сжульничать.— Просто положили одной пуговицей больше — двадцать семь вместо двадцати шести, вот и все. Что ж, раз мы все помогали считать, никто и не виноват. Придется теперь снова тянуть. Только на этот раз смотрите считайте поаккуратнее!..

Возражать никто не посмел — все согласились. Но многие были убеждены, что с ними сыграли скверную

шутку, и даже догадывались, каким образом это было подстроено.

Кто-нибудь из жеребьевщиков достал себе пуговицу, точно такую же, как те в мешке; зажав ее в кулак, он опустил руку и тотчас же вынул.

Двадцать шесть матросов тянули жребий — который же из них плут?

Многие подозревали в мошенничестве самого Легро. Бросалось в глаза его странное поведение. Зачем он опустил в мешок сжатый кулак и вынул его, так и не разжав пальцы? Уже одно это казалось довольно подозрительным; было замечено и еще кое-что. Но потом матросы припомнили, что ведь и некоторые другие вели себя точно так же. Итак, улик, чтобы вывести виновного на чистую воду, не находилось. Поэтому ни у кого не было сил и охоты выдвинуть обвинение с риском для себя.

Впрочем, такой человек нашелся. До сих пор он еще не высказывался — ждал, пока пройдет какое-то время после того, как распорядитель вытянул последний, всех разочаровавший жребий. Человек этот был Ларри О'Горман.

Пока остальные матросы выслушивали доводы сообщника Легро и один за другим охотно соглашались, ирландец стоял в стороне, видимо глубоко погруженный в какие-то подсчеты.

Только под конец, когда все как будто пришли к соглашению вторично тянуть жребий, он очнулся от задумчивости и, стремительно выступив на середину, со всей решимостью крикнул:

— Нет!.. Нет, ни за что! — продолжал он. — Никаких жребиев, мои милые, покуда не разберемся хорошенько в этом маленьком дельце! Тут что-то нечисто, — все с этим согласны. Да только как найти плута? Пожалуй, я скажу вам, кто этот гнусный негодяй, у которого не хватило ни смелости, ни чести поставить на карту жизнь вместе со всеми нами.

При этом неожиданном вмешательстве на говорившего сразу же обратились взоры всех матросов. Сторонники разных партий одинаково были заинтересованы в разоблачении, которым угрожал О'Горман.

Если только удастся уличить мошенника, все будут смотреть на него как на человека, который должен был вытащить красную пуговицу; следовательно, с ним и надлежит поступить соответственно. Это стало по-

нятно, прежде чем с чьих-либо уст сорвался малейший намек. Те из матросов, которые ни в чем не были повинны, разумеется, чрезвычайно желали найти «паршивую овцу», чтобы не пришлось вторично тянуть опасный жребий; а так как к ним принадлежала почти вся команда, можно себе представить, с каким вниманием матросы ждали, что им скажет ирландец.

Все стояли, пожирая его нетерпеливыми взглядами. Только в глазах у Легро и его сообщника читались совершенно иные чувства. Жалкий вид француза особенно бросался в глаза: у него отвисла челюсть, губы побелели, в них не осталось ни кровинки; взгляд его горел дьявольской злобой. Ведь облик напоминал человека, которому угрожает позорная и страшная участь и он бессилен ее отвратить.

ЛЕГРО ПЕРЕД СУДОМ

Кончив речь, О'Горман устремил в упор взгляд на француза. Все поняли, кого он имеет в виду.

Легро сначала весь затрепетал под взором ирландца. Но, увидев, что необходимо призвать на помощь все свою наглость, он сделал над собой усилие и ответил тем же.

— Черт побери! — воскликнул он. — Что это ты на меня так уставился? Уж не вздумалось ли тебе на меня поклеп взвести? Я, что ли, такую подлость сделал?

— А то нет! — ответил ирландец. — Да провались я к самому дьяволу в преисподнюю, если на тебя возвожу поклеп! Не такой человек Ларри О'Горман, чтобы бродить вокруг да около, мистер Легро! Я тебе прямо в лицо скажу: это ты, красавчик, собственной персоной положил в мешок лишнюю пуговицу! Да, именно ты, мистер Легро, а не кто-нибудь другой!

— Врешь! — завопил француз, угрожающе размахивая руками. — Врешь!

— Потише, французишка! Ларри из Голуэя не запугаешь, куда уж тебе, хвастун! И опять скажу: это ты подбросил пуговицу!

— А ты откуда знаешь, О'Горман?

— Доказать можешь?

— Есть у тебя улики? — спросили несколько матросов сразу.

Среди них особенно обращал на себя внимание сообщник француза.

— Да что вам еще нужно, когда и так уж все ясно, как день? Когда я сунул руку в мешок, там было только две пуговицы и ни черта больше! Я перещупал их обе,—все не знал, какую взять! Да будь там третья, разве она не попалась бы мне? Могу поклясться на святом кресте Патрика блаженного — больше там пуговиц не было!

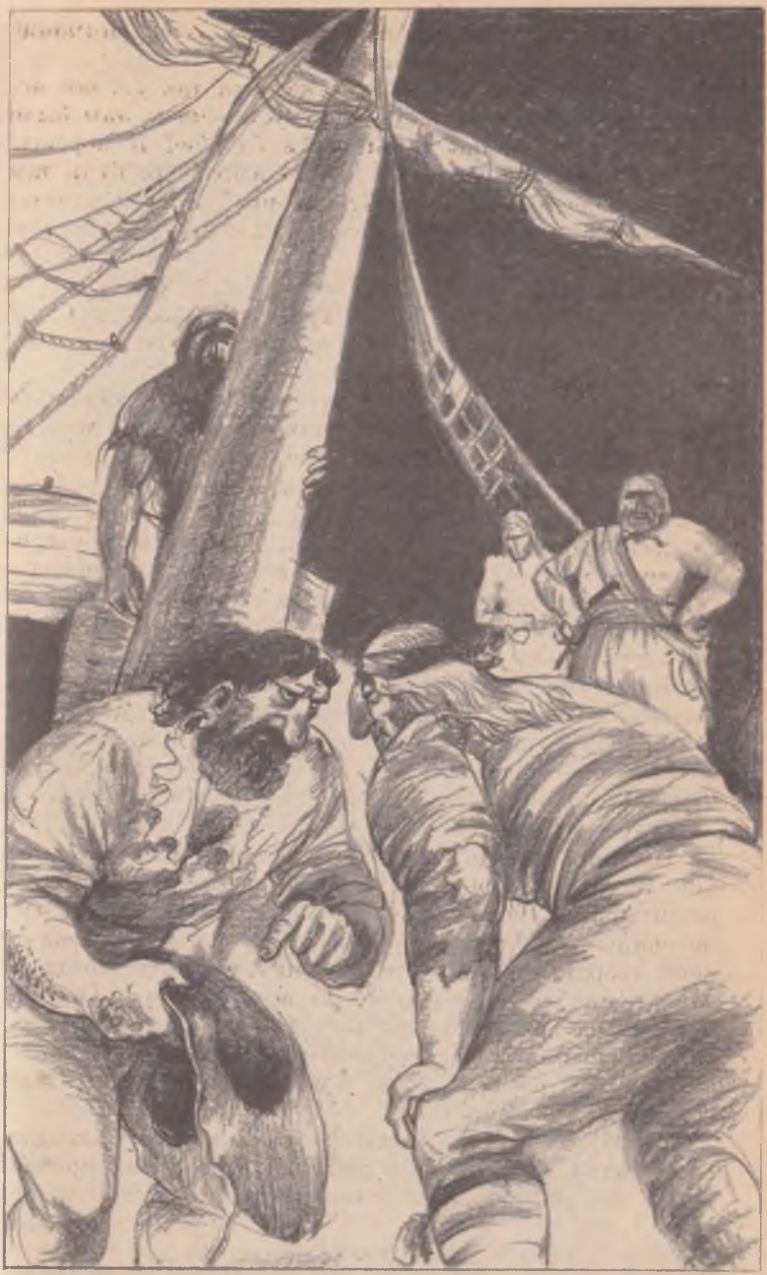
— А это еще ничего не значит, могло быть и три,— настаивал приятель Легро.— Третья, должно быть, закатилась куда-нибудь в складку, вот ты ее и не нащупал!

— Какие там еще, к дьяволу, складки! Закатилась-то она в ладонь к этому мошеннику, больше ей некуда было! В кулаке у него — вот где она была! Пожалуй, скажу вам, и как она туда попала. Дал ее ему вон тот парень, тот самый, который сейчас ко мне с ножом к горлу пристал — докажи да докажи... Попробуй-ка соври, Билль Баулер! Я своими глазами видел, как ты шептался с французишкой тогда, когда ему пришел черед. Видел я, как вы жали друг другу лапы и ты что-то сунул ему потихоньку. Тогда я толком не разглядел, но — клянусь Иисусом!— все думал: что за дьявольщина? Ну, а теперь-то знаю, что это такое было — пуговица!

Слова ирландца заслуживали внимания — так к ним матросы и отнеслись. Улики против Легро были вески ми и в глазах большинства убедительно доказывали его виновность.

Нашлись и еще свидетели, поддержавшие обвинение. Матрос, который тянул жребий перед О'Горманом, решительно утверждал, что в мешке были только три пуговицы. А другой, стоявший в очереди за человека до него, твердил с такой же уверенностью, что, когда он тащил жребий, в мешке было всего четыре. Оба заверяли, что они уж никак не могли ошибиться в счете. Недаром, мол, они «общупали» каждую пуговку в отдельности — им все хотелось узнать ту, в крови. Боже сохрани ее вытащить!

— Эх, да что толковать!— воскликнул ирландец. Ему, видно, не терпелось добиться осуждения противника, виновного в плутовстве.— Французишки это дело — и все тут! Зря он, что ли, возился и ковырялся в мешке! Все это сплошное надувательство. Пуговица была у него в кулаке все время. Клянусь Иисусом!



Ему полагается смертный жребий, это так же видно, как если бы он его вытянул. Умереть должен он!

— Каналья! Лжец!— кричал Легро.— Если я умру, ты...

С этими словами он прыгнул вперед с ножом в руке, явно покушаясь на жизнь своего обвинителя.

— Стой!— заревел ирландец, отпрянув подальше от нападающего. И, в свою очередь выхватив нож, он встал в позицию защиты!— Стой, лягушатник, собачий сын, а не то я мигом отправлю тебя в ад без покаяния, прежде чем успеешь прочитать «Отче наш» за свою мерзкую душу, хоть она — видит бог! — в этом здорово нуждается! Ну, а теперь подходи,— продолжал ирландец, хорошенько укрепившись на своей позиции.—Ларри О'Горман готов встретить и тебя и любого другого, кто бы там ни прятался за твоей гнусной спиной!

ДУЭЛЬ НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Жеребьевка, происходившая на плоту, которая велась до сих пор с некоторой торжественностью, близилась к неожиданной развязке.

Но теперь никто не помышлял вторично обратиться к богине удачи. Уже не было больше нужды прибегать к ее приговору. И без того скоро наполнится кладовая этой шайки людоедов: порукой тому — смертельная вражда двух вожаков потерпевшего кораблекрушение экипажа, Легро и О'Гормана.

Скорая гибель ждет одного или другого, а возможно и обоих. Противники намеревались вложить клинок в ножны не ранее, чем он вонзится в тело врага,— об этом неопровержимо свидетельствовали их позы, исполненные решимости.

Никто не пытался вмешаться, никто не встал между ними, чтобы разнять. Конечно, у каждого из них имелись друзья, или, выражаясь точнее, сторонники, но они были так же бесчувственны, как и обычные почитатели «чемпионов ринга».

При иных обстоятельствах каждая партия бывает огорчена поражением своего чемпиона, на которого она делает ставку. Но здесь, на плоту, зрители жаждали смерти любого из противников.

И та и другая сторона охотнее согласилась бы на

гибель своего избранника, чем допустить, что оба вышли из схватки живыми.

Каждый матрос в этой разбойничьей шайке, движимый эгоистическим инстинктом, ждал исхода предстоящего столкновения, и инстинкт этот заглушал в нем всякую приверженность к вожаку. Некоторые, быть может, и испытавали кое-какие дружеские чувства к Легро или О'Горману, но большинству было совершенно безразлично, кто из двоих будет убит. Нашлись даже такие, которые в глубине души тайно лелеяли надежду увидеть обоих противников жертвами взаимной вражды. О, тогда не скоро еще пришло бы время возобновлять эту ненавистную лотерею, к которой они — увы! — вынуждены были прибегать уже не раз.

Обе партии насчитывали теперь почти одинаковое число сторонников. Еще десять минут назад у француза было значительно больше приверженцев, чем у его соперника-ирландца. Но поведение Легро во время лотереи оттолкнуло многих. Большинство считали, что он действительно допустил плутовство. И это трусливое мошенничество так кровно задевало всех, что даже те, кто раньше был равнодушен к Легро, теперь сделались его врагами.

Но, не говоря уже о личных соображениях, даже здесь, среди этого сборища подонков, были такие, в ком еще не окончательно умолк голос чести, требовавший «игры по правилам»; и жульничество француза вновь пробудило это чувство в их сердцах.

Как только противники выказали твердую решимость вступить в смертный бой, толпа на плоту как бы машинально разделилась на две группы: одни встали позади Легро, другие — позади ирландца.

Матросы разместились на обоих концах плота, и так как обе группы по числу людей были почти одинаковы, равновесие не нарушилось. Посередине плота имелась горизонтальная площадка, не предоставлявшая преимуществ ни одному из противников; на ней-то и должна была разыграться кровавая драма.

Решено было биться на ножах. Правда, на плоту имелось и другое оружие: топоры, тесаки, гарпуны, но пользоваться ими противникам воспрещалось. Да и что может быть честнее доброго матросского ножа, какой имеется у каждого из них!

Итак, каждый вооружился своим собственным ножом, отвязав его от ремня. Нога выдвинута вперед,

чтобы лучше противостоять натиску врага, рука с обнаженным клинком поднята; мускулы напряжены до отказа; глаза горят огнем ненависти, которая может окончиться только со смертью,— так стояли они друг против друга.

За спиной у каждого встали его сторонники, образовав полукруг, в центре которого находился их чемпион. Все они жадно ловили каждое движение противников, зная, что один из них, а быть может и оба, уже на пути в преисподнюю.

Заходящее солнце озаряло эту страшную дуэль. Золотой шар уже низко опустился над горизонтом. Солнечный диск казался зловеще багровым — освещение, вполне подходящее для такого зрелища. Немудрено, что враги безотчетно обернулись на запад и вперили взор в светило. Оба они думали, что, быть может, никогда больше не придется им любоваться сверкающим солнечным блеском...

НЕНАВИСТЬ ПРОТИВ НЕНАВИСТИ

Противники сошлись не сразу. Некоторое время они сторонились друг друга, страшась приблизиться,— так грозно сверкали острые ножи у них в руках. Однако они не оставались неподвижными и бездеятельными, наоборот — оба были все время начеку, передвигаясь из стороны в сторону, описывая короткую дугу и стараясь все время держаться лицом к противнику.

Изредка, через какие-то промежутки времени, но далеко не регулярно, кто-нибудь из них делал вид, что нападает, или же притворным отступлением пытался ослабить бдительность врага. И все же после нескольких таких вылазок и контрвылазок ни у кого не оказалось даже царапины, не пролилось ни капли крови.

Большинство зрителей следили с каким-то болезненным интересом. Но некоторые не выказывали ни малейшего волнения, с полным безучастием относясь к тому, кто станет победителем, а кто — жертвой. Им было безразлично, если даже оба падут в бою. Были на плоту и такие, что предпочли бы именно подобную развязку кровавой схватки.

Те же, кого увлек азарт борьбы, старались подбодрить дерущихся то криками, то увещаниями.

Но были здесь и зрители совсем иного рода, которых

исход схватки, казалось, волновал не менее, чем тех, о ком мы только что говорили. То были акулы! Глядя, как они описывали круги, свирепо таращa глаза на людей, как тут было не подумать, что они понимают все, происходящее на плоту, сознают, что сейчас произойдет убийство, и только выжидают случая, который пойдет им на пользу!

Какова бы ни была развязка, ее не придется долго поджидать зрителям — ни тем, что на воде, ни тем, что под водой. Еще бы! Два разъяренных матроса с обнаженными клинками стоят лицом к лицу и каждый страстно желает поразить противника. Никто их не разнимает; наоборот, зрители натравливают дерущихся друг на друга, подстрекая к убийству,— так долго ли тут до кровавого конца? Ведь это не дуэль на шпагах, где, искусно фехтуя, можно надолго затянуть борьбу, или на пистолетах, когда неумелый выстрел опять-таки может отсрочить исход.

Эти дуэлянты знали, что стоит им подойти друг к другу на расстояние вытянутой руки,— и тут же один из них получит смертельную рану.

Вот уже несколько минут, как противники встали в позицию нападения, но эта мысль все еще удерживает их на почтительном расстоянии.

Крики товарищей принимают уже иной характер. Вперемешку с поощрительными возгласами слышатся насмешки и издевательства. Раздаются возгласы: «А ведь хвастунишки-то струсили!»

— Живей, Легро! Всади ему нож!— кричат сторонники француза.

— Ну-ка, Ларри, задай ему! Хвати его хорошенько! — орут зрители, делавшие ставку на ирландца.

— Эй вы, оба, принимайтесь за дело! Бабы вы, а не мужчины! — вопят те, кто, казалось, не принадлежал ни к той, ни к другой партии.

Эти бесцеремонные советы, выкрикиваемые на разных языках, оказали нужное действие. Не успели умолкнуть последние возгласы, как участники поединка бросились друг на друга и, сойдясь вплотную, одновременно нанесли удары ножом. Но у каждого из них клинок напоролся на левую руку противника, быстро выставленную вперед, чтобы отразить удар. И они разошлись без особых увечий, отделавшись легкими ранами, ни один из них не был выведен из строя. Однако это их разъярило и сделало менее осторожными. Не заботясь

больше о последствиях, они тотчас же снова сошлись. Зрители встретили их столкновение одобрительными криками.

Все ждали, что теперь-то скоро определится исход схватки, но им пришлось жестоко разочароваться. После нескольких безрезультатных выпадов с обеих сторон сражающиеся снова отступили, и на этот раз не получив серьезных ранений. Дикое бешенство ослепляло их, не давая нанести верный удар; а возможно, они ослабели от длительного голодания. Противники разошлись вторично, и ни один из них не был ранен смертельно.

И третья встреча оказалась столь же безрезультатной. Как только они сблизились, каждый схватил своей левой рукой правую противника, в которой тот держал оружие; и так, крепко ухватив друг друга за кисть, они продолжали борьбу. Теперь это было уже состязание не в ловкости, а в силе. Пока длится это вражеское «пожатие», опасности нет никакой: ведь никто из них не в силах пустить в ход нож. Каждый в любой момент может разжать свою левую руку, но тогда он освободил бы вражескую руку с ножом и тем немедленно поставил бы себя под удар.

Оба сознавали опасность и, вместо того чтобы разойтись, продолжали цепко держать друг друга.

Несколько минут они боролись таким странным манером, каждый стараясь повалить противника на плот. Если бы это удалось, оказавшийся наверху был бы близок к победе.

Они извивались, вертелись, гнулись, но все-таки как-то ухитрялись держаться на ногах.

Сражающиеся не стояли на одном месте, но метались по всему плоту: наталкивались на мачту, кружили около пустых бочек, наступали на разбросанные кругом кости. Зрители расступались, когда они приближались, проворно прыгая из стороны в сторону. Подмостки, на которых разыгрывалась эта страшная драма, непрестанно качались: не помогал ни балласт — пропитанные водой бимсы, ни пустые бочки, служившие поплавками.

Вскоре стало видно, что в этом состязании сдаст Легро. Француз не только уступал своему врагу-островитянину в мускульной силе, но и в состязании на выносливость все равно он оказался бы побежденным.

Зато Легро был хитрее ирландца, и в этот критический момент он прибегнул к одной уловке.

Кружа по плоту, француз прижал голову к правому рукаву куртки О'Гормана; рукав плотно охватывал запястье ирландца и касался кисти, в которой тот держал свой грозный нож. Вдруг Легро, едва не свихнув шею, ухватил зубами этот рукав и изо всей силы вцепился в него своими мощными челюстями. В мгновение ока его левая рука скользнула к правой; еще миг — и лезвие сверкнуло, угрожая пронзить грудь противника.

Казалось, судьба О'Гормана решена. Обе руки его были скованы — как же избегнуть удара?

Зрители молча, затаив дыхание, ждали его неминуемой гибели. Но они и вскрикнуть не успели, как, к великому удивлению, увидели, что ирландец ускользнул от опасности.

К его счастью, сукно матросской куртки оказалось далеко не первосортным. Материя даже новая и то была плоховата, ну а теперь, после долгой и небрежной носки, она почти расползлась. Поэтому, когда О'Горман отчаянно рванулся, он высвободил руку из челюстей своего врага, оставив в зубах француза всего лишь лоскут.

Внезапно все переменилось: теперь перевес был на стороне ирландца. Не только его правая рука была снова свободна, но и левой он все еще держал своего соперника, сковывая его движения. Легро же мог действовать только левой, а это ставило его в крайне невыгодное положение.

Сразу смолкли крики, которыми сторонники француза собирались приветствовать его победу, казавшуюся несомненной. И борьба снова продолжалась в молчании.

Еще несколько секунд длился бой, пока не завершился совершенно неожиданно для всех.

Вне всякого сомнения, победителем вышел бы О'Горман, если бы схватка окончилась, как все и предполагали, смертью одного из бойцов. Случилось, однако, так, что никто не пал в этом кровавом поединке...

Как я уже говорил, счастье улыбнулось ирландцу. Он понял это и не замедлил воспользоваться своим преимуществом.

Все еще крепко сжимая кисть Легро, он действовал правой рукой с такой силой, которая, казалось, должна была решить исход борьбы; француз же, защищаясь левой, мог оказывать только слабое сопротивление, не в силах ни наносить, ни парировать удары.

Клинки врагов сталкиваются все чаще и чаще; еще

несколько выпадов, но пока никто не ранен. Впрочем, этот безрезультатный бой длился недолго. Кончилось тем, что ирландец одним ловким ударом всадил лезвие врагу в ладонь, пронзив ему насквозь пальцы, ухватившиеся за нож.

Оружие выпало из разжавшейся руки и, пройдя сквозь щели в бревнах, пошло ко дну.

Вопль отчаяния вырвался у француза, когда он увидел занесенный над ним нож.

Но удар, грозивший ему, повис в воздухе. Прежде чем враг собрался его нанести, ему помешали. Кто-то из зрителей схватил поднятую руку ирландца и закричал:

— Не убивай его! Нам не придется его съесть! Гляди туда!.. Спасены, спасены!

ОГОНЬ

С этими странными словами матрос, так неожиданно прервавший смертный поединок, протянул руку в морскую даль, словно указывая на что-то, замеченное им на горизонте.

Взоры всех тотчас же устремились в ту сторону. Магическое слово «спасены» поразило не только зрителей, но и актеров внезапно оборвавшейся трагедии. Сладостный звук этого слова укротил злобу в их сердцах. Ирландец, который, подобно большинству своих соотечественников, был вспыльчив от рождения и загорался легко — «как огниво от искры» — мгновенно остыл.

Он не вырвал у матроса руку, поднятую для удара: она ослабела; пальцы, которыми он крепко сжимал горло противника, разжались. И француз, очутившись на свободе, смог беспрепятственно отступить с поля боя.

Вместе с остальными О'Горман обернулся и стоял, всматриваясь в даль, туда, где кто-то увидел спасение для них всех.

— Что это там? — воскликнули как один несколько матросов. — Неужели земля?

Но нет, это было невозможно. Никто из них не был новичком в морском деле и не мог думать, будто он и на самом деле видит землю.

— Парус? Корабль?..

Вот это уже больше походило на правду; хотя, на первый взгляд, на горизонте не было заметно ни паруса, ни корабля.

— Что же это такое? — все снова и снова спрашивали матросы.

— Огонь! Как же вы не видите? — спросил матрос с глазами рыси — тот самый, чье вмешательство в поединок вызвало это неожиданное отклонение от программы. — Смотрите! — продолжал он. — Вон там, где солнышко садится. Маленькая точка, но я-то отлично вижу. Это, верно, светится нактоуз[1] на корабле.

— Черт побери! — воскликнул какой-то испанец. — Это просто солнечный отблеск. Ты видел блуждающий огонек, приятель!

— Ба! — сказал другой. — Пусть даже ты прав и это в самом деле лампа с нактоуза, нам-то что до этого? Только себя раздразнишь — и все без толку. Если это нактоуз, то судно обращено к нам кормой. Где уж нам догнать корабль!

— Клянусь богом, огонь! Огонь! — вскричал зоркий маленький француз. — Я вижу его. Да, да, в самом деле! Но только... черт побери!.. Это не лампа с нактоуза!

— И я вижу! — воскликнул другой.

— И я! — присоединился третий.

И тотчас же матросы заговорили все сразу: каждый вставлял свое слово, чтобы поддержать веру в этот огонек, зажегшийся на море. Никто не посмел усомниться, даже те, кто вначале отнесся недоверчиво.

Правда, этот свет, который показался в океане, был всего лишь крошечной искоркой, слабо мерцавшей на фоне неба; легко можно было ошибиться, приняв звезду за него. Но в этот час на западе, где еще рдеют лучи заходящего солнца, звезд не бывает.

Как ни огрубели морально матросы, они еще не потеряли своих умственных способностей и, раздумывая над появлением огонька, не могли принять за звезду это желтоватое пятнышко, едва выделявшееся на таком же желтом закатном небе.

— Нет, это не звезда, бьюсь об заклад! — уверенно заявил один из них. — А если это огонь на корабле, так не лампа с нактоуза. Уж будьте покойны, это я вам говорю! И кому это вздумалось тут болтать о нактоузах да о всяких там лампах! Может, что-то и светится на корабле, но тогда это камбузная плита — кок готовит кофе для команды.

Великолепное видение комфорта, вызванное перед

---

[1] *Нактоуз (морск.)* — шкафчик для компаса.

ними, было уж слишком для умирающих от голода людей — нервы их не выдержали, и дикий крик ликования раздался в ответ на речь матроса. Камбуз, камбузная плита, кок, кофе для команды, тушеная говядина с картофелем и морскими сухарями, пудинг с изюмом, пирог с мясом, даже когда-то столь ненавистные гороховый суп и солонина — все это казалось теперь сказкой из иного мира, радостями прошлого, которыми больше никогда уже не придется наслаждаться.

Теперь, когда перед глазами у них вспыхнул огонек камбузной плиты — за который они принимали этот свет в океане,— самые дикие фантазии возникли в их разгоряченном мозгу.

Мгновенно были позабыты и недавний поединок, и его участники. У каждого матроса на плоту все помыслы, все взгляды, исполненные страстного желания, оставались прикованными к этой светлой точке, которая тускло мерцала на красноватом фоне неба, озаренного закатным солнцем...

Николай ГУМИЛЕВ

КАПИТАНЫ

(Отрывок)

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель.

Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминая покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,—
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат.

Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

Рафаэль САБАТИНИ

ХРОНИКА КАПИТАНА БЛАДА

ХОЛОСТОЙ ВЫСТРЕЛ

В судовом журнале, оставленном Джереми Питтом, немалое место уделено длительной борьбе Питера Блада с капитаном Истерлингом, и последний предстает перед нами как некое орудие судьбы, решившее дальнейшую участь тех заключенных, которые, захватив корабль «Синко Льягас», бежали на нем с Барбадоса.

Люди эти могли уповать лишь на милость случая. Изменись тогда направление или сила ветра, и вся их жизнь могла сложиться по-иному. Судьбу Питера Блада, без сомнения, решил октябрьский шторм, который загнал десятипушечный шлюп капитана Истерлинга в Кайонскую бухту, где «Синко Льягас» безмятежно покачивался на якоре почти целый месяц.

Капитан Блад вместе с остальными беглецами нашел приют в этом оплоте пиратства на острове Тортуга, зная, что они могут укрыться там на то время, пока не решат, как им надлежит действовать дальше. Их выбор пал на эту гавань, так как она была единственной во всем Карибском море, где им не угрожало стать предметом докучливых расспросов. Ни одно английское поселение не предоставило бы им приюта, памятуя об их прошлом. В лице Испании они имели заклятого врага, и не только потому, что были англичанами, а главным образом потому, что владели испанским судном. Ни в одной французской колонии они не могли бы чувствовать себя в безопасности, ибо между правительствами Франции и Англии только что было заключено соглашение, по которому обе стороны взаимно обязались задерживать и препровождать на родину всех беглых каторжников. Оставалась еще Голландия, соблюдавшая нейтралитет. Но Питер Блад считал, что состояние нейтралитета чревато самыми большими неожиданностями, ибо оно открывает полную свободу действий в любом направлении. Поэтому, держась подальше от берегов Голландии, как и от всех прочих населенных мест, он взял курс прямо на остров Тортугу, которым владела французская Вест-Индская компания

и который являлся номинально французским, но именно только номинально, а по существу не принадлежал никакой нации, если, конечно, «береговое братство» — так именовали себя пираты — нельзя было рассматривать как нацию. Во всяком случае, законы Тортуги не вступали в противоречие с законами столь могущественного братства. Французское правительство было заинтересовано в том, чтобы оказывать покровительство этим стоящим вне закона людям, дабы они, в свою очередь, могли послужить Франции, стремившейся обуздать алчность Испании и воспрепятствовать ее хищническим посягательствам на Вест-Индию.

Поэтому беглецы — бунтовщики и бывшие каторжники — почувствовали себя спокойно на борту «Синко Льягас», бросившего якорь у Тортуги, и только появление Истерлинга возмутило этот покой, вынудило их положить конец бездействию и определило тем их дальнейшую судьбу.

Капитан Истерлинг — самый отъявленный негодяй из всех, бороздивших когда-либо воды Карибского моря, — держал в трюме своего судна несколько тонн какао, облегчив от этого груза голландский торговый корабль, возвращавшийся на родину с Антильских островов. Подвиг сей, как ему вскоре пришлось убедиться, не увенчал его славой, ибо слава в глазах этого пирата измерялась ценностью добычи, ценность же добычи была в этом случае слишком ничтожна, чтобы поднять капитана во мнении «берегового братства», бывшего о нем не слишком высокого мнения. Знай Истерлинг, что груз голландского купца столь небогат, он дал бы судну спокойно пройти мимо. Но, взяв его на абордаж, он почел долгом в интересах всей шайки негодяев, служивших под его командой, забрать хотя бы то, что нашлось. Если на корабле не оказалось ничего более ценного, чем какао, то в этом, конечно, была повинна злая судьба, которая, как считал Истерлинг, преследовала его последнее время, отчего ему с каждым днем становилось все труднее вербовать для себя людей.

Раздумывая над этим и мечтая о великих подвигах, он привел свой шлюп «Бонавентура» в укромную, скалистую гавань Тортуги, как бы самой природой предназначенную служить надежным приютом для кораблей. Отвесные скалы, вздымаясь ввысь, ограждали с двух сторон этот небольшой залив. Проникнуть в него можно было только через два пролива, а для этого требовалось

искусство опытного лоцмана. Рука человека продолжила здесь дело природы, воздвигнув Горный форт — грозную крепость, защищавшую вход в проливы. Из этой гавани французские и английские пираты, превратившие ее в свое логово, могли спокойно бросать вызов могуществу испанского короля, к которому они все питали лютую ненависть, ибо это он своими преследованиями превратил их из мирных поселенцев в грозных морских разбойников.

Однако, войдя в гавань, Истерлинг позабыл о своих мечтах — столь удивительным оказалось то, что предстало ему здесь наяву. Это необычайное видение имело форму большого корабля, чей алый корпус горделиво возвышался среди остальных мелких суденышек, словно величавый лебедь в стае гусей. Подойдя ближе, Истерлинг прочел название корабля, выведенное крупными золотыми буквами на борту, а под ним — и название порта, к которому корабль был приписан: «Синко Льягас», Кадис. Истерлинг протер глаза и прочел снова. После этого ему оставалось только теряться в догадках о том, как этот великолепный испанский корабль мог очутиться в таком пиратском гнезде, как Тортуга. Корабль был прекрасен — весь от золоченого украшения на носу, над которым поблескивали на солнце медные жерла пушек, до высокой кормы; прекрасен и могуч, ибо опытный глаз Истерлинга уже насчитал сорок орудий за его задраенными портами.

«Бонавентура» бросил якорь в десяти саженях от большого корабля в западной части гавани у самого подножия Горного форта, и капитан Истерлинг сошел на берег, спеша найти разгадку этой тайны.

На рыночной площади за молом он смешался с пестрой толпой. Здесь шумели и суетились торговцы всевозможных национальностей, но больше всего было англичан, французов и голландцев; здесь встречались путешественники и моряки самого различного рода; флибустьеры, все еще остававшиеся таковыми, и флибустьеры, уже откровенно превратившиеся в пиратов; здесь были лесорубы, ловцы жемчуга, индусы, негры-рабы, мулаты — торговцы фруктами и множество других представителей рода человеческого, которые ежедневно прибывали в Кайонскую бухту — одни, чтобы поторговать, другие, чтобы просто послоняться. Истерлинг без труда отыскал двух хорошо осведомленных прощелыг, и те охотно поведали ему необычайную исто-

рию благородного кадисского судна с кучкой беглых каторжников на борту, бросившего якорь в Кайонской бухте.

Истерлинга рассказ этот не только позабавил, но и ошеломил. Он пожелал получить более подробные сведения о людях, принимавших участие в этом неслыханном предприятии, и узнал, что их всего десятка два, не больше, и что все они — политические преступники-бунтовщики, сражавшиеся в Англии на стороне Монмута и не попавшие на виселицу только потому, что вест-индским плантаторам требовались рабы. Ему доложили все, что было известно и об их вожаке Питере Бладе. Прежде он был врачом, сообщили ему, и добавили еще кое-какие подробности.

Шел слух, что Питер Блад хочет вернуться к профессии врача и потому решил вместе с большинством своих сподвижников при первой возможности отвести корабль обратно в Европу. Лишь кое-кто из самых отчаянных головорезов, неразлучных с морем, выразил желание остаться здесь и примкнуть к «береговому братству».

Вот что услышал Истерлинг на рыночной площади, позади мола, пока его острый взгляд продолжал рассматривать и изучать большой красный корабль.

Будь у него такой корабль, каких бы дел мог он натворить! Перед глазами Истерлинга поплыли видения. Слава Генри Моргана, под командой которого он когда-то плавал и который посвятил его в науку пиратства, померкла бы перед его славой! Несчастные беглые каторжники, надо полагать, будут только рады продать ему этот корабль, уже сослуживший им свою службу, и, верно, не заломят за него слишком высокой цены. Хватит с них и груза какао, спрятанного в трюме «Бонавентуры».

Капитан Истерлинг погладил свою черную курчавую бороду и улыбнулся. У него-то сразу хватило смекалки сообразить, какие возможности таятся в этом корабле, который уже месяц как стоит здесь на причале у всех на виду. Так, значит, ему и поживиться, раз он оказался умнее всех.

И он побрел через весь город мимо невзрачных домишек, по запорошенной коралловой пылью дороге — такой ослепительно-белой под ярким солнцем, что глаз человека невольно старался отдохнуть на пятнах тени,

ложившихся на дорогу от росших по сторонам ее чахлых пальм.

Он так спешил к своей цели, что прошел мимо таверны «У французского короля», не обратив внимания на тех, кто окликал его с порога, и не зашел выпить стакан вина с веселой и шумной пиратской братией, разодетой причудливо и пестро. Дело влекло его в этот утренний час к господину д'Ожерону, почтенному, любезному губернатору Тортуги, представлявшему в своем лице и французскую Вест-Индскую компанию, и тем самым как бы и саму Францию и с достоинством высокого сановника обделывавшему дела сомнительной честности, но несомненной прибыточности для компании.

В красивом белом доме с зелеными ставнями, уютно укрывшемся среди ароматных перечных деревьев и душистых кустарников, губернатор — худощавый, элегантно одетый француз, принесший в дикие просторы Тортуги отзвук непринужденной галантности Версаля, — оказал капитану Истерлингу церемонно-дружелюбный прием.

Шагнув из слепящей белизны улицы в прохладу просторной комнаты, куда свет проникал лишь сквозь узкие щели между планками закрытых ставен, капитан Истерлинг в первое мгновение погрузился, как ему показалось, в кромешную тьму, и лишь постепенно глаза его освоились с полумраком.

Губернатор предложил ему сесть и приготовился его выслушать.

Что касалось груза какао, то этот вопрос не встретил никаких затруднений. Господина д'Ожерона ни в коей мере не интересовало, откуда взялся этот груз. Впрочем, он не питал на этот счет никаких иллюзий, что явствовало из цены, за которую он готов был этот груз приобрести. Он предложил примерно половину нормальной рыночной стоимости. Губернатор д'Ожерон весьма добросовестно соблюдал интересы французской Вест-Индской компании.

Истерлинг сделал безуспешную попытку поторговаться, поворчал немного, уступил и перешел к главному вопросу. Он заявил о своем желании приобрести испанское судно, стоящее в гавани на якоре. Не согласится ли господин д'Ожерон купить это судно от его имени у беглых каторжников, которые, как известно, сейчас им владеют?

Господин д'Ожерон ответил не сразу.

— Но быть может, — сказал он, подумав, — они не захотят его продать.

— Не захотят продать? Помилуй бог, зачем этим несчастным оборванцам такой корабль?

— Я лишь высказываю предположение, что и такая возможность не исключена, — заметил д'Ожерон. — Зайдите ко мне сегодня вечером, и я дам вам ответ.

Капитан Истерлинг повторил свой визит, как ему было предложено, и застал д'Ожерона не одного. Когда губернатор встал, приветствуя своего гостя, следом за ним поднялся высокий худощавый мужчина лет тридцати с небольшим; на смуглом, как у цыгана, гладко выбритом лице его невольно приковывали к себе внимание синие глаза, смотревшие твердо и проницательно. Если господин д'Ожерон манерами и платьем заставлял вспомнить Версаль, то его гость невольно приводил на память Аламеду[1]. На нем был дорогой черный костюм испанского покроя, украшенный серебряной пеной пышных кружевных манжет и жабо, и черный парик с локонами до плеч.

Господин д'Ожерон представил незнакомца:

— Вот, капитан, это мистер Питер Блад — он сам ответит на ваш вопрос.

Истерлинг был сильно обескуражен — так не вязалась внешность этого человека с тем обликом, который он заранее себе нарисовал. Капитан подумал было, что все эти красивые испанские одежды украдены, надо полагать, у бывшего командира «Синко Льягас», но тут этот необыкновенный беглый каторжник отвесил ему поклон с изысканной грацией придворного. Однако капитан Истерлинг припомнил еще кое-что.

— Ага! Как же, знаю, вы — доктор! — сказал он и рассмеялся, несколько не к месту.

Питер Блад заговорил. У него был красивый голос; чуть металлические нотки его смягчались ирландским акцентом. Однако его слова лишь пробудили нетерпеливое раздражение капитана Истерлинга — оказывается, продажа «Синко Льягас» не входила в намерения мистера Блада.

Пират принял угрожающую позу: он стоял перед элегантным Питером Бладом — огромный, волосатый, свирепый, в грубой рубахе и кожаных штанах, в желто-красном цветастом платке, стянутом узлом на коротко

---

[1] *Аламеда* — бульвар в Мадриде.

остриженной голове. Вызывающим тоном он потребовал у Блада объяснений; по какой причине хочет он удержать в своих руках корабль, который совершенно не нужен ни ему, ни другим беглым каторжникам, его дружкам.

Ответ Питера Блада прозвучал вежливо и мягко, что лишь усилило презрительное отношение к нему Истерлинга. Мистер Блад готов был заверить капитана Истерлинга, что его предположение несколько ошибочно. Вполне возможно, что беглецы с Барбадоса захотят использовать это судно, чтобы вернуться на нем в Европу — во Францию или в Голландию.

— Быть может, мы не совсем те, за кого вы нас принимаете, капитан. Один из моих товарищей — опытный шкипер, а трое других несли различную службу в английском королевском флоте.

— Ба! — Вся мера презрения Истерлинга выразилась в этом громогласном восклицании. — Вы что, спятили? Это опасная штука — плавать по морю, приятель. А если вас схватят? Такое ведь тоже может случиться! Что вы будете тогда делать с вашей жалкой командой? Об этом вы подумали?

Но Питер Блад был все так же спокоен и невозмутим.

— Если у нас маловато матросов, то вполне достаточно пушек и полновесных ядер. Провести корабль через океан я, быть может, и не сумею, но командовать этим кораблем, если придется принять бой, безусловно могу. Мне преподал эту науку сам де Ритёр.

Это прославленное имя на мгновение согнало саркастическую усмешку с лица Истерлинга.

— Ритёр?

— Да, я служил под его командованием несколько лет тому назад.

Истерлинг был явно озадачен.

— А я ведь думал, что вы — корабельный врач.

— И врач тоже, — спокойно подтвердил ирландец.

Пират выразил свое удивление по этому поводу в нескольких щедро сдобренных богохульствами восклицаниях. Но тут губернатор д'Ожерон нашел уместным положить конец визиту:

— Как видите, капитан Истерлинг, все ясно, и говорить больше не о чем.

По-видимому, все действительно было ясно, и капитан Истерлинг угрюмо откланялся. Однако, раздражен-

но шагая обратно к молу и ворча себе под нос, он думал о том, что если говорить больше и не о чем, то предпринять кое-что еще можно. Уже привыкнув в воображении считать величественный «Синко Льягас» своим, он отнюдь не был расположен отказаться от обладания этим кораблем.

Губернатор д'Ожерон, со своей стороны, также, по-видимому, считал, что к сказанному можно еще кое-что добавить, и сделал это, когда Истерлинг скрылся за дверью.

— Дурной и очень опасный человек Истерлинг, — заметил он. — Советую вам, мосье Блад, учесть это.

Но Питер Блад отнесся к предостережению довольно беспечно.

— Вы меня ничуть не удивили. Даже не зная, что этот человек — пират, с первого взгляда видно, что он негодяй.

Легкое облачко досады затуманило на мгновение тонкие черты губернатора Тортуги.

— О мосье Блад, флибустьер не обязательно должен быть негодяем, и, право же, вам не стоит с чрезмерным высокомерием относиться к профессии флибустьера. Среди них немало людей, которые сослужили хорошую службу и вашей родине, и моей, ставя препоны алчному хищничеству Испании. А ведь, собственно говоря, оно-то их и породило. Если бы не флибустьеры, Испания столь же безраздельно, сколь и бесчеловечно хозяйничала бы в этих водах, где ни Франция, ни Англия не могут держать своего флота. Не забудьте, что ваша страна высоко оценила заслуги Генри Моргана, почтив его рыцарским званием и назначив губернатором Ямайки. А он был еще более грозным пиратом, чем ваш сэр Фрэнсис Дрейк, или Хоукинс, или Фробишер и все прочие, чью память у вас на родине чтят до сих пор.

И вслед за этим губернатор д'Ожерон, извлекавший очень значительные доходы в виде морской пошлины, со всех награбленных ценностей, попадавших в гавань Тортуги, в самых торжественных выражениях посоветовал мистеру Бладу пойти по стопам вышеупомянутых героев. Питер Блад, бездомный изгнанник, объявленный вне закона, обладал прекрасным судном и небольшой, но весьма способной командой, и господин д'Ожерон не сомневался, что при недюжинных способностях мистера Блада его ждут большие успехи, если он вступит в «береговое братство» флибустьеров.

У самого Питера Блада также не было на этот счет никаких сомнений; тем не менее он не склонялся к такой мысли. И, возможно, никогда бы и не пришел к ней, сколько бы ни пытались склонить его к этому большинство его приверженцев, не случись тех событий, которые вскоре последовали.

Среди этих приверженцев наибольшую настойчивость проявляли Питт, Хагторп и гигант Волверстон, потерявший глаз в бою при Сегморе. Бладу, конечно, легко мечтать о возвращении в Европу, толковали они. У него в руках хорошая, спокойная профессия врача, и он всегда заработает себе на жизнь и во Франции, и в Нидерландах. Ну, а они — моряки и ничего другого, кроме мореходства, не знают. Да и Дайк, который до того, как погрузиться в политику и примкнуть к бунтовщикам, служил младшим офицером в английском военном флоте, держался примерно того же мнения, а Огл, канонир, требовал, чтобы какой-нибудь бог, или черт, или сам Блад сказали ему, есть ли во всем британском адмиралтействе такой дурак, что решится доверить пушку человеку, сражавшемуся под знаменами Монмута.

Было ясно, что у Питера Блада оставался только один выход — распрощаться с этими людьми, с которыми сроднили его перенесенные вместе опасности и невзгоды. Именно в этот критический момент судьбе и было угодно избрать своим орудием капитана Истерлинга и поставить его на пути Питера Блада.

Три дня спустя после свидания с Бладом в доме губернатора капитан Истерлинг подплыл утром в небольшой шлюпке к «Синко Льягас» и поднялся на борт. Грозно шагая по палубе, он поглядывал своими острыми темными глазками по сторонам. Он увидел, что «Синко Льягас» не только отменно построенный корабль, но и содержится в образцовом порядке. Палубы были надраены, такелаж в безупречном состоянии, каждый предмет находился на положенном месте. Мушкеты стояли в козлах возле грот-мачты, и все медные части и крышки портов ослепительно сверкали в лучах солнца, отливая золотом. Как видно, эти беглые каторжники, из которых Блад сколотил свою команду, были не такими уж рохлями.

А вот и сам Питер Блад собственной персоной — весь в черном с серебром, что твой испанский гранд; он снимает свою черную шляпу с темно-красным плюмажем и отвешивает такой низкий поклон, что локоны его

черного парика, раскачиваясь из стороны в сторону, как уши спаниеля, почти закрывают ему лицо. Рядом с ним стоит Натаниель Хагторп, очень приятный с виду господин, примерно такого же возраста, как сам Блад; у него чисто выбритое лицо и спокойный взгляд благовоспитанного человека. Позади них — еще трое: Джереми Питт, молодой, светловолосый шкипер из Сомерсетшира; коренастый здоровяк Николас Дайк, младший офицер морского флота, служивший королю Якову, когда тот был еще герцогом Йоркским, и гигант Волверстон.

Все эти господа отнюдь не походят на оборванцев, какими поспешно нарисовало их себе воображение Истерлинга. Даже дородный Волверстон облек свои могучие мышцы для такого торжественного случая в испанскую мишуру.

Представив их своему гостю, Питер Блад пригласил капитана «Бонавентуры» в капитанскую каюту, огромные размеры и богатое убранство которой превосходило все, что Истерлингу приходилось когда-либо видеть на судах.

Негр-слуга в белой куртке — юноша, взятый в услужение на корабль с Тортуги, — подал, помимо обычных рома, сахара и свежих лимонов, еще бутылку золотистого канарского вина из старых запасов судна, и Питер Блад радушно предложил непрошеному гостю отведать его.

Помня предостережение губернатора д'Ожерона, Питер Блад почел за лучшее принять опасного гостя со всей возможной учтивостью, рассчитывая отчасти на то, что, почувствовав себя свободно, Истерлинг, быть может, скорее раскроет свои коварные замыслы.

Развалившись в изящном мягком кресле перед столом из черного дуба, капитан Истерлинг щедро воздавал должное канарскому вину, столь же щедро его похваливая. Затем он перешел к делу и спросил Питера Блада, не переменил ли он по зрелом размышлении своего решения и не продаст ли он судно.

— А если согласитесь продать, — добавил он, скользнув взглядом по лицам четырех товарищей Блада, — так увидите, что я не поскуплюсь, поскольку эти денежки вам придется поделить на всех.

Если капитан Истерлинг рассчитывал таким способом произвести впечатление на остальных собеседников, то следует отметить, что невозмутимое выражение их физиономий несколько его разочаровало.

Питер Блад покачал головой.

— Вы напрасно утруждаете себя, капитан. Какое бы мы ни приняли решение, «Синко Льягас» останется у нас.

— Какое бы вы ни приняли решение? — Густые черные брови на низком лбу удивленно поползли вверх. — Значит, вы еще не решили отплыть в Европу? Что ж, тогда я сразу перейду к делу и, раз вы не хотите продать судно, сделаю вам другое предложение. Давайте-ка вы с вашим кораблем присоединяйтесь к моему «Бонавентуре», и мы сообща сварганим одно дельце, которое будет не безделицей. — И капитан, очень довольный своим плоским каламбуром, оглушительно расхохотался, блеснув белыми зубами в обрамлении курчавой черной бороды.

— Благодарю вас за честь, но мы не собирались заниматься пиратством.

Истерлинг не обиделся, но и бровью не повел. Только взмахнул огромной ручищей, словно отметая нелепое предположение.

— Я вам не пиратствовать предлагаю.

— Что же тогда?

— Могу я довериться? — спросил он, и его взгляд снова обежал все лица.

— Как вам будет угодно, но боюсь, что при любых условиях вы только даром потратите время.

Это звучало не слишком обнадеживающе. Тем не менее Истерлинг приступил к делу.

Известно ли им, что он плавал вместе с Морганом? Совместно с Морганом он проделал большой переход через Панамский перешеек, и ни для кого не секрет, что когда подошло время делить добычу, унесенную ими из разграбленного испанского города, она оказалась куда меньше, чем рассчитывали пираты. Поговаривали, что Морган произвел дележку не по чести, что он успел заранее припрятать у себя большую часть захваченных сокровищ. Так вот, все это говорили недаром: он, Истерлинг, может поручиться. Морган в самом деле припрятал тайком жемчуга и драгоценных камней из Сан-Фелипе на баснословную сумму. Но когда об этом поползли слухи, он струсил. Побоялся, что припрятанные у него сокровища найдут, и тогда ему крышка. И однажды ночью, когда они шли через перешеек, он где-то на полпути зарыл в землю присвоенные им драгоценности.

— И только один человек на свете знал об этом, —

заявил капитан Истерлинг напряженно внимавшим ему слушателям (а подобное сообщение могло заинтересовать кого угодно).— Знал тот, кто помогал ему все это зарывать,— одному-то ему вовек бы не справиться. Так вот, этот человек был я.

Истерлинг помолчал, дабы грандиозность сделанного им сообщения поглубже проникла в сознание слушателей, и заговорил снова.

Он предложил беглецам отправиться вместе с ним на «Синко Льягас» в экспедицию за сокровищами, которые они потом поделят между собой по законам «берегового братства».

— Морган зарыл там ценностей самое малое на четыре миллиона реалов.

Подобная сумма заставила всех слушателей широко раскрыть глаза. Всех, даже самого капитана Блада, впрочем, совсем по иной причине.

— Право же, это очень странно,— задумчиво произнес он.

— Что кажется вам странным, мистер Блад?

Капитан Блад ответил вопросом на вопрос:

— Сколько у вас людей на борту «Бонавентуры»?

— Да что-то около двух сотен.

— И несмотря на это, двадцать человек моей команды представляют для вас такой интерес, что вы нашли для себя возможным обратиться ко мне с подобным предложением?

Истерлинг загоготал прямо ему в лицо.

— Я вижу, что вы ничего не понимаете. Люди мне не нужны, мне нужно хорошее крепкое судно, чтобы надежно поместить на нем наше сокровище. В трюме такого корабля, как ваш, оно будет спокойненько лежать себе, как в крепости, и тогда плевать я хотел на все испанские галионы, пусть они лучше ко мне не суются.

— Черт побери, теперь мне все понятно,— сказал Волверстон, а Питт, Дайк и Хагторп согласно закивали головами.

Но холодные синие глаза Питера Блада все так же, не мигая, смотрели на грузного пирата, и выражение их не изменилось.

— Это понять нетрудно, как заметил Волверстон. Но в таком случае, если делить на всех поровну, на долю «Синко Льягас» придется одна десятая всей добычи, а это ни в коей мере не может нас удовлетворить.

Истерлинг надул щеки и сделал широкий жест своей огромной лапищей.

— А какую дележку предлагаете вы?

— Мы должны это обсудить. Но, во всяком случае, наша доля не может быть меньше одной пятой.

Лицо пирата осталось непроницаемым. Он молча наклонил повязанную пестрым платком голову. Потом сказал:

— Притащите этих ваших приятелей завтра ко мне на «Бонавентуру», мы пообедаем вместе и составим соглашение.

Секунды две Питер Блад, казалось, был в нерешительности. Затем он принял приглашение, учтиво за него поблагодарив.

Но когда пират отбыл, капитан поспешил охладить пыл своих сподвижников.

— Меня предупреждали, что Истерлинг — человек опасный. Думаю, что ему польстили. Опасный человек должен быть умен, а капитан Истерлинг этим качеством не обладает.

— Сдается мне, ты что-то блажишь, Питер,— заметил Волверстон.

— Я просто стараюсь разгадать, зачем понадобилось ему заключать союз с нами, и раздумываю над тем объяснением, которое он этому дал. Вероятно, он просто не мог придумать ничего лучшего, когда ему был поставлен вопрос в упор.

— Так оно же проще простого,— решительно вмешался Хагторп. Ему казалось, что Питер Блад зря усложняет дело.

— Проще простого!— Блад рассмеялся.— Даже чересчур просто, если хотите знать. Проще простого и яснее ясного, пока вы не вдумаетесь в это хорошенько. Да, конечно, на первый взгляд он сделал нам заманчивое, даже блестящее предложение. Только не все то золото, что блестит. Надежный, как крепость, корабль, в трюме которого упрятано на четыре миллиона сокровищ, а мы с вами — его хозяева! Доверчивый же малый этот Истерлинг, слишком доверчивый для мошенника!

Помощники Блада задумались, в глазах их промелькнуло сомнение. Впрочем, Питт все еще оставался при своем мнении.

— У него нет другого выхода, и он верит в нашу честность, знает, что мы не обманем.

Питер Блад посмотрел на него с усмешкой.

— Не думаю, чтобы человек с такими глазами, как у этого Истерлинга, мог верить во что-нибудь, кроме захвата. Если он действительно хочет спрятать свое сокровище на нашем корабле (а тут, мне кажется, он не врет), то это значит, что он намерен завладеть и самим кораблем. Поверит он нам, как же! Разве может подобный человек, для которого не существует понятия чести, поверить, что мы не ускользнем от него однажды ночью, после того как примем его сокровища на борт, или даже попросту не потопим его шлюп, обстреляв его из наших орудий? Ты мне смешон, Джереми, со своими рассуждениями о чести.

Однако и Хагторпу еще не все было ясно.

— Ладно. Тогда зачем понадобилось ему искать этого союза с нами?

— Да он же сам сказал зачем. Ему нужен наш корабль! То ли для перевозки сокровища, если оно действительно существует, то ли еще зачем-то. Ведь он же пытался сначала купить у нас «Синко Льягас». Да, корабль ему нужен, это совершенно очевидно. А вот мы ему не нужны, и он постарается как можно быстрее от нас избавиться, можете не сомневаться.

И все же перспектива участвовать в дележе моргановского клада была, как заметил Питер Блад, весьма заманчива, и его товарищам очень не хотелось отвергнуть предложение Истерлинга. Стремясь к влекущей их цели, люди часто готовы идти на риск, готовы поверить в возможность удачи. Так было и с Хагторпом, и с Питтом, и с Дайком. Они решили, что Блад предубежден, что его восстановил против Истерлинга губернатор д'Ожерон, а тот мог при этом преследовать какие-то свои цели. Почему бы, во всяком случае, не пообедать с Истерлингом и не послушать, какие условия он предложит?

— А вы уверены, что он не отравит нас?— спросил Блад.

Ну, уж это он в своей подозрительности хватил через край. Товарищи прямо-таки подняли его на смех. Как это Истерлинг может их отравить, когда он сам будет пить и есть вместе с ними? Да и чего он этим достигнет? Разве это поможет ему завладеть «Синко Льягас»?

— Разумеется! Поднимется на борт с шайкой своих головорезов и захватит наших ребят, оставшихся без командиров, врасплох.

— Что, что? — вскричал Хагторп. — Здесь, на Тортуге? В этой пиратской гавани? Полно, полно, Питер! Есть же свои понятия чести даже у воров, думается мне.

— Ты волен, конечно, рассуждать так. Я же склонен думать совсем обратное. Меня как будто бы еще никто не считал боязливым, однако я предостерег бы вас всех от такого опрометчивого шага.

Однако мнение большинства было против него. Вся команда загорелась желанием участвовать в походе, когда ей сообщили о том, какое было сделано предложение.

И на другой день, как только пробило восемь склянок, капитан Блад в сопровождении Хагторпа, Питта и Дайка должен был волей-неволей подняться на борт «Бонавентуры». Волверстона оставили наблюдать за порядком на «Синко Льягас».

Истерлинг, окруженный толпой своих головорезов, шумно приветствовал гостей. Вся его команда была на корабле. Больше полутораста пиратов расположились на шкафуте, на полубаке и на корме — все до единого с оружием за поясом. Питер Блад мог бы и не обращать внимания своих спутников на эту странность: зачем пираты забрались на корабль, вместо того чтобы, как повелось, сидеть себе в тавернах на берегу? Все трое товарищей Блада уже и сами отметили про себя это подозрительное обстоятельство. Не укрылись от них и ядовитые ухмылочки этих негодяев, и у каждого мелькнула мысль, не был ли, в конце концов, прав Питер Блад в своих опасениях и не попались ли они в западню.

Но отступать было поздно. На полуюте, возле трапа, ведущего в каюту, стоял капитан Истерлинг, встречая гостей.

Питер Блад приостановился на мгновение и поглядел на ясное голубое небо и верхушки мачт, над которыми кружили чайки. Потом перевел взгляд на серую твердыню форта, утопавшую в жарком мареве на вершине скалы, на мол, пустынные в эти часы полуденного зноя, и, наконец, на большой красный корабль, мощный и величественный, отраженные в сверкающей глади залива. Его товарищам показалось, что он словно бы ищет, с какой стороны может прийти к ним помощь в случае нужды... Затем по приглашению Истерлинга Питер Блад ступил на полутемный трап, и его товарищи последовали за ним.

Каюта, как и весь корабль, запущенный и грязный, ни в коей мере не походила на капитанскую каюту «Синко Льягас». Потолок был так низок, что рослые Блад и Хагторп едва не касались его головой. Столь же убога была и обстановка каюты: несколько ларей с брошенными на них подушками вокруг простого, некрашеного стола, изрезанного ножами, давно не мытого. Невзирая на распахнутые настежь кормовые окна, воздух в каюте был спертым и удушливым: пахло канатами, затхлой трюмной водой.

Обед соответствовал обстановке. Свинина была пережарена, овощи переварены, и деликатный желудок мистера Блада положительно отказывался принимать эту с отвращением проглоченную пищу.

Под стать всему остальному была и приглашенная Истерлингом компания. С полдюжины головорезов изображали его почетную гвардию. Команда избрала их, заявил Истерлинг, чтобы они выработали и подписали соглашение от лица всех прочих. Помимо них, здесь было еще одно лицо — молодой француз, по имени Жуанвиль, секретарь губернатора д'Ожерона, присланный последним, дабы придать сделке законность. Если присутствие этого довольно никчемного субъекта с бесцветными глазками должно было в какой-то мере усыпить подозрения мистера Блада, то следует сказать, что оно только сильнее его насторожило.

Тесная каюта была заполнена до отказа. Гвардия Истерлинга расположилась за столом так, что гости «Синко Льягас» оказались разъединенными. Питер Блад и капитан «Бонавентуры» уселись на противоположных концах стола.

К делу приступили, как только с обедом было покончено, и прислуживавший за столом негр удалился. Пока же длилась трапеза, пираты веселились на свой лад, отпуская соленые шутки, видимо претендующие на остроумие. Наконец на столе не осталось ничего, кроме бутылок, чернильницы, перьев и двух листов бумаги — одного перед Истерлингом, другого перед Питером Бладом, — и капитан «Бонавентуры» изложил свои условия, впервые позволив себе назвать капитаном и своего гостя. Без лишних слов он тут же объявил Бладу, что запрошенную им одну пятую долю добычи команда «Бонавентуры» признала непомерной.

Питер Блад оживился.

— Давайте поставим точку над «i», капитан. Вы.

по-видимому, хотите сказать, что ваша команда не согласна на мои условия?

— А как же еще иначе можно меня понять?

— В таком случае, капитан, нам остается только откланяться, поблагодарив за радушный прием и заверив вас, что мы высоко ценим это приятное и столь обогатившее нас знакомство.

Однако изысканная галантность всех этих чрезмерно преувеличенных любезностей не произвела ни малейшего впечатления на толстокожего Истерлинга. Обратив к Питеру Бладу багровое лицо, он нахально уставился на него своими хитрыми глазками и переспросил, утирая пот со лба:

— Откланяться?— В хриплом голосе его прозвучала насмешка.— Я уж тоже попрошу вас выражаться точнее. Люблю людей прямых и прямые слова. Вы что ж, хотите сказать, что отказываетесь от сделки?

И тотчас двое-трое из его гвардии повторили слова своего капитана, которые в их устах прозвучали словно грозное эхо.

Капитан Блад — назовем его теперь полным титулом, присвоенным ему Истерлингом,— казалось, был несколько смущен оборотом дела. Как бы в замешательстве он поглядел на своих товарищей, быть может, ожидая от них совета, но они ответили ему только растерянными взглядами.

— Если вы находите наши условия неприемлемыми,— сказал он наконец,— я должен предположить, что вы не желаете более заниматься этим вопросом, и нам не остается ничего другого, как распрощаться.

Такая неуверенность прозвучала в голосе Питера Блада, что его товарищи были изумлены — никогда еще не случалось им видеть, чтобы их капитан сробел перед какой бы то ни было опасностью. У Истерлинга же его ответ вызвал презрительный смешок — ничего другого он и не ожидал от этого лекаришки, волею случая ставшего искателем счастья.

— Ей-богу, доктор,— сказал он,— вы бы уж лучше вернулись к вашим банкам и пиявкам, а корабли оставили людям, которые знают, как ими управлять.

В холодных синих глазах блеснула молния и мгновенно потухла. Но выражение неуверенности не сбежало со смуглого лица. Тем временем Истерлинг уже обратился к секретарю губернатора, сидевшему по правую руку от него.

— Ну, а вы что скажете, мусью Жуанвиль?

Белокурый, изнеженный французик снисходительно улыбнулся, наблюдая за оробевшим Питером Бладом.

— Не кажется ли вам, капитан Блад, что сейчас было бы вполне своевременно и разумно выслушать условия, которые может предложить капитан Истерлинг?

— Я уже слышал их. Однако, если...

— Никаких «если», доктор,— грубо оборвал его Истерлинг.— Условия мои все те же, какие я вам ставил. Все делим поровну между вашими людьми и моими.

— Но ведь это значит, что на долю «Синко Льягас» придется не больше одной десятой части добычи.— Теперь и Блад, в свою очередь, повернулся к мистеру Жуанвилю.— Считаете ли вы, мосье, такие условия справедливыми? Я уже объяснял капитану Истерлингу, что; хотя на нашем корабле меньше людей, зато у нас больше пушек, а приставлен к ним, смею вас заверить такой канонир, какой еще никогда не бороздил вод Карибского моря. Этого малого зовут Огл. Нед Огл. Замечательный канонир этот Нед Огл. Не канонир, а сущий сатана. Поглядели бы вы, как он топил испанские суда у Бриджтауна!..

Казалось, он еще долго мог бы распространяться о достоинствах канонира Неда Огла, если бы Истерлинг снова не прервал его:

— Черт побери, приятель, да на что нам сдался этот канонир. Подумаешь, велика важность!

— Да, конечно, если бы это был обыкновенный канонир. Но это совсем необыкновенный канонир. У него необычайно меткий глаз. Такой канонир, как Нед Огл,— это все равно что поэт. Один рождается поэтом, другой — канониром. Он так ловко может пустить корабль ко дну, этот Нед Огл, как другой не вырвет и зуба.

Истерлинг стукнул кулаком по столу.

— Да при чем тут ваш канонир?

— Может случиться, что будет при чем. А пока я просто хочу указать вам, какого ценного союзника приобретаете вы в нашем лице.— И Блад снова принялся расхваливать своего канонира.— Он ведь проходил службу в королевском военно-морском флоте, наш Нед Огл, и это был поистине черный день для королевского военно-морского флота, когда Нед Огл, пристрастившись к политике, стал на сторону протестантов при Сегмуре...

— Да брось ты своего Огла,— зарычал один из офицеров «Бонавентуры» — здоровенный детина по имени Чард.— Брось, не то мы эдак проваландаемся здесь целый день.

Истерлинг, крепко выругавшись, поддержал своего офицера.

Питер Блад отметил про себя, что никто из пиратов даже не пытался скрыть свою враждебность, и с этой минуты их поведение предстало перед ним в ином свете: он понял, к чему они стремятся.

Тут вмешался Жуанвиль.

— Не согласитесь ли вы, капитан Истерлинг, пойти на некоторые уступки? В конце концов доводы капитана Блада по-своему резонны. Он вполне мог бы набрать на корабль команду в сто матросов и тогда получил бы значительно большую долю.

— Тогда, может, она бы ему и причиталась,— последовал грубый ответ.

— Она причитается мне и теперь,— продолжал настаивать Блад.

— Ну да, как же!— получил он в ответ вместе с щелчком пальцами перед самым носом.

Блад видел, что Истерлинг нарочно старается вывести его из себя, чтобы затем наброситься на него вместе со своими разбойниками и тут же на месте прирезать и его, и всех его товарищей. А мосье Жуанвиля он заставит потом засвидетельствовать перед губернатором, что его гости первые затеяли ссору. Ему стало теперь ясно, для чего понадобилось Истерлингу присутствие здесь этого французика!

А Жуанвиль тем временем продолжал увещевать:

— Полноте, полноте, капитан Истерлинг! Так вы никогда не достигнете соглашения. Судно капитана Блада представляет для вас интерес, а за такие вещи следует платить. Вы, мне кажется, могли бы предложить ему хотя бы одну восьмую или даже одну седьмую долю.

Прикрикнув на Чарда, который громким ревом выразил свой протест, Истерлинг внезапно заговорил почти вкрадчиво:

— Что скажет на это капитан Блад?

Капитан Блад ответил не сразу, он раздумывал. Затем пожал плечами.

— Что должен я сказать? Как вы сами понимаете, я не могу сказать ничего, пока не узнаю мнения своих

товарищей. Мы возобновим наш разговор как-нибудь в другой раз, после того, как я выясню их намерения.

— Что за дьявольщина! — загремел Истерлинг. — Вы что, смеетесь, что ли? Разве вы не привели сюда своих офицеров? Разве они не могут говорить за всех ваших людей, так же как мои? Что мы здесь решим, то мои ребята и примут. Таков закон «берегового братства». Значит, я имею право ждать того же самого и от вас, объясните-ка ему это, мусью Жуанвиль.

Француз мрачно кивнул, и Истерлинг зарычал снова.

— Мы тут, черт побери, не дети малые. И собрались не в игрушки играть, а договариваться о деле, и вы уйдете отсюда не раньше, чем мы договоримся, будь я проклят.

— Или не договоримся, как легко может случиться, — спокойно проронил капитан Блад. Нетрудно было заметить, что всю его нерешительность уже как рукой сняло.

— Как это — не договоримся? Какого дьявола, что это еще значит? — Истерлинг вскочил на ноги, всем своим видом изображая величайшую ярость, которая Питеру Бладу показалась несколько напускной — словно некий дополнительный штрих разыгравшейся здесь комедии.

— Я имею в виду самую простую вещь: мы можем и не договориться. — По-видимому, Блад решил, что пришло время заставить пиратов раскрыть свои карты. — Если мы с вами не придем к соглашению, что ж, значит, с этим покончено.

— Ого! Покончено, вот как? Нет, пусть меня повесят! На этом не кончится, а, пожалуй, только начнется.

— Это я и предполагал. Что же именно начнется, не угодно ли вам будет пояснить, капитан Истерлинг?

— В самом деле, капитан! — вскричал Жуанвиль. — Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — Капитан Истерлинг воззрился на француза. Казалось, он был вне себя от бешенства. — Что? — повторил он. — А вот что, послушайте, мусью. Этот докторишка Блад, этот беглый каторжник, хотел выпытать у меня тайну моргановского клада и нарочно притворился, будто решил войти со мной в дело. А теперь, когда все выпытал, начинает, как видите, отвиливать, бьет отбой. Теперь уж он вроде как и не хочет входить с нами в долю. Он хочет пойти на

попятный. Мне думается, вам, мусью Жуанвиль, должно быть ясно, почему он хочет пойти на попятный, и нетрудно догадаться, почему я не могу этого допустить.

— Какое жалкое измышление! — насмешливо произнес Блад. — Что за тайна мне открыта, помимо пустых россказней о каком-то где-то зарытом кладе?

— Нет, не «где-то», а вы знаете где. Я свалял дурака, все вам открыл.

Блад искренне расхохотался, чем даже напугал своих товарищей, которые теперь уже ясно видели, что дело принимает для них худой оборот.

— Ну да, где-то на Дарьенском перешейке! Весьма точный адрес, клянусь честью! При наличии таких сведений мне остается только отправиться прямо на место и забрать клад себе! А что касается всего остального, то я прошу вас, мосье Жуанвиль, обратить внимание на то, что «отвиливать» здесь начал вовсе не я. Я еще мог бы заключить сделку с капитаном Истерлингом, если бы, как было мною предложено с самого начала, нам гарантировали одну пятую добычи. Но теперь, после того как все мои подозрения подтвердились, я не намерен вести с ним никаких дел даже за половину всего его сокровища, если предположить, что оно действительно существует, чего я лично не допускаю.

При этих словах пираты, словно по команде, повскакали с мест, готовые к драке. Поднялся дикий шум, но Истерлинг, взмахнув рукой, заставил всех приумолкнуть. Когда шум стих, раздался тоненький голосок мосье Жуанвиля:

— Вы на редкость неблагоразумный человек, капитан Блад.

— Все может быть, все может быть, — беспечно сказал Блад. — Поживем — увидим. Последнее слово еще не сказано.

— Ну, значит, пора его сказать, — возвестил Истерлинг; он внезапно стал зловеще спокоен. — Я хотел предупредить вас, что раз вам известен наш секрет, вы не уйдете с этого судна, пока не подпишете соглашения. Но какие уж тут предупреждения, когда вы открыто показали нам свои намерения.

Не вставая из-за стола, капитан Блад поднял глаза на грузную фигуру капитана «Бонавентуры», стоявшего в угрожающей позе, и трое его помощников с «Синко

Льягас» заметили с недоумением и тревогой, что он улыбается. Сначала он был необычайно нерешителен и робок, а теперь вел себя так непринужденно, так вызывающе! Понять его поведение было невозможно. Он молчал, и заговорил Хагторп:

— Что вы хотите этим сказать, капитан Истерлинг? Каковы ваши намерения?

— А вот каковы: заковать всех вас в кандалы и бросить в трюм, где вы не сможете никому причинить вреда.

— Помилуй бог, сэр...— начал было Хагторп, но тут его прервал спокойный, ясный голос капитана Блада:

— И вы, мосье Жуанвиль, допустите такой произвол, не выразив со своей стороны протеста?

Жуанвиль развел руками, выпятив нижнюю губу и пожал плечами.

— Вы сами прямо напрашивались на это, капитан Блад.

— Так вот, значит, для чего вы присутствуете здесь — чтобы сделать соответствующее сообщение мосье д'Ожерону? Ну, ну!— И Блад рассмеялся не без горечи.

И тут внезапно полуденную тишину нарушил гром орудийного выстрела, заставивший вздрогнуть всех. Испуганно закричали всполошившиеся чайки, все с недоумением посмотрели друг на друга, и в наступившей затем тишине прозвучал вопрос Истерлинга, обращенный с тревогой неизвестно к кому:

— Это что еще за дьявольщина?!

Ответил ему капитан Блад, и при том самым любезным тоном:

— Пусть это не тревожит вас, дорогой капитан. Прогремел всего-навсего салют в вашу честь. Его произвел Огл, весьма искусный канонир, с «Синко Льягас». Я, кажется, уже сообщал вам о нем?— И Блад обвел вопросительным взглядом всю компанию.

— Салют?— повторил, как эхо, Истерлинг.— Чума и ад! Какой еще салют?

— Обыкновенная вежливость — напоминание нам и предостережение вам. Напоминание нам о том, что мы уже целый час отнимаем у вас время и не должны долее злоупотреблять вашим гостеприимством.— Капитан Блад поднялся на ноги и выпрямился во весь рост, непринужденный и элегантный в своем черном с сереб-

ром испанском костюме.— Разрешите пожелать вам, капитан, провести остаток дня столь же приятно.

Побагровев от ярости, Истерлинг выхватил из-за пояса пистолет.

— Ты не сойдешь с этого корабля, фигляр несчастный, скоморох!

Но капитан Блад продолжал улыбаться.

— Клянусь, это будет весьма прискорбно для корабля и для всех, кто находится на его борту, включая нашего бесхитростного мосье Жуанвиля, который, кажется, и в самом деле верит, что вы выплатите ему обещанную долю вашего призрачного сокровища, если он будет лжесвидетельствовать перед губернатором, дабы очернить меня и оправдать захват вами моего корабля. Как видите, я ничуть не обольщаюсь на ваш счет, мой дорогой капитан. Вы слишком простоваты для негодяя.

Размахивая пистолетом, Истерлинг изрыгал проклятия и угрозы. Однако он не пускал оружия в ход — какое-то смутное беспокойство удерживало его руку: слишком уж хладнокровно насмешлив был капитан Блад.

— Мы напрасно теряем время,— прервал его Блад.— А сейчас, поверьте мне, каждая секунда дорога. Пожалуй, вам следует уразуметь положение вещей. Огл получил от меня приказ: если спустя десять минут после этого салюта я вместе с моими товарищами не покину палубы «Бонавентуры», ему надлежит проделать хорошую круглую дыру в вашем полубаке на уровне ватерлинии и еще столько дыр, сколько потребуется, чтобы пустить ваш корабль ко дну. А потребуется не там уж много. У Огла поразительно точный прицел. Он отлично зарекомендовал себя во время службы в королевском флоте. Я, кажется, уже рассказывал вам об этом.

Снова на мгновение воцарилась тишина, и на этот раз ее нарушил мосье Жуанвиль:

— Я здесь совершенно ни при чем!

— Заткни свою писклявую глотку, ты, французская крыса!— заревел взбешенный Истерлинг. Продолжая размахивать пистолетом, он обратил свою ярость на Блада:— А ты, жалкий лекаришка!.. Ты, ученый навозный жук! Ты бы лучше орудовал своими банками и пиявками, как я тебе советовал!

Было ясно, что он не остановится перед убийством.

Но Блад оказался проворнее. Прежде чем кто-либо успел разгадать его намерения, он схватил стоявшую перед ним бутылку канарского вина и хватил ею капитана Истерлинга по голове.

Капитан «Бонавентуры» отлетел к переборке. Питер Блад сопроводил его полет легким поклоном.

— Сожалею,— сказал он,— что у меня не оказалось под рукой ни банок, ни пиявок, но, как видите, кровопускание можно произвести и с помощью бутылки.

Потеряв сознание, Истерлинг грузно осел на пол возле переборки. Повскакав с мест, пираты надвинулись на капитана Блада. Раздались хриплые выкрики, кто-то схватил его за плечо. Но его звучный голос перекрыл шум:

— Берегитесь! Время истекает. Десять минут уже прошло, и либо я и мои товарищи покинем сейчас ваше судно, либо мы все вместе пойдем на дно.

— Во имя всего святого подумайте, что вы делаете!— вскричал Жуанвиль, бросаясь к двери.

Однако один из пиратов, человек практической складки, уже успел, как видно, кое о чем подумать и, схватив Жуанвиля за шиворот, отшвырнул его в сторону.

— Ну, ты!— крикнул он капитану Бладу.— Лезь на палубу и забирай с собой остальных. Да поживее! Мы не хотим, чтобы нас тут потопили, как крыс!

Все четверо поднялись, как им было предложено, на палубу. Вслед им полетели проклятия и угрозы.

Пираты, остававшиеся на палубе, не были, по-видимому, посвящены в намерения Истерлинга, а, быть может, подчинялись отданному кем-то приказу, но, так или иначе, они не препятствовали капитану Бладу и его товарищам покинуть корабль.

В шлюпке, на полпути к кораблю, к Хагторпу вернулся дар речи:

— Клянусь спасением души, Питер, я уже подумал было, что нам крышка.

— Да и я,— с жаром подхватил Питт.— Что ни говори, они могли разделаться с нами в два счета.— Он повернулся к Питеру Бладу, сидевшему на корме.— Ну, а если бы по какой-нибудь причине нам не удалось выбраться оттуда за эти десять минут и Огл и вправду принялся бы палить, что тогда?

— О,— сказал Питер Блад,— главная-то опасность в том и заключалась, что он вовсе не собирался палить.

— Как так, ты же ему приказал!

— Да, вот как раз это я и забыл сделать. Я сказал ему только, чтобы он дал холостой выстрел, когда мы пробудем на «Бонавентуре» час. Как бы ни обернулось дело, это все равно нам не повредит, подумал я. И, клянусь честью, кажется, не повредило. Фу, черт побери! — Блад снял шляпу и, словно не замечая изумления своих спутников, вытер вспотевший лоб. — Ну и жара! Солнце так и печет.

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Капитан Блад был доволен жизнью, другими словами, он был доволен собой.

Стоя на молу в скалистой Кайонской бухте, он смотрел на свои суда. Не без чувства гордости оглядывал он пять больших кораблей, составлявших его флотилию, — ведь когда-то все они, от киля до верхушек мачт, принадлежали Испании. Вон стоит его флагманский корабль «Арабелла» с сорока пушками на борту; красный его корпус и золоченые порты сверкают в лучах заходящего солнца. А рядом — бело-голубая «Элизабет», не уступающая флагману по мощности огня, и позади нее — три корабля поменьше, на каждом — по двадцать пушек, все три захваченные в жаркой схватке у Маракайбо, откуда он их на днях привел. Этим кораблем, именовавшимся прежде «Инфанта», «Сан-Филипе» и «Санто-Нинно», Питер Блад присвоил имена трех парок[1] — «Клото», «Лахезис» и «Атропос», как бы давая этим понять, что отныне они станут вершителями судеб всех испанских кораблей, какие могут им повстречаться в океане.

Проявив в этом случае юмор пополам с ученостью, капитан Блад, как я уже сказал, испытывал довольство собой. Его команда насчитывала около тысячи человек, и при желании он мог в любую минуту удвоить это число, ибо его удача уже вошла в поговорку, а что может быть драгоценней удачи в глазах тех, кто в поисках рискованных авантюр очертя голову следует за вожаком? Даже великий Генри Морган в зените своей славы не обладал такой властью и авторитетом. Нет, даже Монбар, получивший от испанцев прозвище

---

[1] *Парки* — богини судьбы в римской мифологии.

«Истребитель», не нагонял на них в свое время такого страха, как теперь дон Педро Сангре — так звучало по-испански имя Питера Блада.

Капитан Блад знал, что он объявлен вне закона. И не только король испанский, могуществу которого он не раз бросал вызов, но и английский король, не без основания им презираемый,— оба искали способа его уничтожить. А недавно до Тортуги долетела весть, что последняя жертва капитана Блада — испанский адмирал дон Мигель де Эспиноса, особенно жестоко пострадавший от его руки,— объявил награду в восемьдесят тысяч испанских реалов тому, кто сумеет взять капитана Блада живым и передать ему с рук на руки. Обуреваемый жаждой мщения, дон Мигель не мог удовлетвориться простым умерщвлением капитана Блада.

Однако все это отнюдь не запугало капитана Блада, не заставило его утратить веру в свою звезду, а посему он вовсе не собирался похоронить себя заживо в надежной бухте Тортуги. За все страдания, которые он претерпел от людей — а претерпел он немало,— ему должна была заплатить Испания. При этом он преследовал двойную цель: вознаградить себя и в то же время сослужить службу если не презираемому им Стюарту, то Англии, а следовательно, и всему остальному цивилизованному миру, которого алчная, жестокая и фанатичная Испания с присущим ей коварством пыталась лишить всяких связей с Новым Светом.

Питер Блад спускался с мола, где уже улеглась шумная и пестрая вседневная сутолока, когда из шлюпки, доставившей его к пристани, раздался оклик боцмана с «Арабеллы»:

— Ждать тебя к восьми склянкам, капитан?

— Да, к восьми склянкам!— не оборачиваясь, крикнул Блад и зашагал дальше, помахивая длинной черной тростью, как всегда изысканно-элегантный, в темно-сером, расшитом серебром костюме.

Он направился к центру города. Большинство прохожих кланялись, приветствуя его, остальные просто глазели. Он шел по широкой немощенной Рю дю Руа де Франс, которую заботливые горожане обсадили пальмами, стремясь придать ей более нарядный вид. Когда он поравнялся с таверной «У французского короля», кучка корсаров, торчавших у входа, вытянулась в струнку. Из окон доносился приглушенный гул голосов, обрывки нестройного пения, визгливый женский смех и грубая

брань, а на фоне этих разнообразных звуков равномерно и глухо стучали игральные кости и звенели стаканы.

Питеру Бладу стало ясно, что его корсары весело спускают золото, привезенное из Маракайбо. Ватага каких-то головорезов, вывалившись наружу из дверей этого дома бесчестия, встретила его приветственными криками. Разве не был он некоронованным королем всех отщепенцев, объединившихся в великое «береговое братство»?

Он помахал тростью, отвечая на их приветствия, и прошел мимо. У него было дело к господину д'Ожерону, губернатору Тортуги, и это дело привело его в красивый белый дом, стоявший на возвышенности в восточном предместье города.

Капитан Блад, человек осторожный и предусмотрительный, деятельно готовился к тому дню, когда смерть или падение короля Якова II откроют ему путь обратно на родину. С некоторого времени у него вошло в обычай передавать часть своих трофеев губернатору в обмен на векселя французских банков, которые тот переправлял для хранения в Париж. Питер Блад был всегда желанным гостем в доме губернатора, и не только потому, что сделки эти были выгодны д'Ожерону; у губернатора были на это и более глубокие причины; однажды капитан Блад оказал ему неоценимую услугу, вырвав его дочь Мадлен из рук похитившего ее пирата. С того дня и сам д'Ожерон, и его сын, и двое дочерей считали капитана Блада самым близким другом своей семьи.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что, как только было покончено с делами, мадемуазель д'Ожерон-старшая пожелала прогуляться с гостем по душистой аллее отцовского сада и проводить его до ворот.

Мадемуазель д'Ожерон, жгучая брюнетка, с матово-бледным лицом, высокая и стройная, одетая богато, по последней парижской моде, славилась не только своей романтической красотой, но и романтическим складом характера. И когда в сгущающихся вечерних сумерках она грациозно скользнула в сад за капитаном, ее намерения, как выяснилось, носили также несколько романтический оттенок.

— Мосье, я умоляю вас быть начеку,— с легкой запинкой произнесла она по-французски.— Вы приобрели себе слишком много врагов.

Питер Блад остановился и, сняв шляпу, так низко

поклонился перед мадемуазель д'Ожерон, что длинные черные локоны почти закрыли его точеное, бронзовое, как у цыгана, лицо.

— Мадемуазель, ваша забота чрезвычайно мне льстит. О да, чрезвычайно.— Он выпрямился, и его дерзкие глаза, казавшиеся совсем светлыми под черными как смоль бровями, с веселой усмешкой встретили ее взгляд.— Вы правы, у меня нет недостатка во врагах. Но это — цена известности. Лишь тот, кто ничего не стоит, не имеет врагов. Однако здесь, на Тортуге, у меня врагов нет.

— Вы вполне в этом уверены?

Тон ее вопроса заставил его задуматься. Он нахмурился и сказал, пристально вглядываясь в ее лицо:

— Вам что-то известно, мадемуазель, как я догадываюсь?

— Почти ничего. Не больше того, что сообщил мне сегодня один из наших слуг. Он сказал, что испанский адмирал назначил награду за вашу голову.

— У адмирала просто такая манера — делать мне комплименты, мадемуазель.

— И еще он сказал, что Каузак грозился во всеуслышание, что заставит вас пожалеть о том, как вы обошлись с ним в деле у Маракайбо.

— Каузак?

Это имя заставило капитана Блада подумать, что он, пожалуй, поторопился, заявив, будто у него нет врагов на Тортуге. Он совсем забыл про Каузака. Но Каузак, как видно, отнюдь не склонен был забыть про капитана Блада. Он был с Бладом в деле при Маракайбо, но они не поладили, и Каузак по доброй воле откололся от него и крепко на этом просчитался. Однако, как всякий самовлюбленный тупица, он во всем винил капитана Блада, который якобы обвел его вокруг пальца. После этого он никогда даже не пытался скрыть свою необоснованную ненависть к Бладу.

— Вот как, он грозит мне?— промолвил капитан Блад.— Ну, это несколько опрометчиво и даже нескромно с его стороны. К тому же всем известно, что его никто не обижал. Когда ему показалось, что угрожавшая нам опасность слишком велика, он пожелал откололоться от нас, и мы не стали его удерживать.

— Но он при этом лишился своей доли добычи, и с тех пор над ним и его командой смеется вся Тортуга.

Разве вы не понимаете, какие чувства должен испытывать к вам этот негодяй?

Они уже подходили к воротам.

— Вы будете его остерегаться? — с мольбой спросила девушка. — Постарайтесь держаться от него подальше.

Капитан Блад улыбнулся, тронутый ее заботой.

— Я должен это сделать хотя бы для того, чтобы иметь возможность служить вам. — И он церемонно склонился в поцелуе над ее рукой.

Однако он не придал особого значения ее словам. Что Каузак вынашивает планы мщения — этому он легко мог поверить. Но чтобы Каузак здесь, на Тортуге, решился открыто ему угрожать — это казалось маловероятным: такой трусливый тупица едва ли мог отважиться на столь опасное бахвальство.

Питер Блад вышел за ворота и быстро зашагал в теплом бархатистом полумраке надвигающейся ночи и вскоре вышел на залитую огнями Рю дю Руа де Франс. Он уже приближался к концу этой почти безлюдной в вечерний час улицы, когда какая-то тень скользнула ему навстречу из проулка.

Он насторожился и замедлил шаг, но тут же увидел, что перед ним женщина, и услышал ее негромкий оклик:

— Капитан Блад!

Он остановился. Женщина подошла ближе и заговорила быстро, взволнованно, с трудом переводя дыхание:

— Я видела, вы проходили здесь два часа назад, да было еще светло, ну я и побоялась заговорить с вами у всех на глазах. Решила: подожду, покуда вы вернетесь. Не ходите дальше, капитан, — вы идете навстречу опасности, навстречу смерти!

Он был озадачен и только сейчас узнал ее. Перед глазами его возникла сцена, разыгравшаяся неделю назад в таверне «У французского короля». Двое пьяных головорезов сцепились из-за женщины — жалкого обломка, вышвырнутого судьбой из Европы и прибитого к островам Нового Света. Эта несчастная, сохранившая еще некоторую миловидность, но столь же грязная и потрепанная, как ее полуистлевшие лохмотья, пыталась вмешаться в свару, причиной которой была она сама, но один из головорезов отвесил ей хорошую за-

трещину, и тогда Блад в порыве рыцарского гнева сбил негодяя с ног и вывел женщину из притона.

— Они устроили на вас засаду вот там, недалеко отсюда,— говорила женщина.— Они хотят вас убить.

— Кто — они?— спросил Питер Блад, мгновенно вспомнив предостережение мадемуазель д'Ожерон.

— Их там десятка два. И если только они узнают... если они увидят, как я вас тут остановила... мне сегодня же ночью перережут глотку.

Она пугливо озиралась по сторонам в темноте, голос ее дрожал от страха, который, казалось, все возрастал. Внезапно она хрипло вскрикнула:

— Да не стойте же здесь! Идите за мной, я укрою вас до утра в безопасном месте. Утром вы вернетесь на свой корабль и хорошо сделаете, если не будете его покидать или хотя бы станете ходить не один, а с товарищами. Идемте!— Она потянула за рукав.

— Спокойней, спокойней! — сказал Питер Блад, высвобождая свой рукав.— Куда это ты меня тащишь?

— Ах, да не все ли равно куда, раз вы этим избежите опасности!— Она снова с силой потянула его за рукав.— Вы были добры ко мне, и я не могу позволить, чтобы вас убили. А нас обоих зарежут, если вы не пойдете со мной!

Уступив наконец ее уговорам — скорее ради ее безопасности, нежели ради своей,— Питер Блад позволил женщине увлечь его за собой с широкой улицы в узкий проулок, из которого она выбежала, чтобы перехватить его. По одной стороне этого проулка стояли на довольно большом расстоянии друг от друга деревянные одноэтажные хибарки, по другой — тянулась ограда какого-то участка.

Возле второй хибарки женщина остановилась. Низенькая дверь была распахнута настежь, внутри тускло мерцал огонек медной керосиновой лампы.

— Входите,— шепнула женщина.

Две ступеньки вели в хибарку, пол которой был ниже улицы. Питер Блад спустился по ступенькам и шагнул в комнату.

В ноздри ему ударил тяжелый, тошнотворный запах табачного перегара и коптящей лампы. И прежде чем он успел оглядеться по сторонам в этом тусклом свете, страшный удар по голове, нанесенный сзади каким-то тяжелым предметом, оглушил его, и в полу-

обморочном состоянии он повалился ничком на грязный земляной пол.

Женщина пронзительно взвизгнула, но визг, внезапно оборвавшись, перешел в хриплый, сдавленный стон, словно ее душили, и снова наступила тишина.

Капитан Блад не успел пошевелиться, не успел даже собраться с мыслями, как чьи-то ловкие жилистые руки быстро принялись за дело: ему скрутили руки за спину, сыромятными ремнями стянули кисти и лодыжки, затем подняли, пихнули на стул и крепко-накрепко привязали к спинке стула.

Коренастый, похожий на обезьяну человек склонил над ним свое мощное туловище на уродливо коротких кривых ногах. Рукава голубой рубахи, закатанные выше локтя, обнажали длинные мускулистые волосатые руки. Маленькие черные глазки злобно поблескивали на широком, плоском, как у мулата, лице. Красный в белую полоску платок был повязан низко, по самые брови. В огромное ухо было продето тяжелое золотое кольцо.

Питер Блад молча смотрел на него, стараясь подавить закипавшее в нем бешенство, которое все усиливалось, по мере того как прояснялось его сознание. Инстинкт подсказывал ему, что гнев, ярость никак не помогут ему сейчас и любой ценой следует их обуздать. Он взял себя в руки.

— Каузак! — с расстановкой произнес он. — Какая приятная, но неожиданная встреча!

— Да, вот и ты сел наконец на мель, капитан, — сказал Каузак и рассмеялся негромко, злобно и мстительно.

Питер Блад отвел от него глаза и поглядел на женщину, которая извивалась, стараясь вырваться из рук сообщника Каузака.

— Уймись ты, шлюха! Уймись, не то придушу! — пригрозил ей тот.

— Что вы хотите сделать с ним, Сэм? — визжала женщина.

— Не твое дело, старуха.

— Нет, мое, мое! Ты сказал, что ему грозит опасность, и я поверила тебе, поверила тебе, лживая ты скотина!

— Ну да, так оно и было. А теперь ему тут хорошо и удобно. А ты ступай туда, Молли. — Он подтолкнул ее к открытой двери в темный альков.

— Не пойду я!..— огрызнулась она.

— Ступай, тебе говорят!— прикрикнул он.— Смотри, хуже будет!

И, грубо схватив женщину, которая упиралась и брыкалась что было мочи, он поволок ее через всю комнату, выпихнул за дверь и запер дверь на задвижку.

— Сиди там, чертова шельма, и чтоб тихо было, не то я успокою тебя на веки вечные.

Из-за двери донесся стон, затем заскрипела кровать — как видно, женщина в отчаянии бросилась на нее,— и все стихло.

Питер Блад решил, что ее участие в этом деле теперь для него более или менее ясно и, по-видимому, закончено. Он поглядел на своего бывшего сотоварища и улыбнулся с наигранным спокойствием, хотя на душе у него было далеко не спокойно.

— Не проявлю ли я чрезмерную нескромность, если позволю себе спросить, каковы твои намерения, Каузак?— осведомился он.

Приятель Каузака, долговязый, вихлястый малый, тощий и скуластый, сильно смахивающий на индейца, рассмеялся, навалившись грудью на стол. Его одежда изобличала в нем охотника. Он ответил за Каузака, который молчал, насупившись, не сводя мрачного взгляда с пленника:

— Мы намерены передать тебя в руки дона Мигеля де Эспиноса.

И, наклонившись к лампе, он оправил фитиль. Пламя вспыхнуло ярче, и маленькая грязная комната словно увеличилась в размерах.

— C' est ça[1],— сказал Каузак.— А дон Мигель, надо полагать, вздернет тебя на нок-рее.

— А, так тут еще и дон Мигель затесался! Какая честь! Верно, это цена, назначенная за мою голову, так раззадорила вас всех? Что ж, это самая подходящая для тебя работенка, Каузак, клянусь честью! Но все ли ты учел, приятель? У тебя впереди по курсу есть кое-какие подводные рифы. Хейтон со шлюпкой должен встретить меня у мола, когда пробьет восемь склянок. Я и так уже запоздал — восемь склянок пробило час назад, если не больше, и сейчас там поднимается тревога. Все знают, куда я шел, и отправятся туда искать меня. А ты сам знаешь, ребята, чтобы меня найти,

[1] C' est ça — так, так (фр.).

перетряхнут и вывернут наизнанку весь этот город, как старый мешок. Что ждет тебя тогда, Каузак? Ты подумал об этом? Вся твоя беда в том, что ты начисто лишен воображения, Каузак. Ведь это недостаток воображения заставил тебя удрать с пустыми руками из Маракайбо. И если б не я, ты еще по сей день потел бы на веслах на какой-нибудь испанской галере. А ты вот обозлился на меня и, как упрямый болван, не видишь дальше собственного носа, думаешь только о том, чтобы выместить на мне свою злобу, и сам на всех парусах летишь к своей погибели. Если в твоей башке есть хоть крупица здравого смысла, приятель, тебе бы надо сейчас поскорее убрать парус и лечь, пока еще не поздно, в дрейф.

Но Каузак в ответ лишь злобно покосился на Блада и принялся молча обшаривать его карманы. Его товарищ наблюдал за этим, усевшись на трехногий сосновый табурет.

— Который час, Каузак? — спросил он.

Каузак поглядел на часы Питера Блада.

— Без минуты половина десятого, Сэм.

— Сдохнуть можно! — проворчал Сэм. — Три часа ждать еще!

— Там, в шкафу, есть кости, — сказал Каузак. — А тут у нас найдется, что поставить на кон.

И он ткнул большим пальцем через плечо на стол, где появилась кучка разнообразных предметов, извлеченных из карманов капитана Блада: двадцать золотых монет, немного серебра, золотые часы в форме луковицы, золотая табакерка, пистолет и, наконец, булавка с крупным драгоценным камнем, которую Каузак вынул из кружевного жабо капитана. Рядом лежали шпага Блада и его серый кожаный патронташ, богато расшитый золотом.

Сэм встал, подошел к шкафу и достал оттуда кости. Он бросил их на стол и, пододвинув свой табурет к столу, сел. Монеты он разделил на две одинаковые кучки. К одной кучке прибавил шпагу и часы, к другой — пистолет, табакерку и булавку с драгоценным камнем.

Питер Блад, внимательно и настороженно следивший за ними, почти не чувствуя боли от удара по голове — так напряженно искал он в эти минуты какого-либо пути к спасению, — заговорил снова. Страх и отчаяние сжимали его сердце, но он мужественно не позволял себе в этом признаться.

— И еще одного обстоятельства ты не учел,— медленно, словно нехотя процедил он сквозь зубы.— А что, если я пожелаю дать за себя выкуп, значительно превосходящий ту сумму, которую испанский адмирал предлагает за мою голову?

Но это не произвело на них впечатления. А Каузак даже поднял его на смех.

— Tiens![1]. А ты же был уверен, что Хейтон явится сюда освободить тебя. Как же так?

И он расхохотался, а за ним и Сэм.

— Это вполне вероятно,— сказал капитан Блад.— Вполне вероятно. Но полной уверенности у меня нет. Ничего нет абсолютно верного в этом неверном мире. Даже и то, что испанец заплатит вам эти восемьдесят тысяч реалов, то есть ту сумму, в которую он, как мне сообщили, оценил мою голову. Со мной ты можешь заключить более выгодную сделку, Каузак.

Он умолк, но его острый, наблюдательный взгляд успел уловить алчный блеск, мгновенно вспыхнувший в глазах француза; успел заметить он и хмуро сдвинутые брови второго бандита. Помолчав, он продолжал:

— Ты можешь заключить со мной такую сделку, которая вознаградит тебя за все, что ты потерял у Маракайбо. Потому что за каждую тысячу реалов, обещанную адмиралом, я предлагаю тебе две.

Каузак онемел с открытым ртом, выпучив глаза.

— Сто шестьдесят тысяч?— ахнул он, не скрывая своего изумления.

Но огромный кулак Сэма обрушился на шаткий стол. Сэм грубо выбранился.

— Хватит!— загремел он.— Как я договорился, так и сделаю. А не сделаю, мне несдобровать... да и тебе, Каузак, тоже. Да неужто ты, Каузак, такая курица, что поверил этому беркуту? Ведь он заклюет тебя, как только ты выпустишь его на свободу!

— Каузак знает, что я сдержу слово,— сказал Блад.— Мы с ним плавали вместе. Он знает, что мое слово ценится дороже золота даже испанцами.

— Ну и пусть. А для меня оно не имеет цены.— Сэм угрожающе приблизил к капитану Бладу свое скуластое злое лицо с тяжелыми, набрякшими веками и низким, покатым лбом.— Я пообещался доставить тебя

---

[1] Tiens! — Вон как! (фр.).

сегодня в полночь в целости и сохранности куда следует, а когда я берусь за дело, я его делаю. Понятно?

Капитан Блад посмотрел на него и, как это ни странно, широко улыбнулся.

— Ну еще бы,— сказал он.— Ваше разъяснение не оставляет места для загадок.

И он действительно так думал. Ибо теперь для него стало ясно, что это именно Сэм вошел в сделку с испанцами и не осмеливается нарушить договор, опасаясь за свою жизнь.

— Тем лучше для тебя,— заверил его Сэм.— И если не хочешь, чтобы тебе опять забили кляп в рот, так попридержи свой вонючий язык еще часика три. Уразумел?

И он снова приблизил к лицу пленника свою скуластую физиономию и уставился на него с угрозой и насмешкой.

Да, капитан Блад уразумел все. И, уразумев, перестал отчаянно цепляться за единственную соломинку, дававшую ему какой-то проблеск надежды. Он понимал, что должен сидеть здесь, беспомощный, прикрученный к стулу ремнями, и ждать, когда его передадут с рук на руки кому-то еще, кто доставит его к дону Мигелю де Эспиноса.

О том, что произойдет дальше, он старался не думать. Он знал чудовищную жестокость испанцев, и для него не составляло труда представить себе, как будет неистовствовать адмирал. Холодный пот прошиб его при одной мысли об этом. Неужто его феерическая, головокружительная карьера должна оборваться столь бесславно? Неужто ему, победителю, горделиво бороздившему воды Мэйна, суждено безвестно сгинуть, барахтаясь в грязной воде какого-нибудь трюма! Он не мог возлагать никаких надежд на поиски, уже сейчас, вероятно, предпринятые Хейтоном. Да, конечно, ребята перевернут вверх дном весь город — в этом он нисколько не сомневался. Но он не сомневался и в том, что, когда они доберутся сюда, будет уже слишком поздно. Они могут выследить этих двух предателей и жестоко отомстить им, но ему это уже не поможет.

От страстного, неистового желания вырваться на свободу в голове у него мутилось, отчаяние парализовало ум и волю. Тысяча преданных ему душой и телом людей были здесь, рядом — стоило, казалось, только крикнуть... но он был бессилен призвать их на помощь

и вскоре будет отдан во власть мстительного кастильца! Эта мысль, сколько бы он ни гнал ее от себя, настойчиво возвращалась к нему снова и снова; она стучала в висках, качалась, словно маятник, в его мозгу, мешала сосредоточиться...

А затем внезапно ему удалось овладеть собой. Мозг прояснился и заработал деятельно и четко, почти сверхъестественно четко. Питер Блад знал цену Каузаку — это был алчный, продажный прохвост, готовый предать любого ради своей корысти. И этот Сэм тоже, вероятно, не лучше, а может, даже и хуже; ведь его-то толкнула на это дело одна только жажда наживы — проклятые испанские деньги, цена его, Питера Блада, жизни. Питер Блад пришел к заключению, что он слишком рано оставил попытки перещеголять в щедрости испанского адмирала, перебить его цену. Можно еще попытаться бросить кость этим двум грязным псам, чтобы они перегрызли из-за нее друг другу глотку.

Некоторое время он молча наблюдал за ними, подмечая злобный и жадный блеск глаз, то следивших за падением костей, то поглядывавших на жалкие кучки золота, оружие и прочие предметы, от которых негодяи очистили его карманы и за обладание которыми сражались теперь, коротая время в ожидании назначенного часа за игрой в кости. А затем он услышал свой собственный голос, громко нарушивший тишину:

— Вы тут тратите время на игру из-за какого-нибудь полпенса, а стоит вам протянуть руку, и каждый из вас станет богачом.

— Ты опять за свое?— заворчал Сэм.

Но капитан Блад и ухом не повел и продолжал дальше:

— К той цене крови, которую назначил испанский адмирал, я делаю надбавку в триста двадцать тысяч. Покупаю у вас мою жизнь за четыреста тысяч реалов.

Сэм, разозлившись, вскочил было на ноги, да так и окаменел, пораженный грандиозностью названной суммы; Каузак поднялся тоже, и они стояли друг против друга по обе стороны стола, дрожа от возбуждения; ни тот, ни другой не произнес еще ни слова, но глаза их уже загорелись алчным огнем. Наконец француз нарушил молчание.

— Боже милостивый, четыреста тысяч!— Он вымолвил это медленно, с трудом ворочая языком, словно стремясь, чтобы огромная цифра проникла в его мозг

и дошла до сознания его соучастника. Он повторил: — Четыреста тысяч, по двести тысяч на каждого! Разрази меня гром! За такие денежки стоит рискнуть, а, Сэм?

— Куча денег, что и говорить, — задумчиво проговорил Сэм. Потом он вдруг опомнился: — Чума на тебя! Так ведь это слова! Кто им поверит? Попробуй освободи-ка его, как ты тогда заставишь его платить, да он...

— О нет, я заплачу, — сказал Блад. — Каузак может подтвердить, что я всегда плачу. Учтите, — добавил он помолчав, — что такая сумма, даже если ее поделить, сделает каждого из вас богачом, и вы до конца дней своих будете жить припеваючи, в полном достатке. — Он рассмеялся. — Ну же, ребята, не валяйте дурака!

Каузак облизнул пересохшие губы и поглядел на своего компаньона.

— Давай рискнем, — заискивающе пробормотал он. — Сейчас еще десяти нет, и мы до полуночи успеем удрать так далеко, что испанцам нас ни в жизнь не догнать.

Но переубедить Сэма было нелегко. Он размышлял. И хотя приманка была велика, Сэм никак не мог решиться принять это соблазнительное предложение, ибо ему мерещилась в нем двойная опасность. Связавшись с испанцами, он теперь боялся отступиться от них: ему казалось, что тогда его неминуемо ждет гибель либо от руки разъяренных испанцев, которых он предаст, либо от руки самого Блада, который, если его освободить, конечно, ничего им не простит. Так лучше уж без особого риска взять верные сорок тысяч, чем гоняться за какими-то призрачными сотнями тысяч, раз это к тому же сопряжено с такой опасностью.

— Не бывать этому, и все! — сердито закричал он. — А ты, капитан, заткнись! Я, кажется, тебя предупреждал.

— А, черт! — хрипло выругался Каузак. — А я говорю, что стоит рискнуть! Стоит!

— Ты говоришь? А ты-то чем рискуешь? Испанцы даже не знают, что ты ввязался в это дело. Тебе легко, приятель, говорить «стоит рискнуть!», когда тебе и рисковать-то не придется. Вот мне — другое дело. Если я надую испанца, он сразу смекнет, чем тут пахнет. Да что толковать! Я дал слово, а я своему слову хозяин. И хватит об этом.

Решительный, свирепый, он стоял напротив Каузака по другую сторону стола, и Каузак, хмуро глянув на

тощее непреклонное лицо, вздохнул с досадой и снова опустился на табурет.

Блад ясно видел, что в душе француза клокочет злоба. Несмотря на мстительную ненависть, которую этот корыстный мошенник питал к Бладу, завладеть деньгами своего врага было для него соблазнительнее, чем лишать его жизни, и нетрудно было догадаться, какую досаду испытывает он, видя, что возможность крупной наживы уплывает у него из-под носа только потому, что для его компаньона это сопряжено с риском.

Некоторое время эта достойная парочка хранила молчание. Молчал и Блад, считая, что ему пока не следует ничего добавлять к уже сказанному, так как сейчас это не принесет плодов. Вместе с тем он все же испытывал некоторое удовлетворение, видя, что ему удалось посеять рознь между компаньонами.

Когда же он наконец заговорил, нарушив нависшее в комнате угрюмое молчание, его слова, казалось, имели мало связи со всем предыдущим.

— Хотя вы, по-видимому, твердо решили продать меня испанцам, это еще отнюдь не причина, чтобы я умирал тут у вас от жажды. В горле у меня пересохло, как в солончаковой пустыне, ей-богу.

И хотя мучившая его жажда служила для него лишь предлогом, чтобы достичь своей цели, тем не менее она была отнюдь не притворной, и надо сказать, что его тюремщики так же сильно от нее страдали. Воздух в этой комнате с запертыми наглухо дверями и окнами был нестерпимо удушлив. Сэм провел рукой по влажному лбу и стряхнул капельки пота.

— Дьявол! Ну и жарища! — пробормотал он.— Мне тоже пить охота.

Каузак облизнул воспаленные губы.

— А здесь в доме нет ничего? — спросил он.

— Нету. Да тут до таверны два шага.— Сэм поднялся со стула.— Пойду принесу кувшин вина.

Душа Питера Блада снова взмыла ввысь на крыльях надежды. Произошло именно то, чего он добивался. Зная пристрастие этих подонков к бутылке, он рассчитывал, что разговор о жажде легко повлечет за собой желание ее удовлетворить, а это, в свою очередь, приведет к тому, что один из них отправится за вином, и, если повезет, это будет Сэм. А уж с Каузаком-то он

договорится в два счета — в этом капитан Блад не сомневался.

И тут этот кретин Каузак проявил излишнее нетерпение и тем испортил все дело. Он тоже вскочил на ноги.

— Кувшин вина! Вот это дело! — заорал он.— Давай ступай скорей! Я сам прямо помираю — так в глотке пересохло.

Голос его задрожал от волнения, и ухо Сэма сразу уловило эту нетерпеливую дрожь. Он приостановился, внимательно вгляделся в своего компаньона и как в открытой книге прочел на лице этого мелкого жулика все его коварные намерения.

Губы его скривились в усмешке.

— Я что-то передумал,— медленно произнес он.— Лучше уж ты ступай, а я здесь покараулю.

У Каузака отвалилась челюсть; он даже побледнел. И капитан Блад уже в третий раз проклял в душе его непроходимую глупость.

— Ты что — не доверяешь мне? — проворчал Каузак.

— Да нет... Не то чтобы...— последовал уклончивый ответ.— Только уж лучше я останусь.

Тут Каузак и в самом деле рассвирепел:

— Ах, так! Да пошел ты к дьяволу! Если ты мне не доверяешь, так я тебе тоже не доверяю.

— А тебе незачем мне доверять. Ты знаешь, что меня его посулы не соблазняют. Значит, мне его и сторожить.

Минуты две эти гнусные союзники молча сверлили друг друга взглядом и только сопели сердито. Затем Каузак угрюмо отвел глаза в сторону, пожал плечами и отвернулся, словно поневоле признавая, что против доводов Сэма не поспоришь. Он постоял еще немного, прищурившись, о чем-то размышляя. И, как видно приняв внезапно какое-то решение, произнес:

— Да ладно, пойду! — повернулся и быстро вышел из комнаты.

Когда дверь за французом захлопнулась, Сэм опустился на табурет, Блад прислушивался к быстро удаляющимся шагам, пока они не замерли вдали. И неожиданно громко расхохотался, заставив вздрогнуть своего стража.

Сэм подозрительно на него поглядел:

— Что это тебя так разбирает, капитан?

Блад, как мы знаем, предпочел бы иметь дело с Каузаком. С тем он мог действовать наверняка. Добиться чего-нибудь от Сэма представлялось маловероятным, ибо он явно боялся испанцев как огня. И тем не менее испробовать надо было все, любую, самую ничтожную возможность.

— Меня забавляет твоя беспечность,— отвечал капитан Блад. — Сторожить меня ты ему не доверил, а за вином отпустил...

— Так что ж за беда?

— А если он вернется не один? — загадочно проронил капитан Блад.

— Чума на него! — вскричал Сэм.— Пусть он только попробует со мной такие шутки шутить, пристрелю, как собаку! Я с этими шутками не церемонюсь.

— Тебе так и так нужно от него избавиться, Сэм. Это же мерзавец и предатель, мне ли его не знать. Ты ему стал сегодня поперек дороги, и он тебе этого не забудет. Сам бы мог понять — ты же видишь, как он предал меня. Да только ты все равно ничего не понимаешь. У тебя есть глаза, Сэм, но ты видишь не больше, чем слепой щенок. И голова у тебя вроде есть, но ее вполне могла бы заменить и тыква, иначе ты не стал бы колебаться между испанцем и мной.

— А, ты опять про это!

— Да, разумеется. Предлагаю тебе четыреста тысяч и ручаюсь честью, что не буду помнить зла и мстить тебе. Даже Каузак пытался тебе втолковать, что моему слову можно верить, — он-то не колебался принять мое предложение.

Питер Блад умолк. Бандит-охотник молча смотрел на него, размышляя. Лицо у него посерело от волнения, пот крупными каплями выступил на лбу.

— Четыреста тысяч, говоришь?— прохрипел он наконец.

— Ну, а то как же? Зачем тебе делиться с этим французом? Думаешь, он стал бы делиться с тобой? Он бы, уж конечно, постарался всадить тебе нож в спину, а все денежки положить себе в карман. Ну же, Сэм, смелей, не упусти своего счастья! К дьяволу испанцев! Чего ты их боишься! Ты боишься каких-то призраков. Я защищу тебя от них! На борту моего флагманского корабля ты будешь в полной безопасности.

Сэм оживился: глаза его сверкнули, но тут же потухли снова, затуманенные тревогой.

— Четыреста тысяч... Да больно уж риск велик...

— Да какой же риск — ровным счетом никакого,— сказал капитан Блад.— Вполовину меньше риска, чем продавать меня испанцам. Ведь рано или поздно эта сделка выйдет наружу, и тогда, приятель, тебе живым из Тортуги не уйти. И даже если ты отсюда улизнешь, мои ребята разыщут тебя и на дне морском.

— Да откуда они про меня узнают?

— Найдется кто-нибудь, кто им донесет,— так всегда бывает. Дурак ты был, что взялся за это дело, и дважды дурак, что связался с Каузаком, он же повсюду кричал, что рассчитается со мной. Так на кого же в первую очередь падет подозрение, как не на него? И как только его схватят — а уж схватят его как пить дать! — он тут же выдаст тебя, можешь не сомневаться.

— Провалиться мне, а ведь ты верно говоришь! — вскричал Сэм, когда все эти соображения, совсем не приходившие ему на ум, проникли наконец в его сознание.

— И все остальное, что я тебе говорю, тоже верно, Сэм, уж ты не сомневайся.

— Постой, дай мне подумать.

Питер Блад и на этот раз почел за лучшее ограничиться сказанным. Пока что в этом разговоре с Сэмом он достиг такого успеха, на который даже не смел надеяться. Сомнение в душе Сэма посеяно — оставалось ждать, чтобы оно дало всходы.

Минуты бежали. Сэм, положив локти на стол, опустив голову на скрещенные руки, сидел неподвижно, погруженный в свои думы. Когда он наконец поднял голову, Питер Блад при желтоватом свете лампы заметил, как побледнело его блестевшее от пота лицо. «Как глубоко проник в душу Сэма влитый по капле яд?» — думал пленник. Внезапно Сэм вытащил из-за пояса пистолет и обследовал затравку. Питеру Бладу эти его действия показались довольно зловещими, и особенно потому, что Сэм не сунул пистолета обратно за пояс. Он продолжал возиться с пистолетом; изжелта-серое лицо его было мрачно, губы твердо сжаты.

— Сэм,— негромко окликнул его капитан Блад.— Ну, что ты надумал?

— Я не дам этому ублюдку одурачить меня.

— А дальше что?

— А дальше там видно будет.

Питер Блад с трудом подавил в себе желание подстрекнуть этого дубину еще раз.

В полном молчании, нарушаемом лишь тиканьем часов Питера Блада, лежавших на столе, время тянулось бесконечно. Наконец где-то далеко в переулке послышался звук шагов. Шаги приближались, звучали все громче, дверь распахнулась, и на пороге возник Каузак с большим черным бурдюком вина в руках.

Сэм уже вскочил на ноги, правую руку он держал за спиной.

— Куда это ты провалился? — проворчал он.— Почему так долго?

Каузак был бледен и запыхался, словно бежал бегом. Мозг Питера Блада, работавший в эти минуты с поразительной точностью, мгновенно отметил, что Каузак и не думал бежать. В чем же причина его состояния? Видимо, оно являлось следствием волнения или страха.

— Я торопился,— сказал француз,— да уж больно пить захотелось. Задержался малость, чтобы прополоскать глотку. Вот твое вино.

Он плюхнул бурдюк на стол.

И в то же мгновение Сэм почти в упор выстрелил ему прямо в сердце.

Картина, которая предстала взору Питера Блада в клубах ядовитого дыма, заставившего его закашляться, запечатлелась в его памяти на всю жизнь. Каузак лежал на полу ничком, тело его судорожно подергивалось, а Сэм, перегнувшись через стол, смотрел на него, и на тощем лице его играла хищная усмешка.

— Я с тобой, французская скотина, не желаю попадать впросак,— дал он свое запоздалое объяснение, словно убитый мог еще его слышать.

Затем он положил пистолет и потянулся к бурдюку. Запрокинув голову, он вылил изрядное количество вина в свою пересохшую глотку. Громко чмокнул, облизнул губы, опустил бурдюк на стол и скорчил гримасу, словно почувствовав во рту горький привкус. Внезапно страшная догадка сверкнула в его мозгу, и в глазах отразился испуг. Он снова схватил бурдюк и понюхал вино, громко, точно собака, втягивая ноздрями воздух. Лицо его посерело, расширенными от ужаса глазами он уставился на Питера Блада и сдавленным голосом выкрикнул одно-единственное слово:

— Манзанилла!

Схватив бурдюк, он швырнул его в распростертое на полу мертвое тело, изрыгая чудовищную брань.

А в следующее мгновение он уже скорчился от боли, схватившись руками за живот. Забыв о Бладе, обо всем, кроме сжигавшего его внутренности огня, он собрал последние силы, бросился к двери и пинком распахнул ее.

Это усилие, казалось, удесятерило его муки. Страшная судорога согнула его тело пополам, так что колени почти уперлись в грудь, и сыпавшаяся с его языка брань перешла в нечленораздельный, звериный вой. Наконец он рухнул на пол и лежал, обезумев от боли, извиваясь как червяк.

Питер Блад угрюмо смотрел на него. Он был потрясен, но не озадачен. К этой загадке, собственно, не требовалось подбирать ключа — единственное членораздельное слово, произнесенное Сэмом, полностью проливало на нее свет.

Едва ли еще когда-нибудь возмездие столь своевременно и быстро настигало двух преступных негодяев. Каузак подбавил в вино сок ядовитого яблока, раздобыть который ничего не стоило на Тортуге. Желая отделаться от своего компаньона, чтобы ударить по рукам с капитаном Бладом и забрать себе весь выкуп, он отравил сообщника в ту минуту, когда сам уже пал от его руки.

Острый ум капитана Блада выручил его и на этот раз из беды, однако в известной мере он должен был благодарить за избавление от смерти и свою счастливую звезду.

Корчившийся на полу человек мало-помалу затих. Теперь он лежал совершенно неподвижно на пороге распахнутой двери.

Капитан Блад, безуспешно пытавшийся порвать путы, чтобы оказать ему помощь, услышал стук в дверь, ведущую в альков; тут он вспомнил о женщине, бессознательно завлекшей его в эту западню. Как видно, звук выстрела и вопли Сэма побудили ее к действию.

— Постарайтесь выломать дверь! — крикнул ей капитан Блад.— Здесь теперь никого нет, кроме меня.

Жидкая дощатая дверь быстро поддалась, когда женщина налегла на нее плечом. Растрепанная, с одичалым взором, она ворвалась в комнату и, взвизгнув,

приросла к месту при виде представшей ее глазам картины.

— Перестань визжать, голубушка! — резко прикрикнул на нее Блад, чтобы сразу привести ее в чувство. — Тебе нечего их теперь страшиться. Они не больше могут причинить тебе вреда, чем эти табуретки. Мертвецы еще никому не делали зла. Вон там валяется нож. Возьми и разрежь эти чертовы ремни.

Через минуту он был уже на ногах и отряхивал свой помятый плюмаж. Потом взял шпагу, пистолет, часы и табакерку. Золотые монеты он сгреб в одну небольшую кучку на столе и присоединил к ним булавку с драгоценным камнем.

— Буду рад, если это поможет тебе вернуться на родину, — сказал он женщине. — Ведь где-нибудь то родина у тебя есть?

Женщина разрыдалась. Капитан Блад взял шляпу, поднял валявшуюся на полу трость и, пожелав женщине доброй ночи, вышел из хибарки.

Десять минут спустя он столкнулся на молу с возбужденной толпой корсаров с горящими факелами в руках. Это была поисковая партия, которую Хагторп и Волверстон отрядили прочесать город. Единственный глаз Волверстона яростно сверкнул при виде капитана Блада.

— Где ты околачиваешься, дьявол тебя раздери? — спросил Волверстон.

— Пытался выяснить, приносят ли счастье деньги, полученные ценой предательства, — отвечал капитан Блад.

УДАЧИ КАПИТАНА БЛАДА

САМОЗВАНЕЦ

I

Быстрота, как известно, во все времена являлась одним из решающих факторов успеха в военных действиях на суше и на море. Это хорошо усвоил капитан Блад, большинство операций которого были так же внезапны, как нападение ястреба на добычу.

Находясь в зените славы,Блад действовал настолько мобильно, что испанцы искренне верили в его контакты с сатаной, утверждая, что только человек, продавший душу дьяволу, может так побеждать время.

Искренне забавляясь доходившими до него слухами о сверхъестественном могуществе, которым наделяли его суеверные испанцы, Блад старался по возможности обращать эти слухи себе на пользу, внушая еще больший страх своим врагам. Но когда вскоре после захвата в Сан-Доминго «Марии Глориосы» — мощного флагманского корабля эскадры адмирала испанского военно-морского флота в Карибском море маркиза Риконете — капитан услышал обстоятельный рассказ о том, как он на следующее утро после выхода из Сан-Доминго напал на Картахену[1], находящуюся на расстоянии двухсот миль, то это навело его на мысль, что одна-две фантастические истории о его похождениях, дошедшие до него за последнее время, могли иметь более существенное основание, нежели простое суеверие.

В придорожной таверне в Кристианстаде[2], на острове Сен-Круа, куда «Мария Глориоса» (кощунственно переименованная в «Андалузскую девчонку») зашла за дровами и водой, Блад случайно услышал повествование об ужасах, которые вытворяли он и его команда во время рейда на Картахену.

Блад забрел в эту таверну, разгуливая по городу без определенной цели, что было одной из его излюбленных привычек. В таких прибежищах моряков со всего света

---

[1] *Картахена* — портовый город на территории нынешней Колумбии, в то время принадлежавший Испании.

[2] *Кристианстад* — город на острове Сен-Круа (Санта-Крус) — одном из Виргинских островов, принадлежавшем сначала Голландии, затем Франции.

всегда можно было почерпнуть полезные сведения. Ему не в первый раз случалось обзаводиться информацией о самом себе, однако никогда еще она не носила такого необычного характера.

Рассказчиком был крупный рыжеволосый и краснолицый голландец, владелец торгового судна с берегов Шельды, по имени Клаус, со смаком описывающий грабежи, насилия, избиения, а также убийство двух городских коммерсантов — членов Французской Вест-Индской компании.

Блад без приглашения затесался в эту группу, намереваясь узнать побольше. Его присутствие было встречено с радушием, вызванным как элегантностью костюма, так и спокойной, властной манерой держаться.

— Мое почтение, господа. — По-французски капитан Блад говорил не так бегло, как по-испански, чему способствовали два года, проведенные в тюрьме севильской инквизиции, но все же достаточно уверенно. Без лишних церемоний усевшись на табуретку, он постучал по грязному сосновому столу, подзывая трактирщика.

— Когда, вы сказали, это произошло?

— Десять дней назад, — ответил голландец.

— Не может быть. — Блад покачал головой, тряхнув локонами парика. — Я точно знаю, что десять дней назад капитан Блад был в Сан-Доминго. Кроме того, вряд ли он мог поступать так злодейски, как вы описывали.

Клаус, неотесаный субъект, чей характер был под стать цвету его волос и физиономии, выслушал опровержение без особого восторга.

— Пираты есть пираты. Все они друг друга стоят. — И, как бы демонстрируя свое отвращение, он плюнул на посыпанный песком пол.

— На эту тему я не стану с вами спорить. Но так как мне точно известно, что десять дней назад капитан Блад был в Сан-Доминго, то, следовательно, он не мог находиться в то же самое время в Картахене.

— Значит, вам точно известно? — ухмыльнулся голландец.— Тогда могу сообщить вам, сударь, что я слышал эту историю в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико[1] от капитана одного из двух испанских судов, бывших тогда в Картахене. Вы же не можете знать об этом лучше, чем он. Эти два галиона чудом добрались до Сан-

---

[1] Главный город острова Пуэрто-Рико.

Хуана. Проклятый пират погнался за ними, и они никогда не спаслись бы от него, если бы удачный выстрел не повредил фок-мачту корсарского корабля и не заставил его убрать парус.

Но ссылка на очевидца не произвела на Блада впечатления.

— Ба! — воскликнул он.— Испанцы ошиблись — вот и все!

Торговцы недружелюбно взглянули в сторону вновь прибывшего, в голубых глазах которого, ярко блестевших под черными бровями на смуглом лице, светилось холодное презрение. Своевременное появление трактирщика прервало спор, и Блад смягчил растущее раздражение собеседника, предложив голландцу, редко употреблявшему что-либо, кроме рома, распить с ним бутылку превосходного канарского вина.

— Здесь не могло быть ошибки, сударь,— настаивал Клаус.— «Арабеллу», большой красный корабль Блада, нельзя не узнать.

— Если испанский капитан сказал вам, что за ними гналась «Арабелла», то он солгал. Ибо я точно знаю, что «Арабелла» сейчас ремонтируется на Тортуге.

— Вы слишком много знаете,— не без сарказма заметил голландец.

— Я всегда хорошо информирован,— последовал вежливый ответ.— Это приносит много пользы.

— Да, если сведения верные. Но на этот раз вы здорово дали маху. Поверьте, сударь, капитан Блад находится сейчас где-то поблизости.

— В это я охотно верю,— улыбнулся Блад.— Только я не понимаю, почему вы так думаете.

Голландец грохнул по столу своим пудовым кулаком.

— Разве я не говорил вам, что где-то неподалеку от Пуэрто-Рико он повредил фок-мачту в бою с этими испанцами? Теперь он, безусловно, стал на ремонт на одном из соседних островов.

— Гораздо более вероятно, что ваши испанцы, панически боясь капитана Блада, готовы видеть «Арабеллу» в каждом корабле, попадающемся им навстречу.

Только вовремя поданное вино помогло голландцу вытерпеть столь упорное недоверие. Когда они выпили, он возобновил разговор об испанских кораблях. По его мнению, они все еще находились в Пуэрто-Рико и не только из-за ремонта, но и потому, что, будучи богато

нагруженными и наученными горьким опытом, они вряд ли отважутся выйти в море без конвоя.

Последние сведения всерьез заинтересовали капитана Блада, которому порядком надоело выслушивать описания его вымышленных злодейств в Картахене и сражений с испанскими галионами.

Вечером в салоне «Андалузской девчонки», роскошно отделанном шелком и бархатом, резными позолоченными панелями, сверкавшем хрусталем и серебром, свидетельствовавшими о богатстве испанского адмирала, кому корабль принадлежал до недавних пор, капитан Блад созвал военный совет. Он состоял из одноглазого гиганта Волверстона, Натаниэля Хагторпа — спокойного, добродушного джентльмена из Западной Англии и низенького штурмана Чеффинча. Всех этих людей сослали на каторгу вместе с Бладом за участие в восстании Монмута. В результате этого совета «Андалузская девчонка» в ту же ночь снялась с якоря и отчалила от Сен-Круа, появившись двумя днями позже у берега Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико.

Глядя в подзорную трубу, Блад внимательно изучал гавань, ища подтверждения рассказу голландца. Среди множества мелких судов он вскоре заметил два больших желтых тридцатипушечных галиона, сильно поврежденные подводные части которых, очевидно, ремонтировались. Следовательно, в этом мейнхеер Клаус был прав. А это было все, что Блад стремился узнать.

Действовать приходилось крайне осторожно. Кроме того, что гавань защищал весьма солидный форт, гарнизон которого, несомненно, был начеку, учитывая присутствие двух богато нагруженных кораблей, на борту «Андалузской девчонки» находилось не более восьмидесяти человек, поэтому Блад не мог произвести высадку, даже если бы его батарее удалось подавить огонь форта. Решив прибегнуть к хитрости, а не к силе, капитан Блад, спустив шлюпку, рискнул отправиться на берег в разведку.

II

Было невероятно считать, чтобы известие о захвате капитаном Бладом испанского флагманского корабля в Сан-Доминго уже достигло Пуэрто-Рико, поэтому несомненное испанское происхождение «Марии Глориосы» должно было явиться, по крайней мере на некоторый срок, надежной верительной грамотой. Проделав

осмотр в богатом гардеробе маркиза Риконете, Блад вышел одетым в костюм из фиолетовой тафты, лиловые шелковые чулки и великолепную перевязь того же цвета, расшитую серебром. Широкая черная шляпа с белым пером бросала тень на его обветренные аристократические черты лица, обрамленные локонами черного парика.

Высокий, стройный худощавый, опираясь на трость с золотым набалдашником, Блад стоял перед генерал-губернатором Пуэрто-Рико доном Себастьяном Мендесом и давал ему объяснения на безупречном кастильском наречии.

Большинство испанцев называли Блада дон Педро Сангре, давая буквальный перевод его имени[1], нередко характеризуя его как El Diablo Encarnado[2]. Соединив оба имени, Блад дерзко представился как дон Педро Энкарнадо, посланник адмирала военно-морского флота Испании в Карибском море маркиза Риконете, который не смог прибыть на берег лично, будучи прикованным к постели приступом подагры. Его превосходительство адмирал услышал от капитана голландского судна в Сен-Круа о нападении подлых пиратов на два испанских корабля, шедших из Картахены, которые нашли убежище здесь, в Сан-Хуане. Эти корабли они видели в гавани, но маркиз пожелал получить более точную информацию о случившемся.

Дон Себастьян бурно воспринял это известие. Это был высокий, полный, желтолицый человек с маленькими черными усиками над толстыми, как у африканца, губами, обладавший множеством подбородков, синеватых от бритья.

Генерал-губернатор принял дона Педро со всеми церемониями, приличествующими представителю его королевского величества, и с радушием, с которым один кастильский дворянин встречает другого. Он представил гостя своей изящной, застенчивой и все еще молодой супруге и угостил его обедом, который был подан в прохладном внутреннем дворике под тенью виноградных шпалер и сервирован неграми-рабами в ливреях под руководством чопорного мажордома-испанца.

За столом волнение, пробужденное в доне Себастьяне вопросами его гостя, разгорелось с новой силой.

---

[1] Sangre — кровь (исп.), соответствует английскому.
[2] Дьявол во плоти (исп.).

Было истинной правдой, что корабли, груженные ценностями, атаковали флибустьеры, те же самые hidos de puta[1], которые недавно превратили Картахену в ад кромешный. Свой рассказ генерал-губернатор обильно уснащал отвратительными подробностями, ничуть не заботясь о чувствах доньи Леокадии, которая не переставая дрожала и крестилась во время этого жуткого повествования.

Потрясение, испытанное Бладом, узнавшим, что подобные мерзости приписываются ему и его людям, вскоре вытеснил интерес, пробужденный сообщением, что на борту этих кораблей хранится серебра на двести тысяч фунтов, не говоря уже о перце и пряностях почти на такую же сумму.

— Вы представляете себе, какое сокровище могло попасть в руки этого дьявола Блада! Слава Богу, что галионам удалось не только ускользнуть из Картахены, но и спастись от дальнейшего преследования!

— А вы уверены, что это дело рук капитана Блада? — осведомился гость.

— В этом нет никакого сомнения. Кто бы еще осмелился на такое? Дайте мне только поймать его, и, клянусь, я сдеру с него кожу и сделаю из нее себе пару сапог!

— Себастьян, любовь моя! — вздрогнула донья Леокадия.— Как ты можешь говорить такие ужасные вещи!

— Дайте мне только поймать его!.. — свирепо повторил дон Себастьян.

— Капитан Блад, возможно, находится гораздо ближе, чем вы предполагаете,— любезно улыбнулся дон Педро.— Поэтому в вашем желании нет ничего неосуществимого.

— Молю Бога, чтобы это было так.— И генерал-губернатор самодовольно покрутил ус.

После обеда гость церемонно откланялся, сославшись на необходимость представить доклад адмиралу. Однако на следующее утро дон Педро явился снова, и как только лодка, доставившая его на берег, вернулась назад, белый флагманский корабль снялся с якоря и начал поднимать паруса. Подгоняемый свежеющим бризом, слегка рябившим освещенную солнцем фиолетовую гладь моря, галион неторопливо двигался на

---

[1] Шлюхины отродья (исп.).

восток, вдоль полуострова, на котором был расположен Сан-Хуан.

Вчерашний вечер Блад потратил на занятия каллиграфией, пользуясь при этом адмиральским несессером с письменными принадлежностями, где хранились печать маркиза и листы пергамента, увенчанные испанским гербом. Результатом этой деятельности явился внушительный документ, который Блад положил перед доном Себастьяном, дав ему соответствующие объяснения.

— Ваша уверенность в том, что капитан Блад находится в этих водах, навела адмирала на мысль поохотиться за ним. Его превосходительство велел мне оставаться здесь в его отсутствие.

Генерал-губернатор внимательно изучил пергамент, украшенный красной печатью с гербом маркиза Рикопете. В послании дону Себастьяну предписывалось передать дону Педро Энкарнадо командование всеми вооруженными силами Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, фортом Санто-Антонио и его гарнизоном.

Вряд ли следовало ожидать, что дон Себастьян безропотно подчинится этому распоряжению. Прочитав письмо, он нахмурился и надул толстые губы.

— Не понимаю,— заявил губернатор.— Полковник Варгас, командующий фортом под моим руководством, опытный и знающий офицер. Кроме того,— внезапно ощетинился он,— я считал, что назначение офицеров входит в мои обязанности как генерал-губернатора Пуэрто-Рико.

Но капитан Блад не был расположен ссориться.

— Должен сознаться, дон Себастьян, на вашем месте — только это между нами — я бы чувствовал то же самое. Но необходимо иметь терпение. В конце концов, ведь адмиралом движет забота о безопасности кораблей с ценностями.

— Но я полагаю, что забота об их безопасности в Сан-Хуане — мое дело. Разве я не являюсь представителем короля в Пуэрто-Рико? Пусть адмирал распоряжается на море, как хочет, но на суше...

Капитан Блад прервал его, фамильярно положив ему руку на плечо.

— Мой дорогой дон Себастьян,— заговорил он, доверительно понизив голос.— Вам ли не знать причуды королевских фаворитов!

— Королевских...— Дон Себастьян с трудом пода-

вил раздражение.— Я никогда не слыхал, что маркиз Риконете — королевский фаворит.

— Любимец его величества. Это, конечно, между нами. Отсюда вся его бесцеремонность. Должен сознаться, что он злоупотребляет привязанностью короля. Вы же знаете, как кружит голову королевская милость.— Блад сделал паузу и вздохнул.— Мне очень неприятно быть орудием в этом покушении на ваши права. Но я так же беспомощен, как и вы, друг мой.

Этот монолог дал понять генерал-губернатору, что дальнейшие препирательства не повлекут за собой ничего хорошего.

Справившись с возмущением, вызванным посягательством на его власть, дон Себастьян уступил настояниям капитана Блада, утешая себя мыслью, что он по крайней мере перекладывает всю ответственность за последующие события на плечи адмирала.

В этот день, как и в два последующих, Питеру Бладу пришлось приложить весь свой такт, улаживая административные вопросы с генерал-губернатором и с полковником Варгасом, который был возмущен покушением на его должность. Но увидев, что новый комендант не собирается вмешиваться в его воинские мероприятия, полковник частично смирился с его присутствием. Тем более что, тщательно обследовав вооружение, гарнизон и боеприпасы форта, дон Педро высоко отозвался о его боеспособности и великодушно заметил, что все действия полковника заслуживают всяческой похвалы.

Дон Педро высадился на берег, чтобы принять командование в первую пятницу июня. В воскресенье утром во двор особняка генерал-губернатора ворвался молодой офицер на истощенной взмыленной лошади. Он привез дону Себастьяну, завтракавшему вместе со своей женой и временным комендантом, тревожные известия о том, что какой-то отлично вооруженный, очевидно, пиратский корабль, не имеющий флага, напал на Сан-Патрико, находящийся в пятидесяти милях от Сан-Хуана. Он начал бомбардировать поселок, правда, не причинив ему вреда, не осмеливаясь войти в зону досягаемости пушек форта. К сожалению, боеприпасы в форте на исходе, и там нет достаточного количества людей, чтобы воспрепятствовать высадке.

Изумление дона Себастьяна было так велико, что даже пересилило его тревогу.

— Какого дьявола понадобилось пиратам в Сан-

Патрико? Ведь там ничего нет, кроме сахарного тростника и кукурузы.

— Думаю, что я могу ответить на этот вопрос,— сказал капитан Блад.— Сан-Патрико — это черный ход в Сан-Хуан, к кораблям с ценностями.

— Черный ход?

— Ну да. Пираты не осмелились предпринять прямую атаку на хорошо вооруженный форт Санто-Антонио; они надеются добраться сюда по суше из Сан-Патрико и напасть на вас с тыла.

Стратегический талант дона Педро произвел глубокое впечатление на генерал-губернатора.

— Клянусь всеми святыми, вы правы! — Дон Себастьян встал из-за стола, заявляя, что он сейчас же отдаст необходимые распоряжения, отпустил офицера отдохнуть и подкрепиться и послал курьера в форт вызвать полковника Варгаса.

Шагая взад-вперед по длинной комнате, защищенной шторами от лучей солнца, он возносил благодарности своему святому патрону за то, что благодаря его, губернатора, предусмотрительности, форт отлично вооружен и они в состоянии послать в Сан-Патрико порох и ядра, чтобы удержать на расстоянии этих проклятых пиратов.

Робкий взгляд доньи Леокадии, смотревшей на своего супруга, устремился на нового коменданта, когда он заговорил, воспользовавшись передышкой дона Себастьяна.

— Очень может быть, сеньор, что брать боеприпасы из Санто-Антонио будет ошибкой. Они могут понадобиться нам самим. Ведь не исключено, что пираты изменят планы, поняв, что высадка в Сан-Патрико не так легка, как они предполагали. Или же вообще может оказаться ложным выпадом, предпринятым с целью отвлечь отсюда часть ваших вооруженных сил. — Блад знал, что последнее предположение соответствует действительности, так как оно согласуется с его распоряжениями.

Дон Себастьян тупо уставился на него, поглаживая украшенной перстнями рукой синеватую челюсть.

— Это очень возможно. Боже, помоги мне! — И потерявший голову генерал-губернатор, полностью положился на изобретательность спокойного и находчивого нового коменданта, чье прибытие так оскорбило его вначале. Дон Педро моментально принял командование.

— На кораблях с ценностями я заметил множество боеприпасов. Там они совершенно бесполезны, а для оказания помощи Сан-Патрико их более чем достаточно. Мы возьмем оттуда не только порох и ядра, но и пушки и сразу же отправим их в Сан-Патрико.

— Вы намерены разоружить галионы с ценностями? — встревожился дон Себастьян.

— А какая нужда держать их вооруженными здесь, в гавани? Для защиты достаточно форта. — И Блад приступил к действиям. — Распорядитесь, пожалуйста, насчет волов и мулов, необходимых для перевозки боеприпасов. Теперь что касается людей. У вас есть двести тридцать человек в Санто-Антонио и сто двадцать на бортах галионов с ценностями. А сколько солдат в форте Сан-Патрико?

— Человек сорок-пятьдесят.

— Боже мой! А ведь если пираты намерены высадиться, то их там должно быть не менее четырехсот-пятисот человек. Значит, форт Сан-Патрико нуждается не только в оружии, но и в людях. Придется послать туда полковника Варгаса со ста пятьюдесятью солдатами из Санто-Антонио и пятьдесят человек с кораблей.

— И оставить Сан-Хуан беззащитным? — Пришедший в ужас дон Себастьян, не сдержавшись, добавил: — Вы с ума сошли!

Но на лице капитана Блада оставалось выражение полной уверенности в своих силах.

— Вовсе нет. У нас остается форт с сотней пушек, половина которых обладает значительной мощностью. Ста человек более чем достаточно, чтобы обслужить их. А чтобы вы не думали, что я толкаю вас на риск, который не намерен с вами делить, я сам остаюсь здесь и буду командовать гарнизоном.

Пришедшего Варгаса, так же, как и дона Себастьяна, ужаснуло предстоящее ослабление оборонной мощи Сан-Хуана. С презрением глядя на посланца адмирала, полковник не скрывал, что считает его невеждой в военном искусстве. Но новый комендант быстро сбил с него спесь.

— Если вы скажете мне, что мы можем противостоять высадке пиратов в Сан-Патрико, имея в своем распоряжении менее трехсот человек, значит, вы еще не окончательно освоили собственную профессию. И как бы то ни было, — добавил он, вставая и тем самым давая понять, что дискуссия окончена, — сейчас я имею

честь здесь командовать, и вся ответственность ложится на меня.

Полковник Варгас сухо поклонился, закусив губу, а генерал-губернатор в который раз вознес про себя благодарственную молитву небесам за то, что у него есть адмиральский пергамент, позволяющий ему свалить всю ответственность за возможные последствия этой авантюры на дона Педро.

Несмотря на колокольный звон собора, созывающий верующих на обедню, и на приближающийся полуденный зной, отряд под командованием полковника Варгаса выступил из Сан-Хуана, так как дело не терпело отлагательства. Полковник ехал во главе колонны, за ним следовал длинный поезд из мулов, нагруженных боеприпасами, и воловьих упряжек, тянущих за собой пушки, направляясь по дороге, ведущей через холмистую равнину в Сан-Патрико.

III

Вы, конечно, догадались, что пиратское судно, угрожавшее Сан-Патрико, было ничем иным, как «Андалузской девчонкой», некогда служившей флагманским кораблем маркизу Риконете и посланной в Сан-Патрико по распоряжению капитана Блада. Командовавшему кораблем Волверстону было приказано обстреливать маленький жалкий форт в течение сорока восьми часов. По истечении этого срока «Андалузская девчонка» должна была тихо ускользнуть под покровом ночи до прибытия подкрепления из Сан-Хуана, которое к тому времени, несомненно, будет выслано, и, кончив игру, как можно скорее нанести настоящий удар по оставшемуся сравнительно беззащитным Сан-Хуану.

Гонцы из Сан-Патрико прибыли в понедельник. Их доклад дал Бладу понять, что Волверстон в точности выполняет его инструкцию. Сообщение гласило, что ответный огонь форта вынудил пиратов соблюдать дистанцию.

Новости ободрили генерал-губернатора, убежденного, что маркиз Риконете, чей корабль находился где-то по соседству, захватит пиратов на месте преступления и немедленно уничтожит их.

— Завтра, — говорил он, — Варгас прибудет в Сан-Патрико с подкреплением, и у пиратов не останется ни малейшего шанса на высадку.

Но завтрашние события были весьма далеки от ожи-

дания дона Себастьяна. Вскоре после рассвета Сан-Хуан был разбужен грохотом пушек. Первой мыслью вскочившего с постели дона Себастьяна было, что это маркиз Риконете возвещает королевским салютом о своем возвращении. Однако непрекращающаяся канонада пробудила в нем опасения, которые перешли в ужас, когда он вышел на террасу и посмотрел в подзорную трубу на море.

Предположение капитана Блада, совершенно противоположное мыслям дона Себастьяна, было им сразу же отвергнуто. Даже если бы Волверстон покинул Сан-Патрико до полуночи, что было маловероятно, он никак бы не смог, идя против сильного западного ветра, добраться до Сан-Хуана меньше, чем за двенадцать часов. Кроме того, Волверстон никогда бы не стал так игнорировать его распоряжения.

Полуодетый капитан Блад поспешил к дону Себастьяну, чтобы выяснить у него причину этой пальбы. Выйдя на террасу, он испугался едва ли не больше, чем генерал-губернатор, ибо находящийся в полумили от берега корабль, чьи пушки бомбардировали порт, в точности походил на его «Арабеллу», оставленную им около месяца назад на Тортуге для крепгования.[1]

Блад вспомнил рассказ о его вымышленном рейде на Картахену и задал себе вопрос: неужели Питт, Дайк и другие его друзья пиратствовали в его отсутствие, сопровождая свои действия чудовищными зверствами, подобно Моргану[2] и Монбару[3]? Он не мог в это поверить, и все же перед его глазами находилось его собственное судно, окутанное облаком дыма и обстреливающее бортовыми залпами форт, стены которого, несокрушимые на вид, были выстроены из простого кирпича, что Блад с удовольствием отметил во время своего обследования.

Стоящий поблизости генерал-губернатор, призывая всех святых и всех демонов ада, отчаянно проклинал этого дьявола во плоти, капитана Блада.

Между тем дьявол во плоти молча стоял с доном

---

[1] *Кренгование* — наклон судна на бок на отмели для очистки и ремонта днища.

[2] *Морган Генри* (1635—1688) — знаменитый английский корсар, впоследствии губернатор Ямайки. Некоторые факты его биографии послужили основой приключений капитана Блада.

[3] *Монбар*, прозванный испанцами Истребителем,— французский пират.

Себастьяном, не обращая никакого внимания на его проклятья. Защищаясь ладонью от лучей утреннего солнца, он пристально изучал очертания красного корабля — от золоченого носа до высокой кормы. Это была «Арабелла» и в то же время не «Арабелла». Блад не видел конкретных различий, но чувствовал, что они есть.

В это время огромный корабль развернулся бортом, делая поворот оверштаг, и Бладу удалось заметить, что на нем на четыре пушки меньше, чем на «Арабелле».

— Это не капитан Блад, — заявил он.

— Не капитан Блад? Вы еще скажете, что я не Себастьян Мендес! Разве этот корабль не «Арабелла»?

— Это не «Арабелла».

Дон Себастьян, бросив на Блада презрительный взгляд, протянул ему подзорную трубу.

— Прочтите название на кормовом подзоре.[1]

Блад приложил трубу к глазу. Корабль разворачивался, намереваясь ввести в действие орудия правого борта, и его корма находилась целиком в поле зрения. Прочитанное Бладом название «Арабелла», написанное золотыми буквами, вновь привело его в замешательство.

— Не понимаю, — сказал он. Но очередной залп, сокрушивший еще несколько тонн кирпичной кладки стен форта, заставил его умолкнуть. После этого пушки форта наконец заговорили. Их залпы были отнюдь не всегда меткими, но по крайней мере они вынудили нападающий корабль держаться на расстоянии.

— Слава тебе, Господи! Проснулись все-таки! — ядовито заметил дон Себастьян.

Блад удалился в поисках своих сапог, приказав перепуганным слугам оседлать ему коня.

Когда пять минут спустя, обутый, но все еще небрежно одетый капитан продевал ногу в стремя, генерал-губернатор накинулся на него.

— Это вы виноваты! — бушевал он. — Вы и ваш драгоценный адмирал! Ваши идиотские мероприятия сделали нас беспомощными! Но я надеюсь, что вы еще ответите за это!

— Я тоже на это надеюсь и думаю, что этот разбойник, кто бы он ни был, разделяет наши надежды, — процедил сквозь зубы капитан Блад, рассерженный не менее, чем дон Себастьян, хотя и выражающий свои чувства не столь громогласно, ибо он теперь на соб-

---

[1] *Кормовой подзор* — участок кормы, нависающий над водой.

ственном опыте убедился, каково попадать в расставленную самим собой ловушку и какие чувства при этом испытываешь. Блад приложил столько усилий, чтобы разоружить Сан-Хуан, что в результате неизвестному пирату ничего не стоило украсть у него из-под носа добычу, за которой он охотился. Личность таинственного корсара все еще оставалась загадкой, но Блад сильно подозревал, что название «Арабелла» было не просто совпадением, и не сомневался, что хозяин этого красного корабля и есть виновник тех ужасов в Картахене, которые приписывались ему самому.

Как бы то ни было, теперь требовалось срочно сорвать планы этого незваного гостя. И по странной иронии судьбы Блад скакал во весь опор, чтобы организовать защиту испанского поселения от нападения пиратов, то есть пустился в предприятие, ставшее почти безнадежным благодаря его собственным стараниям.

Крепость он застал в совершенно отчаянном положении. Половина орудий уже вышла из строя, разбитая грудами камней. Из сотни людей, оставленных в гарнизоне, десять было убито, а тридцать — искалечено.

Остальные шестьдесят солдат были твердыми и решительными людьми — украшением испанской пехоты, — но их сковывала бездарность командующего фортом молодого офицера.

Капитан Блад появился как раз в тот момент, когда очередной бортовой залп снес ярдов двадцать крепостной стены. Во дворе, задыхаясь от пыли и едкого порохового дыма, он сразу же набросился на офицера, который выбежал ему навстречу.

— Вы намерены торчать здесь до тех пор, пока не будете погребены под обломками вместе с вашими пушками?

Обозлившийся капитан Аранья выпятил грудь.

— В таком случае мы умрем на нашем посту, сеньор, расплачиваясь за ваши заблуждения.

— Это может сделать любой дурак. Но если бы у вас было столько же ума, сколько наглости, то вы бы постарались спасти несколько пушек. Они вскоре понадобятся. Оттащите двадцать пушек в это укрытие и оставьте их там. — И Блад указал на заросли красного перца, находящиеся на расстоянии полумили по направлению к городу. — Оставьте мне двенадцать человек, чтобы стрелять из пушек, а всех прочих забирайте с собой. И уберите раненых из этого опасного места. Когда

доберетесь до рощи, пошлите за упряжками мулов, лошадей и волов для дальнейших перевозок. Зарядите орудия картечью. Шевелите мозгами и не теряйте времени. Кругом марш!

Хотя у капитана Араньи начисто отсутствовало воображение, у него по крайней мере хватало энергии на выполнение чужих замыслов. Подавленный властностью нового коменданта и оценив здравомыслие предложенных им мер, он сразу же принялся за работу, в то время как Блад занялся батареей из десяти пушек, размещенных на южном крепостном валу и державших под обстрелом залив. Двенадцать солдат, пробужденных им от апатии и воодушевленных его презрением к опасности, выполняли его распоряжения спокойно и быстро.

Пиратский корабль, разрядив орудия правого борта, начал разворачиваться, чтобы привести в действие батарею левого борта. Использовав передышку, Блад, рассчитав как можно точнее место, с которого корсары произведут следующий залп, переходил от пушки к пушке, собственноручно заряжая каждую. Едва он успел зарядить последнее орудие, как пираты, осуществив свой маневр, повернулись к крепости левым бортом. Выхватив из рук мушкетера брызжущий запальный фитиль, Блад немедленно выпалил по корсарскому судну. Если выстрел и не оправдал всех его надежд, все же он был достаточно метким. Бушприт[1] корабля разнесло вдребезги. Вздрогнув, судно слегка накренилось, и в тот же момент прозвучал ответный залп пиратов. Но, вследствие крена, ядра пролетели над фортом, не причинив ему никакого вреда, и зарылись в землю далеко позади.

— Огонь! — скомандовал Блад, и тотчас грянул залп остальных девяти пушек.

Корма корсарского корабля представляла собой сомнительную мишень, и Блад почти не надеялся ни на что, кроме чисто морального эффекта. Но удача снова улыбнулась ему, и, хотя восемь зарядов угодили в воду, девятый точно нашел свою цель, врезавшись в полуют.

— Viva[2] дон Педро! — воскликнули испанцы, сразу же воспрянув духом от первого, хотя и незначительного успеха, и, улыбаясь, бросились перезаряжать пушки.

Но теперь спешить было незачем. Пиратам требова-

---

[1] *Бушприт* — наклонное рангоутное дерево в носовой части.

[2] Да здравствует... (исп.).

лось убрать обломки бушприта, и прошел целый час, прежде чем они, горя жаждой мести, возобновили военные действия, пойдя в крутой бейдевинд[1] против бриза.

Во время этой передышки Аранье удалось дотащить орудия до рощи, находящейся в миле от форта. Блад мог отступить и присоединиться к нему. Но, осмелев после первых удач, он остался на месте, продолжая артиллерийскую дуэль. Однако на сей раз ядра батареи форта не достигали цели, а мощный бортовой залп орудий красного корабля проделал еще одну солидную брешь в крепостной стене. После этого, справедливо рассудив, что в форте осталось очень мало пушек, да и те сейчас не заряжены, пираты, взбешенные упорством испанцев, подошли ближе и, сделав поворот оверштаг, произвели очередной залп.

В результате этого раздался взрыв, заставивший дрогнуть даже дома в Сан-Хуане.

Блад почувствовал, что какая-то неведомая сила подняла его в воздух и с силой швырнула вниз. Полуоглушенный, он лежал на земле, вокруг него падал ливень каменных осколков, а стены форта с грохотом рухнули, превратившись в бесформенную груду развалин.

Выстрел пиратов взорвал пороховой склад, что привело к уничтожению форта.

Блад выкарабкался из-под обломков щебня и, откашливаясь от пыли, забившей горло, постарался оценить создавшуюся ситуацию. Во время падения он сильно ушиб бедро, но так как боль постепенно стихала, то там, очевидно, не было серьезных повреждений. Все еще не вполне пришедший в себя, Блад наконец смог подняться на ноги. Его дрожащие руки кровоточили, но кости были целы. Однако не многие так дешево отделались. Из двенадцати солдат, оставшихся с Бладом, только пятеро не пострадали от взрыва, шестой жалобно стонал, лежа со сломанным бедром, а седьмой тщетно пытался вправить вывихнутое плечо. Остальные пятеро погибли и были похоронены под развалинами.

Приведя в порядок парик, Блад с трудом собрался с мыслями и пришел к выводу, что больше незачем задерживаться на этой груде обломков, которая еще недавно была фортом. Пятерым уцелевшим солдатам

---

[1] *Крутой бейдевинд* — курс парусного корабля, при котором ветер дует под самым острым углом.

он велел отнести двух раненых в рощу, и сам, шатаясь, поплелся вслед за ними. К тому времени, когда они добрались до убежища, пираты начали готовиться к высадке, которая должна была неизбежно последовать за уничтожением форта. На краю рощи Блад остановился, чтобы понаблюдать за их приготовлениями. Он видел, как корсары спустили пять шлюпок, которые переполненными направились к берегу, покуда красный корабль становился на якорь, прикрывая десант.

Медлить было нельзя. Блад вошел под прохладную зеленую тень, где его ожидал Аранья со своими людьми, и с радостью увидел, что пушки, о существовании которых пираты ничего не подозревали, установлены и заряжены картечью согласно его указаниям. Рассчитав, в каком месте корсары должны пристать к берегу, он велел нацелить туда орудия. В качестве мишени Блад наметил рыбачью лодку, лежащую вверх дном на берегу, в полкабельтове[1] от воды.

— Мы подождем, пока эти собаки не окажутся на одной линии с лодкой, — объяснил он Аранье, — и тогда дадим им пропуск в ад. — Чтобы сократить время, оставшееся до этого долгожданного момента, Блад продолжал читать испанскому капитану лекции на тему искусства ведения боевых действий.

— Теперь вы понимаете, какие преимущества можно извлечь из отклонения от школьных правил и привычных предрассудков. Покинув форт, который нельзя было спасти, и наскоро сымпровизировав новый, мы можем держать во власти этих головорезов. Вскоре вы увидете, как мы с ними расправимся и как наше поражение обернется победой.

У испанца не было сомнений, что все именно так и произойдет, если только не случится чего-нибудь непредвиденного. Поистине это утро оказалось весьма поучительным для капитана Араньи.

IV

Но без неприятностей не обошлось, и в этом был повинен дон Себастьян, который, к великому сожалению, не сидел сложа руки. Он не сомневался, что его долг, как генерал-губернатора Пуэрто-Рико, вооружить каждого жителя города, способного носить оружие. Не взяв на себя труд посоветоваться с доном Педро или

---

[1] *Кабельтов* — морская мера длины (185,2 метра).

хотя бы предупредить его о своих намерениях, дон Себастьян разместил эту созданную наспех армию из пятидесяти-шестидесяти человек в засаде под прикрытием белых домов, ярдах в ста от моря, готовясь бросить их против высаживающихся на берег пиратов. Таким образом он рассчитывал лишить корсарскую артиллерию возможности бомбардировать его так называемые «вооруженные силы».

Однако тактика, которой так гордился генерал-губернатор, оказалась палкой о двух концах, так как она помешала действовать не только пиратским, но и испанским пушкам, спрятанным в роще. Прежде чем Блад смог открыть огонь, он с ужасом увидел отряд пуэрториканских горожан, с пронзительными воплями ринувшихся на корсаров. В следующий момент началась всеобщая свалка, в которой разобрать, где друзья, а где враги было совершенно невозможно.

Но сумятица продолжалась недолго, так как ополченцы дона Себастьяна, разумеется, вынуждены были отступить перед взбешенными флибустьерами, несмотря на численный перевес почти вдвое. Крича и отстреливаясь, они скрылись в городе, оставив на песке несколько трупов.

Пока капитан Блад проклинал несвоевременное вмешательство дона Себастьяна, капитан Аранья рвался на помощь горожанам, но ему пришлось выслушать очередную лекцию.

— Сражения выигрываются не только благодаря героизму, но и с помощью тщательных расчетов, друг мой. На борту корабля пиратов по меньшей мере вдвое больше, чем на берегу, и теперь, в результате храбрости дона Себастьяна, они стали хозяевами положения. Если мы уступим сейчас, то на нас нападет с тыла следующий десантный отряд, и, таким образом, мы окажемся между двух огней. Поэтому нам лучше дождаться высадки следующей партии, уничтожить ее и тогда заняться мерзавцами, находящимися в городе.

Но ждать пришлось долго. В каждой из шлюпок, возвращающихся к кораблю, оставалось только по два гребца, и двигались они крайне медленно. Немало времени отняла и посадка следующего отряда, который добрался до берега почти через два часа.

К тому же на этот раз пиратам незачем было торопиться, так как все признаки указывали на то, что попытки Сан-Хуана обороняться пресечены в корне.

Спешки не последовало, даже когда килы корсарских шлюпок заскрипели об песок. Пестрая толпа пиратов не торопясь вылезла на берег. Среди них были представители самых различных слоев общества: от настоящих флибустьеров в рубахах из хлопка и широких штанах из сыромятной кожи, с яркими, но грязными шарфами на голове до идальго в кружевных камзолах и шляпах. И те, и другие были опоясаны патронташами и вооружены мушкетами и шпагами.

Командующий отрядом корсар в алом камзоле с грязными кружевными манжетами выстроил полсотни пиратов на берегу по военному образцу и, взмахнув шпагой, дал команду выступать.

Корсары маршировали сомкнутой колонной, громогласно вопя какую-то воинственную песню и с явным удовольствием смакуя непристойный текст. В это время сидящие в роще канониры, держа в руках запальные шнуры, не отрывали глаз от капитана Блада, который внимательно наблюдал за пиратами, подняв правую руку. Наконец колонна оказалась на одной линии с лодкой, служившей испанцам мишенью. Блад махнул рукой, и пять пушек выпалили одновременно.

Град картечи в момент уничтожил шагавших впереди корсаров, включая главаря в красном камзоле. Остальные от неожиданности застыли как вкопанные. Воспользовавшись их замешательством, Блад поспешил дважды повторить залп, в результате чего почти все пираты свалились на песок, кто корчась в судорогах, а кто — лежа неподвижно. Полдюжины человек, чудом оставшихся целыми и невредимыми, не осмеливаясь вернуться к пустовавшим лодкам, старались найти убежище в городе, ползя на животе, чтобы не попасть под очередной залп. Капитан Блад улыбнулся, увидев расширенные от восторга глаза капитана Араньи.

— Теперь мы можем выступать без всяких опасений, капитан, — заговорил Блад, продолжая пополнять воинское образование достойного испанского офицера, — так как мы обезопасили наш тыл от нападения. Как вы, должно быть, заметили, пираты весьма опрометчиво использовали для высадки все свои шлюпки. Так что оставшимся на корабле до берега не так-то легко добраться.

— Но у них есть пушки, — возразил Аранья. — Что, если они из мести откроют огонь по городу?

— В котором находится их первый десантный отряд

во главе с капитаном? Маловероятно. Все же на всякий случай мы оставим двадцать человек здесь, около пушек. Если пираты на корабле, отчаявшись, потеряют голову, то залпа два быстро приведут их в чувство.

Выполнив распоряжение Блада, пятьдесят испанских мушкетеров, незаметно для пиратов, переживших уничтожение форта, беглым шагом направились по направлению к городу.

V

Пиратский капитан, чье имя не пережило его, был квалифицирован Бладом как самодовольный идиот, который, как и все дураки, слишком многое считал не требующим доказательств. Будь он немного поумнее, он взял бы на себя труд убедиться, что уничтоженные им солдаты форта и горожане-ополченцы составляют все вооруженные силы Сан-Хуана.

Непомерная алчность, несомненно, толкнула корсаров на эту безрассудную высадку. Капитан лже-«Арабеллы» казался Бладу похожим на бездарного вора, сгребающего крошки во время пиршества. Имея под носом два корабля с сокровищами, за которыми они гнались из Картахены через все Карибское море, было непростительной тупостью не попытаться сразу же завладеть ими. Видя, что на галионах с ценностями не выстрелила ни одна пушка, этот болван должен был сообразить, что экипаж находится на берегу, а если он вовсе не был способен соображать, то можно было заглянуть в подзорную трубу, чтобы в этом убедиться.

Но рассуждения Блада были не совсем справедливы. Возможно, именно уверенность в том, что корабли пустуют и могут быть легко захвачены, побудила капитана позволить своим людям удовлетворить их ненасытную жадность разграблением города. К тому же города Новой Испании часто изобиловали сокровищами, а у губернатора могла храниться королевская казна.

Только такое искушение могло толкнуть пиратского капитана на грабеж Картахены, в то время как корабли с ценностями успели выйти в море. Очевидно, картахенская неудача не напомнила ему о пословице «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», и в Сан-Хуане он применял те же сомнительные методы, сопровождая их такими же безобразиями, которыми он позорил в Картахене (в этом Блад был теперь твердо

уверен) нагло присвоенное им имя прославленного вождя флибустьеров.

Я не стану утверждать, что действия капитана Блада не были результатом гнева на незваного гостя, пытавшегося выхватить у него из-под носа добычу, ради которой он столько трудился, но у меня нет ни малейшего сомнения, что его беспощадность была вызвана возмущением бессовестным самозванством в Картахене и подлостями, совершенными там от его имени. Пиратская карьера, навязанная ему судьбой, была сама по себе пятном на его репутации, и Блад не мог равнодушно смотреть, как невесть откуда взявшийся двойник вместе со своей бандой безжалостных мерзавцев творил гнусности, прикрываясь его именем.

Полный мрачной решимости и жажды справедливой мести, капитан Блад шагал во главе маленькой колонны испанских мушкетеров, твердо намереваясь освободить город, захваченный и оскверненный его двойником. Звуки, которые они услышали, подойдя к городским воротам, подтвердили худшие предположения Блада об образе действий этих бандитов.

Корсарский капитан, ворвавшись в Сан-Хуан и убедившись, что сопротивление задушено окончательно, отдал город на разграбление своим людям, позволив им немного «поразвлечься», прежде чем они перейдут к основной цели рейда — захвату в гавани кораблей с ценностями. Немедленно вся банда, укомплектованная из отбросов тюрем всех стран, разбилась на группы, которые ринулись в город, одержимые страстью разрушения, оставляя за собой убитых мирных жителей, изнасилованных женщин, ограбленные и сожженные дома.

Для себя лично капитан оставил самый лакомый кусок. Вместе с шестью головорезами он ворвался в дом генерал-губернатора, где скрылся дон Себастьян после разгрома его злополучного ополчения.

Захватив в плен дона Себастьяна и его хорошенькую супругу, объятую паническим ужасом, капитан велел своим провожатым заняться грабежом дома. Двоих он, однако, оставил при себе для помощи, которая понадобится ему при грабеже особого рода, коим он намеревался заняться, пока остальные четверо бандитов будут расхищать имущество губернатора и превосходные вина, привезенные им из Испании.

Высокий, смуглый субъект, выдававший себя за капитана Блада и для большего сходства нарядившийся

в черный с серебром костюм, бывший, как известно, излюбленной одеждой знаменитого флибустьера, непринужденно расселся в столовой дона Себастьяна за длинным дубовым столом, положив ногу на подлокотник кресла. Его украшенная плюмажем шляпа съехала набекрень, на толстых губах змеилась плотоядная усмешка.

Напротив него между двумя головорезами стоял дон Себастьян, одетый в рубашку и панталоны, без парика, со связанными за спиной руками. Лицо его смертельно побледнело, но в глазах светился вызов.

В высоком кресле, спиной к одному из открытых окон, сидела донья Леокадия. Ужас парализовал несчастную женщину, она находилась на грани умопомешательства.

В руках капитана был кусок бечевки, на котором он завязывал узлы. Насмешливым тоном он заговорил со своей жертвой на ломаном испанском языке.

— Значит, вы не желаете говорить, а? Вы надеетесь, что мне придется разобрать лачугу по камешкам, прежде чем я найду то, что мне нужно? Ошибаетесь, дорогой идальго. Вы не только заговорите, вы вскоре запоете. Я уже позаботился о музыке.

Он бросил бечевку с узлами на стол, свистнув одному из бандитов, чтобы он приступил к делу. В тот же момент разбойник с гнусной усмешкой обвязал веревку вокруг головы генерал-губернатора, вставив между бечевкой и головой серебряную ложку, взятую из буфета испанца.

— Погоди,— приказал ему капитан.— Ну, дон губернатор, вы знаете, что с вами произойдет, если вы не развяжете ваш упрямый язык и не скажете, где храните деньги.— Он сделал паузу, наблюдая за испанцем из-под прищуренных век и ядовито усмехаясь.—Если хотите, мы можем вставить вам горящий фитиль между пальцами или прижечь пятки раскаленным железом. У нас есть масса хитроумных способов возвращения немым дара речи. Выбирайте любой. Но запирательство вам не поможет. Лучше признайтесь сразу, где вы прячете ваши дублоны.

Но испанец молчал, высоко подняв голову, сжав губы и с ненавистью глядя на своих палачей.

Улыбка пирата сделалась угрожающей.

— Ну-ну,— вздохнул он.— Я терпеливый человек. Даю вам минуту на размышление. Одну минуту. Как

раз то время, которое мне понадобится для того, чтобы выпить это.— Налив себе темной малаги из серебряного кувшина, он залпом осушил бокал и грохнул им об стол с такой силой, что ножка отломалась.— Вот так я переломаю тебе шею, испанское отродье, если ты не прекратишь упрямиться. Ну, живо говори, где дублоны. Vamos, maldito.[1] А то узнаешь, как шутить с доном Педро Сангре.

Но в глазах дона Себастьяна продолжала светиться ненависть.

— Я и не знал, что вы способны на такие подлости. Я ничего вам не скажу, грязный пиратский пес.

Дама внезапно зашевелилась и закричала, перемежая слова рыданиями:

— Умоляю тебя, Себастьян, ради Бога, скажи ему все! Отдай ему все, что у нас есть. Разве это имеет значение?

— Тем более что на том свете ваши сокровища вам не понадобятся,— продолжал издеваться капитан.— Лучше пощадите чувства вашей супруги. Вы не согласны со мной?— Он в бешенстве ударил кулаком по столу.— Хорошо! Выдавите мозги из башки этого рогоносца, ребята!— И мерзавец поудобнее устроился в кресле, ожидая развлечения.

Один из разбойников взялся за ложку, просунутую между веревкой и головой дона Себастьяна. Но прежде чем он начал крутить ее, капитан снова его остановил.

— Подожди. У нас есть более надежный способ.— И его губы расплылись в злобной усмешке. Сняв ногу с подлокотника, пират приподнялся в кресле.— Ведь испанцы души не чаят в своих женах.— Обернувшись, он поманил рукой донью Леокадию. — Agui, mujer! Agui![2]

— Не слушай его, Леокадия,— крикнул ей муж.— Не двигайся!

— Он... он ведь и здесь доберется до меня,— справедливо возразила несчастная женщина.

— Слышишь, ты, болван? Жаль, что у тебя нет и крупицы здравого смысла, которым наделена эта курица. Прошу вас сюда, мадам!

Хрупкая, бледная, маленькая женщина, дрожа от

---

[1] Скорей, проклятый! (исп.)
[2] Сюда, красотка! Сюда! (исп.).

страха, приблизилась к его креслу. Гнусно улыбаясь, капитан, прищурив глаза, устремил наглый оценивающий взгляд на эту изящную робкую представительницу слабого пола. Обняв донью Леокадию за талию, он притянул ее к себе.

— Ближе, ближе, девочка.

Дон Себастьян закрыл глаза и застонал от бешенства, пытаясь вырваться из сильных рук, державших его.

Капитан поднял объятую ужасом донью Леокадию и усадил ее к себе на колени.

— Не обращай внимания на ревнивые вопли этого осла, малютка. Он не сделает тебе ничего, слово капитана Блада.— Запрокинув бедняжке подбородок, мерзавец, улыбаясь, посмотрел в ее расширенные темные глаза. Эту процедуру и последовавший за ней затяжной поцелуй она перенесла безропотно, словно труп.

— Тебе придется вытерпеть и нечто больше, милочка, если твой остолоп-супруг не образумится. Я забираю ее, дон губернатор, и надеюсь, что путешествие в моем обществе доставит ей удовольствие. Но вы можете выкупить жену за ваши спрятанные дублоны. Несомненно, вы оцените мое великодушие. Ведь я мог бы захватить с собой вас обоих.

Ничто не могло причинить дону Себастьяну большие муки, чем угрозы его жене.

— А если я соглашусь, какая у меня будет гарантия, что вы не нарушите обещания?

— Слово капитана Блада.

Внезапный грохот канонады потряс дом, за первым залпом последовал второй и третий.

Все были изумлены.

— Какого дьявола...— начал капитан, но сразу же умолк, найдя объяснение.— Ба! Мои ребята забавляются — вот и все!

Но он едва ли был бы так беспечен, если бы знал, что пушечные залпы уничтожили полсотни этих ребят, высадившихся на берег, чтобы присоединиться к нему, и что около пятидесяти испанских мушкетеров во главе с настоящим капитаном Бладом быстро приближаются к городу, горя желанием расправиться с пиратами. И расправа была коротка. Разбредясь по городу, корсары разбились на группы по четыре, шесть, самое большее десять человек. Внезапное нападение испанцев не дало им возможности соединиться и оказать организо-

ванное сопротивление. Одни были убиты на месте, другие взяты в плен.

В столовой генерал-губернатора пиратский капитан, чье садистское наслаждение создавшейся ситуацией усиливалось в соответствии с количеством поглощенной им крепкой малаги, обратил наконец внимание на вопли и мушкетную пальбу снаружи. Но он по-прежнему не сомневался, что сопротивление жителей Сан-Хуана давно сломлено, и считал, что шум на улице — обычное следствие продолжающихся «развлечений» его ребят. Холостые пушечные выстрелы были обычным занятием торжествующих флибустьеров, а мушкеты едва ли остались в городе у кого-нибудь, кроме пиратов.

Поэтому он не спеша продолжал истязать генерал-губернатора необходимостью выбора между потерей жены и дублонов до тех пор, пока упорство дона Себастьяна не было сломлено и он не сообщил, где хранится королевская казна.

Но жестокость корсара нисколько не уменьшилась.

— Слишком поздно,— заявил он.— Ты чересчур долго упрямился, а за это время я по уши влюбился в твою жену. Так влюбился, что не смогу вынести разлуки с ней. Я дарю тебе жизнь, испанская собака, и, учитывая твое поведение, это больше того, что ты заслужил. Но твои деньги и твою супругу я заберу с собой вместе с кораблями с ценностями, принадлежащими королю Испании.

— Но вы дали мне слово!— вскричал взбешенный дон Себастьян.

— Ай-ай-ай! Но ведь это было давно. Когда тебе была предоставлена возможность, ты ею не воспользовался, а начал вместо этого со мной шутки шутить.— Никто из присутствующих в комнате не обратил внимания на звук быстро приближающихся шагов.— Я же предупреждал тебя, что с капитаном Бладом шутить опасно.

Он не успел договорить, как дверь открылась, и послышался твердый с металлическим оттенком голос, в котором чувствовались нотки сарказма.

— Рад слышать это от вас, независимо от того, кто бы вы ни были.— И в комнату вошел высокий человек со шляпой в руке. Черный парик его был всклокочен, лиловый камзол разорван, лицо испачкано пылью и грязью. Его сопровождали трое мушкетеров в испан-

ских латах и стальных шлемах. Окинув комнату взглядом, он сразу же оценил ситуацию.

— Я как будто успел как раз вовремя.

Изумленный пират выпустил донью Леокадию и вскочил, положив руку на рукоять пистолета.

— Что это значит? Кто вы такой, черт возьми?!

Вновь прибывший приблизился к нему, и суровый взгляд его голубых глаз, сверкавших, как сапфиры, на смуглом лице, заставили разбойника вздрогнуть.

— Подлый самозванец! Навозная тварь!

Хотя мерзавец по-прежнему мало что понимал, до него дошло, что необходимы решительные действия, и он выхватил из-за пояса пистолет. Но капитан Блад отступил назад, и его рапира, быстрая, как жало змеи, пронзила руку пирата. Пистолет со стуком упал на пол.

— Лучше бы ты направил его в свое сердце, грязный пес! Правда, этим ты помешал бы мне выполнить клятву. Я дал обет, что капитана Блада не отправит на виселицу ничья рука, кроме моей.

Один из мушкетеров быстро справился с изрыгающим проклятия пиратским капитаном, в то время как Блад с остальными солдатами так же быстро разоружил двух других бандитов.

Сквозь шум этой краткой схватки послышался крик доньи Леокадии, которая, дотащившись до кресла, упала в него, потеряв сознание.

Дон Себастьян, находящийся в ненамного лучшем состоянии, как только его развязали, начал слабым голосом невнятно выражать свою благодарность за это своевременное чудо, перемежая ее вопросами о том, как оно произошло.

— Займитесь вашей супругой,— посоветовал ему Блад,— и не беспокойте себя другими мыслями. Сан-Хуан очищен от пиратов. Около тридцати негодяев надежно заперты в тюрьме, остальные — еще надежнее: в аду. Если кому-то все же удалось вырваться, то его встретят у лодок и проводят к товарищам. Нам нужно похоронить мертвых, позаботиться о раненых и вернуть в город беженцев. А вы займитесь вашей женой и домочадцами и предоставьте мне все остальное.

И Блад с мушкетерами исчезли так же внезапно, как появились, уводя с собой взбешенных пленных.

VI

Когда Блад вернулся к ужину, порядок в доме генерал-губернатора был полностью восстановлен, и слуги накрывали на стол. При виде дона Педро, все еще покрытого пылью сражений, донья Леокадия разрыдалась. Не обращая внимания на грязный костюм капитана, дон Себастьян крепко прижал его к груди, называя спасителем Сан-Хуана, настоящим героем, истинным кастильцем и достойным представителем великого адмирала.

Мнение это разделял весь город, в котором всю ночь не смолкали крики: «Viva дон Педро! Да здравствует герой Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико!»

Столь шумное и трогательное выражение благодарности пробудило в капитане Бладе, в чем он позже признался Джереми Питту, мысли о приятных сторонах, которыми обладала служба закону и порядку. Почистившись и переодевшись в костюм из гардероба дона Себастьяна, который ему был чересчур широк и слишком короток, он уселся ужинать к столу генерал-губернатора, с удовольствием воздавая должное пище и превосходному испанскому вину, уцелевшему после налета на губернаторский винный погреб.

Блад крепко уснул с сознанием хорошо выполненного долга и не сомневаясь, что без лодок и с малым количеством людей лже-«Арабелла» не осмелится напасть на корабли с сокровищами, являющиеся истинной целью рейда на Сан-Хуан. Все же на всякий случай несколько испанцев стали на часах около пушек, оставленных в роще. Но ночь прошла спокойно, а наутро жители города увидели, что пиратский корабль превратился в точку на горизонте, а в гавань под всеми парусами входила «Мария Глориоса».

Когда дон Педро Энкарнадо спустился к завтраку, дон Себастьян сообщил ему, что адмиральский корабль бросил якорь в бухте.

— Он весьма пунктуален,— заметил дон Педро, думая о Волверстоне.

— Пунктуален? Ничего себе! Он не смог даже завершить ваши труды, потопив это проклятое пиратское судно. Постараюсь высказать ему все, что я о нем думаю.

Дон Педро нахмурился.

— Учитывая его положение при дворе, это было бы неблагоразумно. С маркизом лучше не вступать

в пререкания. К счастью, он вряд ли сойдет на берег из-за своей подагры.

— Тогда я нанесу ему визит на корабле.

Озабоченное выражение лица капитана Блада не было притворным. Если ему не удастся отговорить дона Себастьяна от его благих намерений, то выработанный им план пойдет прахом.

— На вашем месте я бы этого не делал,— сказал он.

— Не делали бы? Но ведь это мой долг.

— Вовсе нет. Этим вы унизите свое достоинство. Подумайте о высоком посте, который вы занимаете. Ведь генерал-губернатор Пуэрто-Рико — это почти вице-король. Не вы должны наносить визиты адмиралам, а, наоборот, адмиралы должны наносить визиты вам, и маркиз Риконете прекрасно отдает себе в этом отчет. Вот почему он, не имея возможности прийти к вам лично из-за болезни, послал к вам меня в качестве своего представителя. Поэтому все, что вы собирались сказать маркизу, вы можете сообщить мне.

Задумавшись над этими словами, дон Себастьян подпер рукой свои многочисленные подбородки.

— Конечно, в том, что вы сказали, есть доля истины. Но в данном случае у меня особый долг, который я обязан выполнить. Я должен подробно сообщить адмиралу о той героической роли, которую вы сыграли в спасении Сан-Хуана и королевской казны, не говоря уже о кораблях с ценностями, и убедиться, что вы награждены по заслугам.

Донья Леокадия, с дрожью вспоминая вчерашние ужасы, прерванные появлением дона Педро, и еще более страшные ужасы, которые предотвратила его отвага, горячо поддержала великодушное намерение своего супруга.

Однако во время этого изъявления благодарности лицо дона Педро все больше мрачнело. Он сурово покачал головой.

— Этого я никак не могу допустить,— сказал он.— А если вы сделаете по-своему, то этим нанесете мне обиду. Вчера я выполнил лишь то, что требовала от меня моя служба, а за это не следует ни похвал, ни наград. Героями являются только те, кто, не считаясь с риском и не заботясь о собственных интересах, совершают подвиги, к которым их ничто не обязывает. А сочинять баллады о моем вчерашнем поведении было

бы для меня оскорбительно, а вы, я уверен, никогда не захотите оскорбить меня, дон Себастьян.

— О, какая скромность! — воскликнула донья Леокадия, молитвенно сложив руки и подняв глаза к небу.— Правду говорят, что подлинно великое — всегда скромно.

— Ваши слова достойны истинного героя,— удрученно вздохнул дон Себастьян.— Но я огорчен, друг мой, что вы лишаете меня возможности хоть чем-то отблагодарить вас.

— Меня не за что благодарить, дон Себастьян,— возразил дон Педро.— И умоляю вас, не будем к этому возвращаться.

Он поднялся.

— Пожалуй, я сразу же отправлюсь на корабль, чтобы получить распоряжение адмирала, сообщить ему о том, что здесь произошло, а заодно показать виселицу, которую вы соорудили на берегу для этого проклятого капитана Блада. Это очень обрадует его превосходительство.

К полудню дон Педро вернулся на берег уже не в костюме с чужого плеча, а одетый нарядно и элегантно, как подобает испанскому гранду.

— Маркиз Риконете просит меня сообщить вам, что так как Карибское море, к счастью, очистилось от капитана Блада, то миссия его превосходительства в этих водах окончена, и теперь ничто не препятствует его скорейшему возвращению в Испанию. Он намерен конвоировать корабли с ценностями во время путешествия через океан и просит предупредить их капитанов быть готовыми поднять якорь во время первого же отлива — сегодня в три часа дня.

Дон Себастьян был поражен.

— И вы не сказали ему, что это невозможно?

Дон Педро пожал плечами.

— Я же говорил вам, что с адмиралом спорить бесполезно.

— Но, дорогой дон Педро, больше половины экипажа отсутствует, а на кораблях нет пушек.

— Будьте уверены, что я не преминул сообщить об этом его превосходительству. Конечно, это его огорчило, но он считает, что на каждом корабле хватит народу, чтобы управлять судном, а этого более чем достаточно. «Мария Глориоса» отлично вооружена и сможет защитить их от нападения.

— А он не подумал о том, что может случиться, если шторм разлучит «Марию Глориосу» с этими галионами?

— На это я ему тоже указал, что не произвело никакого впечатления. Его превосходительство обладает развитым самомнением.

Дон Себастьян надул щеки.

— Так-так. Разумеется, это его дело, и я благодарю за это Бога. Эти корабли и так доставили немало неприятностей Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, и я рад от них избавиться. Но должен заметить, что ваш адмирал весьма неосторожен. Очевидно, это характерная черта королевских фаворитов.

Слабая улыбка, мелькнувшая на губах дона Педро, означала согласие со словами губернатора.

— Пожалуйста, распорядитесь, чтобы галионы как можно скорее были снабжены провизией. Не стоит задерживать его превосходительство, к тому же прилив не станет ждать даже его.

— О, разумеется,— согласился дон Себастьян, в покорности которого ощущалась заметная доля иронии.— Я сейчас же отдам распоряжения.

— Я сообщу об этом его превосходительству. Он будет вам очень признателен. Ну, разрешите откланяться, дон Себастьян.— И они дружески обнялись.— Поверьте, я надолго сохраню воспоминания о нашем счастливом и взаимовыгодном сотрудничестве. Мое почтение донье Леокадии.

— А вы не останетесь посмотреть, как повесят капитана Блада? Казнь состоится ровно в полдень.

— Адмирал ожидает меня к восьми склянкам, и я не осмелюсь заставить его ждать.

По пути в гавань капитан Блад задержался у городской тюрьмы. Дежурный офицер встретил его со всеми почестями, подобающими спасителю Сан-Хуана, и открыл двери по его просьбе.

Пройдя двор, где расхаживали взад-вперед закованные в цепи удрученные пираты, Блад подошел к каменной камере, в которую едва проникал свет сквозь забранное решетками маленькое окошко, расположенное у самого потолка. В этой темной зловонной яме, сгорбившись на табуретке, сидел пиратский капитан, уронив голову на руки в наручниках. Услышав скрип дверных петель, он поднял голову, и его злое лицо уставилось на посетителя. Разбойник не узнал своего

вчерашнего, испачканного грязью противника в этом элегантном сеньоре в черном, расшитом серебром костюме, в тщательно завитом, ниспадающем на плечи черном парике и с длинной эбеновой тростью с золотым набалдашником.

— Уже пора? — проворчал он на своем ломаном испанском языке.

Но блестящий кастильский аристократ неожиданно ответил по-английски, да еще с явным ирландским акцентом.

— Не будьте столь нетерпеливым. У вас есть еще время подумать о вашей душе, если таковая имеется; есть время раскаяться в совершенных вами гнусностях. Я могу простить вам то, что вы выдавали себя за капитана Блада. Сам по себе этот акт даже можно расценивать как комплимент. Но я не могу вам простить того, что вы натворили в Картахене, — зверских убийств, пыток, изнасилований и других беспричинных жестокостей, которые вы совершили, удовлетворяя ваши низменные инстинкты и позоря присвоенное вами имя.

Негодяй ухмыльнулся.

— Вы говорите, как поп, которого прислали меня исповедовать.

— Я говорю как человек, которым являюсь, и чье имя вы осквернили своими низкими поступками. Советую вам за краткий промежуток времени, остающийся у вас после моего ухода, хорошенько осознать неумолимость высшего правосудия, которое привело вас на виселицу с моей непосредственной помощью. Ибо я — капитан Блад!

Несколько секунд он стоял, молча глядя на осужденного самозванца, утратившего от изумления дар речи, затем, повернувшись на каблуках, вышел к ожидавшему его испанскому офицеру.

Пройдя мимо виселицы, установленной на берегу, он сел в шлюпку, которая тотчас двинулась к бело-золотому флагманскому кораблю, стоящему на рейде.

Таким образом, в тот же день, когда фальшивый капитан Блад был повешен на берегу Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, настоящий капитан Блад отплыл на Тортугу на «Марии Глориосе», или «Андалузской девчонке», конвоируя корабли с сокровищами, где не было ни пушек, ни достаточного количества людей, чтобы оказать сопротивление, когда их капитанам стала ясна ситуация, в которой они очутились.

ИЗБАВЛЕНИЕ

I

Более года прошло с тех пор, как Натаниэль Хагторп вместе с Питером Бладом бежал с острова Барбадос. Однако тоска не покидала Хагторпа — достойного джентльмена, ставшего по воле судьбы корсаром, так как его младший брат Том по-прежнему томился в неволе.

Оба брата участвовали в мятеже Монмута, попали в плен после битвы при Седжмуре[1] и были приговорены к повешению. Однако приговор изменили, в результате чего они вместе с другими повстанцами были сосланы на плантации на Барбадос и проданы в рабство жестокому полковнику Бишопу. Но к тому времени, когда Блад организовал побег с острова, Тома Хагторпа уже там не было.

Однажды на Барбадос с визитом к Бишопу явился полковник сэр Джеймс Корт, представляющий на Невисе[2] губернатора Подветренных островов[3]. Сэра Джеймса сопровождала жена — изящная, строптивая и зловредная особа, чересчур молодая, чтобы составить подобающую пару пожилому сэру Джеймсу. Вознесенная выгодным браком над людьми своего круга, она столь ревностно охраняла свое положение знатной дамы, что могла бы смутить любую герцогиню.

Очутившись в Вест-Индии, леди Корт с вызывающей медлительностью привыкала к новым условиям и особое неудовольствие проявляла по поводу отсутствия в ее распоряжении белого грума, который сопровождал бы ее в выездах. Ей казалось невозможным, чтобы леди ее ранга выезжала бы в сопровождении черномазого.

Однако, как она ни возмущалась, Невис не мог предоставить ей никого больше. Хотя здесь находился крупнейший рынок в Вест-Индии, но живой товар он ввозил только из Африки. Поэтому остров был вычеркнут государственным секретарем из списка мест, куда

---

[1] *Битва при Седжмуре* (июль 1685 г.) — сражение, в котором войска герцога Монмута были разбиты королевской армией.

[2] Невис — один из малых Антильских островов, принадлежавший Англии.

[3] *Подветренные острова* — группа островов у берегов Венесуэлы — тогда колонии Англии.

подлежали ссылке осужденные бунтовщики. Леди Корт решила, что дело можно исправить при визите на Барбадос, к несчастью для Тома Хагторпа, ее ищущий взгляд с восхищение задержался на его по-юношески гибкой полуобнаженной фигуре, когда он трудился на плантации сахарного тростника. Она запомнила его, и до тех пор не давала покоя сэру Джеймсу, пока он не купил этого раба. Полковник Бишоп оказался сговорчив, так как для него все невольники были одинаковы, а этот парень, будучи слишком молодым, не представлял на плантациях большой ценности.

Хотя расставание с братом огорчило Ната, все же он радовался, что Том сможет избежать бича надсмотрщика. Фортуна довела братьев до такого отчаянного положения, что, родившись джентльменами, они рассматривали должность грума у жены вице-губернатора Невиса как продвижение по службе. Поэтому Нат Хагторп, уверенный в улучшении условий жизни брата, не очень горевал о разлуке с ним. Но после побега с Барбадоса мысли о брате, все еще томящемся в рабстве, стали причинять ему невыразимые страдания.

Однако надеждам Тома Хагторпа, что его положение улучшится с переменой хозяев, не суждено было оправдаться. Мы только не знаем, как разворачивались события, но, судя по тому, что выяснилось о леди Корт впоследствии, можно с полным правом предположить, что она тщетно пробовала на миловидном юноше чары своих длинных узких глаз. Короче говоря, повторилась история Иосифа и жены Потифара[1], в результате чего взбешенная леди отказалась от своего белого слуги, жалуясь, что он неловок, обладает дурными манерами и ведет себя неподобающим образом.

— Я предупреждал вас,— устало произнес сэр Джеймс, ибо требования его супруги непомерно росли и уже начали утомлять его,— что он по рождению джентльмен и, естественно, должен противиться подобной деградации. Лучше было бы оставить его на плантации.

— Ну, так можете отправить его туда,— заявила леди Корт.— Мне не нужен этот негодяй.

Таким образом, отстраненный от дела, для которого он был куплен, Том снова очутился на сахарных план-

---

[1] В Библии (Бытие, глава 39) рассказывается об Иосифе, проданном в рабство в Египет, которого тщетно пыталась соблазнить жена его хозяина — начальника дворцовой стражи Потифара.

тациях под бичами надсмотрщиков, не менее жестоких, чем у полковника Бишопа, в компании высланных из Англии воров и бандитов.

Конечно, его брат не мог знать об этом, иначе он беспокоился бы о его судьбе гораздо больше и еще сильнее жаждал бы освободить его из неволи. Он и так постоянно заговаривал о нем с Питером Бладом.

— Нельзя быть столь нетерпеливым,— отвечал ему капитан, сознавая практическую неосуществимость просьб Ната Хагторпа.— Если бы Невис был испанским поселением, тогда бы мы не стали с ним церемониться. Но мы еще не объявили войну английским судам и владениям. Это полностью бы погубило наше будущее.

— Будущее? Разве у нас есть будущее?!— сердился Хагторп.— Ведь мы же вне закона.

— Возможно. Но мы действуем только как враги Испании. Мы не hostis humani generis[1], и, пока мы не стали таковыми, не следует оставлять надежды, что в один прекрасный день наше изгнание закончится. Я не хочу рисковать нашим будущим, высаживаясь на Невис с оружием в руках, даже ради спасения твоего брата.

— Значит, он должен томиться там до самой смерти?

— Нет, нет. Я обязательно найду выход. Но мы должны быть благоразумными и ждать.

— Чего?

— Случая. Я очень верю в случай. Он никогда не подводил меня и вряд ли подведет в дальнейшем. Но его не следует торопить. Просто положись на него, как полагаюсь я, Нат.

Наконец вера Питера Блада была вознаграждена. Случай, на который он рассчитывал, неожиданно представился после его удивительного приключения в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико.

Известие о том, что капитан Блад был пойман испанцами и покончил счеты со своей грешной жизнью на виселице на берегу Сан-Хуана, распространилось со скоростью урагана по всему Карибскому морю — от Эспаньолы до Мейна[2]. В каждом испанском поселении праздновали победу над одним из самых страшных

---

[1] Враги всего человечества (лат.).

[2] *Мейн (Испанский Мейн)* — старое английское название испанских владений на северном побережье Южной Америки.

врагов Испании, постоянно препятствующим ее хищническим действиям. По той же причине среди английских и французский колонистов, которые, по крайней мере тайно, всегда поддерживали корсаров, царило скрытое уныние.

Несомненно, должно было пройти немало времени, прежде чем выяснится, что корабли с сокровищами, отплывшие из Сан-Хуана под конвоем флагмана эскадры маркиза Риконете, бросили якорь не в Кадисской бухте[1], а в Тортугской гавани и что флагманским кораблем командовал не испанский адмирал, а капитан Блад, в то время как труп его преступного двойника болтался на виселице. Но до того как правда выплывет на свет Божий, Блад со свойственной ему предусмотрительностью решил извлечь все выгоды из авторитетных сообщений о его кончине. Он понимал, что ему нельзя терять время, если он хотел воспользоваться ослаблением бдительности в Новой Испании. Поэтому капитан вскоре покинул цитадель флибустьеров на Тортуге, намереваясь произвести очередной рейд на побережье Мейна.

Блад выше в море на «Арабелле», но вдоль ее ватерлинии[2] красовалась белая широкая полоса, несколько скрадывающая бросающийся в глаза красный корпус, а на кормовом подзоре виднелась надпись «Мария Моденская»[3], компенсирующая этим ультра-стюартовским названием отчетливо заметное испанское происхождение корабля. С бело-сине-красным вымпелом Соединенного Королевства на грот-мачте они зашли на Сент-Томас[4] якобы за пищей и водой, а в действительности для того, чтобы узнать последние новости. Среди этих новостей центральное место занимало пребывание на Сент-Томасе мистера Джеффри Корта, оказавшееся тем самым случаем, которого с таким нетерпением ожидал Натаниэль Хагторп, и на который рассчитывал капитан Блад.

---

[1] *Кадис* — портовый город на юге Испании.

[2] *Ватерлиния* — линия соприкосновения борта судна с поверхностью воды.

[3] *Мария Моденская* — королева Англии, супруга Иакова II Стюарта.

[4] *Сент-Томас* — один из Виргинских островов, бывший английским владением.

II

По изумрудной воде, сверкающей под лучами утреннего солнца, скользила лодка с четырьмя неграми-гребцами, лоснящимися от пота. В лодке восседал мистер Джеффри Корт, самодовольного вида джентльмен в золотистом парике и нарядном, расшитом серебром камзоле из розово-лиловой тафты.

Когда лодка причалила к высокому борту корабля, мистер Корт поднялся по забортному трапу на палубу, обмахиваясь шляпой с пером и призывая небо в свидетели, что он не в состоянии терпеть эту проклятую жару. Повелительным тоном он потребовал проводить его к капитану этого мерзкого судна.

Подобные эпитеты являлись всего лишь привычными выражениями мистера Корта. Палуба, на которой он стоял, была надраена до чистоты хлебной доски, медные поручни, люковые крышки и блоки блестели, словно золотые, мушкеты в стойке у грот-мачты не могли стоять ровнее и на королевском судне, а все снасти были уложены с не меньшей аккуратностью, чем туалеты в дамском гардеробе.

Матросы, прохлаждавшиеся на шкафуте и полубаке, большинство из которых было одето только в полотняные рубахи и коленкоровые штаны, наблюдали за надменным джентльменом с неприкрытым весельем, на которое он, по счастью, не обратил внимания.

Негр-стюард проводил Джеффри Корта по темному коридору к главной каюте на корме, поразившей его своими размерами и роскошью. Там, за столом, покрытым белоснежной скатертью и сверкающим хрусталем и серебром, сидели трое мужчин. Один из них, худощавый, высокий, с загорелым ястребиным лицом, обрамленным локонами черного парика, в элегантном черном с серебряным шитьем костюме, поднялся навстречу гостю. Внешность двух других, продолжавших сидеть, была не столь импозантна, но также привлекала к себе внимание. Это были штурман Джереми Питт, молодой и изящный блондин, и Натаниэль Хагторп — более старший по возрасту, широкий в плечах и мрачный на вид.

Наш джентльмен нисколько не утратил своей надменности, очутившись под пристальным взглядом трех пар глаз. Тем же самоуверенным тоном он осведомился насчет курса «Марии Моденской», а затем счел воз-

можным снизойти до объявлений причины своего любопытства.

— Меня зовут Корт. Джеффри Корт, к вашим услугам, сэр. Я намерен как можно скорее добраться до Невиса, которым управляет мой двоюродный брат.

Это заявление явилось сенсацией для всех присутствующих. У всех троих захватило дух, а Хагторп воскликнул: «Боже мой»! — и так побледнел, что это было заметно, несмотря на то, что он сидел спиной к высоким кормовым окнам. Однако мистер Корт был чересчур занят собственной персоной, чтобы обращать внимание на других.

— Я — кузен сэра Джеймса Корта, который представляет на Невисе губернатора Подветренных островов. Вы, разумеется, слышали о нем.

— Конечно,— подтвердил Блад.

Хагторп больше не мог терпеть.

— Вы хотите, чтобы мы доставили вас на Невис?! — воскликнул он с такой горячностью, которая могла бы быть замечена любым другим, но не столь ограниченным человеком.

— Да, если ваш курс лежит в этом направлении. А со мной произошло вот что. Я отплыл из дому на старой, прогнившей посудине, чтоб ей провалиться! Как только погода ухудшилась, проклятое корыто начало разваливаться на куски. Швы у него разошлись, и дно стало протекать, как дуршлаг, мы были вынуждены искать спасения в этой гавани. Смотрите, вон эта красавица стоит на якоре. Провалиться мне на этом месте, если она когда-нибудь сможет выйти в море. Надо же мне было выбрать такую развалину!

— Так вы торопитесь на Невис? — спросил Блад.

— Страшно тороплюсь, чтоб мне сгореть! Меня там ожидают с прошлого месяца.

— Черт возьми, вам ужасно повезло, сэр,— хриплым от волнения голосом сказал Хагторп.— Невис — наш следующий пункт захода.

— Чтоб мне провалиться! Неужели?

Мрачноватая улыбка озарила смуглое лицо Блада.

— Да, по странному совпадению это так,— подтвердил он.— Мы снимаемся с якоря в восемь склянок, и, если ветер не изменится, то завтра утром мы бросим якорь в Чарлзтауне[1].

---

[1] *Чарлзтаун* — главный город острова Невис.

— Какая удача, чтоб мне пропасть! — воскликнул мистер Корт, просияв от радости. — Судьба начинает возмещать мне былые невезения. Сейчас же прикажу перенести сюда мои вещи. — И он величественно добавил: — Плата за проезд — на ваше усмотрение.

Сделав не менее величественный жест утопавшей в кружевах рукой, Блад ответил:

— Об этом не стоит беспокоиться. Вы останетесь выпить чего-нибудь с нами?

— С большим удовольствием, капитан... — Джеффри Корт сделал паузу, ожидая, что ему назовут имя, но Блад как будто не обратил на это внимания. Он отдал приказ стюарду.

Принесли ром, лимоны и сахар. Великолепный пунш поднял настроение у всех присутствующих, за исключением Хагторпа, который сидел с глубоко задумчивым видом. Но как только мистер Корт удалился, он вскочил с места и стал горячо благодарить Блада за те скрытые мысли, которые побудили его с такой готовностью взять неожиданного пассажира.

— Я же говорил, что тебе надо довериться случаю, который нам рано или поздно представится. Поэтому благодари не меня, Нат, а фортуну, подбросившую нам Джеффри Корта из своего рога изобилия. — И Блад, смеясь, передразнил будущего пассажира: — «Плата за проезд — на ваше усмотрение». На твое усмотрение, Нат! И мне кажется, что расплачиваться должен будет не кто иной, как сэр Джеймс Корт.

III

В тот момент, когда мистер Джеффри Корт наслаждался утренним пуншем, его кузен сэр Джеймс, высокий, худощавый человек лет пятидесяти, столь же крепкий телом, сколь нерешительный духом, завтракая, разбирал почту, пришедшую из Англии. Письма дошли с большим опозданием, так как доставивший их корабль был задержан и сбит с курса штормами, увеличив плавание на два месяца.

Высыпав письма из почтового мешка на стол, сэр Джеймс бегло их просмотрел. Внимание его задержал пакет, несколько больший, чем другие. Прочитав адрес на нем, сэр Джеймс нахмурился, и его густые седеющие брови сошлись на переносице. Некоторое время он медлил, потирая подбородок костлявой загорелой рукой, потом внезапно и решительно сломал печать и разорвал

обертку. На стол упал изящного вида томик в тонком пергаментном переплете с золотым тиснением на корешке и с надписью золотом на обложке: «Стихотворения сэра Джона Саклинга» [1].

Презрительно хмыкнув, сэр Джеймс столь же презрительно отшвырнул книгу. Падая, она раскрылась, и сэр Джеймс увидел нечто, сделавшее выражение его лица более внимательным. Он снова взял книгу. Пергамент отлепился от внутренней стороны переплета и слегка отогнулся в сторону, а когда сэр Джеймс потянул за него, он тотчас отстал от картона. Между картоном и пергаментом был скрыт сложенный лист бумаги.

Сэр Джеймс все еще держал в руках этот лист, когда минут через десять в комнату быстро вошла элегантная женщина, которая по возрасту годилась сэру Джеймсу в дочери, но тем не менее являлась его женой.

Она была среднего роста, с девически стройной фигурой, с ясными глазами и нежным цветом лица, на котором не наложил отпечатка тропический климат. На ней был костюм для верховой езды, лицо прикрывала широкополая шляпа, рука сжимала хлыст.

— Я должна поговорить с вами,— заявила леди Корт. Ее мелодичный голос портили резкие нотки.

Сидящий лицом к окну сэр Джеймс не повернулся на шум шагов. При звуке голоса жены он уронил салфетку на томик стихов.

— В таком случае королевские дела могут убираться к дьяволу,— сказал он, все еще не оборачиваясь.

— Вы занимаетесь королевскими делами за завтраком?— Ее тон стал еще более резким.— Неужели вы обязательно должны насмехаться надо мной, сэр?

— Не обязательно,— спокойно, даже вяло ответил сэр Джеймс.— Мне приходится прибегать к этому лишь тогда, когда вы говорите со мной подобным тоном.

— Меня не интересуют причины.

Леди Корт обошла стол, чтобы глядеть мужу в лицо. Ее тонкие руки в перчатках сжимали хлыст, чувственные губы капризно скривились, острый подбородок агрессивно выпятился вперед.

— Меня оскорбили,— заявила она. Сэр Джеймс мрачно смотрел на нее.

— Естественно,— наконец промолвил он.

---

[1] *Саклинг Джон* (1609—1642) — английский поэт и драматург.

— Что значит «естественно»?

— Разве это не случается с вами каждый раз, как только вы выезжаете верхом?

— Разумеется, так как вы не делаете ничего, чтобы положить этому конец.

Сэр Джеймс уклонился от дискуссии. Он вообще предпочитал избегать споров с этой миловидной, но вздорной особой вдвое младше его, на которой он женился пять лет тому назад и которая с тех пор отравляла ему жизнь своим несносным характером и дурными манерами, принесенными ею из дома своего торгаша-папаши.

— Кто же оскорбил вас сегодня? — устало спросил сэр Джеймс.

— Эта собака Хагторп! Мне бы следовало оставить его гнить на Барбадосе.

— Вместо того чтобы привозить его гнить сюда, не так ли? Что же он вам сказал?

— Сказал? Вы полагаете, что у него хватило наглости заговорить со мной?

Сэр Джеймс кисло улыбнулся. В эти дни утраченных иллюзий он хорошо понял, что основная беда его супруги в том, что она сразу почувствовала себя настоящей леди, не имея для этой роли ни малейшей подготовки.

— Но раз он оскорбил вас...

— Он взглянул на меня и нахально улыбнулся.

— Улыбнулся? — Густые брови сэра Джеймса поползли вверх. — Но это могло быть простым приветствием.

— Ну конечно! Вы готовы даже стать на сторону раба против своей жены! Что бы ни случилось, я никогда не бываю права. Никогда! — И она презрительно фыркнула. — Ничего себе, приветствие! А если даже так, то с какой стати этот ничтожный раб должен приветствовать меня улыбкой?

— Бедняга хоть и раб, но родился он джентльменом.

— Джентльменом, нечего сказать! Проклятый бунтовщик, которого следовало бы вздернуть!

Глубоко посаженные глаза сэра Джеймса задумчиво рассматривали привлекательное лицо леди Корт.

— Неужели в вас нет ни капли жалости? — спросил он. — Вы меня просто удивляете. К тому же вы на редкость непоследовательны. Вам так понравился этот парень на Барбадосе, что вы не могли успокоиться, пока

и не купил его вам и вы не сделали из него грума, а теперь...

Но его речь была прервана ударом хлыста по столу.

— Я не желаю больше слушать! Вам нравится унижать меня и выставлять в дурном свете, но я знаю, что мне делать в следующий раз. Я разукрашу хлыстом всю его наглую физиономию! Это отучит его насмехаться надо мной.

— Весьма благородный поступок,— с горечью ответил сэр Джеймс,— и на редкость храбрый по отношению к человеку, который не может вам ответить.

Но леди Корт больше не слушала его. Удар ее хлыста разметал по столу письма, которые внезапно привлекли ее внимание.

— Не было пакета из Англии?— спросила она, и сэр Джеймс заметил, как участилось ее дыхание.

— Я как будто уже говорил о королевских делах. Все лежит здесь — на столе, где, как вы изволили заметить, следует завтракать.

Леди Корт стала рыться в груде писем, рассматривая каждый пакет.

— А мне были письма?

Прошло еще несколько секунд, прежде чем внезапно сжавшиеся губы сэра Джеймса раскрылись для уклончивого ответа.

— Я еще не все просмотрел.

Леди Корт продолжала копаться в письмах, ее супруг наблюдал за ней исподлобья.

— Ничего нет?— удивленно и разочарованно спросила она, нахмурив тонкие брови.— Совсем ничего?

— Вы же сами смотрели,— последовал ответ.

Леди Корт отвернулась, теребя пальцами нижнюю губу. Сэра Джеймса горько позабавило то, как ее яростная обида была сразу же забыта, а гнев на дерзкого раба сменило иное чувство. Медленно направившись к двери, леди Корт внезапно остановилась, уже положив руку на дверную ручку, и спросила мягким, вкрадчивым голосом:

— И вы не получили ни слова от Джеффри?

— Я уже сказал вам, что не просмотрел всю почту,— не оборачиваясь, ответил сэр Джеймс.

Но его супруга все еще не уходила.

— Я не заметила его почерка ни на одном конверте.

— Значит, он не написал мне.

— Странно,— протянула леди Корт. — Очень странно. Он должен был сообщить, когда нам ждать его.

— Я не очень жажду узнать эту новость.

— Ах, вы не жаждете? — Краска бросилась ей в лицо, а гнев вспыхнул с новой силой.— А я? Вы, конечно, не думаете обо мне, запертой, как в тюрьме, на этом мерзком острове и лишенной всякого общества, кроме коменданта и священника с их безмозглыми женами! Я всем пожертвовала ради вас, а вы каждый раз злословите, только я познакомлюсь с кем-нибудь, кто может говорить о чем-нибудь, кроме сахара, перца и цен на черномазых! — Леди Корт умолкла, и сразу же воцарилась тишина.— Почему вы не отвечаете? — взвизгнула она.

Загорелое лицо сэра Джеймса побледнело. Медленно он повернулся в кресле.

— Вы желаете, чтобы я ответил? — В его голосе послышались угрожающие нотки.

Но леди Корт, вне всякого сомнения, этого не желала. Не дожидаясь ответа, она вылетела из комнаты, хлопнув дверью, так как не могла не знать, какую опасность таил в себе гнев, внезапно охвативший ее супруга. Но никакие эмоции не могли надолго завладеть этим апатичным человеком. Сэр Джеймс откинулся в кресле, помянул черта и вздохнул. Снова развернув лист бумаги, который все это время был у него в руке, он погрузился в чтение, а потом долго сидел, охваченный мрачными мыслями. Наконец он встал, подошел к секретеру, стоящему между открытыми окнами, и запер в него письмо и томик, переплетенный в пергамент. Только после этого он обратился к ожидавшей его остальной корреспонденции.

IV

Тоска леди Корт по изысканному обществу, доставлявшая немало страданий ее домочадцам, получила некоторое утешение на следующее утро, когда «Мария Моденская» приблизилась к острову Невис — огромной зеленой горе, словно выросшей среди моря,— и бросила якорь в Чарлзтаунской бухте.

Мистер Корт, горевший нетерпением сойти на берег, уже отдал стюарду Джейкобу распоряжение относительно выгрузки его вещей, когда в каюту вошел капитан Блад.

— Высадку, очевидно, придется отложить до завтра,— сказал он.

— До завтра? — изумленно уставился на него Джеффри Корт. — Но ведь это Невис, не так ли?

— Безусловно. Но прежде чем высадить вас на берег, следует решить небольшое дело, касающееся платы за проезд.

— Ах, вот оно что! — с презрением промолвил мистер Корт. — Я же сказал, что плата — на ваше усмотрение.

— Ну что же, ловлю вас на слове.

Джеффри Корту не понравилась улыбка капитана, которую он понял по-своему.

— Если вы намерены заняться вымогательством...

— О нет, что вы, никакого вымогательства. Плата будет самой умеренной. Садитесь, сэр, и я вам все объясню.

— Объясните? Что?

— Садитесь, сэр, — властно повторил Блад, и сбитый с толку мистер Корт предпочел подчиниться.

— Дело вот в чем, — начал капитан Блад, усевшись на кормовой рундук[1] спиной к открытому окну, сквозь которое в каюту проникали яркие солнечные лучи и доносились крики торговцев, которые, подъехав к кораблю на лодках, предлагали овощи, фрукты и дичь. — В данный момент я бы просил вас, мистер Корт, считать себя в определенном смысле заложником. Заложником моего очень близкого друга, который в настоящее время является рабом вашего кузена — сэра Джеймса. Вы сами рассказывали, как ценит и любит вас Джеймс, поэтому нет оснований для беспокойства. Короче говоря, сэр, свобода моего друга — плата за ваш проезд, которую я попрошу внести вашего кузена. Вот и все.

— Все? — переспросил Джеффри Корт, выпучив глаза и задыхаясь от бешенства. — Но это насилие!

— Не смею вам возражать.

Мистер Корт изо всех сил старался сдержать свои чувства.

— А если сэр Джеймс откажется?

— О, зачем вам травмировать себя такими неприятными предположениями? Сейчас ясно одно: если сэр Джеймс согласится, вас немедленно высадят на берег.

— А меня интересует, сэр, что будет, если он не согласится?

---

[1] *Рундук* — деревянный ларь для хранения личных вещей команды.

Капитан Блад любезно улыбнулся.

— Я человек порядка и люблю все делать вовремя. Предугадывать будущее в большинстве случаев означает попусту терять время. Мы не будем обсуждать такую возможность по той причине, что она, по-видимому, никогда не станет явью.

— Но это... это чудовищно! — вскочив, завопил мистер Корт.— Разрази меня гром, сэр, но своими действиями вы рискуете навлечь на себя немалую опасность.

— Я — капитан Блад,— последовал ответ.— Поэтому не думайте, что меня может испугать какая бы то ни было опасность.

Это сообщение вынудило мистера Корта отбросить всякую сдержанность. Его лицо побагровело, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Вы — капитан Блад? Этот проклятый пират? Хотя, так или иначе, мне наплевать, кто вы такой...

— Чего же вы тогда так разволновались? Единственная моя просьба к вам — не покидать своей каюты. Мне, конечно, придется выставить у дверей караул, но в остальном вы не будете испытывать никаких неудобств.

— И вы полагаете, что я подчинюсь?

— Могу заковать вас в кандалы, если вы предпочитаете это,— учтиво предложил капитан Блад.

Мистер Корт. с ненавистью глядя на собеседника, все же решил, что лучше обойтись без кандалов.

Выйдя из шлюпки, капитан Блад направился к резиденции вице-губернатора — великолепному особняку с зелеными жалюзи на окнах, который возвышался на берегу моря, окруженный пламенеющими азалиями. Воздух вокруг был напоен ароматом апельсинов и ямайского перца.

Блада беспрепятственно пропустили к сэру Джеймсу. Для такого явно значительного лица, облаченного в темно-синий костюм безукоризненного покроя, в шляпе с пером и с длинной шпагой на расшитой золотом перевязи, двери колониальной администрации обычно раскрывались настежь. Блад представился как капитан Питер, что почти полностью соответствовало действительности, и дал понять, что состоит на военно-морской службе и что корабль, на котором он прибыл, его собственный. Целью его прибытия на Невис — крупнейший в Вест-Индии невольничий рынок,— по его словам,

было приобретение какого-нибудь парня, годного в качестве кают-юнги. Он слышал, что сэр Джеймс сам немного занимается работорговлей, но даже если это не так, он питает надежду, что сэр Джеймс согласится помочь ему в этом деле.

Манеры капитана Питера, сочетающие почтительность с достоинством, и его элегантность тотчас же покорили сэра Джеймса, который заверил своего гостя, что окажет ему всяческое содействие. Правда, сейчас он не располагает рабами для продажи, но в любой момент из Гвинеи может прийти судно с грузом чернокожих, и если капитан Питер не очень торопится, то, несомненно, через день или два его желание осуществится. А пока что не соизволит ли он остаться пообедать?

Капитан Питер соизволил, тем более что на пришедшую вскоре леди Корт он произвел такое неотразимое впечатление, что она горячо поддержала приглашение своего мужа.

За обедом, учитывая цель, с которой капитан Питер прибыл на Невис, разговор, естественно, касался рабов и сравнения качеств черных и белых слуг. Сэр Джеймс, будучи всецело убежденным в превосходстве белой расы, заявил, что сравнивать их просто нелепо, дав тем самым возможность капитану затронуть интересующий его вопрос.

— И тем не менее белые, высланные сюда после мятежа Монмута,— сказал он,— расточительно используются на плантациях. Странно, но никто не подумал о том, чтобы найти применение их способностям в каком-нибудь другом месте.

— Они ни для чего другого не годятся,— заявила ее милость.— Из этих бунтовщиков не сделаешь хороших слуг. Я знаю, потому что пробовала этим заняться.

— В самом деле? Это интересно. Неужели бедняги, которых вы избавили от работы на плантациях, были так равнодушны к своей судьбе, что не проявили усердия в должности слуг?

— Опыт моей супруги более ограничен, чем вы можете подумать по ее утверждениям,— вмешался сэр Джеймс.— Она судит по единственной попытке.

Леди Корт пренебрежительным взглядом ответила на критику, а галантный капитан пришел ей на помощь.

— **Ab uno omnes**[1], сэр Джеймс. Это изречение часто

---

[1] *Всех за вину одного* (лат.) — Вергилий. «Энеида». Перевод С. Ошерова

оказывается верным.— И он повернулся к леди [illegible] рая благодарно ему улыбнулась.— А что это [illegible] попытка, и кто был этот человек, который [illegible] к вашему милосердию?

— Один из осужденных мятежников, [illegible] плантации. Мы привезли его с Барбадоса. И [illegible] чтобы сделать грумом, но он оказался [illegible] благодарным и неспособным оценить перемену в [illegible] жизни, что я в итоге отправила его назад, на [illegible] плантации.

— Что ж, поделом,— с одобрением [illegible] тан.— И что же с ним произошло?

— Этот гадкий мятежный пес расплачивается [illegible] свое поведение на плантациях сэра Джеймса.

— Бедняга когда-то был джентльменом, как и [illegible] гие другие, попавшие в заблуждение [illegible] печально проговорил сэр Джеймс.— Он [illegible] играл, избежав виселицы.

После этого он направил разговор в другое [illegible] и капитан Блад, приобретший нужные [illegible] стал этому противиться.

Но какая бы тема не была затронута, [illegible] любезность очаровательной леди, вызывавшая [illegible] на губах сэра Джеймса, обязывала гости к [illegible] любезности и галантности. Леди Корт настояла, [illegible] капитан Питер во время пребывания в Чарлстауне [illegible] поселился в их особняке, обещая предоставить [illegible] удобства. Ведь подобные визитеры так редко [illegible] унылое однообразие их жизни на Невисе.

В качестве дополнительной приманки леди [illegible] начала расписывать красоты их острова. Она [illegible] лась лично продемонстрировать капитану [illegible] рощи, богатые плантации, прозрачные реки этого [illegible] го рая, который в разговоре с мужем леди [illegible] иначе, как адом кромешным.

Не питавший в отношении своей супруги [illegible] иллюзий, сэр Джеймс, скрывая свое презрение к [illegible] бражаемому ею светскому гостеприимству, [illegible] ее приглашение, после чего леди Корт заявила, что [illegible] сразу же даст распоряжение приготовить [illegible] а Блад должен послать кого-нибудь на корабль [illegible] вещами.

Капитан Блад, в изысканных выражениях [illegible] дарив хозяев за любезный прием, с удовольствием [illegible] пользовался их предложением, так как прибывание

сэра Джеймса Корта, не несомненно, могло способствовать достижению цели, ради которой он прибыл

V

Мы уже знаем о вере капитана Блада в счастливый случай. Однако эта вера не заходила так далеко, чтобы заставить капитана сидеть и ждать, пока случай сам его отыщет. Счастливые случаи, по его мнению, могли быть созданы или, по крайней мере, приняты человеческим умом и усердием. Поэтому на следующее утро Блад поднялся раньше, не желая терять времени, в достижении цели. Из полученных накануне сведений он знал, в каком направлении находится, и вскоре после восхода солнца направился к поместьям сэра Джеймса, чтобы обзавестись таким средством передвижения.

Никто бы не усмотрел ничего необычного в том, что полковника, привыкшего рано вставать, решил завтраком прокатиться верхом и позаимствовать для этого лошадь у своего хозяина. Тот факт, что он избрал свой путь мимо плантации сэра Джеймса, едва ли возбудил бы интерес у кого-нибудь из

В своих поисках Блад мог полагаться только на себя и прислугу, от которой требовалось послать навстречу ему раба.

Но фортуна в это утро, казалось, к нему не благоволила. Несмотря на ранний час, леди Корт в силу, видимо, той же привычки рано вставать, либо по причине домашних забот, а возможно, в результате не давших ей покоя чувств, вызванных привлекательностью гостя, неожиданно появилась у конюшен, бодрая и оживленная, и приказала оседлать ей коня, дабы сопровождать капитана Питера в его прогулке. Капитан чрезвычайно раздосадован, но не обнаружил своих чувств. Когда леди Корт весело сообщила, что покажет ему ее энтузиазм, но вежливо отметил, что его больше интересуют плантации.

Леди сморщила прелестный носик в шутливой гримасе.

— О, сэр, вы меня разочаровываете. Я думала, что в вас есть поэзии и романтики и что вы любите красоту природы.

— В какой-то мере так оно и есть, но практицизма

во мне не меньше. Я испытываю наслаждение, созерцая плоды человеческого труда.

Начался спор — изощренная и совершенно пустая игра слов, показавшаяся капитану Бладу, у которого были совсем другие намерения, удручающе нудной. Наконец дискуссия закончилась компромиссом. Сначала они поехали к водопаду, к которому леди Корт смогла пробудить в своем спутнике лишь вежливый интерес, а потом направились домой, где их ожидал завтрак, через плантации сахарного тростника. Их капитан изучал с пристальным вниманием, весьма огорчившим изрядно проголодавшуюся леди.

Чтобы все рассмотреть подробнее, капитан ехал шагом по широкой просеке в уже желтеющем тростнике. Попадавшиеся по пути невольники, из которых лишь немногие были белыми, копали оросительные канавы. Иногда Блад, испытывая терпение леди Корт, натягивал поводья и останавливался, оглядываясь вокруг, а один раз, остановившись рядом с надсмотрщиком, стал спрашивать его сначала об урожайности, а потом о рабах, их численности и трудоспособности. По словам надсмотрщика, белыми рабами были сосланные осужденные.

— Это, наверно, бунтовщики? — спросил капитан. — Из тех гнусных псалмопевцев, которые участвовали в мятеже герцога Монмута?

— Нет, сэр. Из тех у нас только один. Его привезли с Барбадоса вместе с ворами и мошенниками. Эта партия работает вот в тех зарослях.

Они поехали в том направлении и вскоре поравнялись с группой полуголых и оборванных людей, так сильно загорелых, что их можно было принять за светлокожих негров. Спины многих были исполосованы бичом надсмотрщика. Пристальный взгляд капитана сразу же остановился на рабе, ради которого он и прибыл на Невис.

Леди, будучи не в состоянии долго играть роль пассивного спутника, уже давно проявляла признаки раздражения. Когда же капитан снова остановился и вежливо заговорил с дородным надсмотрщиком этих несчастных тружеников, ее терпению пришел конец. Почти тут же она нашла выход своему дурному расположению духа. Молодой человек, обращавший на себя внимание стройной фигурой и светлыми выгоревшими

волосами, стоял, опираясь на мотыгу, открыв рот и пожирая глазами капитана.

Леди двинула на него свою кобылу.

— Ты почему стоишь без дела, ротозей? Неужели тебя нельзя научить порядку? Ну ничего, сейчас я займусь твоим воспитанием!

Ее хлыст со свистом опустился на обнаженные плечи юноши, потом взвился вновь, чтобы повторить удар, но невольник, резко повернувшись к ней, парировал удар левой рукой и, схватившись за конец хлыста, вырвал его из рук леди Корт с такой силой, что она едва удержалась в седле.

Если остальные рабы застыли на месте, пораженные дерзостью их товарища, то бдительный надсмотрщик не дремал. С проклятием он бросился на молодого раба, разматывая длинный бич.

— Сдери с него кожу, Уолтер! — взвизгнула леди.

Но прежде чем эта угроза осуществилась, юноша, отшвырнув хлыст, поднял мотыгу. Его светлые глаза сверкнули.

— Только тронь меня — и я вышибу тебе мозги! — крикнул он.

Надсмотрщик остановился, видя его безрассудную решимость и понимая, что раб, доведенный до отчаяния болью и несправедливостью, не колеблясь, выполнит свою угрозу. Тогда он попытался воздействовать на невольника словами, чтобы выиграть время, покуда его бешенство утихнет.

— Брось мотыгу, Хагторп! Брось сейчас же!

Но Хагторп расхохотался ему в лицо. Миледи тоже рассмеялась, и в ее злобном язвительном смехе слышалось что-то ужасное.

— Не спорь с этим псом! Пристрели его! Я разрешаю, Уолтер. Я свидетель его бунта. Прикончи его на месте!

Следуя настойчивому приказу хозяйки, надсмотрщик потянулся к висевшей на поясе кобуре. Но лишь только он вытащил пистолет, капитан наклонился с седла и с такой силой ударил его хлыстом по руке, что оружие полетело на землю. Надсмотрщик вскрикнул от боли и изумления.

— Не волнуйтесь, — сказал Блад. — Я спас вам жизнь, с которой вы бы, несомненно, распростились, если смогли бы выстрелить.

— Капитан Питер! — возмущенно воскликнула леди Корт.

Он повернулся к ней, и презрение, сверкавшее в его ярко-голубых под черными бровями глазах, поразило ее, словно удар.

— Кто вы? Неужели женщина? Клянусь, мадам, лондонские уличные девки и те выглядят более женственно!

Леди задохнулась от гнева, но бешенство помогло ей обрести дар речи.

— Слава Богу, у меня есть муж, сэр. И за эти слова вы ответите! — Вонзив шпоры в бока своей лошади, леди пустила ее в галоп, избавив Блада от своего присутствия, что его вполне устраивало.

— Я отвечу хоть всем мужьям мира, — рассмеявшись, крикнул капитан ей вслед. Затем он подозвал Хагторпа.

— Иди сюда, приятель. Ты пойдешь со мной. Я сделаю так, чтобы справедливость восторжествовала, но не хочу оставить тебя на милосердие надсмотрщика, пока я буду этим заниматься. Берись за мое стремя, и пошли к сэру Джеймсу. А вы посторонитесь, — обратился он к надсмотрщику, — или мне придется наехать на вас! За свои поступки я отвечу перед вашим хозяином, а не перед вами!

Угрюмо поглаживая ушибленную руку, надсмотрщик отступил в сторону перед этой угрозой, и капитан Блад, не торопясь, поехал вперед. Том Хагторп шел рядом, держась за стремя. Когда их уже никто не мог слышать, юноша спросил хриплым от волнения голосом:

— Питер, каким чудом ты здесь оказался?

— Чудом? Ты разве не ожидал, что кто-нибудь из нас рано или поздно найдет тебя? — И он рассмеялся. — Мне повезло. Эта красотка дала мне отличный предлог заняться тобой, что очень облегчает дело. Но так или иначе, несмотря на все трудности, я клянусь, что не покину Невис без тебя!

VI

Явившись в дом вице-губернатора, капитан Блад оставил Тома в холле, а сам, избрав в качестве ориентира сварливый голос леди Корт, добрался до столовой. Там он застал сэра Джеймса, сидевшего за нетронутым завтраком с холодной усмешкой на лице, и его супругу,

мечущуюся по комнате. При звуке открываемой двери леди замерла, грудь ее бурно вздымалась, глаза сверкали на бледном лице. Увидев Блада, она тут же взорвалась:

— Так у вас еще хватает наглости являться сюда!

— Я считал, что меня ждут.

— Ждут? Скажите пожалуйста!

Он слегка поклонился.

— Прошу извинить за вторжение, но я полагаю, что от меня потребуют кое-каких объяснений.

— Можете в этом не сомневаться!

— А мое чувствительное сердце не позволяет разочаровывать леди.

— Совсем недавно вы называли меня по-другому.

— Когда вы этого заслуживали.

Сэр Джеймс постучал по столу, сочтя, что обязанности вице-губернатора и супруга требуют от него вмешательства.

— Сэр,— заговорил он властным и недовольным тоном.— Будьте любезны объясниться.

— Извольте. Мне нечего скрывать.

И капитан Блад подробно рассказал обо всем, происшедшем на плантации, причем несколько раз ему приходилось принимать соответствующие меры, чтобы помешать леди Корт, которая неоднократно пыталась его перебить.

К концу повествования сэр Джеймс устремил взор на свою жену, кипевшую от злобы, и глаза его отнюдь не выражали сочувствия.

— В рассказе капитана Питера есть то, чего не хватает в вашем, чтобы составить полную картину.

— В его рассказе есть все, чтобы заставить вас потребовать удовлетворения, если вы не трус!

Покуда вице-губернатор переваривал оскорбление, капитан Блад поспешил вмешаться.

— Что касается удовлетворения, сэр Джеймс, то я всегда к вашим услугам. Но сначала, для моего собственного удовлетворения, позвольте заметить, что если под влиянием чувств, которые, я уверен, вы сочтете гуманными, мною совершены какие-либо оскорбительные для вас поступки, то я приношу вам свои извинения.

Но сэр Джеймс оставался суровым и непреклонным.

— Вы не добились ничего хорошего своим вмешательством. Этот несчастный раб, поощренный к бунту вашими действиями, не избежит наказания. Если оста-

вить этот инцидент без последствий, то на плантации придет конец порядку и дисциплине. Надеюсь, вы понимаете это?

— Да какое вам дело, что он понимает! — взвизгнула леди Корт.

— Я понимаю лишь то, что, если бы я не вмешался, этого парня пристрелили бы на месте по приказу ее милости и только за нежелание, чтобы с него содрали кожу по ее же распоряжению.

— Это все равно от него не убежит, — злорадно заявила леди, — если только сэр Джеймс не предпочтет его повесить.

— В качестве козла отпущения — из-за того, что я вмешался? — осведомился капитан Блад у сэра Джеймса. И тот, уязвленный насмешкой, поспешил ответить:

— Нет-нет. За угрозу надсмотрщику.

Эти слова вызвали очередную атаку ее милости.

— А то, что он оскорбил меня, конечно, не имеет значения? Во всяком случае для этого джентльмена?

Находясь между двумя спорящими сторонами, сэр Джеймс рисковал потерять свое обычное непроницаемое спокойствие. Он так хлопнул по столу, что задребезжала посуда.

— Пожалуйста, не все сразу, мадам! Положение, видит Бог, и так достаточно скверное. Я вас неоднократно предупреждал, чтобы вы не срывали свое дурное настроение на этом Хагторпе. Теперь я должен либо высечь его за неуважение, которое, надо признаться, полностью спровоцировано вами, либо подорвать дисциплину среди рабов. А так как я не могу допустить последнего, то мне остается благодарить вас за то, что вы вынуждаете меня быть бесчеловечным.

— А мне остается благодарить только себя за то, что я вышла замуж за такого глупца!

— Этот вопрос, мадам, мы обсудим очень скоро, — сказал сэр Джеймс настолько угрожающим тоном, что изумленная леди Корт не нашла слов для ответа, несмотря на всю свою наглость.

Наступившую тишину нарушил голос Блада:

— Я бы мог, сэр Джеймс, избавить вас от решения этой дилеммы. Как вы помните, я прибыл сюда, намереваясь купить кают-юнгу. Сначала я думал о негре, но этот Хагторп кажется мне подходящим. Продайте его мне — и все будет в порядке.

Сэр Джеймс немного подумал, затем взгляд его просветлел.

— Ей-Богу, это выход!

— Тогда вам остается только назвать цену.

Но ее милость не могла примириться со столь простым решением.

— Ничего себе, выход! Этот человек — бунтовщик, приговоренный к пожизненным работам на плантациях. Ваш долг не позволит вам содействовать его побегу из Вест-Индии.

Глядя на колеблющегося сэра Джеймса, Блад понял, что его надежды на легкий исход дела не оправдываются. Прокляв в душе бесчувственную злобу этой хорошенькой мегеры, он прошел по комнате и, облокотившись на высокую спинку кресла, мрачно оглядел супругов.

— Значит, этого несчастного парня придется высечь?

— Не высечь, а повесить,— поправила леди.

— Нет-нет,— запротестовал сэр Джеймс.— Достаточно высечь.

— Вижу, что мне здесь больше нечего делать,— сказал капитан Блад, вновь обретя свое насмешливое спокойствие.— Поэтому разрешите откланяться. Но прежде, чем я уйду, мне придется сообщить вам кое-что, о чем я почти совсем забыл. На Сент-Томасе я обнаружил вашего кузена, который отчаянно торопился на Невис.

Блад хотел их удивить, и это ему удалось. Но внезапная резкая перемена в поведении ее милости удивила его не меньше.

— Джеффри!— воскликнула она, и ее голос дрогнул.— Вы имеете в виду Джеффри Корта?

— Его зовут именно так.

— Вы говорите, что он на Сент-Томасе?— переспросила леди, и перемена в ее манерах стала еще более заметной. Поведение сэра Джеймса также изменилось. Он устремил на свою супругу внимательный взгляд из-под густых бровей, его тонкие губы скривились в усмешке.

— Вовсе нет,— поправил Блад.— Мистер Корт здесь, на борту моего корабля. Я привез его с Сент-Томаса.

— Тогда...— Леди смолкла, чтобы перевести дыхание и в недоумении наморщила лоб.— Тогда почему он не сошел на берег?

— Я склонен усматривать в этом волю Провидения, так же, как и в том, что он просил меня доставить его сюда. Для вас, сэр Джеймс, важно лишь то, что он все еще у меня на борту.

— Значит, он болен?— вскричала леди Корт.

— Здоров, как мы с вами, мадам. Но все может измениться. На борту своего судна, сэр Джеймс, я обладаю такой же неограниченной властью, как и вы здесь, на суше.

Не понять капитана было невозможно. Пораженные, они молча уставились на него, затем леди Корт, дрожа и задыхаясь, заговорила:

— Полагаю, что есть законы, которые могут обуздать вас.

— Таких законов нет, мадам. Вы знаете только половину моего имени. Я действительно капитан Питер — капитан Питер Блад.— Он решил раскрыть свое инкогнито, чтобы угроза имела больший вес.— Надеюсь,— продолжал Блад, ответив улыбкой на их безмолвное удивление,— что ради вашего кузена Джеффри вы сочтете возможным быть более человечным с этим несчастным рабом. Ибо я даю вам слово, что поступлю с мистером Джеффри Кортом так же, как вы поступите с молодым Хагторпом.

Сэр Джеймс неожиданно громко расхохотался, в то время как его жена, слегка оправившись от охватившего ее ужаса, попыталась вникнуть в создавшееся положение.

— Прежде чем вы сможете что-нибудь сделать,— начала она,— вам нужно вернуться к себе на корабль, а вы не покинете Чарлзтаун до тех пор, пока мистер Корт не сойдет на берег целым и невредимым. Вы забыли, что...

— О, я ничего не забыл,— прервал ее капитан Блад.— Не думаете же вы, что я способен войти в западню, не убедившись, что она не может захлопнуться. На «Марии Моденской» сорок бортовых орудий. Двух бортовых залпов будет достаточно, чтобы превратить Чарлзтаун в груду развалин. И это случится, если я не дам знать о себе к восьми склянкам. Если в вас есть хоть капля благоразумия, миледи, то вы постараетесь этого избежать.

Она отшатнулась, бледная и дрожащая, а сэр Джеймс, на мрачном лице которого еще мелькала насмешливая улыбка, поднял взгляд на капитана Блада.

— Вы поступаете, как бандит с большой дороги, сэр. Вы приставили пистолет к нашим головам.

— Не пистолет, а сорок бортовых пушек, причем каждая из них заряжена.

Конечно, несмотря на эту браваду, капитан Блад отлично понимал, что ему, может быть, и в самом деле придется застрелить сэра Джеймса, чтобы вырваться на свободу. Он сожалел об этой возможной необходимости, но был готов к ней. Но к чему капитан не был готов, так это к непонятно-внезапной уступчивости вице-губернатора.

— Это упрощает дело,— сказал сэр Джеймс.— Если я вас правильно понял, вы поступите с моим кузеном так, как я поступлю с Хагторпом, не правда ли?

— Совершенно верно.

— Значит, если я повешу Хагторпа...

— Ваш кузен будет болтаться на нок-рее[1].

— Ну, тогда остается только единственное решение.

Леди издала вздох облегчения.

— Вы победили, сэр,— воскликнула она.— Нам придется отпустить Хагторпа!

— Напротив,— возразил сэр Джеймс,— я должен его повесить.

— Вы должны...— Леди Корт уставилась на него, открыв рот и задыхаясь от волнения; ужас снова появился в ее больших голубых глазах.

— Как вы напомнили мне, мадам, у меня есть определенный долг, который не позволит мне отпустить Хагторпа с плантации, поэтому его придется повесить. Fiat justitia ruat coelum[2]. Последствия не будут лежать на моей совести.

— Не будут лежать на вашей совести!— вне себя вскрикнула леди Корт.— А как же Джеффри?— Она ломала руки, ее голос перешел в вой. Потом, собравшись с духом, леди в бешенстве обрушилась на сэра Джеймса:— Вы просто спятили! Вы не можете сделать этого! Не смеете!.. Отпустите Хагторпа! Зачем он вам, в конце концов? Одним рабом меньше или больше!.. Ради Бога, отпустите его!

— А как же мой долг?

Леди испуганно отшатнулась.

---

[1] *Нок-рея* — оконечность поперечной перекладины мачты.

[2] Да свершится правосудие, и пусть обрушатся небеса (лат.)

Непреклонность сэра Джеймса сломила ее дух. Леди Корт упала на колени возле его кресла, судорожно вцепившись в его руку.

Сэр Джеймс оттолкнул ее с издевательским смехом, в котором слышалось что-то жуткое.

Позднее капитан Блад похвалялся, может быть, без достаточных оснований, что именно эта жестокая забава над охваченной страхом женщиной пролила свет на таинственную ситуацию и прояснила позицию, занятую сэром Джеймсом.

Вдоволь посмеявшись, вице-губернатор встал и махнул рукой, отпуская капитана.

— Все решено. Если вы хотите вернуться на ваш корабль, я не стану вас задерживать. А впрочем, подождите. Я хочу кое-что передать своему кузену.— Он подошел к секретеру, стоявшему между окнами, и вынул оттуда «Стихотворения сэра Джона Саклинга» с пергаментом, в одном месте слегка отставшим от переплета.— Выразите ему мое соболезнование и передайте вот это... Я ожидал его, чтобы вручить ему книгу лично. Но так будет гораздо лучше. Сообщите ему, что находящееся в книге письмо, почти столь же поэтичное, сколь и сама книга, передано адресату.— И он протянул своей супруге сложенный лист. Это для вас, мадам. Возьмите.

— Возьмите!— настойчиво повторил сэр Джеймс, швырнув ей листок.— Мы вскоре обсудим содержание этого письма. Оно поможет вам понять, почему я так жажду выполнить свой долг, о котором вы мне напомнили.

Скорчившаяся у кресла леди Корт дрожащими руками развернула письмо. Несколько минут она читала, затем со стоном выронила его из рук.

Капитан Блад взял предложенную ему книгу. Думаю, что именно в этот момент он наконец все понял. Теперь он снова очутился в затруднении. Если неожиданный случай помог ему вначале, то сейчас другая неожиданность внезапно воспрепятствовала его планам, когда конец уже был виден.

— Желаю вам всего хорошего, сэр,— сказал сэр Джеймс.— Здесь вас больше ничего не задерживает.

— Вы ошибаетесь, сэр Джеймс. Кое-что заставляет меня задержаться на несколько минут. Возможно, в моей жизни и были вещи, которых мне следует стыдиться. Но я никогда не был ничьим палачом, и будь

я проклят, если я восполню этот пробел по вашей милости. Одно дело — повесить вашего кузена в качестве акта возмездия. Но черт меня побери, если я стану его вешать, чтобы угодить вам. Я отправлю его на берег, сэр Джеймс, чтобы вы могли повесить его сами.

Уныние, отразившееся на лице сэра Джеймса, как нельзя больше удовлетворило капитана Блада. Разрушив его сладостные планы отмщения, капитан предложил ему иное утешение.

— Теперь, когда я изменил свои намерения, вам остается изменить ваши и продать мне этого парня на должность кают-юнги. Я же не только увезу вашего кузена, но и постараюсь внушить ему, чтобы он никогда больше вас не беспокоил.

Запавшие глаза сэра Джеймса с недоверчивой надеждой устремились на корсара.

Капитан Блад улыбнулся.

— Можете считать это дружеской услугой, сэр Джеймс,— сказал он, внеся окончательное успокоение в растревоженную душу вице-губернатора.

— Хорошо,— промолвил, наконец, сэр Джеймс.— Забирайте своего парня. На этих условиях я дарю его вам.

VII

Понимая, что супругам нужно многое сказать друг другу и что его присутствие будет лишним, капитан Блад тактично поспешил откланяться и удалиться.

В холле он приказал ожидавшему его Тому Хагторпу следовать за ним, Тот повиновался, так ничего и не поняв в этом чудесном избавлении.

Никто им не препятствовал. Наняв лодку у мола, они подплыли к «Марии Моденской», на шкафуте которой два брата заключили друг друга в объятия, в то время как капитан Блад, созерцая их, испытывал чувство всемогущего благодетеля.

Едва сдерживая слезы радости, Нат Хагторп попросил Питера Блада объяснить, как ему удалось освободить брата так быстро, не прибегнув к насилию.

— Нельзя сказать, что не прибегал к насилию,— ответил Блад,— Напротив, без насилия не обошлось. Но оно было чисто эмоциональным. Кое-что в этом роде еще предстоит сделать, но это уже относится к мистеру Корту.— И он повернулся к стоящему рядом боцма-

ну.— Свистать всех наверх, Джейк. Мы тотчас же снимаемся с якоря.

Блад направился к каюте, в которой томился мистер Корт. Отпустив часового, он открыл дверь и вошел. Гнев заключенного за это время ни в коей мере не утих.

— Сколько ты еще будешь держать меня здесь, гнусный негодяй?

— А куда бы вы хотели сейчас направиться?— поинтересовался капитан Блад.

— Как — куда? Да ты смеешься надо мной, проклятый пират! Мне нужно на берег, как тебе отлично известно.

— На берег? Сейчас? Вот уж никак не думал.

— Не собираешься ли ты и дальше задерживать меня?

— О, это едва ли понадобится. У меня есть для вас кое-что от сэра Джеймса — книга стихов и устное сообщение.

И он добросовестно передал ему и то, и другое. Мистер Корт сразу обмяк и, побледнев, опустился на койку.

— Возможно, теперь вы не будете так настаивать на вашей высадке на Невис. Очевидно, вы уже начинаете понимать, что Вест-Индия — не совсем здоровое место для флирта. Ревность в тропиках подобна климату — она чревата ударом. Думаю, что вы благоразумно предпочтете разыскать корабль, который доставит вас обратно в Англию целым и невредимым.

Джеффри Корт вытер пот со лба.

— Значит, вы не высаживаете меня?

В каюту сквозь открытое окно донесся скрип кабестана[1] и звон якорной цепи. Капитан Блад жестом привлек внимание собеседника к этим звукам.

— Мы снимаемся с якоря и через полчаса будем в море.

— Что ж, пожалуй, это к лучшему,— со вздохом сказал мистер Корт.

---

[1] *Кабестан* — приспособление для подъема якоря.

Павел КОГАН

БРИГАНТИНА

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристой,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...

Роберт ШТИЛЬМАРК

НАСЛЕДНИК ИЗ КАЛЬКУТТЫ

...Третий месяц шхуна находится в плавании. После нескольких коротких остановок в незначительных портах и укромных бухтах западного побережья Африки шхуна обогнула мыс Доброй Надежды и, посетив южную часть Мадагаскара, углубилась в воды Индийского океана.

Капитан шхуны, одноглазый испанец Бернардито Луис эль Горра, набрал добрых молодцов для дальнего рейса. Сорок шесть матросов, татуированных с ног до головы, понюхавших пороху и знающих толк в погоде; старик боцман, прозванный за свирепость Бобом Акулой; помощник капитана Джакомо Грелли, заслуживший в абордажных схватках кличку Леопард Грелли, и, наконец, сам Бернардито, Одноглазый Дьявол,— таков был экипаж «Черной стрелы».

Уже больше двух недель прошло с того раннего утра, когда скалистое побережье с Игольным мысом [1], где в глубокой беспредельности вечно спорят друг с другом воды двух океанов, растаяло на юго-западе за кормой шхуны, но еще ни одно неохраняемое торговое судно не повстречалось со шхуной в просторах Индийского океана.

— Кровь и гром!— ругался на баке Рыжий Пью, швырнув на палубу оловянную кружку.— Какого, спрашивается, дьявола затащил нас Бернардито на своей посудине в эту акулью преисподнюю? Испанские дублоны звенят, по-моему, не хуже, чем индийские рупии!

— Вот уже третий месяц я плаваю с вами, но еще ни один фартинг не западал за подкладку моих карманов!— подхватил собеседник Рыжего Пью, тощий верзила с золотой серьгой в ухе, прозванный командой Джекобом Скелетом.— Где же они, эти веселые желтые кружочки и красивые радужные бумажки? С чем я появлюсь в таверне «Соленый пудель», где сам господь бог получает свой пунш только за наличные? Я спрашиваю, где наша звонкая радость?

День близился к концу. Солнце стояло еще высоко, но скрывалось в туманном мареве. С утра капитан

---

[1] *Мыс Игольный* — самая южная оконечность Африканского материка.

уменьшил порции воды и вина, выдаваемые команде. Томимые жаждой, матросы работали вяло и хмуро. Влажный горячий воздух расслаблял людей. Легкий бриз от берегов Мадагаскара наполнял паруса, но это дуновение было таким теплым, что и оно не освежало разгоряченных лиц и тел.

— Сядем, Джекоб. Здесь, под шлюпкой, прохладнее. Через полчаса начинается наша вахта, а горло сухое, точно я изжевал и проглотил библию. Топор и виселица! Когда Черный Вудро был нашим боцманом, у него всегда находилась для меня лишняя пинта сухого арагонского.

— Потише, Пью! Говорят, капитан не любит, когда поминают Вудро или Джузеппе.

— Здесь нас никто не слышит.

— Скажи мне, Пью, верно ли толкуют ребята, что Вудро и Джузеппе протянули лапу за кожаным мешком Бернардито?

Рыжий Пью размазал жирной ладонью капли пота на медном лбу.

— Если бы эти старые волки остались в нашей стае, мы сейчас не болтались бы в этой индийской лоханке, как сухая пробка, и ни в чем не терпели бы нужды. Но, Джекоб, насчет кожаного мешка Бернардито я советую тебе до поры до времени помалкивать. У Бернардито длинные руки, и он умеет быстро спускать курок... Я-то больше года хожу на «Стреле» и видел этот мешок своими глазами, но разрази меня гром, если я сболтну о нем хоть словечко! А между тем я даже смотрел однажды в окно капитанской каюты, когда Одноглазый развязывал свой мешок...

Дуновение ветра качнуло шхуну, и в борт сильнее плеснула волна. Рыжий Пью умолк и огляделся вокруг.

— Послушай, Пью, вчера вечером Леопард Грелли, помощник капитана, подозвал меня потолковать кое о чем,— тихо сказал Джекоб.— Сдается мне, что и он недолюбливает Одноглазого. Грелли говорит, что Вудро и Джузеппе были настоящими парнями... Расскажи-ка мне, Пью, за что Бернардито высадил их на берег?

— В точности этого не знает никто, но кое-что я тебе открою. Только смотри держи язык за зубами, не то и Леопард не поможет: пошлет нас Бернардито на дно к индийскому черту, да еще, пожалуй, рты позашивает! Одноглазый не знает пощады!

— Пусть мне придется всю жизнь пить козье молоко вместо джина, если я проболтаюсь!

— Так вот, Джекоб, перед началом этого рейса наша «Стрела» угодила в облаву...

— Об этом я слыхал. Ребята хвастают, будто «Стрела» подралась чуть ли не с целой эскадрой.

— Что? Хвастают? Ну, Скелет, ты, видно, еще не знаешь Одноглазого! Правда, с ним надо всегда держать ухо востро, потому что он и спит с пальцем на собачке, но уж моряк он — какого не сыщешь ни в одном королевском флоте, клянусь утробой!

— Отчего же вы удрали?

— Отчего удрали? Хотел бы я посмотреть, как вот такой храбрец вроде тебя, Джекоб, подрался бы на нашей посудине с британским фрегатом и французским двухпалубным бригом! Эх, и славное было дело! Только туман нас тогда и выручил. С дыркой в корме мы все-таки убрались от француза в узкую каталонскую бухту... Бернардито славно одурачил всех гончих собак от Крита до Гибралтара! Две недели они искали нас старательнее, чем трезвый матрос перед прилавком ищет затерявшийся в карманах пенс, но в зубах у них Одноглазый оставил только выдранный клок шерсти да еще напоследок выдержал бой в проклятой бухте со сторожевым испанским корветом.

Воспоминания вызвали у Рыжего Пью прилив гордости. Повествуя, он размахивал руками перед лицом Джекоба. Тот невозмутимо сопел трубкой. Рассказчик заложил за щеку порцию жевательного табаку с бетелем [1] и продолжал:

— Вот тогда капитан и надумал совсем покинуть доброе Средиземное море и идти сюда, в индийские воды. А штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг не соглашались. Бернардито готовился ночью проскочить Гибралтар, а Вудро и Джузеппе стали подговаривать команду против него. У нас на шхуне было чем поживиться! В трюмах лежала неплохая добыча с греческого судна... И вот, когда «Стрела» бросила якорь в каталонской бухте и мы начали штопать корму, Бернардито собрал нас всех ночью на юте и сказал: «Добычу делить не будем!»

---

[1] *Бетель* — ост-индское перечное растение. Его листья, пряного вкуса, жуют.

— И с таким капитаном ты ходишь больше года! Сакраменто! Да я бы...

— Погоди ты, храбрец! Капитан сказал, что товар нужно продать в Португалии, на эти деньги подлатать шхуну, купить припасы и оснастить «Стрелу» в дальний рейс.

— Ну, а вы что же?

— Да, видишь, спорить с ним открыто еще никто не пробовал. Но в ту ночь Джузеппе Лорано и Черный Вудро задумали прикончить его тайком. А штурвальный Фернандо Диас, которого Бернардито когда-то спас от виселицы, раскрыл капитану их заговор. Бернардито хотел зарезать обоих, но ему помешал помощник, Леопард Грелли. Полночь уже близилась, а главари все еще бранились в капитанской каюте. Тут-то неожиданно и подкрался этот испанский сторожевой корвет. Началась жаркая потасовка при свете факелов...

— Испанец атаковал вас с кормы?

— Да, и капитан послал Вудро и Джузеппе в самую кашу, защищать кормовую брешь; он приказал Фернандо Диасу не спускать глаз с обоих, а к штурвалу поставил меня вместо Фернандо. Драка была волчья! Не скоро забудут испанцы «Черную стрелу»!.. Мы выскочили из бухты, но Вудро оторвало обе ступни, Джузеппе продырявило бок, а Фернандо заработал две раны. Меня тоже порядком оглушило залпом картечи.

— Эх, меня тогда не было с вами!.. Так чем же кончилось дело с теми двумя?

— Чем кончилось? Шли мы в темноте. До рассвета осталось немного, а нужно было еще проскочить форты Гибралтара и сторожевые суда. На борту было четверо раненых: Вудро, Джузеппе, Фернандо и еще мулат Энрико Рой. Капитан решил высадить раненых на берег, потому что на судне они все погибли бы, наш лекарь еще в прошлом бою достался рыбам. Леопард хотел выделить раненым их долю добычи, но капитан в этом отказал.

— Да будь я мертвецом — и то спросил бы с него свою долю!

— Возможно, с мертвецом он был бы сговорчивее, но живым отказал. Впрочем, среди раненых в сознании были только Фернандо и мулат Энрико. Джузеппе Лорано и Вудро Крейг лежали без памяти. Бернардито велел отнести раненого Фернандо Диаса к себе в каюту, вон в ту, около рубки, видишь? Ветер приподнял зана-

веску в окне каюты, и я видел, как Одноглазый высыпал из мешка алмазы в замшевых футлярах, выбрал самый большой и один поменьше и дал их Диасу. Я слышал, как Бернардито сказал: «Вот этот голубой алмаз с желтым пятнышком отвези в Грецию моей матери, чтобы она не терпела нужды, если я погибну, а второй камень возьми себе, Фернандо, и делай с ним, что хочешь!» Потом всех троих снесли в шлюпку, на весла сел мулат Энрико Рой, у него рана была не тяжелая...

— Постой! Энрико Рой был, как говорят, дружком Леопарда?

— Грелли держал его при себе вместо слуги, что ли. Он был обжора и лентяй, этот Энрико, скажу я тебе. Так вот, Грелли пошептался с ним, пока Одноглазый толковал с Фернандо, дал мулату пригоршню монет, и в кромешной тьме шлюпка пошла к испанскому берегу. Спаслись раненые или погибли, никто не знает. А нам повезло: утром, в тумане, шхуна проскочила пролив. Потом мы скрывались у берегов Португалии, чинились на Азорских, снаряжались в поход на марокканском побережье, где ты перебрался к нам с турецкой посудины, и вот плаваем третий месяц, а что толку?

Стайка летучих рыб пронеслась на круглых, похожих на кружевные воротнички, крылышках над морской зыбью и с плеском снова погрузилась в пучину.

— Гроб и падаль! Смотри, Джекоб: вот его одноглазая светлость высунулся из каюты. Лихорадка свалила его с ног. Он пожелтел, как луидор, и сутками валяется на койке, пока мы до крови натираем себе ладони снастями. Того и гляди, сам дождется холщового мешка и груза на грудь, а продолжает упрямиться, дьявол, не хочет уходить из этих проклятых вод, где зной — как в кузнечном горне... Но что это на горизонте? Ад и дьявол! Да там пожар!

В ту же минуту крик дозорного: «Пожар на горизонте, слева по корме!» — поднял на ноги всю команду. Полуголые, разукрашенные диковинными татуировками на руках и груди, в невообразимых головных уборах из обрывков материи, пальмовых листьев и даже из книжных страниц с библейскими текстами, матросы «Черной стрелы» высыпали на палубу.

На командном мостике показался Леопард Грелли с подзорной трубой. Лишь одного капитана Бернардито тропическая лихорадка приковала к его висячей койке.

Временами почти теряя сознание от внутреннего жара, он, захлебываясь, глотал холодную воду, а через четверть часа содрогался от озноба, выстукивал зубами и с головой укутывался в шерстяные одеяла.

Леопард подал команду, и матросы, подгоняемые свистом боцмана, бросились к снастям. Шхуна, разворачиваясь под парусами, ложилась на обратный курс. Когда маневр поворота был закончен, шхуна двинулась короткими галсами к огню на горизонте и вскоре заметно приблизилась к месту пожара. Между тем над горизонтом росла черная туча, а столбик барометра в каюте капитана упал так низко, как Леопарду Грелли еще никогда не случалось видеть. Ветер стих, и паруса шхуны беспомощно обвисли. В быстро сгустившихся сумерках отчетливо и зловеще полыхал вдали пожар. Не один, а целых три гигантских костра поднимали к небу почти отвесные столбы пламени, искр и дыма. Очевидно, горели корабли недавно встреченного каравана.

Вскоре команда «Черной стрелы» отчетливо разглядела на фоне зарева два корабля, отделившихся, по-видимому, от каравана и развернувшихся навстречу шхуне. Ближайший из них, небольшая бригантина, находился от шхуны всего в пяти-шести кабельтовых. Другой корабль, с оснасткой военного корвета, виднелся в полумиле позади первого.

Даже издали было заметно, что мачты корвета повреждены в бою, а паруса бригантины изодраны и потрепаны. В тишине вечера доносился глухой гром артиллерийской канонады. Наступивший предгрозовой штиль заставил оба пострадавших судна, так же как и шхуну Бернардито, лечь в мертвый дрейф. Далекое зарево отбрасывало неподвижные черные тени трех кораблей на поверхность океана, а на луну уже надвинулась грозовая туча.

— Леопард чует добычу! — шепнул Пью своему дружку Джекобу. — Будь я проклят, если он не ухитрится найти поживу и в чужой драке. Готовься к делу, старый кашалот! Наконец-то мы дождались настоящей работы!

Капитан Бернардито Луис эль Горра был опытным, отчаянно храбрым и беспощадно жестоким в бою пиратом. Быть может, во времена Кортеса или Писарро он записал бы свое имя в кровавые страницы истории

завоевания Мексики, Бразилии или Перу, но он родился в том веке, когда белые пятна на глобусе исчезали с быстротой тающего весной снега, а ост-индские, южно-африканские и прочие торговые компании, утвердив свою власть над захваченными заокеанскими владениями, разбойничали в них под сенью государственных законов своих стран.

Бернардито нашел, что превращение крови и пота колониальных рабов в золото — дело кляузное и не очень почтенное. Прибыльнее и проще извлекать это золото непосредственно из купеческих карманов! Его шхуна с горсточкой отчаянных головорезов, которые никогда не заглядывали в будущее дальше чем на два ближайших часа, причинила в водах Средиземного и соседних морей такой ущерб купеческим судам, что за поимку корсара Бернардито одновременно взялись английские, французские, испанские и турецкие власти, не считая частных мореходных компаний и одиночных морских охотников за призами.

От всех своих многочисленных преследователей, которые, несомненно, изловили бы смелого пирата, если бы могли действовать согласно друг с другом, Бернардито ловко ускользал и теперь, проскочив под самым носом шаривших рядом военных судов, вел свою шхуну в дальний индийский рейс.

Но в этот раз боги удачи, казалось, лишили одноглазого капитана своих милостей. Еще перед началом рейса он впервые за свою богатую событиями жизнь обнаружил на судне заговор против себя. Кто-то действовал среди команды осторожно и настойчиво. Обезвредив заговорщиков, капитан потерял самого преданного матроса — Фернандо Диаса. Бернардито догадывался, что тайной пружиной неудавшегося заговора был не кто иной, как его помощник Леопард Грелли, человек, принятый на борт «Черной стрелы» года три назад. Теперь, пользуясь болезнью капитана, Джакомо Грелли, по-видимому, выжидал только удобного случая, чтобы самому стать главарем шайки и капитаном «Стрелы».

Очнувшись в своей каюте от тяжелого забытья, Бернардито приподнялся на локте. В каюте никого не было. За окном виднелась лишь спина матроса у штурвального колеса.

Бернардито нажал кнопку в стене. Из открывшегося тайничка он вынул кожаный мешок и выложил на

одеяло более двух десятков замшевых футляров с драгоценными камнями. Пересчитав их, он убрал камни в мешок, закрыл тайник и позвал своего слугу. Никто не откликнулся.

— Грязные канальи! — пробормотал Бернардито сквозь зубы. — Педро! Где ты, Педро, сын свиньи и монаха! Ну погоди, я научу тебя орать «сакраменто»!

Но и великан Педро, телохранитель и слуга капитана, торчал на палубе, силясь разглядеть подробности сражения. Штурвальный тоже следил не за курсом, а глазел в сторону.

— Я приучу вас к порядку на корабле! — со злобой произнес Бернардито.

Он дотянулся до пистолета, висевшего у него в изголовье, и, не целясь, сбил выстрелом плетеный соломенный щиток с головы штурвального. На звук выстрела в каюту вбежал Леопард Грелли. Вместе с Педро он помог Одноглазому выбраться из каюты и подняться на мостик.

Выбравшись, капитан подкрепил себя глотком неразведенного ямайского рома и взял у Грелли трубу. От его единственного, но зоркого глаза не ускользнула ни одна подробность. События развернувшегося вдали боя, еще не понятые всей остальной командой, были им быстро разгаданы. Он догадался, что суда, замыкавшие англо-голландский караван, подверглись внезапному нападению двух вражеских — очевидно, французских или испанских — корветов, подкравшихся к ним под покровом низких предгрозовых туч.

Однако пушки сторожевых судов каравана успели открыть огонь и поджечь один из нападавших корветов. В завязавшейся затем артиллерийской дуэли запылали и два купеческих судна. Наконец уцелевшему корвету противника удалось все же отрезать от каравана одну английскую бригантину, которой пришлось изменить курс и спасаться бегством. Двигалась она как раз навстречу пиратской шхуне.

Потрепанный корвет, выйдя из боя, пустился преследовать добычу, но потерял скорость из-за поврежденных парусов. Когда мертвый предгрозовой штиль остановил оба судна, бригантина оказалась чуть ли не под боком у «Черной стрелы», но корвет далеко отстал от своей жертвы.

— Каррамба! Проваляйся я еще час — и добыча, которая сама идет нам в руки, была бы потеряна! —

заорал Бернардито.— Где были твои глаза, Грелли? Чего ждет чертов боцман, помесь старой обезьяны с кашалотом! Эй, люди! Спустить обе шлюпки! Посадить в каждую по двенадцать чертей — через полчаса они должны быть на бригантине. Грелли и Акула поведут эти шлюпки в бой. Остальным — убрать паруса и хорошенько закрепить пушки на палубе! Близится шторм, сто залпов боцману в поясницу! Торопитесь, дети горя!

Через несколько минут две шлюпки с вооруженными до зубов пиратами отвалили от шхуны и полетели к бригантине.

В это время Бернардито разглядел в трубу, что на корвете тоже спускают на воду три шлюпки. Очевидно, и капитан корвета решил атаковать бригантину. Но преимущество было на стороне людей Бернардито. Шлюпки «Черной стрелы», следуя в кильватере друг другу, уже прошли половину расстояния до бригантины.

Предгрозовой штиль, ровно катящиеся валы океанской мертвой зыби и далекое зарево, светившее нападающим, благоприятствовали атаке. Между тем шлюпки корвета еще только отвалили от борта своего корабля.

На бригантине, носившей имя «Офейра», заметили опасность, надвигавшуюся сразу с двух сторон. Две небольшие пушки, носовая и кормовая, составляли все вооружение этого корабля, пустившегося в далекое плавание под надежным конвоем. Когда шлюпка Грелли приблизилась к бригантине на один кабельтов, грянул орудийный выстрел и чугунное ядро зарылось в воду позади шлюпки.

Грелли повернул к центру правого борта судна, а боцман Боб Акула приготовился атаковать бригантину слева. Обе шлюпки оказались вне обстрела корабельных пушек, залп из ружей и пистолетов, произведенный защитниками бригантины, убил одного и ранил двух матросов Леопарда Грелли. У самого Леопарда пулей сорвало шляпу.

Вот и борт корабля! Абордажные крючья вонзились в дерево обшивки. По свисающим снастям порванного в бою такелажа [1] пираты Грелли мигом очутились на палубе. В то же мгновение через левый фальшборт, орудуя крючьями и веревочными лестницами, на

---

[1] *Такелаж* — совокупность всех снастей, служащих для управления парусами.

«Офейру» ворвалась шайка Боба Акулы. В короткой схватке первыми пали капитан и другие офицеры «Офейры». Команда, лишившись начальников, разбежалась под натиском свирепых головорезов. Матросы искали спасения в тайниках судна, ломились в запертые двери, падали под выстрелами и ударами ножей.

Тем временем три шлюпки с корвета приближались к захваченному пиратами судну. Робкий рассвет уже позволял различить, что их командир одет в форму французского офицера.

Грелли, стоя на мостике «Офейры», готовил пиратов к новому бою. По его приказанию они перетащили обе пушки на правый борт бригантины и зарядили их картечью. Когда ближайшая шлюпка французов подошла на полкабельтова, не ожидая встретить бортового пушечного огня, грянул залп, точно накрывший цель. Шлюпка мгновенно затонула. Повторный залп произвел страшное опустошение на второй шлюпке: стоявший на корме офицер и половина матросов были убиты.

Экипажу третьей шлюпки осталось лишь подобрать из воды раненых товарищей и отступить под градом ружейных и пистолетных пуль, которыми пираты осыпали французов.

Грелли и боцман с пистолетами в руках преградили своим матросам доступ к дверям кают и салона: нужно было сначала отбуксировать «Офейру» к шхуне, так как французы — противник, несомненно, более сильный, чем кучка пиратов, овладевших бригантиной, — могли возобновить нападение.

Но буксировать бригантину с помощью шлюпок уже не было нужды: подувший утренний ветер принес первые капли грозового ливня и вместе с тем наполнил паруса бригантины. Матросы бросились к реям, сам Грелли взялся за штурвал, наступив на спину убитому штурвальному. Через четверть часа бригантина под торжествующие крики пиратов, забывших и о корвете и о надвигающейся грозе, была пришвартована к грязному борту «Черной стрелы».

Морские разбойники, отбросив все предосторожности, ринулись с топорами к трюмам и каютам захваченного корабля...

Кают на бригантине было две: небольшая верхняя, рядом с помещением капитана, и просторная нижняя, расположенная в соседстве с маленьким, уютно обстав-

ленным салоном. «Офейра», очевидно, была оборудована для богатых пассажиров.

В верхней каюте, взломанной Бобом Акулой, не оказалось никого, зато нашлось много дорогой посуды, объемистых чемоданов и мужского платья. В помещении салона пираты нашли только четырех раненых матросов-индусов, которые тут же и были добиты.

Но когда Грелли, Рыжий Пью и Джекоб Скелет ударами топоров высадили дверь нижней каюты, из глубины ее грянул пистолетный выстрел. Пуля, оцарапав плечо Грелли, угодила в грудь Джекобу Скелету. Загораживая вход, он ничком свалился внутрь каюты.

Грелли выстрелил из двух пистолетов сразу и, переступив через труп, бросился в глубину каюты, наполнившейся едким пороховым дымом.

Навстречу пирату шагнул небольшого роста старик в завитом парике и старомодном камзоле с кружевным жабо и широкими брабантскими [1] манжетами. Старик отбросил дымящийся пистолет и, выхватив из ножен шпагу, направил ее в грудь пирату. Грелли был бы неминуемо проколот насквозь, если бы Рыжий Пью с порога каюты не разрядил своего тяжелого пистолета в голову старика. Старый джентльмен рухнул на пол. Подхватив его шпагу, Грелли отдернул ею парчовую занавеску, отделявшую заднюю часть каюты, и... замер в изумлении: на кружевном покрывале постели лежала без чувств красивая молодая девушка. Преграждая доступ к ее ложу, у постели стоял высокий молодой человек с орлиным носом и короткими бачками у висков. Он спокойно поднял пистолет и спустил курок, но выстрела не последовало. Оружие дало осечку, и это снова спасло Грелли жизнь.

Ударом шпаги Грелли пронзил молодому джентльмену плечо. Тот, отступив на шаг, сохранил равновесие и, схватив отказавший пистолет за ствол, нанес пирату сильный удар рукоятью по голове. Грелли пошатнулся и упал на руки подоспевшим ему на помощь разбойникам «Черной стрелы».

— Ради бога, прекратите сопротивление, мистер Райленд, — раздался голос, исходивший, казалось, из-под кровати. И действительно, под складками полога,

---

[1] *Брабант* — в XVIII веке провинция в Нидерландах, славился производством ручных кружев, изделия брабантских кружевниц ценятся и поныне.

у ног высокого защитника юной леди, показалась голова пожилого лысого толстяка, нашедшего прибежище под кроватью, к великому удивлению не только пиратов, но и самого молодого джентльмена.— Умоляю вас, прекратите бесполезное сражение, дражайший сэр Фредрик!

— Ваше поведение недостойно джентльмена, мистер Томас Мортон!— гневно крикнул молодой человек, названный сэром Фредриком Райлендом.

Из плеча его сочилась кровь, но он выхватил шпагу и бросился на пиратов. Однако Грелли успел уже оправиться. Кто-то сунул ему в руку заряженный пистолет. Выстрел сотряс стены каюты. Грелли увидел, как лицо джентльмена побелело и как он упал под ноги пиратам. Полдюжины подручных Леопарда, топча тело упавшего, кинулись к бесчувственной девушке, мгновенно завернули ее в одеяло и потащили в каюту Грелли на «Черной стреле». Туда же пираты поволокли насмерть перепуганного лысого толстяка...

Грелли, шатаясь, вышел вслед за пиратами. На мокрой палубе он ухватился за леерную стойку и оглядел горизонт. С севера надвигалась черная стена урагана. Ветер уже рвал снасти, и страшный ливень низвергался на крыши палубных надстроек бригантины. Швартовы удерживали ее у борта пиратской шхуны. Со шхуны на бригантину был уже перекинут узкий трапик.

В море, всего на расстоянии мили, виднелся французский корвет. На нем спешно убирали последние паруса...

* * *

...Было уже часов восемь утра, но ураганный шторм скрыл небеса и воды. Две стихии, воздух и океан, смешались в одну. Ничего нельзя было различить, все слилось в один сплошной гребень взвихренной волны.

Связанные друг с другом суда, бригантину «Офейра» и шхуну «Черная стрела», закружило и понесло, как яичные скорлупки в водопаде. Люди задыхались: дышать стало нечем, ветер был плотнее воды. Он не сметал, а сдвигал предметы, точно наступающая стена. Три мачты «Черной стрелы» обрушились на «Офейру», сломав ее палубные надстройки и спутав такелаж и рангоут обоих кораблей в беспорядочный узел. Палубная команда, попытавшаяся было разъединить корабли,

была смыта за борт исполинской волной; она обрушилась на оба судна с такой высоты, что на несколько мгновений погребла в пучине и шхуну и бригантину. Но жалкие скорлупки с забившимися в их недра живыми существами вынырнули на поверхность. Больше никто не пытался открывать люки, и суденышки оказались полностью предоставленными ветру и волнам.

Когда вихрь налетел, Грелли упал на палубе «Офейры». Ползком он добрался до люка и задраил его над своей головой в тот момент, когда на бригантину обрушились мачты «Черной стрелы». Джакомо, закрыв люк, оказался в полной темноте. От внезапного толчка он полетел куда-то в сторону, ударился головой о бимс и потерял сознание.

Но вот дрожь и скрежет всех частей корабля ослабели, и судно стало раскачиваться, как в обычную штормовую качку. Грелли, стряхнув вялость и оцепенение, поднялся на ноги. Двигался он с трудом, как тяжелобольной.

Внезапно рядом раздался не очень громкий, но для уха бывалого моряка поистине зловещий звук. Пол под ногами Грелли снова стал уходить и поднялся вертикально. Послышался шум и плеск воды. Джакомо опять покатился было в угол, но ухватился за трап, нащупал люк, распахнул его и очутился на палубе.

Был вечер 20 апреля. Море волновалось, но ураган уже пронесся дальше, швырнув под конец корабли на подводный риф. Корпус «Офейры» уцелел, а «Черная стрела» оказалась насаженной на подводную скалу, как цыпленок на вертел. Но и на «Офейре» дела обстояли плохо. Расшатанные внутренние переборки сдали, вода, набравшаяся в трюм, устремилась при наклоне в кормовую часть, и бригантина, давшая сильную осадку на корму, затонула бы, если бы спутанный такелаж не удержал ее у борта застрявшей на рифе шхуны.

На «Черной стреле» тоже начали показываться люди. Бернардито Луис, перегнувшись через борт, спросил у Грелли, в каком положении «Офейра». Грелли ответил односложно и стал рассматривать горизонт. Далеко, в шестидесяти-восьмидесяти милях, чуть виднелся горный пик, похожий на узкое темное облако. Вокруг кораблей летали буревестники и чайки. Близость суши ободрила пиратских главарей.

Положение «Черной стрелы» было безнадежно. Бернардито собрал команду и объявил ей свое решение:

перегрузить все имущество на «Офейру» и попытаться на бригантине достичь земли, виднеющейся на горизонте.

Пираты выбили дно из бочонка с вином, подкрепились ветчиной и черствыми сухарями, а затем принялись откачивать воду из трюмов «Офейры». Грузы они перетащили в носовую часть бригантины, выровняли дифферент [1], соорудили мачту и, свалив за борт сломанные мачты «Черной стрелы», разрубили спутанный такелаж. Теперь лишь узкий трап и два швартова служили для сообщения между судами.

Команда шхуны перетащила свои пожитки на «Офейру», и Бернардито, сопровождаемый Педро, последний раз пошел в обход по своему старому кораблю...

Пока наверху шли спасательные работы, матросы Рыжий Пью и Питер Жирный, прославившийся способностью выпивать без передышки ведро пива, заглянули в каюту Грелли на опустевшей шхуне. Молодая девушка лежала на низкой тахте, устланной грязным ковром; рядом, на полу, скорчился Томас Мортон.

Питер схватил Мортона за шиворот и встряхнул его так, что ноги калькуттского атерни на миг оторвались от пола. Затем, вытолкнув пинком Мортона из каюты, Питер подсел к девушке.

— Стой, жирный олух,— предостерег Пью своего товарища,— это добыча Леопарда.

— Мне наплевать на Леопарда,— проворчал Питер, которому остаток вина в бочонке придал необычайную храбрость.— А пока не мешай мне, Пью, полюбезничать с красоткой...

Неизвестно, что произошло бы дальше с девушкой, если бы сам грозный Бернардито не вошел в каюту. Рыжий Пью заметил знакомый ему кожаный мешочек, прицепленный к поясу капитана, и почел за благо убраться из ноля зрения Бернардито. Жирный Питер вскочил с чрезмерной быстротой, весьма удивительной при размерах его туловища.

Бернардито еще не видел пленницы и теперь вперил в нее свой сверлящий взгляд. Эмили невольно поднялась, почувствовала непреклонную волю и властность стоящего перед нею человека.

— Идите за мною,— приказал пират и повернулся к двери.

---

[1] *Дифферент* — разность осадки носа и кормы корабля.

Девушка сделала шаг вперед и пошатнулась. Педро, по знаку начальника, подхватил ее, как былинку, и понес вслед за капитаном.

Тем временем пираты на «Офейре» уже успели сбросить за борт тело мистера Натаниэля Гарди. В ту минуту, когда Педро, держа Эмили на руках, ступил на палубу бригантины, боцман Боб Акула и Леопард Грелли уже раскачивали над бортом бесчувственное тело сэра Фредрика Райленда. Эмили рванулась из рук Педро и кинулась к своему жениху. Пираты, державшие тело, опустили его на палубу.

Упав к нему на грудь, Эмили различила слабое биение сердца.

— Он жив! — закричала она.

И Бернардито, хмуро взглянув на Леопарда, велел оттащить раненого на корму. Превозмогая страшную слабость, озноб и головную боль, Эмили устроила больному постель и перевязала сквозную, запекшуюся рану под правой ключицей.

«Офейра» уже шла под двумя парусами к видневшейся земле, почернелый остов покинутой шхуны остался далеко позади.

Более суток добирались пираты до безымянного острова. Наступила ночь на 21 апреля. Судно обогнуло остров с запада. Среди скал и утесов не удалось обнаружить бухту, удобную для стоянки корабля. Прилив достиг наивысшего уровня, когда Бернардито приметил песчаную косу в северной части острова и решил посадить «Офейру» на мель, чтобы с отливом обнажить ее днище, дававшее сильную течь, и подготовить корабль к дальнейшему плаванию.

Грелли позвал Мортона в нижнюю каюту и потребовал бумаги, которые стряпчий держал при себе. Углубившись в эти документы весьма пристально, Джакомо время от времени задавал Мортону отрывистые вопросы, требуя дополнительных сведений о Райленде и мисс Гарди. В голове пирата стал складываться смелый план...

Грелли так задумался, что не слышал, как пираты подвели «Офейру» к берегу. Выйдя на палубу, он увидел в свете заходящей луны высокие прибрежные скалы, а под бушпритом — неширокую песчаную косу между двумя утесами. Волны прибоя с однообразным шелестом набегали на песок.

Отлив уже начался. Матросы вбили колья в песок

и вынесли два якоря. Зачаленная бригантина постепенно, с отходом воды, валилась на правый борт, обнажая поврежденное днище, и скоро целиком оказалась на отмели. Грелли не нашел на палубе ни девушки, ни раненого. Он заглянул в окно капитанской рубки. На койке в беспамятстве лежал мистер Райленд, Эмили спала в кресле, уткнув раскрасневшееся от лихорадки лицо в подушку. Она была явно больна. На полу расположился Мортон.

Капитан Бернардито, стоя на песке, осматривал судно. Шлюпка с двумя гребцами ожидала капитана, собравшегося обследовать побережье.

— Синьор Джакомо! — крикнул Бернардито. — Но судина требует починки. Едва ли нам удастся скоро убраться с этого острова. Я поищу более надежную стоянку; на отмели волны разобьют бригантину при первом шторме. Перенесите пока ценные грузы на берег и спрячьте их среди скал.

Бернардито сел в шлюпку и пустился вдоль побережья. Грелли поднял на ноги десятка два пиратов и выбрал небольшую расселину среди скал. Пираты перетащили туда ящики со слитками серебра, самоцветными камнями, с шелками и прочими товарами из трюмов «Офейры». Грелли определил их стоимость в десять-пятнадцать тысяч английских фунтов. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда перегрузка была закончена, и Грелли прилег отдохнуть в тени утесов. Пробуждение его было неожиданным...

Открыв глаза, Грелли удивился безмолвию, с каким работали пираты, заделывая днище. Никто не горланил песен, а ругательства произносились вполголоса. Бернардито уже вернулся, и шлюпка его была наполовину вытащена на песок.

— Эй, в чем дело, Бернардито? — громко спросил Леонард, стряхивая остатки сна. — Какого черта ты спешишь, будто на свадьбу любимой дочери?

Бернардито сделал Грелли знак говорить тише.

— На юго-востоке есть большая, хорошо скрытая бухта. В ней отстаивается французский корвет. Его, должно быть, тоже прибило ураганом к этим берегам. Нужно уходить, пока нас не заметили.

Не успел Бернардито договорить, как из-за утеса в нескольких кабельтовых от косы появился вражеский корвет. Две мачты из свежесрубленных стволов, непол-

ная парусная оснастка свидетельствовали, что и корвет был сильно потрепан бурей.

Пираты оказались в ловушке. Позади громоздились неприступные утесы, впереди — враг и море! Грелли оценил положение в считанные секунды. Спасение сулила только ночная темнота: под ее покровом нужно было уходить вплавь с предательской косы, чтобы скрыться в глубине острова. Бернардито уже стоял на борту и указывал людям их места в бою.

Обе небольшие пушки «Офейры» смело ураганом. Песчаная коса не давала укрытия. Крошечная площадка между скалами в основании косы представляла собой весьма неудобный плацдарм, но выбора не было.

Корвет некоторое время крейсировал в отдалении, затем приблизился. Его капитан давно заметил появление в водах острова знакомой бригантины, захваченной пиратами. Он удачно скрыл от пиратов свою засаду в бухте, приготовил в течение ночи корабль к бою и одновременно с выходом в море послал два десятка стрелков занять линию прибрежных утесов позади косы. Пираты, увидевшие перед собою корвет, не подозревали, что и в тылу у них французы заняли выгодную позицию; с вершины скалистого гребня солдаты могли обстреливать всю площадку под скалами.

Когда корвет подошел на расстояние полутора кабельтовых, он открыл бортовой залповый огонь картечью, ядрами и брандскугелями [1]. Бернардито упал с борта бригантины, и на косе поднялась паника. Слабо отстреливаясь, пираты прятались за корпусом «Офейры», но двадцать пушек, сосредоточенно бивших с короткой дистанции, изрешетили и зажгли корабль. Жар, искры и дым отогнали уцелевших пиратов к основанию косы. Тогда грянул дружный залп с вершины утесов. Пираты заметались между утесами и кораблем. Солдаты расстреливали их на выбор, методически и хладнокровно.

Корвет, на котором после урагана не уцелело ни одной шлюпки, не мог сразу высадить десант. Капитан решил дождаться прилива, чтобы подойти ближе к косе и высадить группу для осмотра места боя. Бригантина пылала. На косе, застланной дымом, стонали раненые. Время от времени раздавался выстрел с утеса, как только на площадке обнаруживалось малейшее движение.

---

[1] *Брандскугели* — зажигательные снаряды.

Бой начался, когда Джакомо находился под утесом, за небольшой каменной насыпью. Он вырыл руками углубление в песке и достал пистолет. В запасе у него был только один выстрел — все оружие и припасы остались на бригантине. Вокруг укрытия Грелли на разные голоса и лады свистели пули. Шлюпка Бернардито еще виднелась на песке. Два пирата, пытавшиеся столкнуть ее на воду, пали под выстрелами. Когда пираты стали кучками перебегать к утесам от горящего корабля, Грелли заметил движение на наклонной палубе бригантины. Из окна рубки показались голова девушки и лысый череп Мортона. Они тащили раненого, еще не пришедшего в сознание. Затем густой дым заволок палубу, и несколько минут Грелли ничего не мог разглядеть. Он стал искать глазами Бернардито и решил, что капитана убило одним из первых выстрелов.

Осматриваясь, Грелли заметил неподалеку небольшой куст в расселине скалы. Куст свешивался над водой. Вглядевшись, он рассмотрел позади куста, на обращенной к морю стороне утеса, маленькую пещеру. Одновременно ему послышался шорох впереди, и сквозь дым он увидел девушку и лысого толстяка, ползком волочивших по песку своего раненого спутника. Они тоже рассчитывали укрыться за каменной осыпью, но из-за камней навстречу им высунулся пистолет Грелли. Мортон спрятал голову в плечи и замер, а девушка последним усилием перетащила раненого через каменистый барьерчик. Мужество ее удивило даже Леопарда. Он показал ей глазами на пещеру за кустом.

— Там можно спастись, — сказал он.

Выступ скрывал пещеру и от стрелков и от пушек корвета. Но чтобы добраться до нее, нужно было преодолеть полоску суши, затем проплыть немного до скалы, а главное, подняться из воды на высоту шести-семи футов. Веревка, десять ярдов веревки — вот от чего зависело сохранение жизни!

С кинжалом в зубах Грелли пополз к пылающей бригантине. До корабля оставалось шагов пятьдесят. Попав в облако дыма, Грелли вскочил на ноги и побежал. Ноги его по щиколотку уходили в песок и морскую пену. Последний пушечный залп грянул в ту минуту, когда Грелли уже достиг бригантины. Он ничком бросился наземь. Как только снаряды взрыли песок, он поднял голову... и увидел перед собой капитана Бернардито, прижавшегося к песку в десятке шагов

от корабельного днища. Последний залп оглушил капитана, а взвихренный песок забил глаза; однако, пока Грелли смотрел на Бернардито, тот заворочался и пошевелил рукой, прочищая от песка свое единственное око. На поясе капитана висел кожаный мешок, хорошо известный Леопарду.

В один миг прошлое припомнилось Грелли. В памяти его воскрес залив Тирренского моря, утес, королевские егери, прыжок со скалы и спасение благодаря приходу судна с этим одноглазым капитаном. Но голос алчности оказался сильнее этих воспоминаний.

Бернардито приподнялся. Несколько секунд Грелли смотрел на его согнутую спину, примеряясь глазом к движению лопаток под рубахой. Взмах ножа — и тело старого пирата повалилось вперед. Вторым ударом Грелли распорол пояс и схватил мешок. Он был невелик и поместился за пазухой.

С бортов бригантины свисали обрывки парусных шкотов. Отрезав несколько ярдов бечевки, Леопард ползком вернулся к своему укрытию. За каменным барьерчиком уже лежал раненый, а девушка прижималась к его бесчувственному телу. Стрелки с утесов еще вели огонь по одиночным фигурам, метавшимся в дыму от одного утеса к другому.

— Вы умеете плавать? — спросил Грелли девушку.

— Я больна и не имею больше сил, — ответила она. — Его мне не удержать на воде, а без него я не поплыву. — Она показала на раненого.

— Я помогу вам, — сказал Грелли. — Следуйте за мной.

Он толкнул Мортона и приказал ему ползти к берегу, подождал, пока облако дыма скроет их, и потащил раненого к берегу. Мортон и девушка вошли по пояс в воду и поплыли. Грелли, поддерживая раненого, плыл за ними. За выступом скалы уже была тишина, пули не свистели. Эмили и Мортон держали на воде раненого, пока Грелли закидывал свое лассо на куст. Трижды конец с петлей падал в воду, на четвертый раз Грелли зацепил куст и стал карабкаться по утесу. Он добрался до пещеры. Места для четверых человек в ней было достаточно.

Леопард бросил веревку вниз и первым поднял в пещеру раненого. Затем он вытащил из воды Эмили и Мортона. В промозглой пещере зубы девушки застучали. Пальцы ее были холодны, как ледяные сосульки, а голо-

ва горела. Обессиленная, она замертво свалилась рядом с мокрым, неподвижным телом раненого. Тот открыл глаза, обвел всех бессмысленным взглядом, вздохнул и снова впал в беспамятство. У него тоже был сильный жар, и, по-видимому, оставалось не много шансов на выздоровление.

Все четверо улеглись на полу пещеры. Грелли вынул пулю из пистолета, подсушил отсыревший порох и перезарядил оружие...

Тем временем Бернардито Луис встал на колени в своей яме. Ножевой удар пришелся вскользь: видно, он был нацелен нетвердой рукой. Капитан успел различить, что убить его пытался не кто иной, как Леонард Грелли, овладевший и мешком с камнями. Прилив уже начался, и лодка Бернардито, закачавшись на воде, тихонько поплыла вдоль косы.

Стрельба прекратилась. Только горящее дерево бригантины трещало и рассыпалось. Искры и дым стало относить к убежищу Бернардито; оставаться здесь дольше стало невозможным.

Пиратский главарь лег ничком в воду и поплыл. Вынырнул он под лодкой. Придерживаясь одной рукой за корму, Бернардито стал отгонять лодку от берега, не показываясь из-за нее, будто пустую лодку гнало течение или ветер. Рану в спине жгла соленая вода, двигать левой рукой было больно. Но он плыл, уходя от берега все дальше.

Качавшуюся в отдалении шлюпку заметил еще один пират. Это был Педро Гомец, телохранитель и слуга Бернардито. Он сполз в воду и поплыл.

Но и капитан корвета обратил внимание на пустую лодку, в которой очень нуждался. Он приказал двум матросам раздеться и вплавь догнать ее. В этот миг пустая шлюпка поравнялась со скалой, где в пещере укрылся Грелли с пленниками. Грелли посмотрел вниз и увидел под утесом шлюпку, а за ее кормой — голову Бернардито. Мортон зажмурился, когда Грелли стал прицеливаться, положив ствол длинного пистолета на согнутую руку. При этом он чуть-чуть шевельнул куст, прикрывавший пещеру.

Бернардито поднял голову, заметил пещеру, пистолетное дуло и прищуренный глаз Джакомо Грелли. Капитан отпустил шлюпку и нырнул, уходя от выстрела...

Высокая вода прилива, подгоняемая попутным вет-

ром, уже заливала горящее дно бригантины. Волны плескались у обгорелых бортов, дым облаков стлался над водой, и туда, в эти облака дыма, устремился Бернардито. Из пещеры в скале раздался негромкий выстрел, и пловец пошел ко дну...

Два французских матроса, пустившихся вплавь, услышали выстрел Грелли, поймав шлюпку, они уселись в ней и стали вглядываться в очертание утесов, стараясь определить, откуда этот выстрел был сделан. Джакомо бросился ничком на дно пещеры, чтобы не обнаружить своего присутствия в тайнике. Поэтому он не видел, как вынырнувший было Педро снова погрузился на дно, схватил Бернардито за волосы и вытащил его.

Уже смеркалось. Шлюпка пристала к берегу, и оба матроса ступили на песчаную косу. Они не успели сделать и пяти шагов, как из-под остова судна выскочил широкоплечий гигант. Одного француза Педро ударил ножом, другого задушил. Волны унесли их тела в море, а Педро, уже в темноте, втащил своего капитана в шлюпку и быстрыми взмахами весел повел ее вокруг косы, затем вдоль берега, на восток.

Он держался вблизи береговых скал и не был замечен с корвета. Добравшись до маленькой бухточки, Педро оттолкнул сильно поврежденную и набравшую много воды шлюпку в море и, взвалив на плечи полумертвого Бернардито, выбрался с ним в лесную чащу. Он нашел брошенный солдатами, почти потухший костер, раздул головешку и в кустах развел огонь. При свете костра Педро осмотрел спину Бернардито, извлек с помощью ножа застрявшую под лопаткой пулю и, перевязав капитану обе раны, растянулся рядом с ним среди кустарников и заснул мертвым сном...

Высунувшись из пещеры, Леопард видел, как вражеский корвет подошел к косе. Человек двадцать матросов и один офицер уже в полной темноте добрались до берега вплавь. На берегу замелькал свет фонарей, два-три выстрела раздалось у подножия скал, затем все стихло.

Солдаты собрали все оружие пиратов и сбросили в море их мертвые тела. Офицер скомандовал возвращение на борт.

Леопарду было слышно, как на мостике корвета капитан отдал команду взять курс на ту же бухту, где он отстаивался утром. В свете взошедшей луны французы увидели на воде, уже по другую сторону косы, зло-

получную шлюпку, наполовину залитую водой. Все решили, что матросы, посланные перед наступлением темноты за этой лодкой, утонули.

Капитан предоставил ее волнам, и разбитое суденышко, ударившись о прибрежные камни, тихо погрузилось на дно.

Ночью корвет вернулся в крытую бухту. Его командир намеревался пополнить запас пресной воды и спешно закончить неотложный ремонт корабля. Капитан знал о мятежных настроениях своего экипажа, опасался, что продовольственного запаса может не хватить, и спешил поскорее добраться до берегов Африки...

* * *

...Оставив своих пленников в пещере, Грелли обмотал веревку вокруг пояса и спрыгнул в воду. Убедившись, что спрятанный в расселине скалы груз «Офейры» цел и что ни одного живого существа поблизости нет, Леопард растянулся на песке под утесом и проспал до утра. Наступал рассвет 22 апреля.

Обследовав место гибели всего экипажа «Черной стрелы» и не найдя ничего важного, Джакомо Грелли пересчитал алмазы в замшевых футлярах. Их было двадцать шесть штук. Он слышал, что стоимость их определяется в пятьдесят-шестьдесят тысяч фунтов.

Теперь он был богат, но в его голове крепко засела мысль о перевоплощении в британского дворянина. Это был не только единственный путь к спасению с острова — это была будущность!

Честолюбивые помыслы нередко возникали у Грелли. Часто он задумывался над тем, что даже крупное богатство не дало бы ему ни власти, ни влияния, ибо это было бы богатство в руках бездомного безымянного бродяги, всюду преследуемого законом. Тогда он проклинал своего отца и призывал на его голову все беды. Теперь представлялась возможность покрыть новым именем боль и стыд прежних унижений...

— Эсквайр Фредрик Райленд, виконт Чепсфильд, — пробормотал он. — Звучит недурно, и обстоятельства удивительно благоприятны. В Англии никто не знает наследника... Итак, прощай Леопард Грелли, бездомный Джакомо, приютский приемыш, контрабандист, солдат и разбойник, прощай! Ты остался с разбитым черепом на морском дне. С борта французского

корвета вскоре отдаст честь твоей могиле британский дворянин виконт Ченсфильд, который отправится в Англию и вступит в свои законные наследственные права. О, этот виконт сумеет при помощи этих камешков быстро приумножить родовые владения.

Разговаривая так с самим собою, Джакомо почувствовал голод. Французы не оставили на косе никаких припасов. Нужно было поторопиться! Далеко ли до проклятой бухты?

Грелли поднял топор, брошенный накануне пиратами. Он намеревался соорудить маленький плот из обломков «Офейры», чтобы добраться до корвета.

«Кстати, заодно покончу с теми, — подумал Грелли о пленниках. Мысль о том, чтобы использовать Мортона в качестве поверенного, еще не приходила ему в голову. — Жаль девчонки! Красивая и смелая, но несговорчивая и стоит у вас поперек пути, новый мистер Райленд!»

Бумаги и документы оставались в нагрудном мешке у атерни. Грелли добрался вплавь до скалы и позвал Мортона. Лысая голова тотчас показалась из-за куста. Он услужливо прикрепил веревку к корням и помог Леопарду взобраться в пещеру. Эмили с закрытыми глазами лежала на камнях. Под голову сэра Фредрика она положила несколько веток, сорванных с куста.

— Мортон, где документы этого человека? — спросил Грелли.

Атерни достал из-за пазухи бумажник.

— Теперь давай сюда весь твой мешок!

Трясущимися руками Мортон отцепил мешок и подал его пирату. При виде топора в руках Грелли Мортон на коленях подполз к нему. Слезы потекли по его бледному, одутловатому лицу.

— Зачем вам моя жизнь, драгоценнейший, дражайший, благороднейший мистер корсар? Сохраните мне ее, сэр, и не будет такой услуги, какую я не оказал бы вам, высокочтимый синьор!

— Хорошо! Если вздумаешь хитрить, я повешу тебя на твоих собственных кишках. Слушай меня, червяк! Мы отправимся с тобой в Англию. Уйдем мы отсюда на том самом корвете, что вчера уничтожил «Офейру». Я — плененный пиратами наследный виконт Ченсфильд, и ты в Бультоне введешь меня в мое наследство. Понял?

— Боже мой, благородный синьор, но что же будет с настоящим наследником?

Грелли в ярости замахнулся топором:

— Ах, с настоящим? Вот я тебе покажу сейчас настоящего наследника, судейская крыса!..

Раненый открыл глаза, но осмысленного выражения в них не было. Он не узнавал окружающих и не понимал страшной опасности. Девушка обхватила руками его голову и закрыла своим телом от пиратского топора. Грелли поймал ее за руку, отшвырнул к противоположной стенке и снова размахнулся. Девушка бросилась в ноги Леопарду. Она цеплялась за руку пирата и молила о пощаде. Грелли опустил топор.

— Ты помолвлена с ним?

— Да.

— Хочешь спасти ему жизнь?

— Да.

— Станешь ты моей женой?

— Нет.

— Тогда я убью его. Ты поняла мой замысел?

— Да. Вы хотите завладеть именем и имуществом сэра Фредрика Райленда.

— Правильно, крошка! И все, что может мне помешать, я должен убрать с дороги. Прежде всего — вот этого полумертвого. Отпусти мою руку.

— Мистер Грелли, сохраните ему жизнь! Я готова на все. Я готова назваться вашей женой, так же как Мортон — вашим атерни.

— Это другое дело. А чем вы докажете, что не собираетесь обмануть меня? Может, вы рассчитываете выдать меня командованию на корвете?

— У меня нет никаких доказательств, кроме моего честного слова. Хотите, я поклянусь вам? Только оставьте его в живых и дайте мне выходить его.

— Идет, синьорита! Пусть он дышит, ваш бывший жених. Но поправлять здоровье ему придется на этом уютном острове уже без вас. Мы отправляемся с вами в Ченсфильд. Бумаги я оставлю у себя. Теперь в путь, синьорита, и... прошу вас, обратитесь ко мне как следует! Что же вы молчите? Ну?

— Сэр Фредрик Райленд, я готова следовать за вами.

Когда Грелли спустил ноги, чтобы спрыгнуть в воду, он услышал стон. Обернувшись, он увидел, как Эмили припала к груди раненого.

Через два часа маленький плот подплыл к скале с пещерой. Усадив на плот Мортона, тоже близкого к обмороку, Грелли положил бесчувственные тела Эмили и сэра Фредрика на помост и веслом погнал плот вдоль берега.

К вечеру он достиг входа в пролив.

— Послушай, Эмили, — обратился пират к девушке, с трудом приведя ее в чувство, — я высажу вас обоих здесь, неподалеку от бухты. Французам я покажусь сначала вместе с Мортоном и передам им бумаги. Потом вернусь за тобой. Постарайся разбудить этого синьора и объяснить ему положение.

Не прошло и двух часов, как Грелли и Мортон возвратились. Оба держали небольшие свертки.

— Все обстоит прекрасно, — объяснил Грелли. — Послезавтра они снимаются с якоря. Меня встретили хорошо. Я обещал привезти тебя на корабль завтра вечером. Подкрепись этим ужином.

Вдвоем с Мортоном Грелли соорудил шалаш. С корвета он принес одеяло, котелок, еду и лекарство. Раненого уложили в шалаше.

Эмили, находившаяся сама на грани полной потери сил, не притронулась к еде. Она приготовила бульон для больного и поила его с ложечки. Ему полегчало. Он обвел всех осмысленным взором, слабо улыбнулся Эмили, повернулся на бок и заснул сном выздоравливающего.

Еще одни сутки Эмили провела около него, держась на ногах нечеловеческим напряжением сил. В ночь на 24 апреля корвет «Бургундия» готовился поднять паруса.

Раненый крепко спал в своем шалаше. Грелли принес ружье, запас пороха, некоторые инструменты и припасы. Он решил не будить раненого и велел Эмили писать записку.

На листке бумаги она коротко изложила свое соглашение с пиратом, дав понять, что брак с лжевиконтом будет только формальным. Когда записка была готова и положена поверх скарба, оставленного островитянину, Эмили склонилась над спящим. Без слов, с каменным лицом она приникла к его лбу.

К берегу бухты Грелли вынес ее на руках, ибо после молчаливого прощания с женихом Эмили окончательно обессилела. Уже укладывая в кормовой каюте «Бургундии» бесчувственную, пылающую жаром девушку,

Грелли по несомненным признакам на ее лице понял, что она больна оспой...

Ночью, когда судно шло на север, Грелли заметил, как Мортон делает какие-то записи в тетради, переплетенной в тисненую коричневую кожу. Леопард грубо вырвал тетрадь, прочел ее очень внимательно и, вырвав несколько страниц, написанных Мортоном последними, оставил эту тетрадь у себя. По прибытии на фрегате «Крестоносец» в Англию Грелли извлек тетрадь. В Ченсфильде, во вновь унаследованном кабинете, он посадил Мортона за своеобразный литературный труд...

— В этом дневнике вы можете вернуться к изложению фактов, начиная с плавания на борту «Бургундии», — сказал заказчик рукописи своему атерни и управляющему, — Первая часть вашего повествования, вплоть до схватки в каюте «Офейры», остается в неприкосновенности, но об острове не должно быть ни звука в этой тетради. И еще: не пишите, кем был на самом деле произведен поджог «Бургундии». Ведь каюту нашу подпалил я с помощью горевшей у нас лампы, столкнул ее на пол, перед тем как выпрыгнуть на плотик: мне было известно, что крюйт-камера находится рядом с каютой... Кстати, вычислением координат острова я тоже обязан капитану «Бургундии», мир его праху! Мой взрыв, несомненно, вознес его с мостика прямо на небеса!

И заказчик рукописи засмеялся своим характерным горловым смешком...

* * *

Лорд-адмирал Ченсфильд один бодрствовал в своем охотничьем кабинете. Шелест ветра в саду был слышен через каминную трубу. Издали, с бультонского тракта, неслись звуки почтового рожка. Завешенные окна пропускали мало утреннего света. Он бликами лежал на полу, оставляя внутренность покоя в полумраке. Этот слабый голубой отсвет из окна мешался с желтым блеском двух свечей на письменном столе. Полосы табачного дыма поэтому казались то сизыми, то изжелта-серыми. В кресле перед потухшим камином спал Мортон.

Осторожные шаги послышались в зале, примыкавшем к охотничьему кабинету. Милорд прислушался. Леди Райленд в легком ночном пеньюаре и чепце с лен-

тами без стука вошла в кабинет и с удивлением взглянула на спящего Мортона. Глаза старика были полураскрыты, как у мертвеца, и из-за полуопущенных ресниц виднелись белки с желтыми прожилками.

— Фредди, вы узнали что-нибудь о вашей дочери? — спросила графиня холодным и недовольным тоном, словно забота о наследнице была делом одного хозяина дома.

— Мне сейчас не до нее. Пройдет время — найду и накажу девчонку. Пора ее выдать замуж. Отдам ее за Уильяма Блентхилла. Придурковат, но покладист.

— Вы ничего не имеете сказать мне, мой друг?

— Приготовься к встрече гостя, Нелль. Генерал Хауэрстон может пожаловать с минуты на минуту. Дилижанс уже у «Веселого бульдога»... Помер наконец твой француз там, наверху?

— Фредди, я бы предпочла другой тон нашей беседы. Почему мистер Мортон здесь? Вы могли бы предупредить меня, по крайней мере, что здесь находится постороннее лицо... Видите, я не одета.

— Я не приглашал тебя сюда, Нелль.

Миледи, уязвленная невежливостью супруга, не нашла достойного ответа, закусила губу и повернулась к двери. В этот миг кто-то постучал настойчиво и резко. Человек за дверью, не ожидая приглашения, распахнул дверную стойку и переступил порог. Это был монах в черной сутане. Голову его скрывал поднятый капюшон, и по этой причине милорду представилось, будто рост патера Бенедикта заметно увеличился. Черноризец так низко наклонил голову, что хозяин дома не мог видеть его лица. Монах приблизился к столу, сжимая в кулаке какой-то маленький предмет. Не поднимая головы, он метнул взгляд из-под капюшона в сторону миледи. Рассерженная дама, уловив нетерпеливый жест супруга, вышла из кабинета и захлопнула дверь.

— Вы покончили с делом, падре? — спросил лорд Ченсфильд, поворачиваясь к монаху.

У того еще ниже опустился черный капюшон.

— Он уже мертв, — произнес монах глухо. — А эту ладанку я снял с его груди. — С этими словами монах подошел к окну и отдернул штору.

Яркий голубой свет залил комнату.

Лорд-адмирал схватил овальный золотой медальон. Тонкая золотая цепочка обвилась вокруг его пальцев.

С силой надавив на вделанный сбоку синий сапфир, он раскрыл медальон...

Два портрета на эмали, его собственный, слева, и... кудрявая головка Чарльза Райленда, маленького виконта Ченсфильда, глянули на него со створок медальона.

— Что это... что это такое? — хрипло выговорил владелец Ченсфильда.

— Это... расплата, Джакомо Грелли!

Только теперь голос монаха показался лжемилорду чужим и в то же время отдаленно знакомым. Лорд-адмирал вскочил и вцепился в капюшон сутаны мрачного собеседника...

Две сильные руки стиснули его запястья. Монах рывком откинул назад черное покрывало с головы. Серебряно-белые пряди его волос упали на отворот капюшона. Узкое морщинистое лицо наискось пересекала черная тряпица, прикрывая левый глаз человека в сутане. Сверлящее единственное око вперилось прямо в обезумевшие, как у дикой кошки, зрачки лжемилорда.

— Бернардито! — отступая, произнес владелец поместья. На миг его руки оказались свободными, и он упал бы навзничь мимо кресла, если бы черный гость не удержал его, схватив за кружевное жабо.

— Здорово, помощник! — раскатисто загремел голос человека в сутане, как некогда он гремел с мостика «Черной стрелы». — Вижу, ты будто и не рад встрече с капитаном?

— Будь ты... проклят, Одноглазый Дьявол! Уйди отсюда... Рассыпься... Сгинь в свою преисподнюю!..

— В преисподнюю ты хотел послать моего сына Диего, а отправил туда... своего Чарльза, гиена!

— Пусти меня, дьявол... Эй, люди! Сюда! Ко мне! На помощь!..

— Кого ты кличешь, Гиена Грелли? Уж не своих ли дружков, Черного Вудро и Джузеппе Лорано? Ты свернул им шеи на Терпин-бридже, хромой припадочный пес, и на помощь тебе они не подымутся из могилы... Стой, не вертись, помощник!.. От меня тебе не вырваться, моя хватка крепче!

— Пощады, синьор Бернардито! Пусти меня взглянуть на Чарльза, капитан! Пощады!..

— Поздно, Джакомо Грелли! Пощады проси у сатаны, кому продался и служил... Приспешники твои предали тебя так же, как ты сам предавал и убивал

их. Дочь твоя тоже мертва! Иезуит отравил ее за венецианские миллионы... Теперь пришел час и вашего пиратского лордства, каррамба! Генерал Хауэрстон держит тебя за глотку, и виселица тебе готова. Спасать тебя от нее больше некому, ад и молния! В твоем замке уже распоряжается генеральская свита!

Старый Мортон, разбуженный этой пиратской схваткой у стола, в ужасе наблюдал за двумя главарями «Черной стрелы». Едва черный гость произнес последние слова, Мортон услышал странный нарастающий звук, исходивший словно из глубины тигриного горла. Сам Бернардито непроизвольно отступил назад и отпустил жабо под горлом своего врага. Как раненный насмерть бык, пригнув голову, Джакомо Грелли рванулся вперед, едва не сбив Бернардито с ног. От страшного толчка плечом обе половины двери, чуть не сорванные с петель, распахнулись в зал. Со звериным воем, не разбирая ничего перед собой, хромой пират Леопард Грелли, бывший помощник с «Черной стрелы», ринулся в коридоры ченсфильдского замка.

Несколько человек уже выбежали из разных комнат, преследуя обезумевшего лжемилорда, но в сутолоке они потеряли его среди лабиринта коридоров и ходов. Он ускользнул от преследователей в неприметную дверцу подпольного коридора, который начинался под лестницей вестибюля и вел в подземелье замка.

Сбежавшиеся в вестибюль челядинцы и остальные преследователи услышали голос безумца уже из-под пола. Странные крики доносились оттуда, из глубины нижнего потайного коридора:

— Джузеппе! Вудро! Бейте королевских егерей! Осторожней с проволокой, Вудро! Подавай «Черную стрелу» к бухте, капитан! Я прыгну на борт с утеса...

Вдруг по всем закоулкам старого дома разнесся истерический женский вопль:

— Схватите, схватите его! Он бежит к пороховому складу под замком!

Кричала леди Райленд. С растрепанными волосами, в ночной одежде, она выбежала на площадку лестницы и опрометью бросилась к выходу. Кто-то схватил ее за руки и увлек назад, в вестибюль. Она билась, стонала и вырывалась с бешенством отчаяния, пыталась достичь выходной двери.

Внизу, под полом, гулко бухнул выстрел, за ним второй, третий...

СОДЕРЖАНИЕ

Рыцари флибустьерского моря (От составителя) 5
ГОМЕР. Одиссея. Перевод с древнегреческого В. Жуковского 7
А. ЭКСКВЕМЕЛИН. Пираты Америки. Перевод с голландского В. Аронова 8
Ж. БЛОН. Флибустьерское море. Перевод с французского А. Григорьева 72
В. ГЕТЕ. Фауст. Перевод с немецкого Б. Пастернака 100
Я. МАХОВСКИЙ. История морского пиратства. Перевод с польского В. Кона 101
Х. НОЙКИРХЕН. Пираты. Перевод с немецкого А. Сеферьянца 124
М. ЛЕРМОНТОВ. Корсар 142
М. РИД. Затерянные в океане. Перевод с английского Н. Аверьянова и Р. Миллер-Будницкой 143
Н. ГУМИЛЕВ. Капитаны 169
Р. САБАТИНИ. Хроника капитана Блада. Перевод с английского Т. Озерской 170
Удачи капитана Блада. Перевод с английского В. Тирдатова 215
П. КОГАН. Бригантина 273
Р. ШТИЛЬМАРК. Наследник из Калькутты . 274

---

* Произведения, вошедшие в сборник, публикуются в сокращении.

Литературно-художественное издание

Серия «Мир приключений»

ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ПИРАТОВ

Сборник

Публикуется по изданиям прошлых лет

Составитель Ю. РОЗВАДОВСКИЙ

Редактор *П. Шуф*
Художник *К. Ишин*
Художественный редактор *Н. Абдуллаев*
Технический редактор *Ж. Надирова*
Корректоры *З. Наджатова, Е. Чепурнова*

ИБ № 3117

Сдано в набор 20.12.91 г. Подписано в печать 18.03.92. Формат 84×108 1/32. Бумага офсет. газетная. Печать офсетная. Гарнитура «Обыкновенно новая». Усл. печ. л. 15.96. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч. изд. л. 15,73. Тираж 100.000. Договор 80—91. Заказ № 6515. Цена договорная.

Издательско-полиграфический концерн «Шарк».
г. Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ц 1200

КАМАЛАК